

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

2

2020

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	ДАНИЛОВ А. Н. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: a.danilov@tut.by
Заместитель главного редактора	РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Ответственный секретарь	ЩЕЛКОВА Т. В. – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: tanar2002@tut.by

- Бакиров В. С.** Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Генчель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Докторов Б.З. Независимый аналитик и консультант, США.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Макаллистер Иэн Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.
Мамедов А. К. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Семеньска-Жоховска Р. Институт социальных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Халман Л. Тилбургский университет, Тилбург, Нидерланды.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Цуленер П. Венский университет, Вена, Австрия.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **DANILOV A. N.**, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: a.danilov@tut.by
- Deputy editor-in-chief** **ROTMAN D. G.**, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: dgrotman@rambler.ru
- Executive secretary** **SHCHYOLKOVA T. V.**, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: tanar2002@tut.by

- Bakirov V. S.** Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Doktorov B. Z. Independent analyst and consultant, USA.
Karol A. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A. University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Lapina S. V. Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Makallister Ien Australian National University, Canberra, Australia.
Mamedov A. K. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Semen'ska-Zhokhovska R. Institute of Social Researches of the University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Simkhovich V. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Halman L. Tilburg University, Tilburg, Netherlands.
Herpfer K. University of Vienna, Vienna, Austria.
Zulehner P. M. University of Vienna, Vienna, Austria.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 001.32:[001.83+061.2](100)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ АКАДЕМИЙ НАУК: ОТ НАУЧНЫХ СОВЕТОВ К МЕЖДУНАРОДНЫМ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ КОНСОРЦИУМАМ

П. А. ВИТЯЗЬ¹⁾, В. К. ЩЕРБИН²⁾

¹⁾Президиум Национальной академии наук Беларуси, пр. Независимости, 66, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается история создания формальных и неформальных институциональных структур Международной ассоциации академий наук (МАН), в основе функционирования которых лежат технологические цепочки познания, характерные для традиционной дисциплинарной науки. Показываются отличия технологических цепочек познания от сложившихся в мировой экономике глобальных цепочек создания стоимости. Определяются перспективы совмещения цепочек указанных типов в рамках международных научно-технологических консорциумов, которые в большей мере соответствуют требованиям современной технауки. Обосновывается вывод о том, что создание на базе научных советов МАН ряда международных научно-технологических консорциумов позволит ассоциации получить стабильный источник дополнительного финансирования.

Ключевые слова: Международная ассоциация академий наук; институциональные структуры; знаниевые цепочки; стоимостные цепочки; научные советы; международные научно-технологические консорциумы.

Образец цитирования:

Витязь ПА, Щербин ВК. Институциональное развитие Международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:4–19. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-4-19>

For citation:

Vityaz PA, Shcherbin VK. The institutional development of International Association of Academies of Sciences: from scientific councils to international scientific-technological consortia. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:4–19. Russian. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-4-19>

Авторы:

Петр Александрович Витязь – академик НАН Беларуси, доктор технических наук; руководитель Аппарата НАН Беларуси.

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Authors:

Petr A. Vityaz, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (engineering), head of Staff of the National Academy of Sciences of Belarus.

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research. slavalex@mail.ru

THE INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ASSOCIATION OF ACADEMIES OF SCIENCES: FROM SCIENTIFIC COUNCILS TO INTERNATIONAL SCIENTIFIC-TECHNOLOGICAL CONSORTIA

P. A. VITYAZ^a, V. K. SHCHERBIN^b

^aNational Academy of Sciences of Belarus, 66 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220072, Belarus

^bThe Center for Systemic Analysis and Strategic Studies, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Akademičnaya Street, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: V. K. Shcherbin (slavalex@mail.ru)

The article considers the history of creation of formal and informal institutional structures of International Association of the Academies of sciences (IAAS) the functioning of which is based on the technological chains of cognition that are characteristic of traditional disciplinary science. The differences between the technological chains of cognition and the global value chains that have developed in the global economy are shown. The prospects of combining the chains of these types within the framework of international scientific and technological consortia, which are more consistent with the requirements of modern technoscience, are determined. The conclusion is substantiated that the creation of a number of international scientific-technological consortia on the basis of scientific councils of association will allow IAAS to receive a stable source of its additional financing.

Keywords: International Association of Academies of Sciences; institutional structures; knowledge chains; value chains; scientific councils; international scientific-technological consortia.

За свое более чем четвертьвековое существование Международная ассоциация академий наук (МАН) накопила большой опыт формирования самых разных по своему статусу институциональных меж-академических структур: **формальных**, утвержденных соответствующими законодательными актами (первым таким актом стал Указ Президента Укра-

ины от 25 мая № 252/94 «О Международной ассоциации академий наук» в соответствии с которым МАН признавалась международной неправительственной самоуправляемой организацией с размещением ее штаб-квартиры в Киеве), и **неформальных**, работающих как общественные организации на принципах самоорганизации и самоуправления.

Формальные институциональные структуры МАН

К числу формальных институциональных образований МАН можно отнести следующие научно-организационные структуры:

а) *институт полных членов Ассоциации*, объединяющий вошедшие в ее состав на протяжении 1993–2019 гг. национальные академии наук почти двух десятков стран мира: (Азербайджана, Армении, Беларуси, Вьетнама, Грузии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Молдовы, Монголии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины, Черногории);

б) *институт ассоциированных членов ассоциации*, объединяющий принятые на протяжении 1997–2019 гг. научные, научно-инвестиционные и научно-образовательные организации различной ведомственной принадлежности: Объединенный институт ядерных исследований (1997), Российский гуманитарный научный фонд (1999), Российский фонд фундаментальных исследований (1999), Московский физико-технический институт (2000), Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований (2000), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (2002), Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» (2009), Национальную академию аграрных наук Украины (2018), региональные академии наук Китая – Академию наук провинции Цзянси (2018), Академию наук про-

винции Хэйлуцзян, Академию наук провинции Шаньдун (2019) и Академию наук провинции Гуандун (2019). Руководители полных членов МАН входят по должности в состав высшего органа Ассоциации – Совета МАН, бессменным руководителем которого в течение почти четверти века с момента основания ассоциации был Президент НАН Украины академик НАН Украины и РАН Б. Е. Патон; в настоящее время руководителем Совета МАН является председатель Президиума НАН Беларуси академик НАН Беларуси В. Г. Гусаков, а Б. Е. Патон избран почетным руководителем МАН;

в) *институт научно-консультативных органов ассоциации*, объединявший в 1993–1998 гг. три комитета МАН (комитет по естественным наукам, комитет по гуманитарным и социальным наукам, комитет по информационному обеспечению академий наук – членов МАН), созданных в соответствии с постановлением Совета МАН от 17 декабря 1993 г. № 1 «Об основных принципах организации и деятельности комитета МАН» и прекративших свою деятельность согласно постановлению Совета МАН от 2 декабря 1998 г. № 77 «О комитетах МАН»;

г) *институт международных научных центров ассоциации*, объединяющий под эгидой МАН следующие научно-организационные структуры:

1) Международный научный центр на базе Физико-технического института имени А. Ф. Иоффе (Санкт-Петербург), созданный в соответствии с постановлением Совета МААН от 30 мая 1995 г. № 24; 2) Международный научно-технический центр по сварке и родственным технологиям на базе Межотраслевого научно-технического комплекса «Институт электросварки имени Е. О. Патона», соз-

данный согласно постановлению Совета МААН от 30 мая 1995 г. № 25; 3) Международный инновационный центр нанотехнологий СНГ в г. Дубне (Россия), созданный благодаря совместной инициативе Объединенного института ядерных исследований, Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» и МААН в апреле 2010 г.

Неформальные институциональные структуры МААН

К числу неформальных структур МААН, работающих как общественные организации на принципах самоорганизации и самоуправления, можно отнести созданные при ассоциации в 1995–2019 гг. научные советы и приравненные к последним по своему статусу институциональные структуры (союзы научных обществ и международных ассоциаций), анализу работы которых посвящен ряд предшествующих публикаций авторов данной статьи [1–3].

В институциональном плане неформальные структуры МААН столь же разнообразны, как и формальные институты ассоциации. В частности, в перечне неформальных структур МААН по количеству объединяемых им научно-организационных структур доминируют следующие формы организации советской и постсоветской науки:

1) *институт научных советов* (всего их 21), к числу которых относятся Научный совет по новым материалам (1995), Научный совет библиотек и информационных центров национальных академий наук (1996), Научный совет по фундаментальным географическим проблемам (1996), Научный совет по вопросам охраны интеллектуальной собственности и передачи технологий (1997); Научный совет по вычислительной математике (1998), Научный совет по книгоизданию и книжной культуре (2006), Научный совет по науковедению (2009), Научный совет по проблемам функциональных материалов электронной техники (2012), Научный совет ботанических садов стран СНГ (2012), Научный совет по геодезии и геофизике (2015), Научный совет по проблемам геологических опасностей (2015), Научный совет по изучению национального и культурного наследия и развития общества (2015), Научный совет по энергоэффективности и использованию возобновляемых источников энергии (2015), Научный совет МААН по проблемам развития академической науки (2018), Научный совет по биотехнологии и биоразнообразию (2018), Научный совет по космосу (2018), Научный совет по национальному природному достоянию (2018), Научный совет по нанотехнологиям и наноиндустрии (2018), Научный совет по нефтехимии (2019), Научный со-

вет по аграрным проблемам (2019), Научный совет по изучению региона Каспийского моря (2019). Планируется также создание ряда новых научных советов МААН;

2) *институт научных обществ*: Союз физиологических обществ стран СНГ, утвержденный постановлением Совета МААН от 3 декабря 2003 г. № 145;

3) *институт международных исследовательских союзов*: Международная ассоциация институтов истории стран СНГ, утвержденная постановлением Совета МААН от 23 ноября 2005 г. № 164.

К сожалению, все перечисленные выше формальные и неформальные институциональные структуры МААН были рождены в недрах традиционной дисциплинарной науки и в настоящее время представляют собой только начальные звенья технологической цепочки познания (ТЦП) [4], связывающей, как правило, три основных блока Национальной инновационной системы (НИС) любой развитой страны мира: а) *блок генерации (получения) знаний*, который включает в себя фундаментальную науку и прикладные исследования; б) *блок передачи знаний*, основу которого составляет образование, аккумулирующее новейшие научные знания и обеспечивающее их распространение через систему образовательных учреждений разного типа и уровня (государственных, коммерческих и др.); в) *блок реализации (коммерциализации) знаний*, который обеспечивает выпуск товаров и оказание услуг на основе полученных знаний [5, с. 191–193]. Без институциональных структур в составе МААН, обеспечивающих работу блока реализации (коммерциализации) знаний, редуцированная ТЦП, которая лежит в основе деятельности ассоциации не трансформируется в глобальную цепочку создания стоимости (ГЦСС), способную обеспечить дополнительное финансирование как самой МААН, так и входящих в ее состав полноправных и ассоциированных членов, а также научных советов МААН и приравненных к ним по своему статусу институциональных структур, которые без такого дополнительного финансирования вообще не могут полноценно работать.

Технологические цепочки познания и глобальные цепочки создания стоимости

О тесной взаимосвязи ТЦП и ГЦСС отечественные исследователи писали еще в начале 2000-х гг. В частности, украинский науковед В. П. Соловьев

отмечал жесткую зависимость между типом институциональных структур науки, участвующих в инновационном процессе, и их ролью в распре-

делении прибыли от продажи инновационного продукта: «Процесс инновационного развития можно классифицировать по виду соответствующей научной базы, выражаемой через определенные институциональные формы. Данная классификация достаточно проста. Можно утверждать, что по типу научной базы инновационные процессы замыкаются на академическую науку, на отраслевую и заводскую науку, на вузовскую науку, на инновационное предпринимательство как отдельных фирм, так и отдельных ученых и изобретателей. Каждому типу научной базы соответствует определенная целевая функция как часть целевой функции всей инновационной системы, определенная структура и механизмы финансирования НИОКР, определенное участие в распределении прибылей (или убытков) на конечном этапе реализации инновационного продукта» [6, с. 199].

В свою очередь, российский исследователь Т. Ф. Берестова описала различия в векторной направленности ТЦП и ГЦСС: «Различия между наукой и инновацией в экономическом ракурсе наиболее точно можно обозначить так: наука – когда вкладываются деньги в добычу нового знания; инновации – когда из знаний или посредством знаний добываются деньги» [7, с. 14].

Другие исследователи отмечают иные, структурно-содержательные, различия между указанными типами цепочек. Так, ТЦП совмещают в себе целый ряд других, более частных цепочек, таких как *инновационные цепочки* (совокупности процессов и событий инновационного характера), *собственно технологические цепочки* (совокупности технологий, карты технологических дорог и др.), *знаниевые цепочки* (совокупности различных типов знаний и организаций, их нарабатывающих), *производственные цепочки* (совокупности машин и механизмов, а также выполняемых ими операций), *кадровые цепочки* (совокупности специалистов и их компетенций) и т. д.

Основанием для объединения всех перечисленных выше типов цепочек в рамках ТЦП служит наличие у них ряда общих, универсальных характеристик, к числу которых можно отнести следующие:

а) подчеркнутый акцент на знаниевой составляющей таких цепочек;

б) линейная, одновекторная направленность таких цепочек;

в) монопрофильный характер различных звеньев созданных на основе традиционной дисциплинарной науки ТЦП. К примеру, если начальные звенья таких цепочек (знаниевое, кадровое, технологическое), как правило, не направлены на прибыль то их заключительные звенья (инновационное и производственное) обычно носят коммерческий характер и при достаточном уровне их

развития окупают расходы на обеспечение всех звеньев ТЦП.

Совсем иным набором характеристик обладают ГЦСС, используемые в мировой экономике. В частности, к числу общих характеристик всех ГЦСС можно отнести следующие:

- транснациональный характер таких цепочек, обусловленный тем, что главным их звеном, а точнее актором, являются международные транснациональные корпорации;

- вертикально интегрированная организация таких цепочек («Многие организационные методы, включая проектирование вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости и организацию системы “точно вовремя”, составляют коммерческую тайну» [8, с. 35]);

- нелинейная, многовекторная направленность ГЦСС, наличие обратных связей у отдельных их звеньев. К сожалению, в российской экономике, по свидетельству академика РАН С. Ю. Глазьева, «так и не сложились положительные обратные связи трансформации сбережений в инвестиции, знаний – в новые технологии, природных богатств – в конечную продукцию, обеспечивающие рост производства и богатства. Вместо них действовали процессы присвоения, перераспределения и использования созданного еще в советский период производственного потенциала, возможности эксплуатации которого почти исчерпаны» [9, с. 729];

- комплексный, многопрофильный характер знаниевой и научно-технологической составляющих ГЦСС, созданных в рамках современной технoнауки (определение последней см. в [10]);

- сетевая ориентация многих звеньев ГЦСС («Под влиянием четвертой промышленной революции (индустрии 4.0) глобальные цепочки создания стоимости преобразуются в адаптивные сети предприятий. Для того чтобы оставаться конкурентоспособными, компаниям необходимо встраиваться в них, что требует повышенной гибкости в плане реорганизации структуры бизнеса и портфеля компетенций» [11, с. 72]);

- наличие региональных особенностей у многих ГЦСС («Для Канады... подтвержден региональный характер цепочек создания стоимости в фармацевтической промышленности, где вклад Канады обеспечивается в первую очередь за счет взаимодействия с американскими партнерами. При этом доминирование фармкорпораций США не стало барьером на пути интеграции Канады в ГЦСС, о чем свидетельствует, в частности, рост добавленной стоимости, созданной за пределами НАФТА, в экспорте фармацевтической продукции Канады. В 2002–2014 гг. ее доля возросла с 8 до 15 %. Увеличился и вклад иностранной добавленной стоимости в фармацевтический экспорт из Канады в США. Таким образом, несмотря на наличие доми-

нирующего экономического партнера и связанные с ним риски сдерживания участия страны в ГЦСС, фармацевтическая промышленность Канады демонстрирует положительный опыт формирования, встраивания и поддержания собственной конкурентоспособности внутри ГЦСС» [12, с. 20]);

- стремление в рамках ГЦСС к «созданию стоимости на всех операциях, связанных с производством» конечной продукции» [13, с. 136].

Именно сложным, комплексным характером ГЦСС объясняется то, что в последнее десятилетие такие цепочки «стали объектом пристального внимания зарубежных и российских исследователей. Разнообразие тематики научных работ в данной области обусловлено, с одной стороны, неоднородностью процессов, влияющих на формирование и развитие ГЦСС, с другой – превращением самих ГЦСС в важный фактор изменений в мировой экономике» [12, с. 14]. В частности, сегодня ГЦСС оказывают реальное влияние даже на изменение существующих ТЦП.

Хотя в международной деятельности различных фирм и транснациональных корпораций «до недавнего времени ИиР (исследования и разработки. – П. В., В. Ш.) занимали одно из последних мест с точки зрения интернационализации в цепочках создания стоимости, поскольку в первую очередь за рубежом развивались производство, маркетинг и др. В основном фирмы вели исследования и разработки и патентовали их результаты в собственных странах. В то время как фирмы в основном продолжают размещать подразделения ИиР там же, где располагаются их головные офисы, многонациональные компании все чаще меняют способы инновационной деятельности, и это принципиально новое явление.

В частности, оно касается создания сетей исследовательских подразделений, распределенных по миру. Наблюдается более широкое рассеяние производственных цепочек и интернационализация производства, за которыми следует более активное размещение исследовательских структур в разных точках всего мира. Такая технологическая деятельность за рубежом имеет целью получение доступа к местным источникам знаний и новых технологий» [14, с. 37]. При этом «интернационализация ИиР идет не только через иностранные филиалы (будь то инвестиции в новые структуры или слияние/поглощение компаний), но также и через расширяющееся сотрудничество с другими фирмами и исследовательскими организациями. Во многих ситуациях компании начинают рассматривать международные исследовательские союзы как наилучший вариант. Используя сотрудничество и стратегические альянсы, ведущие международные технологические компании разрабатывают новые

решения, которые обеспечивают гибкую сетевую инфраструктуру центров передовых технологий. Создание совместных исследовательских структур позволяет компаниям объединить ресурсы и риск, а также уменьшить дублирование исследований.

Компании все чаще выполняют совместные исследовательские проекты, выбирая лучших партнеров, будь то другие фирмы или научные организации. Их поиск ведется в глобальном масштабе. Тенденцией в интернационализации ИиР является рост числа соглашений о сотрудничестве или альянсов между партнерами из различных стран, который начался с 80-х гг. прошлого века. Такого рода деятельность присуща в большей степени компаниям, представляющим наиболее развитые экономики, что обеспечивает международное распределение ресурсов на ИиР» [14, с. 39–40].

Таким образом, в последние годы все чаще происходит «пересечение цепей» (термин В. Н. Лифшица [15, с. 7]). Причем, как правило, отдельные, монопрофильные звенья ТЦП включаются в состав более комплексных, многопрофильных ГЦСС. Роль системного интегратора, осуществляющего такое «пересечение цепей» (ТЦП и ГЦСС), к примеру, в США выполняет самая крупная в мире НИС, в составе которой «по меньшей мере 40 тыс. научных и производящих научную продукцию или новые технологии организаций (в соответствии с данными статистики на 1999 г. научные исследования велись в 39 тыс. американских компаний). К ним относятся научные центры и лаборатории крупных корпораций, государственные центры и лаборатории, университетские исследовательские центры и тысячи мелких наукоемких компаний. Эти организации вместе с создавшими их корпорациями или государственными ведомствами представляют собой основу НИС и отражают весь комплекс национальных условий, в которых они существуют на территории страны» [16, с. 15].

Насколько значимым событием для США стало создание собственной НИС, показали итоги академического опроса в данной стране: «В конце прошлого столетия среди ученых Американской академии наук был проведен опрос относительно того, какое именно изобретение можно считать важнейшим изобретением XX столетия с точки зрения влияния на социально-экономическое развитие общества. Учитывая, что минувшее столетие было богатым на открытия (реактивная авиация, телевидение, ядерная энергетика, космос, интернет и др.), возникла широкая дискуссия, по итогам которой было решено, что наиболее значительным событием XX столетия было формирование национальной инновационной системы США как механизма, который обеспечил появление всех значимых открытий в экономике»¹ [17, с. 45].

¹Здесь и далее перевод наш. – П. В., В. Ш.

В научно-технической сфере стран Центральной и Восточной Европы (далее – ЦВЕ) такого мощного системного интегратора, как американская НИС, не оказалось, поскольку указанные страны «унаследовали от прошлого такие пережитки, как слабые связи между наукой и обществом, низкий уровень понимания науки обществом, слабое сотрудничество между наукой и производством, малые масштабы коммерциализации науки, почти полное отсутствие инфраструктуры и передачи научных знаний обществу. Далее, наука делилась на три обособленных сектора: вузы, академии наук, промышленные исследования и разработки» [18, с. 200].

Более того, в начале 1990-х гг., «устремившись за химерами утопических программ быстрого перехода к рыночной экономике, возможностями сказочного обогащения за счет присвоения государственного имущества и соблазном узурпации безграничной власти после ликвидации союзных контролирующих органов, руководители Российской Федерации и большинства других постсоветских республик бездумно уничтожили сложные

механизмы воспроизводства единого народнохозяйственного комплекса. Это повлекло стремительный распад сложных «цепочек» научно-технологической кооперации производственных предприятий, научно-исследовательских организаций, конструкторских бюро, учебных заведений. Научно-производственный потенциал подвергся быстрому разрушению, а экономика стремительно деградировала. Страну покинули миллионы высококвалифицированных специалистов, был вывезен капитал, совокупный объем которого оценивается более чем в триллион долларов» [9, с. 26].

В итоге, когда спустя годы наступил период возрождения полуразрушенных экономик бывших советских республик, всем постсоветским государствам в конце 1990-х – начале 2000-х гг. пришлось в ускоренном режиме создавать заново свои инновационные системы и инфраструктуры, а также лежащие в их основе ТЦП, решая при этом принципиально новую задачу встраивания вновь создаваемых ТЦП в ГЦСС, сложившиеся в мировой экономике.

Институты научно-инновационной деятельности в постсоветских странах

Справедливости ради стоит сказать о том, что еще в бывшем СССР обозначились новые формы связи науки и производства. В частности, белорусский науковед Г. А. Несветайлов в 1979 г. относил к их числу следующие виды научной помощи производству:

- бесплатные консультации ученых для производителей;
- заключение хозяйственных договоров между научными учреждениями и промышленными предприятиями;
- разработку планов совместных работ или долгосрочных договоров о сотрудничестве между институтами и заводами;
- подготовку совместных комплексных планов научных исследований и внедрения на уровне министерств и ведомств;
- образование учебно-научно-производственных объединений, которые одновременно ведут исследования, создают разработки и готовят кадры для науки и производства (к 1978 г. в Беларуси было 18 таких объединений);
- развитие заводского сектора науки;
- создание научно-технических комплексов, включающих в себя НИИ, конструкторские бюро и опытное производство, а иногда и опытный завод;
- создание научно-производственных объединений (к 1978 г. в СССР действовало 139 таких объединений, из них 5 – в Беларуси);
- создание специализированных внедренческих фирм [19, с. 52–62].

В начале 1990-х гг. к перечисленным выше интегрированным (научно-инновационным) институциональным образованиям добавились следующие организационные структуры:

- межотраслевые научно-технические комплексы;
 - научно-технические объединения;
 - крупные научно-инженерные центры (НИЦ);
 - малые научно-производственные предприятия;
 - консорциумы;
 - научно-промышленные ассоциации;
 - общества с ограниченной ответственностью;
 - консультационные (консалтинговые) инновационные фирмы;
 - временные проектные группы для решения конкретных проблем [20, с. 165–181].
- К середине 1990-х гг. из перечисленных выше научно-инновационных структур в постсоветских странах начали формироваться целостные инновационные инфраструктуры. По мнению белорусского экономиста Л. Н. Нехорошевой, такая инновационная инфраструктура в каждом постсоветском государстве должна включать в себя следующие взаимосвязанные элементы:
- 1) организационные структуры;
 - 2) финансово-кредитные институты;
 - 3) страховые компании и фирмы;
 - 4) информационные сети;
 - 5) систему сервисного обслуживания инновационных фирм;
 - 6) различные формы обучения предпринимательству в научно-технической сфере [21, с. 133].

В свою очередь, немецкие и украинские исследователи расширяли такую инновационную инфраструктуру за счет следующих организационных структур:

- технополиса;
- исследовательского (научного) парка;
- технологического парка;
- промышленного (грюндерского) парка;
- технологических и научных парков;
- инкубаторов бизнеса;
- инновационного центра [22, с. 70–80].

Наконец, в первые десятилетия XXI в. счет субъектам в составах национальных инновационных систем и инфраструктур пошел уже на сотни [23; 24, с. 114]. В процессе их изучения были выявлены и описаны принципиально новые институциональные структуры:

1) *институты инновационной деятельности* (научные системные интеграторы, технохабы, исследовательские и научно-технические спин-офф предприятия, стартапы, государственно-общественные инновационные корпорации, социально-предпринимательские корпорации, социально-научные сообщества, интеллектуальные самоуправляющиеся ассоциации, исследовательские ассоциации и др.) [25, с. 50–53];

2) *институты инновационного развития* (индустриальные парки, инновационные бизнес-инкубаторы, центры инноваций и трансфера технологий, центры коммерциализации интеллектуальной собственности; региональные центры науки, инноваций и информатизации, инновационно-технологические кластеры, инновационные технологические платформы, консалтинговые фирмы, венчурные фонды и др.) [26, с. 19];

3) *сети, связывающие исследователей и изобретателей с бизнесом* (сети «интеллектуального вызова», призванные формировать инновационные бизнес-модели, подобные *ContentNet* [27]; сети, именуемые «Эврика онлайн» [28]; сети, подобные американской *planeteureka.com* [29, с. 31];

4) *центры коммерциализации научно-технических разработок* (при Институте проблем химической физики РАН создан подобный центр, основная цель «которого состоит в организации процесса коммерциализации результатов НИОКР и реализации инновационной политики Института. <...> Новшествами в работе Центра, который, по сути, представляет собой отдел по продвижению технологий, являются проведение технологического аудита и выбор по его результатам технологий, имеющих коммерческий потенциал; разработка и введение норм по сохранению коммерческой тайны, а также правил по распределению лицензионных платежей» [30, с. 131]).

Изучение результатов деятельности «старых» и «новых» научно-инновационных структур

в постсоветских странах позволило сделать основополагающий вывод о том, что успех в коммерциализации результатов научных исследований определяется не количеством созданных субъектов научных систем и инновационных инфраструктур, а тем, насколько плотно они взаимосвязаны между собой и глубоко интегрированы в экономическую жизнь этих стран, а также в мировую экономику: «Сегодня нужен не просто количественный потенциал как сумма научных сотрудников и подразделений, а целенаправленный, гибкий, проблемно ориентированный, взаимосвязанный комплекс инновационных механизмов, включающих интеллектуальные, психологические, организационные, технические, экономические факторы. Первичный научный коллектив, а не учреждение, должен стать основным звеном новой структуры в науке. На уровне же научно-исследовательского учреждения принципиально важно создать не только все условия для плодотворного творческого процесса в первичной ячейке (отделе, секторе, группе), но и эффективную, эластичную по целям систему взаимодействия научных подразделений, необходимую для проведения крупномасштабных разработок (типа целевых программ)» [31, с. 178].

Именно этим объясняются повсеместные исследовательские попытки разработать модели макроэкономических систем научно-инновационного характера, которые коренным образом отличаются от привычных НИС.

В частности, в монографии российского исследователя В. В. Борисенко отдельная часть (глава 3.3. Проблемы создания в Российской Федерации инновационной социально-экономической системы – партнерства науки, рыночного сектора и государства, расширенного воспроизводства интеллектуального и человеческого капитала, защиты прав интеллектуальной собственности) посвящена вопросам разработки макроэкономической системы научно-инновационного характера [32, с. 151–192].

В свою очередь, по мнению авторов национального доклада «Інноваційна Україна – 2020», «одним из главных мировых трендов последних десятилетий в развитии инновационной деятельности стал переход от “линейной модели” управления инновационным циклом к “кооперативной” модели, которая получила название “тройной спирали”. <...> Ключевым направлением указанного процесса может быть усовершенствование существующей на национальном уровне системы лицензирования центров трансфера технологий при университетах в направлении скорейшего преобразования их в хозрасчетные бизнес-структуры, которые берут на себя функции управления инновационным циклом в “кооперативной” модели знаниевого треугольника *государство – университеты – промышленность*. Инфраструктурная поддержка такой управленче-

ской модели также может осуществляться на национальном и международном уровнях» [26, с. 163, 170].

Свою модель макроэкономической системы *наука – технологии – инновации*, отличающейся от традиционной НИС, предлагают и белорусские исследователи, которые посвятили данной проблеме уже несколько научно-практических конференций [33–35]. На наш взгляд, предлагаемая система работает на полную мощность в Беларуси и, возможно, в других постсоветских странах при реализации следующих условий:

1) если произойдет «активизация международного сотрудничества в научно-инновационной сфере. Здесь можно усилить кооперацию как с традиционными партнерами, так и использовать новые возможности, открывающиеся в связи с процессами евроинтеграции» [36, с. 299]. При этом, по мнению почетного руководителя МААН академика Б. Е. Патона, важно учесть тот факт, что «существенный вклад в развитие международного научного сотрудничества делают международные организации, которые являются, образно говоря, мостиками, соединяющими родственные сегменты национальных научных потенциалов» [37, с. 33];

2) если будет удачно определен тот ключевой субъект общенациональной системы *наука – технологии – инновации*, которому окажется по силам роль системного интегратора, совмещающего в своей деятельности ТЦП и ГЦСС.

На наш взгляд, в рамках МААН роль системного интегратора может выполнить такой тип научно-инновационной структуры, как *международный научно-технологический консорциум* (МНТК). По свидетельству научного сотрудника Финансового

университета при Правительстве Российской Федерации Ю. В. Евстафьевой, именно «научно-технологический консорциум является организационной формой объединения всех звеньев цепочки определения стоимости. Это делает возможным создание совместной предконкурентной разработки новых технологий. Продуктивность осуществления государственной поддержки и (или) направления государственных инвестиций объединенным в консорциум предприятиям и институтам, реализующим крупномасштабный проект (членам консорциума, решающим конкретные задачи в рамках единого проекта), выше, чем отдельным организациям, даже если предметное поле деятельности последних напрямую связано с инновационным развитием страны. Кроме того, научно-технологические консорциумы могут быть уполномочены осуществлять опережающее нормативное обеспечение: разработку и утверждение новых стандартов и регламентов в области их компетенции, а также разработку собственных профессиональных стандартов.

Взаимодействие в рамках консорциума позволяет научным организациям получать реальную прибыль от продажи продукции, в которой использована определенная научная разработка, в отличие от иных форматов, предполагающих получение научными организациями фиксированных платежей за передачу разработок. Именно такие форматы обуславливали то, что наука (в лице, например, научных организаций) не была напрямую заинтересована в производственном воплощении полученных результатов, а лишь в их продаже» [38, с. 37].

Исследовательские консорциумы ЕС и Российской Федерации в сфере науки и образования

Для начала рассмотрим существующие общеэкономические определения наиболее общего понятия «консорциум». В частности, в отечественной справочной литературе указанное понятие определяется следующим образом:

1. «...Консорциум (*consortium*) – временное соглашение между несколькими банками или промышленными предприятиями для совместного размещения займа или осуществления крупного промышленного проекта. Участниками консорциума бывают как частные фирмы, так и государственные учреждения; сохраняя свою самостоятельность, они подчиняются совместно выбранному руководству в той части деятельности, которая касается целей консорциума» [39, с. 109];

2. «Консорциум (от лат. *consortium* – соучастие, сообщество) – временное договорное соглашение независимых участников о совместной реализации проекта. Деятельность консорциума координирует его лидер, он же представляет интересы консор-

циума в пределах полученных полномочий. Внутри консорциума роли распределяются так, чтобы каждый его участник выполнял те виды работ (услуг), в которых он достиг наивысшего уровня» [40, с. 313];

3. «Консорциум – временный союз хозяйственно независимых фирм, целью которого могут быть разные виды их скоординированной предпринимательской деятельности чаще для совместной борьбы за получение заказов и их совместного исполнения» [41, с. 185];

4. «Консорциум – добровольное объединение организаций для решения конкретной задачи, реализации программ, осуществления крупного проекта. В консорциум могут входить предприятия и организации разных форм собственности, профиля и размера. Участники консорциума сохраняют свою полную хозяйственную самостоятельность и подчиняются совместно выбранному исполнительному органу в той части деятельности, которая

касается целей консорциума. После выполнения поставленной задачи консорциум распускается» [42, с. 249];

5. «Консорциум – временный союз хозяйственно независимых фирм, целью которого могут быть разные виды их скоординированной предпринимательской деятельности, чаще для совместной борьбы за получение заказов и их совместного исполнения. Организация консорциума оформляется соглашением. Действия участников координирует лидер консорциума, получающий за это отчисления от других членов. Консорциум всегда несет солидарную ответственность в пределах 8–10 % его доли в заказе, а суммы, превышающие эту величину, делятся между другими членами пропорционально доле их участия» [43, с. 251];

6. «Консорциум (*consortium*) – группа независимых компаний или финансовых организаций, которые заключают договор о совместной работе над определенным проектом (например, постройка энергетического комплекса или оказание ряда финансовых услуг). Каждое из предприятий, входящих в консорциум, вносит свой вклад в виде техники, технологий или финансовых вливаний. Цель формирования консорциума – устранение конкуренции между участниками либо объединение их возможностей, которыми не обладает каждая из компаний в отдельности. Многие поглощения компаний произошли внутри консорциума, чтобы реформировать какую-либо компанию и поделить ее активы между участниками консорциума. Чтобы получить статус консорциума, например в Великобритании, необходимым требованием является владение британскими компаниями не менее чем 75 % активов компании-консорциума. Доля каждой компании, участвующей в консорциуме, должна быть не менее 5 %, а сам консорциум должен быть британской компанией. Эти доли участия относятся к реальному (подлинному) владению акционерным капиталом консорциума» [44, с. 315–316];

7. «Консорциум – временное объединение крупных фирм в рамках межфирменной кооперации, предполагающее совместное финансирование, проведение стратегических НИОКР и разработку технологий и стандартов в течение определенного времени. Отличительными признаками такого объединения являются: 1) хозяйственная самостоятельность участников; 2) обязательное распространение результатов исследований и ноу-хау между участниками для дальнейшего производственного использования» [45, с. 75].

Кроме общеэкономических определений наиболее общего понятия «консорциум», к настоящему времени уже созданы примерные (либо модельные) положения об объединении на договорной основе (консорциуме) (см. [46; 47]). В обследованной нами научной литературе к настоящему времени пред-

ставлены уже и узкопрофильные, дисциплинарные определения различных типов консорциумов. Рассмотрим в первую очередь определения тех из них, которые работают в научно-технической сфере.

В частности, белорусский экономист В. И. Кудашов еще в 1993 г. дал следующее определение *научно-промышленным консорциумам*: «Консорциум представляет собой временное объединение двух или более партнеров на договорной основе для координации действий по реализации крупномасштабных проектов или достижению иного конечного результата. Консорциумы создаются, как правило, для объединения усилий, сосредоточения финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов нескольких партнеров на реализации конкретных проектов, выполнении инжиниринговых работ, оказании любого рода услуг. Такая форма совместной хозяйственной, в т. ч. внешнеэкономической, деятельности получила широкое распространение за рубежом еще в 60–70-е годы и теперь находит признание в странах СНГ. Члены консорциума как юридические лица сохраняют свою самостоятельность, подчиняясь лишь совместно избранному лидеру в той части деятельности, которая направлена на достижение целей, определенных договором. Преимущество данной организационной формы в том, что она позволяет на договорных условиях привлекать заинтересованные научные, конструкторские, производственные и другие организации для выполнения всего комплекса работ по созданию и реализации нововведений, используя при этом специальные знания и опыт» [20, с. 174–175].

Далее, в «Экономической энциклопедии» (1999) представлено описательное определение *исследовательских консорциумов*, которые «создаются в случаях, когда участники заинтересованы в получении результата, однако каждый из них в отдельности не может профинансировать работы в требуемом объеме из-за высокого риска и больших затрат. Исследовательские консорциумы тесно сотрудничают с учреждениями высшей школы технического профиля. Они проводят работы до получения результата, пригодного для последующей коммерциализации, после чего каждый из участников может использовать полученный результат для разработки, производства и реализации продукции под собственным товарным знаком. Финансирование консорциума осуществляется его участниками. Государство может выступать в качестве одного из участников консорциума (государственно-промышленного или государственно-исследовательского консорциума) в случаях, когда оно заинтересовано в использовании результата проекта в национальных, оборонных, энергетических и других программах либо для стимулирования проектов, за которые частный бизнес не берется

из-за высокой стоимости работ и риска. Финансовое участие государства в последнем случае может уменьшаться по мере приближения к возможности коммерческой реализации результата. При образовании консорциума может предусматриваться создание специальной компании в виде акционерного общества, учредителями которой являются участники консорциума» [40, с. 313–314].

Наконец, в статье российских экономистов М. В. Сиговой и С. А. Банникова, посвященной международным научно-образовательным консорциумам, такого рода консорциум определяется как «метапредприятие, объединяющее цели, возможности, технологии, интеллектуальную собственность, традиции и опыт нескольких предприятий при разработке сложных международных инновационных (научно-исследовательских) проектов для последующего производства продукции мирового уровня или продукции, не имеющей аналогов в мире. Выделяются консорциумы двух типов – открытые и закрытые. В закрытом консорциуме компания-заказчик заключает контракт с каждым участником в отдельности; открытый консорциум подразумевает, что все его участники подчиняются лидеру в части, касающейся целей объединения, и несут солидарную ответственность по обязательствам консорциума» [48, с. 115].

В то же время, по мнению Ю. В. Евстафьевой, сегодня «понятие “научно-технологический консорциум” не имеет общепринятой и нормативно закрепленной дефиниции. Чаще всего этим понятием обозначают коллективное взаимодействие (с объединением ресурсов) образовательных и научно-исследовательских организаций, институтов развития, производственных и финансовых предприятий, институтов государства и иных заинтересованных сторон в целях реализации крупных комплексных проектов инновационного научно-технологического характера.

В литературе выделяют технологические, инновационные, инженерно-производственные, проектные, стратегические, целевые и другие консорциумы. Если речь идет о разработке, производстве, последующем выведении на рынок (создании рынка) высокотехнологичной продукции совместно производственными и научными организациями, то такие консорциумы эквивалентны научно-технологическим, а различные формулировки являются следствием терминологического плюрализма, отсутствия закрепленного в нормативно-правовом поле варианта или желания акцентировать определенный аспект в совместной деятельности» [38, с. 35–36].

О том, что современная ситуация с консорциумами различных типов обстоит именно так, свидетельствует их многокритериальная классификация, построенная российским юристом Д. О. Бирюко-

вым. Обобщая практику создания различного типа консорциумов, он выделил следующие критерии их классификации:

1) *в зависимости от цели создания*: а) инвестиционные; б) банковские и финансовые (синдикаты); в) промышленные; г) некоммерческие;

2) *по способу образования*: а) договорные; б) образованные как новое юридическое лицо;

3) *в зависимости от государственной (территориальной) принадлежности участников*: а) отечественные, состоящие из представителей одного государства; б) международные, включающие представителей разных государств [49, с. 119–120].

Похожая многокритериальная классификация консорциумов различных типов (по сферам функционирования, срокам действия и составу участников) представлена в «Большой Российской энциклопедии», где выделяются банковские (финансовые), торговые, промышленные, инвестиционные, исследовательские и прочие консорциумы [50, с. 81].

В условиях отмеченной выше понятийно-терминологической неопределенности единственным способом, позволяющим установить ключевые характеристики современных МНТК, является изучение и обобщение накопленного международного опыта в области формирования консорциумов указанного типа. В частности, наше исследование показало, что наибольший опыт создания исследовательских и научно-технологических консорциумов накоплен в самых развитых странах Западной Европы и России.

Что касается западных исследовательских и научно-технологических консорциумов, то первые из них появились еще в середине XX в. К примеру, российский исследователь И. В. Олейников описывает результаты работы Европейского консорциума политических исследований, который «был основан в 1970 г. как независимая исследовательская организация, поддерживающая исследования, подготовку и международное сотрудничество специалистов в области политических наук в Европе и мире. Штаб-квартира располагается в Университете Эссекса (Великобритания)» [51, с. 261]. В свою очередь, британский исследователь Ф. Гринэвэй, автор книги «Science international. A history of the International Council of Scientific Unions» (1996), в числе других международных научных организаций описывает и деятельность Консорциума по международной информационной сети наук о земле (*Consortium for International Earth Science Information Network*) [52, р. 229–230]. Из доклада руководителя одного из научных подразделений ЮНЕСКО П. Лассера можно узнать о том, что «ЮНЕСКО поддержало Консорциум высшего образования, сельского хозяйства и смежных наук в третьем тысячелетии. <...> Данный консорциум способен реформировать высшее

образование во всемирных масштабах; мировой рынок от этого во многом выиграет из-за усиления внимания к безопасности продуктов питания при биорегиональном подходе к управлению едиными экосистемами» [53, с. 47–48].

Новым стимулом формирования МНТК в странах ЕС и ЦВЕ стала практическая реализация инициативы Европейской комиссии по формированию общеевропейского научного пространства путем реализации ряда рамочных программ ЕС для исследований, общее финансирование которых постоянно возрастает [54, с. 37–38]. Достаточно сказать что, если бюджет Рамочной программы ЕС для исследований на 2002–2006 гг. составлял 17,5 млрд евро, то бюджет Восьмой рамочной программы ЕС «Горизонт-2020» на 2014–2020 гг. приблизился к 80 млрд евро, что делает ее «крупнейшей за всю историю Европейского союза программой поддержки науки и инноваций и одной из самых дорогих программ государственной поддержки науки в мире» [55, с. 4].

При этом научные проекты в указанных рамочных программах ЕС, как правило, «являются партнерскими, т. е. выполняются *международным консорциумом партнеров*. Консорциум должен насчитывать как минимум три организации из трех различных стран ЕС или ассоциированных к “Горизонту-2020” стран (АС) – особой группы “третьих” стран, которые вносят страновой финансовый взнос в бюджет Программы. <...> На практике, однако, консорциумы гораздо более многочисленны.

“Горизонт-2020” открыт для участия всех “третьих” стран, т. е. практически для всего мира. Партнеры из “третьих” стран участвуют в консорциуме дополнительно к минимально необходимому числу партнеров из ЕС/АС. При этом в отношении финансирования “третьих” стран Еврокомиссия использует дифференцированный подход.

Согласно Стратегии международного сотрудничества ЕС в сфере науки и инноваций, принятой в 2012 г. (под “международным” понимается сотрудничество со странами, не являющимися членами ЕС; сотрудничество в рамках ЕС называется «внутриевропейским»), *партнеры из развивающихся стран и стран-соседей (Беларусь) финансируются автоматически*, а организации из индустриально развитых стран (США, Канада, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия), а также из Бразилии, России, Индии, Китая, Мексики и некоторых других стран, как правило, приглашаются к участию в проектах за собственные средства. С этими государствами ЕС намерен сотрудничать в двустороннем формате на основе долгосрочных дорожных карт и на принципах равенства и взаимной выгоды, что подразумевает софинансирование странами-партнерами совместной деятельности

и допуск ученых из ЕС в их национальных программах» [55, с. 9–10].

К примеру, «как и многие другие страны, не входящие в состав Евросоюза, Беларусь участвует в рамочных программах уже более 10 лет. В предыдущей, Седьмой рамочной программе (2007–2013) научные коллективы из Беларуси участвовали в 64 проектах с бюджетом для белорусской стороны около 5 млн евро. Часть из этих проектов еще не завершена. <...> По результатам независимой экспертизы к финансированию рекомендована каждая пятая заявка, поданная с участием отечественных ученых. Наиболее успешные для нас направления – информационные и коммуникационные технологии, нанонауки и новые материалы, медицина, социология» [55, с. 4]. Поэтому полностью обоснованным является утверждение белорусского философа И. Левяша о том, что «Беларусь интересует ЕС не как источник сырья, а как *технологический партнер*. В режиме доверия и сотрудничества с этой восходящей структурой мобилизация наших предпосылок вполне способна превратить республику в анклав высоких технологий и емкий рынок. Такая динамика могла бы существенно усилить нашу позицию в сближении с Россией и, кстати, умерить американские аппетиты в Центральной Европе» [56, с. 25].

В свою очередь, российские исследовательские и научно-технологические консорциумы, как правило, рассматриваются наряду с другими «кооперационными» научно-производственными структурами: «Кооперацию в сфере НИОКР (межфирменные исследовательские, технологические консорциумы, союзы, ассоциации, альянсы, проекты, клубы, общественные академии), прежде всего, следует развивать в наукоемких областях (в таких, например, как электронная промышленность, биотехнология, информационные технологии и т. д.)» [57, с. 622]. Более того, по мнению Ю. В. Евстафьевой, «что касается собственно научно-технологических консорциумов, то эта более узкая тематика крайне слабо представлена в современной отечественной научной литературе» [38, с. 35].

Однако редакция «Российского экономического журнала» не согласна с таким мнением, поскольку «в 1990–2010-х годах в “Российском экономическом журнале” и в концептуально близком журнале “Менеджмент и бизнес-администрирование” были опубликованы десятки статей, в которых специально, в значительной мере или хотя бы “по касательной” затрагивался вопрос об инновационно ориентированных сетевых интегрированных корпорациях. Имеются в виду публикации Ю. В. Винслава, В. Е. Дементьева, Ю. В. Якутина, А. Н. Лунькина, Е. А. Карпухиной и других исследователей процессов утверждения в постсоветской России различных форм интегрированных корпоратив-

ных структур... В том числе – структур наиболее “мягких” (т. е. основанных не на акционерном соучредительстве, а на договорных началах), включая партнерства, стратегические альянсы, пулы, консорциумы, сетевые финансово-промышленные группы» [58, с. 35].

Список публикаций о российских (с активным российским участием) исследовательских и научно-технологических консорциумах резко возрастет, если, помимо указанных выше двух российских экономических журналов, учесть еще и другие периодические издания (см., к примеру, опубликованное в 2017 г. приложение к журналу «Международная жизнь», в котором представлены 7 докладов участников XIV Научной конференции Международного исследовательского консорциу-

ма информационной безопасности [59, с. 43–70] и статью А. О. Четверикова в журнале «Lex Russica» [60, с. 141–150]), а также еще более многочисленные электронные статьи о российских МНТК в Рунете. В частности, только о Консорциуме по развитию квантовых технологий, созданном по инициативе Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики на базе физического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, можно найти несколько десятков электронных статей (например, [61–64]). Кстати, в состав данного консорциума, наряду с дюжиной российских университетов, НИИ, НИЦ и ООО, вошел также Институт физики имени Б. И. Степанова НАН Беларуси [61, с. 2].

Заключение

Проведенное выше рассмотрение перспектив институционального развития межакадемического сотрудничества позволяет нам сделать ряд выводов.

1. Существующие формальные и неформальные институциональные структуры МААН успешно работают, опираясь на технологические цепочки познания, характерные для традиционной дисциплинарной науки.

2. Развитие в последние годы новой формы организации мировой науки – технонауки, опирающейся не только на технологические цепочки познания, но и на глобальные цепочки создания стоимости, – с необходимостью предполагает формирование

в институциональной системе МААН принципиально новых институциональных структур, учитывающих возможности современной технонауки.

3. В качестве новейших институциональных структур МААН предлагается на базе существующих научных советов ассоциации формировать международные научно-технологические консорциумы, которые могут стать стабильным источником ее дополнительного финансирования, тем более что в инициативном порядке такие международные научно-технологические консорциумы с участием полноправных и ассоциированных членов МААН уже давно формируются и активно работают на постсоветском пространстве.

Библиографические ссылки

1. Витязь ПА, Щербин ВК. Научные советы при Международной ассоциации академий наук как форма самоорганизации отраслей научных знаний. *Наука та наукознавство*. 2018;2:91–110.
2. Щербин ВК. Научные советы МААН как перспективная форма организации межакадемических исследований. В: Коршунов ГП, редактор. *Белорусская наука в условиях модернизации. Материалы международной научно-практической конференции; 20–21 сентября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: СтройМедиаПроект; 2018. с. 38–42.
3. Щербин ВК. Деятельность и перспективы развития научных советов МААН. В: Гусаков ВГ, редактор. *Международное сотрудничество академий наук. 25 лет*. Минск: Беларуская навука; 2018. с. 228–322.
4. Щербин ВК. О категориальном анализе технологических цепочек познания. *Наука та наукознавство*. 2019;4:24–36. DOI: 10.15407/sofs2019.04.024.
5. Иванов ВВ. *Инновационная парадигма XXI*. Москва: Наука; 2015. 383 с.
6. Соловьев ВП. Методологические проблемы трансфера технологий и передачи знаний. В: Оноприенко ВИ, редактор. *Методологические вопросы науковедения*. Киев: УкрИНТЭИ; 2001. с. 195–226.
7. Берестова ТФ. Инновационная деятельность в вузе культуры: разберемся с понятиями. *Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы*. 2009;4:12–16.
8. Губанов СС. Беларусь: системный выбор в условиях попытки либерального реванша. *Новая экономика*. 2009;5–6:27–36.
9. Глазьев СЮ. *Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах*. Москва: Книжный мир; 2018. 768 с.
10. Витязь ПА, Щербин ВК. Современная технонаука: механизм функционирования и организационные отличия. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;2:66–78.
11. Гётц М. Потенциал кластеров по формированию востребованных компетенций и развитию гибкости компаний. *Форсайт*. 2019;13(2):72–83.
12. Ключко ОА, Мануйлов ИА. Фарминдустрия Канады в глобальных цепочках создания стоимости: влияние доминирующего партнера. *Мировая экономика и международные отношения*. 2019;63(4):14–21. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-14-21.

13. Цепочка создания стоимости. В: ООН, Конференция по торговле и развитию. *Создание условий, способствующих повышению конкурентоспособности и эффективности национальных инновационных систем. Уроки опыта стран – членов ЕЭК ООН*. Нью-Йорк: ООН; 2007. с. 136.
14. Семенова НН. Наука как фактор глобализации. В: Аллахвердян АГ, Семенова НН, Юревич АВ, редакторы. *Наука в условиях глобализации*. Москва: Логос; 2009. с. 16–51.
15. Лифшиц ВН. *Основы системного мышления и системного анализа*. Москва: Институт экономики РАН; 2013. 54 с.
16. Иванова НИ. *Национальные инновационные системы*. Москва: Наука; 2002. 244 с.
17. Федулова ЛЛ. *Інноваційний розвиток економіки: модель, система управління, державна політика*. Федулова ЛЛ, редактор. Київ: Основа; 2005. 552 с.
18. Ясинский АН. Коммуникации между академической наукой и обществом: роль общественных связей. В: Патон БЕ, Садовничий ВА, научные руководители. *Интеграция науки и образования – ключевой фактор построения общества, основанного на знаниях; 25–27 октября 2007 г.; Киев, Украина*. Киев: Феникс; 2008. с. 200–202.
19. Несветайлов ГА. *Наука и ее эффективность*. Дронов ФА, редактор. Минск: Наука и техника; 1979. 112 с.
20. Кудашов ВИ. *Научно-технические нововведения. Организационно-экономический механизм управления в условиях перехода к рынку*. Минск: Университетское; 1993. 232 с.
21. Нехорошева ЛН. *Научно-технологическое развитие и рынок: регулирование, венчурная деятельность, инфраструктура*. Минск: БГЭУ; 1996. 212 с.
22. Соловьев ВП. *Избранные вопросы современного инновационного менеджмента для малых и средних предприятий*. Мюллер Р, Соловьев ВП, редакторы. Киев: ДЕМІУР; 2000. 284 с.
23. Щербин ВК. *Инфраструктурные составляющие инновационной экономики*. Дедков СМ, редактор. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2010. 312 с.
24. Ленчук ЕБ, Паньшин БН, Власкин ГА, Волошин ВИ, Кратенок ВЕ, Стефанин АЛ. *Внешнеэкономический фактор в стратегии инновационного развития России и Беларуси*. Войтов ИВ, редактор. Минск: БелИСА; 2012. 288 с.
25. Щербин ВК. Новые институты инновационной деятельности. *Наука и инновации*. 2011;6:50–53.
26. Геец ВМ, редактор. *Інноваційна Україна 2020: національна доповідь*. Київ: НАН України; 2015. 336 с.
27. Кордейро А. Эврика онлайн. *Ведомости*. 24 апреля 2008.
28. Ушаев ИГ, Ратушин Ю, Тарасов ВИ. Понятие экономической свободы в информационных сообществах. *Проблемы теории и практики управления*. 2008;3:40–51.
29. Мясникова ЛА. Интеллектуализация сетей социального капитала. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009;2:29–31.
30. Дежина ИГ, Салтыков БГ. *Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок*. Москва: ИЭПП; 2004. 152 с.
31. Шимов ВН, Крюков ЛМ. *Инновационное развитие экономики Беларуси: движущие силы и национальные приоритеты*. Минск: БГЭУ; 2014. 199 с.
32. Борисенко ВВ. *Наука и рыночные отношения в информационном обществе: социально-философский анализ*. В: Кулькин АМ, редактор. Москва: Наука; 2008. 246 с.
33. Гончаров ВВ, редактор. *Система «наука – технологии – инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции; 1 декабря 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2016. 541 с.
34. Гончаров ВВ, редактор. *Система «наука – технологии – инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции; 26–27 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2017. 578 с.
35. Гончаров ВВ, редактор. *Система «наука – технологии – инновации»: методология, опыт, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции; 20–21 сентября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси; 2018. 630 с.
36. Егоров ИЮ. *Наука и инновации в процессах социально-экономического развития*. Киев: ИВЦ Госкомстата Украины; 2006. 335 с.
37. Патон БЕ. Наука стран с переходной экономикой на пути к общеевропейскому научно-технологическому пространству. В: *Роль международных организаций в развитии общеевропейского научно-технологического пространства. Материалы международного симпозиума; 22–25 сентября 2001 г.; Киев, Украина*. Киев: НАН Украины; 2002. с. 31–34.
38. Евстафьева ЮВ. К становлению научно-технологических консорциумов в российской экономике. *Российский экономический журнал*. 2019;6:34–51. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-6-34-51.
39. Крутиков ФА, редактор. *Толковый словарь рыночной экономики*. 2-е издание. Москва: Глория; 1993. 304 с.
40. Абалкин ЛИ. *Экономическая энциклопедия*. Москва: Экономика; 1999. 1055 с.
41. Шаваев АГ, редактор. *Экономическая безопасность. Энциклопедия*. Москва: Правовое просвещение; 2001. 512 с.
42. Поршнева АГ, Кибанов АЯ, Гунин ВН, редакторы. *Управление организацией. Энциклопедический словарь*. Москва: ИНФРА-М; 2001. 822 с.
43. Юн ГБ, Таль ГК, Григорьев ВВ. *Словарь по антикризисному управлению*. Москва: Дело; 2003. 448 с.
44. Саркисов СЭ. *Менеджмент. Словарь-справочник*. Москва: Анкил; 2005. 808 с.
45. Кисляков ГВ, Кислякова НА. *Менеджмент: основные термины и понятия. Словарь*. Москва: Высшая школа; 2009. 264 с.
46. Примерное положение об объединении на договорной основе (консорциуме). В: *Консорциумы как форма хозяйствования: развитие социалистической предприимчивости*. Москва: Московский областной территориальный центр научно-технической информации и пропаганды; 1989. с. 9–12.
47. DESCA. Horizon 2020 Model Consortium Agreement (www.DESCA-2020.eu).Version 1.2, March 2016. 54 p. [Internet; cited 2020 February 15]. Available from: http://www.desca-agreement.eu/fileadmin/content/Desca_2020_1.2/DESCA2020_v1.2_March_2016_with_elucidations.pdf.
48. Сигова МВ, Банников СА. Международные консорциумы как форма реализации сотрудничества в сфере науки и образования. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. 2014;6:114–117.
49. Бирюков ДО. Правовое регулирование деятельности консорциумов. *Хозяйство и право*. 2010;1:118–123.
50. Хавина СА. Консорциум. В: Кравец СЛ, редактор. *Большая Российская энциклопедия. Том 15*. Москва: БРЭ; 2010. с. 81.

51. Олейников ИВ. К итогам VII Генеральной конференции Европейского консорциума политических исследований 2013 г. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2013;2(1): 261–264.
52. Greenaway F. *Science International. A history of the international council of scientific unions*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 279 p.
53. Лассер П. Роль ЮНЕСКО в развитии общеевропейского научного сотрудничества. В: *Роль международных организаций в развитии общеевропейского научно-технологического пространства. Материалы международного симпозиума; 22–25 сентября 2001 г.*; Киев, Украина. Киев: НАН Украины; 2002. с. 38–52.
54. Mitsos A. Towards European research area. В: *Роль международных организаций в развитии общеевропейского научно-технологического пространства. Материалы международного симпозиума; 22–25 сентября 2001 г.*; Киев, Украина. Киев: НАН Украины; 2002. с. 36–38 (на англ.).
55. Меевская ОА. *От идеи до заявки: пять шагов навстречу «Горизонту». Рекомендации для начинающих участников Рамочной программы Европейского союза по науке и инновациям «Горизонт-2020»*. Минск: БЕЛИСА, 2015. 32 с.
56. Левяш И. Царь должен быть в голове. *Беларуская думка*. 2000;2:19–25.
57. Макаров ВЛ, Варшавский ЕМ, Трушин ЕВ и др. *Наука и высокие технологии России на рубеже третьего тысячелетия. Социально-экономические аспекты развития*. Москва: Наука; 2001. 636 с.
58. От редакции. *Российский экономический журнал*. 2019;6:35.
59. *Государство. Бизнес. Гражданское общество. Информационная безопасность. Приложение к журналу «Международная жизнь»*. Германия: Гармиш-Партенкирхен; 2017. XIV Научная конференция Международного исследовательского консорциума информационной безопасности (МИКИБ). с. 43–70.
60. Четвериков АО. Европейские консорциумы исследовательской инфраструктуры: международные организации по европейскому праву или юридические лица sui generis? *Lex Russica*. 2019;7:141–150. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.141-150.
61. Консорциум по развитию квантовых технологий [Интернет; процитировано 11 марта 2020 г.]. Доступно по: https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Консорциум_по_развитию_квантовых_технологий.
62. Рывок России: зачем в МГУ создали центр квантовых технологий [Интернет; процитировано 24 ноября 2018 г.]. Доступно по: <https://ria.ru/20181124/1533417743.html>.
63. Шмырова Валерия. В России совершен прорыв в создании 50-кубитного квантового компьютера [Интернет; процитировано 18 января 2019 г.]. Доступно по: https://www.cnews.ru/news/top/2019-01-18_uchenye_mgu_dobilis_pervyh_uspehov_v_sozdanii.
64. «РАСУ» и его партнеры получили два гранта на развитие цифровизации и квантовых технологий [Интернет; процитировано 16 января 2020 г.]. Доступно по: <https://rasu.ru/info/news/ao-rasu-i-ego-partnery-poluchili-dva-granta-na-razvitie-tsifrovizatsii-i-kvantovykh-tehnologii/>.

References

1. Vityaz PA, Shcherbin VK. Scientific councils at the International Association of Academies of Sciences: a form for self-organization of scientific disciplines. *Science and Science of Science*. 2018;2:91–110. Russian.
2. Shcherbin VK. [Scientific councils of IAAS as the perspective form of organization of inter-academic research]. In: Korshunov GP, editor. *Belorusskaya nauka v usloviyakh modernizatsii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii; 20–21 sentyabrya 2018 g.*; Minsk, Belarus [Belarusian science in the conditions of modernization: proceedings of the international scientific practical conference; 2018 September 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2018. p. 38–42. Russian.
3. Shcherbin VK. [The activities and prospects of development of scientific councils of IAAS]. In: Gusakov VG, editor. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo akademii nauk. 25 let* [The international collaboration of academies of sciences. 25 years]. Minsk: Belorusskaya nauka; 2018. p. 228–322. Russian.
4. Shcherbin VK. About the categorial analysis of technological chains of cognition. *Science and Science of Science*. 2019;4:24–36. Russian. DOI: 10.15407/sofs2019.04.024.
5. Ivanov VV. *Innovatsionnaya paradigma XXI* [The innovative paradigm XXI]. Moscow: Nauka; 2015. 383 p. Russian.
6. Solovyov VP. [The methodological issues of technology transfer and knowledge transfer]. In: Onoprienko VI, editor. *Metodologicheskiye voprosy naukovedeniya* [The methodological issues of science of science]. Kyiv: UkrISTEI; 2001. 195–226. Russian.
7. Berestova TF. Functions of various information types as a basis for multilevel information space. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty*. 2009;4:12–16. Russian.
8. Gubanov SS. [Belarus: the systemic choice in the conditions of efforts of the liberal retaliation]. *Novaya ekonomika*. 2009;5–6:27–36. Russian.
9. Glaz'ev SJu. *Ryvok v budushchee. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozyaistvennom ukladakh* [The leap in the future. The Russia in the new technologic and economic world structures]. Moscow: Knizhnyi mir; 2018. 768 p. Russian.
10. Vityaz PA, Shcherbin VK. Modern technoscience: mechanism of operation and organizational differences. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:66–78. Russian.
11. Goetz M. The Industry 4.0 induced agility and new skills in clusters. *Forsait*. 2019;13(2):72–83. Russian.
12. Klochko OA, Manuylov IA. Canadian pharmaceutical industry in global value chains: influence of the dominant trading partner. *World Economy and International Relations*. 2019;63(4):14–21. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-4-14-21.
13. [The value chain]. In: UN, Trade and Development Conference. *Sozdanie uslovii, sposobstvuyushchikh povysheniyu konkurentosposobnosti i effektivnosti natsional'nykh innovatsionnykh sistem. Uroki opyta stran – chlenov EEK OON* [The creation of conditions facilitating the increase of competitiveness and effectiveness of national innovative systems. Lessons Learned of Countries – Members of UNECE]. New York: UN; 2007. p. 136. Russian.
14. Semenova NN. [The science as a factor of globalization]. In: Allakhverdyan AG, Semenova NN, Yurevich AV, editors. *Nauka v usloviyakh globalizatsii* [Science in the conditions of globalization]. Moscow: Logos; 2009. p. 16–51. Russian.

15. Lifshits VN. *Osnovy sistemnogo myshleniya i sistemnogo analiza* [Fundamentals of systemic thinking and systemic analysis]. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; 2013. 54 p. Russian.
16. Ivanova NI. *Natsionalnyye innovatsionnyye sistemy* [National innovative systems]. Moscow: Nauka; 2002. 244 p. Russian.
17. Fedulova LI. *Innovatsijnyj rozvitok ekonomiki: model, sistema upravlinnyya, derzhavna politika* [Innovative development of economics: model, system of management, state policy]. Fedulova LI, editor. Kyiv: Osnova; 2005. 552 p. Ukrainian.
18. Yasinski AH. Communication between academic science and society: the role of public relations. In: Paton BY, Sadovnichy VA, scientific supervisors. *Integratsiya nauki i obrazovaniya – klyuchevoi faktor postroeniya obshchestva, osnovanogo na znaniyakh; 25–27 oktyabrya 2007 g.; Kiev, Ukraina* [Integration of science and education: a key factor for building up the knowledge-based society: proceedings of international symposium; 2007 October 25–27; Kyiv, Ukraine]. Kyiv: Phoenix; 2008. p. 200–202. Russian.
19. Nesvetailov GA. *Nauka i ee effektivnost'* [Science and its effectiveness]. Dronov FA, editor. Minsk: Nauka i tekhnika; 1979. 112 p. Russian.
20. Kudashov VI. *Nauchno-tekhnicheskie novovvedeniya. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm upravleniya v usloviyakh perekhoda k rynku* [Scientific-technical innovations. The organizational-economic mechanism in the conditions of market transition]. Minsk: Universitetskoe; 1993. 232 p. Russian.
21. Nekhorosheva LN. *Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie i rynek: regulirovanie, venchurnaya deyatelnost', infrastruktura* [Scientific-technological development and market: regulation, venture activities, infrastructure]. Minsk: Belarusian State Economic University; 1996. 212 p. Russian.
22. Solovyov VP. *Izbrannyye voprosy sovremennogo innovatsionnogo menedzhmenta dlia malyykh i srednykh predpriyatij* [Selected problems of contemporary innovative management for small and medium-sized enterprises]. Muller R, Solovyov VP, editors. Kyiv: DEMIUR; 2000. 284 p. Russian.
23. Shcherbin VK. *Infrastrukturnyye sostavlyayushchie innovatsionnoi ekonomiki* [Infrastructural components of innovative economics]. Dedkov SM, editor. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Studies of the National Academy of Sciences of Belarus; 2010. 312 p. Russian.
24. Lenchuk EB, Pan'shin BN, Vlaskin GA, Voloshin VI, Kratenok VE, Stepanin AL. *Vneshneekonomicheskii faktor v strategii innovatsionnogo razvitiya Rossii i Belarusi* [External economic factor in the strategy of innovative development of Russia and Belarus]. Vojtov IV, editor. Minsk: BelISA; 2012. 288 p. Russian.
25. Shcherbin VK. New institutes of innovative activities. *Nauka i innovatsii*. 2011;6:50–53. Russian.
26. Geec VM, editor. *Innovatsijna Ukraini 2020: nacional'na dopovid'* [Innovative Ukraine 2020: the national report]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine; 2015. 336 p. Ukrainian.
27. Kordejro A. [Eureka online]. *Vedomosti*. 2008 April 24. Russian.
28. Ushachev IG, Ratushin Ju, Tarasov VI. The notion of economic freedom in information societies. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2008;3:40–51. Russian.
29. Myasnikova LA. The intellectualization of social capital networks. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2009;2:29–31. Russian.
30. Dezhina IG, Saltykov BG. *Mekhanizmy stimulirovaniya kommertsializatsii issledovaniy i razrabotok* [Mechanisms of encouraging commercialization of research and development]. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy; 2004. 152 p. Russian.
31. Shimov VN, Krjukov LM. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki Belarusi: dvizhushchie sily i natsional'nye priority* [The innovative development of economics of Belarus: drivers and national priorities]. Minsk: Belarusian State Economic University; 2014. 199 p. Russian.
32. Borisenko VV. *Nauka i rynochnye otnosheniya v informatsionnom obshchestve: sotsial'no-filosofskii analiz* [Science and market relations in the informational society: social-philosophical analysis]. In: Kul'kin AM, editor. Moscow: Nauka; 2008. 246 p. Russian.
33. Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka – tekhnologii – innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1 dekabrya 2016 g.; Minsk, Belarus* [System «science – technologies – innovations»: methodology, experience, prospects: proceedings of the international scientific-practical conference; 2016 December 1; Minsk, Belarus]. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Studies of the National Academy of Sciences of Belarus; 2016. 541 p. Russian.
34. Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka – tekhnologii – innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus* [System «science – technologies – innovations»: methodology, experience, prospects: proceedings of the international scientific-practical conference; 2017 October 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Studies of the National Academy of Sciences of Belarus; 2017. 578 p. Russian.
35. Goncharov VV, editor. *Sistema «nauka – tekhnologii – innovatsii»: metodologiya, opyt, perspektivy. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 20–21 sentyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus* [System «science – technologies – innovations»: methodology, experience, prospects: proceedings of the international scientific-practical conference; 2018 September 20–21; Minsk, Belarus]. Minsk: Center for System Analysis and Strategic Studies of the National Academy of Sciences of Belarus; 2018. 630 p. Russian.
36. Egorov IJu. *Nauka i innovatsii v protsessakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Science and innovations in the processes of social-economic development]. Kyiv: IVTs Goskomstata Ukrainy; 2006. 335 p. Russian.
37. Paton BEu. [Science in transitional economies on the way to the common European technological space]. In: *Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v razvitii obshcheevropeiskogo nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma; 22–25 sentyabrya 2001 g.; Kiev, Ukraina* [The role of the international organizations in the development of common European scientific-technological space; proceedings of international symposium; 2001 September 22–25; Kyiv, Ukraine]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine; 2002. p. 31–34. Russian.
38. Yevstafyeva YuV. Towards the formation of scientific and technological consortiums in the Russian economy. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2019;6:34–51. Russian. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-6-34-51.

39. Krutikov FA, editor. *Tolkovyi slovar' rynochnoi ekonomiki* [Explanatory dictionary of market economy]. 2nd edition. Moscow: Gloriya; 1993. 304 p. Russian.
40. Abalkin LI, editor. *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [The Economic encyclopedia]. Moscow: Ekonomika; 1999. 1055 p. Russian.
41. Shavaev AG, editor. *Ekonomicheskaya bezopasnost'. Entsiklopediya* [Economic security. Encyclopedia]. Moscow: Pravo-voe prosveshchenie; 2001. 512 p. Russian.
42. Porshnev AG, Kibanov AJa, Gunin VN, editors. *Upravlenie organizatsiei. Entsiklopedicheskii slovar'* [The Organizational management. Encyclopedic dictionary]. Moscow: INFRA-M; 2001. 822 p. Russian.
43. Jun GB, Tal' GK, Grigor'ev VV. *Slovar' po antikrizisnomu upravleniyu* [The Dictionary of an anti-crisis management]. Moscow: Delo; 2003. 448 p. Russian.
44. Sarkisov SE. *Menedzhment. Slovar'-spravochnik* [Management. Dictionary-Reference]. Moscow: Ankil; 2005. 808 p. Russian.
45. Kisliakov GV, Kisliakova NA. *Menedzhment: osnovnye terminy i ponyatiya. Slovar'* [Management: basic terms and notions. Dictionary]. Moscow: Vysshaya shkola; 2009. 264 p. Russian.
46. [The model regulations about joining up on the contractual basis (consortium)]. In: *Konsortsiумы kak forma khozyaistvovaniya: razvitie sotsialisticheskoi predpriimchivosti* [Consortia as the form of management: development of socialist entrepreneurship]. Moscow: Moscow Regional Territorial Center for Scientific and Technical Information and Propaganda; 1989. p. 9–12. Russian.
47. DESCA. Horizon 2020 Model. Consortium Agreement (www.DESCA-2020.eu). Version 1.2, March 2016. 54 p. [Internet; cited 2020 February 15]. Available from: http://www.desca-agreement.eu/fileadmin/content/Desca_2020_1.2/DESCA2020_v1.2_March_2016_with_elucidations.pdf.
48. Sigova MV, Bannikov SA. [International consortia as the form of collaboration in the sphere of science and education]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2014;6:114–117. Russian.
49. Birjukov DO. [Legal regulation of consortia's activities]. *Hozyajstvo i pravo* [Management and law]. 2010;1:118–123. Russian.
50. Havina SA. [Consortium]. In: Kravets SL, editor. *Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya. Tom 15* [The great Russian encyclopedia. Volume 15]. Moscow: Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya; 2010. p. 81. Russian.
51. Olejnikov IV. [To totals of the VII general conference of European consortium of political researches, 2013]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie*. 2013;2(1):261–264. Russian.
52. Greenaway F. *Science International. A history of the international council of scientific unions*. Cambridge: Cambridge University Press; 1996. 279 p.
53. Lasserre P. UNESCO's role in the development of the pan-European scientific cooperation. In: *Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v razvitii obshcheevropeiskogo nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma; 22–25 sentyabrya 2001 g.; Kiev, Ukraina* [The role of the international organizations in the development of common European scientific-technological space. Proceedings of international symposium; 2001 September 22–25; Kyiv, Ukraine]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine; 2002. p. 38–52.
54. Mitsos A. Towards European Research Area. In: *Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v razvitii obshcheevropeiskogo nauchno-tekhnologicheskogo prostranstva. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma; 22–25 sentyabrya 2001 g.; Kiev, Ukraina* [The role of the international organizations in the development of common European scientific-technological space; Proceedings of international symposium; 2001 September 22–25; Kyiv, Ukraine]. Kyiv: National Academy of Sciences of Ukraine; 2002. p. 36–38.
55. Meerovskaja OA. *Ot idei do zayavki: pyat' shagov navstrechu «Gorizontu». Rekomendatsii dlya nachinayushchikh uchastnikov Ramochnoi programmy Evropeiskogo soyuza po nauke i innovatsiyam «Gorizont-2020»* [From idea to application: five steps to meet «Horizon». Recommendations for beginner participants of the Framework program of European Union on Science and Innovations «Horizon-2020»]. Minsk: BelISA; 2015. 32 p. Russian.
56. Leviash I. [The king must be in the head]. *Belaruskaja dumka*. 2000;2:19–25. Russian.
57. Makarov VL, Varshavskij EuM, Trushin EV, et al. *Nauka i vysokie tekhnologii Rossii na rubezhe tret'ego tysyacheletiya. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya* [Science and high technologies of Russia at the turn of the third millennium Social-economic aspects of development]. Moscow: Nauka; 2001. 636 p. Russian.
58. [From the editorial staff]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*. 2019;6:35. Russian.
59. *Gosudarstvo. Biznes. Grazhdanskoe obshchestvo. Informatsionnaya bezopasnost'. Prilozhenie k zhurnalu «Mezhdunarodnaya zhizn'»* [State. Business. Civil Society. Information Security. Supplement to journal «International affairs»]. Germany: Garmisch-Partenkirchen; 2017. [XIV Scientific Conference of the International Research Consortium on Information Security (IRCIS)]. p. 43–70. Russian.
60. Chetverikov AO. European consortia of research infrastructure: international organizations on the european law or juridical persons sui generis? *Lex Russica*. 2019;7:141–150. Russian. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.152.7.141-150.
61. Consortium for development of quantum technologies [Internet; cited 2020 March 11]. Available from: https://www.tadviser.ru/index.php/Компания:Консорциум_по_развитию_квантовых_технологий. Russian.
62. Leap of Russia: why was the center of quantum technologies created at Moscow State University. [Internet; cited 2018 November 24]. Available from: <https://ria.ru/science/20181124/1533417743.html>. Russian.
63. Shmyrova Valerija. A breakthrough made in Russia in the creation of 50-qubite quantum computer [Internet; cited 2019 January 18]. Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2019-01-18_ucheny_e_mgu_dobilis_pervyh_uspehov_v_sozdanii. Russian.
64. «RASU» and its partners received two grants for development of digitalization and quantum technologies [Internet; cited 2020 January 16]. Available from: <https://rasu.ru/info/news/ao-rasu-i-ego-partnery-poluchili-dva-granta-na-razvitietsifrovizatsii-i-quantovykh-tekhnologiy/>. Russian.

УДК 316(075.8)

ПОТЕНЦИАЛ КУЛЬТУРЫ И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ИДЕАЛА ПРОГРЕССА

А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Излагаются теоретические основы формирования нового идеала прогресса, раскрывается роль культуры и ее потенциала в этом процессе. Приводится авторское обоснование наличия и постоянного обновления культурного кода, его фундаментальных жизненных смыслов и базовых ценностей, высказывается предположение о возможности деструктивных последствий при смене их культурного статуса. Рассматривается механизм перехода общества к новому состоянию, при котором возникают новые типы социальности, обновляются фундаментальные жизненные смыслы и базовые ценности. Показано, что формирование новой матрицы ценностей и обновление жизненных смыслов выступает условием перехода к новому типу цивилизационного развития, который вырастает внутри современного общества. Сделан вывод о том, что революция в сфере коммуникации позволяет осуществить перевод в традиционный культурный статус псевдокультурных или внекультурных ценностей и тем самым открыть путь для разрушения основ культуры.

Ключевые слова: культура; потенциал культуры; культурный код; жизненные смыслы; базовые ценности; идеал; прогресс.

CULTURE POTENTIAL AND MECHANISM FOR FORMING A NEW PROGRESS IDEAL

A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article substantiates the theoretical foundations of the technology of forming a new progress ideal, reveals the role of culture and its potential in this process. The author justifies the existence and constant updating of the cultural code, its fundamental vital meanings and basic values, suggests the possibility of destructive changes when shifting the cultural status of basic values. The author considers of the article as the main conclusions, firstly, the mechanism of transition of society to a new state, where new types of sociality arise, fundamental life meanings and basic values are updated; secondly, the author shows that the formation of a new matrix of values and the renewal of life meanings is a condition for the transition to a new type of civilizational development, which is growing within modern society; thirdly, the revolution in the field of communication allows the transfer to the traditional cultural status of pseudocultural or extra-cultural values, thereby opening the way for the destruction of the foundations of culture.

Keywords: culture; potential of culture; cultural code; life meanings; basic values; ideal; progress.

Образец цитирования:

Данилов АН. Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2: 20–24.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-20-24>

For citation:

Danilov AN. Culture potential and mechanism for forming a new progress ideal. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:20–24. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-20-24>

Автор:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
a.danilov@tut.by

Введение

Цивилизация вступила в стадию глобальной нестабильности и неустойчивости. Оказалось, что жизнь слишком быстро меняется, а осмысление изменений запаздывает. Любые крупные перемены предполагают изменение культуры, которое, как правило, является результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Идеи, рожденные в ходе этого процесса, «задают особый ракурс обсуждаемой проблемы, акцентируя внимание на роли ценностей и архетипов сознания, трансформацию которых во многом определяет тот или иной тип цивилизационного развития человечества» [1, с. 8]. Чаще всего на этом пути конкурируют стратегии, сохраняющие базовые ценности прежнего типа развития, с инновационными устремлениями, ориентированными на поиск новых жизненных

смыслов и обновление содержания ценностей, отвечающих современным реалиям. Конечно, новые ценности начинают формироваться в недрах старой культуры и человечество крайне заинтересовано в том, чтобы на их базе выросли и новые идеалы прогресса. Мы «вступили в эпоху поиска новых ценностей, но они не будут заимствованы откуда-то извне и в готовом виде современной цивилизацией. Они должны вырастать внутри нее» [2, с. 739].

Как раз целью данной статьи и является раскрытие потенциала культуры при формировании нового идеала прогресса. Представляется, что именно потенциал культуры выступает неким воображаемым пределом возможного и допустимого идеала прогресса, характерного для современного периода исторического развития.

Основная часть

В условиях глобальной нестабильности, в переломные этапы человеческой истории в самых различных сферах культуры происходит интенсивное обновление ценностей и жизненных смыслов, меняются и поведенческие предпочтения и установки, информационная среда обитания. Выстраивание нового идеала цивилизационного развития фиксируется через обновление ценностной системы. Трансформация политических и экономических систем может осуществляться в относительно короткие сроки, в то время как сознание, которое зиждется на ценностях и жизненных смыслах и сформировалась в течение жизни, в культурной среде конкретного времени и эпохи не может подвергнуться быстрым переменам. В. С. Стёпин видел этот процесс как постепенный переход к устойчивому развитию: «Идеал прогресса как ускоряющихся инновационных перемен в наше время модифицирован в идеал устойчивого развития: приоритет получают такие инновационные сценарии, которые не просто взламывают и уничтожают традиции, а, адаптируясь к некоторым ее аспектам, избирательно и постепенно трансформируют традицию» [3, с. 10].

Сегодня человечество все еще не в состоянии найти ответы на многочисленные вызовы, которые ставит перед ним современное развитие. Симптомы глобального кризиса очевидны, когда «появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в социальной структуре или культуре, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, делаясь другим, даже противоположным культурным комплексом» [4, с. 8]. В такой ситуации важно «осмыслить перемены, происходящие в различных сферах со-

временной культуры, и выяснить, не возникают ли здесь новые жизненные смыслы и ценности, которые потом станут зародышевыми формами нового культурно-генетического кода, обеспечивающего новый тип цивилизационного развития» [2, с. 737].

В культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Глобализация, информатизация, цифровизация современного общества актуализирует проблему феномена культурного кода и необходимость изучения механизма его работы и особенностей функционирования. Культура ассоциируется со средой сохранения и возможной передачи культурного цивилизационного наследия. Хотя проблема существования культурного кода как некой технологической системы, посредством которой передается и наследуется информация, отражающая традиции, ценности, исторический опыт предшествующих поколений, по сей день остается не до конца проясненной. Понятие «код» и его производные, как и вся проблематика кодирования, ее теоретические и практические результаты, пока не получили должного внимания в отечественной философии и социальном знании.

В своих трудах В. С. Стёпин выделял культуру как совокупность надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, выполняющих в обществе роль, аналогичную той, которую в жизни биологических организмов играют генетические коды. Такого рода социокодами являются мировоззренческие универсалии (категории культуры), которые задают системную и историческую целостность определенным (охватываемым ими) аспектам деятельности, поведения и общения. Культурные коды, как знаково-символическая форма обработки информации, выполняют функции сжатия

и рубрикации сведений, их трансляции, раскрытия содержания сигналов, транскрибирования и интерпретации.

Культурный код – это не механический аналог генетического кода. Здесь нет выстроенной природой четкой последовательности происходящих процессов, распределения ответственности за определенные участки духовного развития человека, возможности механического воспроизводства и повторения. Здесь невозможна и аналогичная генной инженерии социальная инженерия, когда путем хирургического вмешательства заменяется поврежденное звено в генетическом коде на новое, здоровое, чтобы предотвратить нежелательное развитие. Усложнен и вопрос о выстраивании заданного будущего, контролируемого определенными структурами. Нельзя хирургически уберечь человека от вражды, зависти, ненависти или вакцинировать его от насилия, хамства, предательства.

Для естественных наук все предельно точно: расшифровали геном человека, выяснили, за что каждое звено отвечает, значит, можно в любое время его повторить, опытным путем проверить, и, наконец, если это требуется, заменить, чтобы предупредить нежелательное развитие ситуации. Очевидно, что в таком случае возникают неограниченные возможности сознательного управления процессом эволюции, так как он технологичен и эта технология ясна. Но, по мнению В. А. Лекторского, «человек всегда был и остается не только естественным, но и искусственным существом, то есть таким, который конструируется культурой. А последняя имеет ряд особенностей, отличающих ее от природных образований. <...> ...Между тем есть такие процессы, которыми управлять нельзя, потому что в принципе нельзя точно предсказать их ход. Такие процессы, как это сегодня стало ясно, есть и в природе. Что же касается человека, то такие его определяющие особенности, как творчество, диалог, любовь, свободные поступки (на которых покоится нравственность), не могут управляться, ибо не могут контролироваться и прогнозироваться извне. Можно создавать более или менее благоприятные условия для развития науки или искусства, но управлять ими нельзя. Как нельзя управлять ценностями, которые человек принимает или нет, но действует в соответствии с которыми он только на основе внутренней свободы» [5, с. 339].

Обычно в биологической эволюции учитывается влияние двух факторов – мутаций генного аппарата и последующего естественного отбора. Если под этим углом зрения рассматривать развитие общества, то «функции естественного отбора здесь выполняет развитие производства, экономики, а мутации генного аппарата социальных организмов – это изменение мировоззренческих

универсалий культуры. Оно происходит благодаря появлению новых видов деятельности, которые до поры до времени укладываются в старую структуру жизненных смыслов, но по мере развития могут выходить за эти рамки и порождать противоречия. В такие эпохи прежние универсалии культуры как программы воспроизводства социальной жизни уже не обеспечивают ее воспроизводство во всех необходимых вариациях, подавляют нужные для общества виды деятельности. И тогда начинается эпоха критики прежних мировоззренческих установок и жизненных смыслов» [2, с. 728].

Следовательно, потенциал культуры создают мировоззренческие универсалии, которые осуществляют селекцию опыта, как бы отбирают то, что достойно культурной трансляции, а также образуют категориальный строй сознания людей той или иной эпохи. Они же создают целостный идеал жизненного мира человека, выражающий отношение к природе, обществу и сознанию. Наполнение же новым содержанием существующих ценностей – результат укоренения новых мировоззренческих смыслов, которые отражают состояние культуры как среды, в недрах которой постоянно происходит синтез традиционного и зарождающегося нового цивилизационного опыта. В результате возникают мировоззренческие установки, которые определяют жизненные приоритеты, формируют будущий идеал прогресса у активной части населения данного общества. Когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность прогресса и его содержание. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового идеала прогресса, обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются, как раз и является культура.

Итак, универсалии культуры, по Стёпину, одновременно выполняют по меньшей мере три взаимосвязанные функции в человеческой жизнедеятельности. Во-первых, они обеспечивают своеобразную сортировку многообразного, исторически изменчивого социального опыта, рубрицируют его соответственно смыслам универсалий культуры в своеобразные кластеры. В таком виде он включается в процесс трансляции и передается от человека к человеку, от одного поколения к другому. Во-вторых, универсалии культуры выступают базисной структурой человеческого сознания, их смыслы определяют категориальный строй сознания в каждую конкретную историческую эпоху. В-третьих, взаимосвязь универсалий образует обобщенную картину человеческого мира, то, что принято называть мировоззрением эпохи. Эта картина, выражая общие представления о человеке и мире, вводит определенную шкалу ценностей, принятую в данном типе культуры, и поэтому опре-

деляет не только осмысление, но и эмоциональное переживание мира человеком [2, с. 79–80].

Во всех этих функциях смыслы универсалий культуры должны быть усвоены индивидом, стать внутренней канвой его индивидуального понимания мира, поступков и действий. На этом уровне смыслы универсалий культуры конкретизируются с учетом групповых и индивидуальных ценностей. Причем даже в устойчивых состояниях социальной жизни универсалии культуры могут допускать очень широкий спектр конкретизаций, дополняться ценностями противоположных по интересам социальных групп и не утрачивать при этом своих основных смыслов.

Люди всегда вкладывают в универсалии культуры свой личностный смысл идеала прогресса соответственно накопленному жизненному опыту. В результате в их сознании картина человеческого мира обретает личностную окраску и выступает в качестве их индивидуального мировоззрения. Индивидуальная вариативность мировоззренческих установок является важной предпосылкой для изменения и развития фундаментальных смыслов универсалий культуры. Преобразование базисных смыслов универсалий культуры и, соответственно, изменение типа культуры всегда связаны с переломными этапами человеческой истории, ибо означают трансформацию не только образа человеческого мира, но и продуцируемых им типов личности, отношения людей к действительности, их ценностных ориентаций.

В результате, когда общество вступает в фазу перехода к новому состоянию, его активная часть становится той питательной средой, которая определяет направленность изменений и их содержание. Очерчивая потенциал культуры, мы, по существу, говорим и о масштабе возможных перемен, выбираем направления и профиль нового идеала прогресса. Нельзя сбрасывать со счетов, что современные технологии несут человеку и новые риски. Они открыли широкие возможности манипуляции общественным сознанием, информационного насилия. На современном этапе на роль доминирующего претендует сценарий, реализованный в обществах Запада, который основан на идее роста потребления как условия экономического роста, включая в этот процесс научно-технологические

революции, формирующие новые типы технологического уклада.

В наступившем вселенском хаосе приоритет чаще отдается на откуп исключительно выгоде – никакой идеологии, исторического и духовного родства, общности ценностей или традиций. Главенствует прагматизм, приоритет отдается наращиванию экономического и военного потенциала, хотя все как раз наоборот: ответом на новые риски должно выступать адекватное развитие национальной культуры, которая естественным образом находится в диалоге с мировой культурой, формирование новых жизненных смыслов и ценностей. «Надо искать точки роста новых ценностей внутри самой техногенной цивилизации. Я думаю, что именно это на сегодня – одна из главных задач философии. <...> В центре философского дискурса выдвигаются вопросы, прямо или косвенно связанные с проблематикой судеб современной цивилизации и культуры, с возможными сценариями будущего человечества. <...> Чтобы найти выход из кризисов, необходимо радикальное изменение предшествующей стратегии цивилизационного развития. Такое изменение, в свою очередь, требует трансформации базисных ценностей. Они неразрывно связаны с фундаментальными жизненными смыслами, составляющими содержание концептов культуры, ее мировоззренческих универсалий – “человек”, “природа”, “человеческая деятельность”, “личность”, “рациональность”, “власть”, “добро”, “зло”, “справедливость”, “свобода” и т. д.» [3, с. 740, 761–762].

Прав Л. И. Абалкин, который утверждал, что «будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью. <...> Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций?» [6, с. 21]. Конечно, можно представить этот процесс как улучшение настоящего, в котором просто изменились возможности, связанные с прогрессом. Но может иметь место и вариант, когда речь идет о качественно новом состоянии. Мне кажется, что сегодня мы как раз очень близки ко второму варианту развития.

Заключение

Подтверждая диагноз о кризисе современной цивилизации, следует отметить, что потенциал культуры во многом определяет будущее прогресса, обозначает профиль его идеала в сознании населения. Почвой же, где «завязываются» точки роста нового, обновляются ценности, наполняются новым смыслом, обогащаются или отвергаются концепты, является культура. Эти зародившиеся в культуре новые жизненные смыслы и ценности, пройдя

испытание практикой и став жизненным опытом, традицией фиксируются в культурно-генетическом коде, обеспечивающим новый идеал прогресса. В этой технологии нарастает роль современной информационно-коммуникационной системы, которая радикально изменила сам механизм восприятия и влияния информации и стала формировать и во многом определять восприятие и поведенческую реакцию человека на происходящие события.

Библиографические ссылки

1. Стёпин ВС. *Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика*. Москва: Институт философии РАН; 1996.
2. Стёпин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018.
3. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11.
4. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*. 2001;1:6–16.
5. Лекторский ВА. *Человек и культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018.
6. Абалкин ЛИ. Поиск путей взаимопонимания цивилизаций. В: Запесоцкий АС, редактор. *Диалог культур и партнерство цивилизаций. IX Международные Лихачевские научные чтения; 14–15 мая 2009 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2009. с. 20–21.

References

1. Stepin VS. *Epokha peremen i stsenarii budushchego. Izbrannaya sotsial'no-filosofskaya publitsistika* [The era of change and future scenarios. Selected socio-philosophical journalism]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 1996. 174 p. Russian.
2. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel'nost'. Kul'tura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 796 p. Russian.
3. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
4. Shtompka P. [Social changes as injuries]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;1:6–16. Russian.
5. Lektorsky VA. *Chelovek i kul'tura* [Person and culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 640 p. Russian.
6. Abalkin LI. [Search for ways of understanding civilizations]. In: Zapesotskii AS, editor. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsii. IX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya; 14–15 maya 2009 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Dialogue of cultures and partnership of civilizations. 9th International Likhachev's scientific readings; 2009 May 14–15; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Unitary Enterprise; 2009. p. 20–21. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.06.2020.
Received by editorial board 13.06.2020.

ОТ ПОНЯТИЯ К КОНЦЕПТУ КРЕАТИВНОГО ОБЩЕСТВА

И. Я. МАЦЕВИЧ-ДУХАН¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Реконструируются основные подходы к определению понятия «креативное общество». Проводится компаративный анализ различных методологических подходов к раскрытию его сущности. Обозначены социально-философские основания трансформации данного понятия в концепт и перспективы его развития в социальной теории.

Ключевые слова: креативное общество; креативное сообщество; креативная демократия; креативные индустрии; креативная экономика; теория практики; прагматизм.

FROM THE NOTION TO THE CONCEPT OF CREATIVE SOCIETY

I. Ja. MATSEVICH-DUKHAN^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article reconstructs main approaches to defining the notion of creative society. The comparative analysis of key methodological approaches to the explication of its essence is performed. The socio-philosophical basis for the transformation of this notion into the concept and prospects for its development in social theory are delineated.

Keywords: creative society; creative community; creative democracy; creative industries; creative economy; practice theory; pragmatism.

Введение

История понятия «креативное общество» начинается с момента изобретения термина *creative society* и разработки его научного определения в религиозной философии начала XX в. Хотя сам феномен креативной действительности существовал и осмысливался в различных формах и в предыдущие столетия, но едва ли он в предельно широком смысле мог бы быть редуцирован к одному из значений понятия, о котором идет речь в данной статье. Чтобы выявить специфику феномена, обозначаемую термином, изобретенным в начале XX в. и получившим широкое распространение в социальной теории и практике XXI в., рассмотрим основные этапы его развития и подходы к его определению.

В развитии понятия «креативное общество» и его превращении в концепт можно выделить следующие значимые этапы:

1) формирование концептуального поля для выявления и интерпретации природы социальных и политических отношений, обусловленных развитием индивидуального и коллективного креативного действия;

2) возникновение и определение понятия «креативное общество» в религиозной и социальной философии в 1930–80-е гг.;

3) инструментализация понятия «креативное общество» в американском политическом дискурсе конца 1960-х гг. и в европейской культурной политике 2000–2010-х гг.;

Образец цитирования:

Мацевич-Духан ИЯ. От понятия к концепту креативного общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:25–37.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-25-37>

For citation:

Matsevich-Dukhan IJa. From the notion to the concept of creative society. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:25–37. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-25-37>

Автор:

Ирина Янушевна Мацевич-Духан – кандидат философских наук, доцент; докторант.

Author:

Iryna Ja. Matsevich-Dukhan, PhD (philosophy), docent; postdoctoral researcher.
irina.matsevich@mail.ru

4) превращение понятия креативного общества в философский концепт в неопрагматистской и прагматологической теориях на рубеже XX–XXI вв.;

5) операционализация философского концепта в междисциплинарном поле социально-гуманитарных наук.

Предпосылки осмысления феномена креативного общества заложены в философии абсолютного идеализма Дж. Ройса и в прагматизме конца XIX – начала XX вв. Философия Дж. Ройса подготовила идейный и понятийный каркас для конструирования в рамках религиозной философии модели божественного творения в социальном измерении. Его воплощение выступает в качестве возлюбленного сообщества (*beloved community*), где царит дух созидания и сострадания. Философия лояльности Дж. Ройса предлагает достаточно конкретный сценарий и инструментарий построения такого сообщества, которое не ограничено какими-либо национальными или государственными рамками. Этот сценарий рассматривался им в качестве предельно универсального, применимого к человечеству в целом [1].

Философия Дж. Ройса развивалась в диалоге с зарождающейся в то время философией прагматизма. Теория Ч. Пирса оказала существенное влияние на его трактовку социальной коммуникации. Ч. Пирс раскрыл природу креативности в рамках теории научного познания, проясняя принципы креативного построения гипотез и решения проблем. Производство нового в научном процессе познания предполагает применение метода *абдукции* – логической операции, направляющей к новой идее посредством правдоподобных объяснительных гипотез. Хотя ее возникновение подобно вспышке молнии, оно поддается рациональному контролю. Философия Ч. Пирса предлагала принципы и предоставляла инструменты для руководства по производству новых идей в научном познании мира.

Следуя по стопам Ч. Пирса, американский философ Дж. Дьюи также рассматривает мышление как сущностное проявление природы человеческой креативности и обращает внимание на ее практические функции в социальной действительности. В этом контексте образование играет важную роль в построении демократического общества и творческом осуществлении в нем идеала сообщества Дж. Ройса. Образование призвано выходить за рамки воспроизводства традиционных привычек и мотивировать молодых людей к построению со-

общества, которое смогло бы стать лучше предыдущего, преодолеть худшее из имеющегося опыта на пути к реализации интересов каждого на легитимном основании открытого, динамичного и демократического общества. Именно *креативное мышление*, способствующее *креативной мобилизации* общества в отношении индивидуальных интересов и общественных ценностей, может сыграть важнейшую роль в подобном реформировании социальной действительности.

В рамках прагматизма детально анализируется не столько природа креативного общества, сколько *креативного действия*, продуктом которого оно является. Хотя концепция креативной демократии Дж. Дьюи формулирует ряд положений, которые будут в дальнейшем положены в основу социально-философской концепции креативного общества, ее центральное понятие выпадает из поля прагматистского исследования в конце XIX – начале XX вв.

Особую роль в формировании идеи креативного общества на данном этапе сыграло эссе Дж. Дьюи «Креативная демократия: задача перед нами» (1939) [2], в рамках которого рассматриваемый феномен выступает продуктом развития креативной демократии как *стиля жизни* личности, способной выносить самостоятельное суждение и реализовывать его в действии в публичном пространстве при наличии соответствующих условий. Такое общество является одновременно идеалом и фактом существования *публичного пространства*, в котором реализуется индивидуальный опыт во взаимодействии с другими его рефлексивными субъектами. Сформировав определенный горизонт видения и понимания того, что из себя могло бы представлять креативное общество, философия прагматизма конца XIX – начала XX вв. дистанцировалась от анализа одноименного понятия.

В этом плане появляется некоторого рода двусмысленность в трактовке его истории: несмотря на очевидный вклад прагматистской философии в формирование концепции креативного общества, история понятия, его введения в научный оборот и дальнейшего распространения в качестве философского термина и концепта начинается в европейской социально-гуманитарной мысли. Собственно понятие «креативное общество» изобретается в 1930–80-е гг. в европейской религиозной и социальной философии. Рассмотрим более детально, каким образом в текстах европейских философов формируется новый идеал социального развития.

Понятие «креативное общество»

Реконструкция истории данного понятия требует обратить внимание на тот факт, что термин «креативность» проникает в повседневный оборот только в 1920–50-е гг. [3, р. 68]. Вначале он полу-

чил распространение преимущественно в США, чуть позже – в европейской культуре. В это время существенно сдвигается общественный фокус внимания с креативности гения, находящейся

в пользовании исключительно узкой группы художественной элиты, на креативность в самых разнообразных формах реализации повседневной деятельности. Особую роль в этом процессе сыграли работы американского поэта и педагога Х. Мирнза, а также американского исследователя, автора техники мозгового штурма А. Осборна. Они предложили трактовать креативность как технологию, доступную каждому для освоения. В их работах сказывается влияние Чикагской лабораторной школы Дж. Дьюи.

Но собственно философское понятие «креативное общество» зародилось в европейской философии первой половины XX в., в теологически окрашенной социальной теории, рассматривающей общество как божественное творение, т. е. как сотворенное Богом и сотворимое каждым из нас в процессе эволюции. В 1935 г. шотландский философ Дж. Макмюррей опубликовал монографию под названием «Креативное общество: исследование отношения христианства к коммунизму» [4], ставшую манифестом христианского реформирования общества на пути к обозначенному идеалу. Только при наличии любви и прощения люди способны проявлять свою свободу и творчество, преодолевая страх, стыд и вину. Посредством творческой воли они строят сообщество, дарующее им ощущение единения человечества на все времена.

Начало XX в. – это время, когда вера в дух и силу сообщества оказалась предметом специального изучения философов по обе стороны океана. В работах мыслителей того времени понятие «креативное сообщество» обозначает воплощение подлинной христианской общины, объединяющей и вдохновляющей индивидов общей верой в вечные ценности, взаимной преданностью и верностью. Она не подавляет и не нивелирует природу субъективного, но создает условия для подлинно творческого саморазвития в диалоге с другими, во взаимной ответственности друг за друга в мире добровольно разделяемых и принимаемых ценностей совместного сосуществования.

Сопоставляя развитие христианских и коммунистических общин, Дж. Макмюррей выявляет диалектику вечного и временного в построении идеального общества на земле. Последняя глава его книги посвящена современному полю действия, направленному на реализацию идеального проекта креативного общества. Одним из его последователей в конце XX в. оказался лидер лейбористской партии Великобритании Т. Блэр. В 1996 г., за год до избрания премьер-министром, он написал введение к собранию избранных работ Дж. Макмюррея «Личный мир» [5], где отметил влияние его филосо-

фии на собственную систему политических взглядов и ценностных предпочтений.

В 1942 г. итальянский священник и политик Л. Стурцо использовал понятие «креативное общество» в работе «Социология сверхъестественного» [6]. Критикуя социологию Э. Дюркгейма, он метафорически называет ее теорией креативного общества: «В действительности, эта теория общества как целого (мы могли бы назвать ее теорией “креативного общества”) является в строгом смысле слова теологией, а его общество – божеством»¹ [6, p. 208].

В 1920–40-е гг. еще один европейский философ внес вклад в формирование идеала креативного общества и даже более того – *креативного мира*. С точки зрения немецкого философа Н. Гартмана, человеческая жизнь характеризуется пребыванием в состоянии постоянного ожидания приходящего, неизбежно раскрывающего сущность самотворящего человека. Каузальность мира в его философии также носит творческий характер. Поэтому подлинно социальный мир всегда находится в творческом ожидании целокупности должного. Творческая сила человека приобщает его к миру ценностей через призвание в совместном созидании и осуществлении должного быть. Только *творческая личность*, которую Н. Гартман называет демиургом в человеке (*der Demiurg im Mensch*), может завершить *созидание мира* в собственном призвании. Быть человеком – значит пытаться реализовать себя в *творческом призвании* (*Schöpferberuf*) [7]. Этика Н. Гартмана направляет *творческую силу* (*das Schöpferische, das Demiurgische*) человека к царству ценностей. Соответственно, и философия должна заботиться об этике как источнике, мотиве и цели человеческого мышления, фокусируясь на живом переживании того, что ценно само по себе. Хотя Н. Гартман не использовал собственно понятие «креативное общество», но его идеи о развитии креативного мира стали значимой вехой в формировании соответствующего концептуального поля осмысления данного феномена, выходя за рамки преимущественно социального.

В 1950 г. в работе немецко-английского социолога и философа К. Маннгейма понятие «креативное общество» появляется в контексте разъяснения сути демократического планового общества, которое станет таковым только в том случае, если будут реинтегрированы и «креативно использованы все проблемные группы» [8, p. 178]. К. Маннгейм проясняет смысл данного понятия в приложении к практической реальности, требующей реформирования. Однако едва ли можно квалифицировать столь прикладное и фрагментарное описание

¹Здесь и далее перевод наш. – И. М.-Д.

обозначенного феномена в качестве определения вводимого в научный оборот понятия: «Возможно предвидеть, что креативное общество (*creative society* [8, p. 178]; *schöpferische Gesellschaft* [9, S. 139]) могло бы обеспечить пожилых людей подходящей работой и позволить им выполнить те функции, которые проявят их качества и мудрость таким образом, что они перестанут быть просто обузой» [8, p. 178]. В данном контексте рассматриваемое понятие сохраняет несколько метафорический характер. Кроме того, единичные случаи его использования позволяют сделать вывод, что К. Маннгейм все-таки не рассматривал его в качестве одного из ключевых понятий своей социальной теории.

В 1970-е гг. американский теолог Г. Уинтер [10] использует понятие «креативное общество» для обозначения условий, в которых может и должна возродиться подлинная мысль о человеке и бытии. Его работа «Наука о человеке и этика в креативном обществе» (1973) формирует идеал социального развития исходя из формообразующей роли гуманитарно-этической составляющей в этом процессе. Критически осмысливая последствия научно-технического прогресса, он констатирует необходимость обращения наук о человеке к истокам фундаментального мышления. Проясняя этические основания подлинной науки, Г. Уинтер обращается к лекциям М. Хайдеггера «Что зовется мышлением?» для выявления причин ускользания мысли от человека в современном мире и возможности ее возвращения к вопросу о человеке и *Бытии*.

Немецкий философ П. Козловски определяет в 1980-е гг. общество постмодерна как креативное (*schöpferische Gesellschaft* [11, S. 141]) по своей сути, так как каждый человек в нем может стать художником (*Künstler*): «Художественное (*das Künstlerische*) есть творческое (*das Schöpferische*), которое необходимо раскрыть в каждом человеке» [11, S. 141]. Все возрастающая культурализация действительности предполагает развитие эстетической чувствительности к вещи и ее контексту, размывающей традиционные границы между различными сферами общества. В этой ситуации единственной наукой, которая способна совладать с вызовами «культурного хозяйства» постмодерна, является *этика*. Неокантианский проект возрождения и переосмысления роли этики в обществе постмодерна воплощается в неоаристотелевской версии заботы о доме, его этосе и разворачиваемой из нее альтернативной версии «этической экономики» [12]. Именно в рамках этики все еще возможно, согласно немецкому философу, обоснование того, чем является сегодня благо, добродетель, счастье и вера в их существование. Эта тема заставила П. Козловски обратиться в своих более поздних работах к философии религии, в рамках которой он формулирует

ряд вопросов, побуждающих переосмыслить понятие творчества и творения сквозь призму различных религий мира [13].

Шведские экономисты Д. Ф. Баттен и О. Е. Андерссон совместно с японскими коллегами Казухиро Ёсикава и Киёси Кобаяси опубликовали в 1993 г. результаты исследования *креативной системы* сетевой экономики [14]. Последнюю они обозначили понятием «космокреативное общество» (*cosmo-creative society*). Креативная среда порождается системой взаимодействия креативных индивидов, которая рассматривается в космополитическом и локальном измерениях. Их переплетение конституирует *космокреативный* срез анализа. В этом контексте выделяется для специального изучения феномен космокреативного города, т. е. «экстремально динамичного мира, направления развития которого задаются креативными причудами» [14, p. 10]. Познание этих процессов требует «более глубокого понимания каталитической роли ключевых индивидов, вовлеченных в логистические сети, и нелинейного динамического процесса сетевого взаимодействия» [14, p. 10].

Следует отметить, что интерес японских экономистов к понятию креативного общества укоренен в их отечественной философско-религиозной мысли и культурной традиции. Японский философ Киёси Мики обозначал с его помощью «подлинно трансцендентального воплощенного субъекта» [15, p. 456], исторического субъекта со способностью самосозидания с помощью воображения. С точки зрения Киёси Мики, человек способен быть креативным в той мере, в какой он достигает единения с креативным обществом, т. е. в какой мере оно через него сказывается. Японский философ Дайсаку Икеда попытался раскрыть суть креативного общества с помощью анализа его основополагающей составляющей – «креативной семьи» [16]. Он уделил особое внимание принципам созидания дома, воспитания и развития личности в семье, сохраняющей традиционные ценности и способной творчески их интерпретировать в современной действительности.

Постановка вопроса о гуманитарной и этической стороне *креативного общества* на Западе и Востоке во второй половине XX в. уже не носила метафорический или сугубо абстрактный характер как прежде, так как к тому времени креативное общество приобрело опыт самореализации за рамками преимущественно спекулятивной мысли. Это понятие, как и тот феномен, который оно обозначало, оказалось на короткий период в конце 1960-х гг. в зените политической славы. В это время оно превратилось в инструмент политической борьбы в форме слогана одной из предвыборных программ в США.

Инструментализация понятия «креативное общество»

Во второй половине 1960-х гг. социально-философское понятие «креативное общество» превращается в инструмент построения новой политической программы Р. Рейгана в его предвыборной кампании на пост губернатора Калифорнии в 1966 г. Парадигма креативной демократии, сформированная в рамках прагматистской философии Дж. Дьюи, приобретала новые перспективы практического применения. Необходимо при этом отметить, что в общем и целом политический дискурс креативного общества в 1960-е гг. в США (возрожденный в Европе лишь в 2010-е гг.) развивался во многом под влиянием распространенной в то время социально-политической концепции великого сообщества Дж. Ройса, Г. Уоллеса, Дж. Дьюи и У. Липпмана. Социально-гуманитарная почва для развития программы креативного общества была подготовлена в 1950–60-е гг. в США с помощью сформированной в то время целой инфраструктуры институтов и фондов, нацеленных на стимулирование развития креативности. А. Осборн, П. Торренс и Дж. П. Гилфорд могли испытать на себе значимость такой материальной поддержки [3].

Главная идея кампании Р. Рейгана была сформулирована в 1965 г. «правым» политиком У. Мак-Бирни [17]. В поисках емкого описания новой политической программы он предложил к рассмотрению слоган «Креативное общество» [17, р. 208]. С его помощью Р. Рейган выступил в 1966 г. против «великого общества» президента Л. Б. Джонсона, призывая к построению новой социальной действительности путем сокращения центрального бюрократического аппарата и усиления контроля на местах. С помощью новой политической программы он надеялся исправить изъяны государства всеобщего благосостояния. Вместо увеличения налогов на социальные программы он сделал ставку на волонтерскую деятельность и местное самоуправление. Одним из главных принципов местного управления стал следующий лозунг: «Слушай, а не отчитывай!» [18, р. 32]. В реформе высшего образования на первый план вышла задача не столько освоить программу изучаемых дисциплин, сколько воспитать творческий характер с привитием приемлемых моральных и этических стандартов.

Понятие «креативное общество» конца 1960-х гг. – это политический инструмент рейгановской кампании в конкурентной борьбе с программой «великого общества». Р. Рейган активно эксплуатировал его в 1960-е гг., но преимущественно лишь в предвыборной риторике. Уже после второй победы в борьбе за пост губернатора в 1970 г. это понятие постепенно ушло из политического и повседневного оборота. В 1970–80-е гг. его изредка использовали в качестве примера яркого политического лозунга одной из предвыборных кампаний.

И в то же время сама идея формирования социальной среды с ориентацией на ценность индивидуальной и общественной креативности оказалась в центре внимания культурной и экономической политики второй половины XX в. С 1960-х гг. в США активно проводятся политические реформы, ориентированные на культурное оживление сообществ и среды их обитания в депрессивных регионах: начиная с программы «Креативное общество» в рамках кампании Р. Рейгана в 1966 г. (в противоположность программе «Великое общество» Л. Б. Джонсона в 1964–1965 гг., направленной на борьбу с бедностью и расовой дискриминацией) через локальную культурную политику (*culture-led placemaking policies*) в 1960–90-е гг. по направлению к локальной креативной политике (*creative placemaking policies*) в 2000–2010-е гг. Последняя развивалась с помощью огромного количества субнациональных инициатив, в особенности в рамках гражданского общества, в целях культурного преобразования городов и трансформации сообществ в *места для творчества*. Искусства и ремесла рассматривались в качестве главного инструмента возрождения депрессивных регионов. Культурная политика содействовала возникновению стратегии, которая привлекала инвестиции для развития культурной инфраструктуры, повышения уровня жизни в спальных районах и пригородах посредством художественных практик и культурных развлечений.

Рейгановский подход к инструментализации понятия «креативное общество» был подхвачен в 1990-е гг. первоначально австралийским и британским правительствами, а в 2000-е гг. и правительствами других стран. Новое лейбористское правительство Великобритании к 1998 г. разработало целевую программу «Креативные индустрии», направленную на реформирование культурной политики в целях более эффективного управления зарождающимся культурно-экономическим сектором, включающим в себя следующие области: рекламную деятельность, архитектуру, искусство и антикварный рынок, ремесла, дизайн, индустрию моды, кинематографию и визуальное искусство, интерактивное программное обеспечение досуга, музыку, театральное искусство, издательское дело, программное обеспечение и компьютерные услуги, телевидение и радио. Внедрение в повседневный оборот понятия «креативные индустрии» в 1990-е гг. популяризировало дискурс креативности в широких массах и поставило под вопрос здравый смысл ряда политических трактовок возможных форм развития креативного общества. Бесконечное разнообразие его противоречивых интерпретаций присутствует и в социально-гуманитарных науках. Многие

из них обусловлены распространением риторики креативных индустрий.

Британский «креативный поворот», произошедший в 1990-е гг., может рассматриваться как возрождение американской политической стратегии с ее прагматическим истолкованием потенциала индивидуальной и общественной креативности. Национальный и федеральный бюджеты были опустошены политикой тэтчеризма и курсом рейганомии в 1980-е гг. Изобретение креативных индустрий в 1990-е гг. было обусловлено государственными попытками найти альтернативные ресурсы для поддержки локального малого и среднего бизнеса, в особенности в экономически уязвимом секторе культуры в свете строгой зависимости его от государственного финансирования, существенно сокращенного в то время. Более того, предполагалось, что ребрендинг государственной политики в терминах культурной экономики и урбанистического предпринимательства будет вдохновлять и способствовать экономическому росту страны в глобализуемом мире. Успешный опыт политики, формирующей облик населенных пунктов США в диалоге с европейской политикой в 1960–80-е гг., эффективно использовался в Великобритании в 1990-е гг. как инструмент адаптации к быстро меняющемуся ландшафту глобального рынка и новому разделению труда. С учетом данного опыта в 2000-е гг. разрабатывается общеевропейский подход к креативной политике в целях символического превращения Европы в одно из самых экономически привлекательных мест для творения и обретения собственного стиля жизни.

Новая волна концепций креативного общества появляется в начале XXI в. в связи с политикой ЕС,

направленной на развитие сектора креативных индустрий, и попыткой культивирования европейского пространства как креативного топоса. Ярким тому подтверждением является политическая программа ЕС «Креативная Европа» [19]. Понятие *creative Europe* является политическим конструктом ЕС, отражающим основные принципы воплощения концепта креативного общества на практике в европейском пространстве. Новая социальная реальность, конструируемая в рамках политического дискурса, репрезентирует зарождающийся гибридный экономический и культурный секторы. Политическая программа ЕС «Креативная Европа», базирующаяся на рекомендациях междисциплинарных исследований и обобщенных в экспертных отчетах, демонстрирует постепенный сдвиг практического интереса экспертов в 2000-е гг. к социальной теории как фундирующему основанию дальнейшего развития и реализации такого рода программ [20]. Однако основные положения программы «Креативная Европа» сформулированы в рамках американских и австралийских концепций креативной экономики, оформляющейся вокруг сектора креативных индустрий. Их тексты дают первичные определения и задают методологические подходы к таким феноменам, как креативные индустрии, креативный кластер, креативный класс, креативная экономика. Они же задают принципы визуализации, т. е. картографирования креативного капитала в мире. И только с 2010-х гг. возникает встречный вектор обращения к европейским социальным теориям, которые способны своеобразно объяснить и оценить суть реализующегося креативного поворота в европейском культурном поле с учетом его ценностей и традиций.

Неопрагматистский и праксеологический подходы к креативному обществу

Специфика современного креативного поворота в социальной теории и практике проявляется также и в том, что наиболее распространенные значения понятия «креативность» заимствуются из социальных наук, а не из психологии или когнитивных наук [21; 22]. Ряд исследователей создают специальный категориально-понятийный аппарат для выявления специфики современного креативного императива. Некоторые даже производят карманные справочники *vade tecum* (в пер. с лат. – иди со мной) для выживания и ориентации в мире «креативной пандемии» [22, р. 11]. Подобно тому как теологические пособия раскрывают суть божественного творения, современные версии *vade tecum* объясняют суть сегодняшнего призыва к творению в многообразии его версий. Современная креативность – это одновременно «и желание, и призыв, и притязание» [22, р. 12].

Возрождение интереса к коллективной креативности в 1990-е гг. тесно взаимосвязано с развити-

ем неопрагматизма в европейской социально-гуманитарной мысли. Немецкий социолог Х. Йоас разрабатывает в это время теорию креативности действия, опираясь на традицию американского прагматизма. Его книга «Креативность действия» (1992) [23] становится манифестом построения креативного общества целого поколения исследователей, внезапно обратившихся к прежде маргинальному в европейской социальной теории понятию «креативность». В работе Х. Йоаса оно обозначает сущностное проявление человеческого действия, обладающего чертами нетеологической интенциональности, дорефлексивной телесности интересубъективности и первичной социальности до и вне символических границ идентичностей.

Любое действие является человеческим в той мере, в какой оно креативно, и наоборот. И в этом плане рутинная, повседневная деятельность является одновременно условием и продуктом креативной деятельности. Но это не значит, что все

повседневные действия в равной мере креативны. Кроме того, Х. Йоас не пытается выстроить ценностную иерархию видов деятельности по степени проявления креативности, так как последняя не является сама по себе чем-то хорошим или плохим. Рутинная деятельность может рассматриваться как нечто ценное или, напротив, как проявление чего-то принудительного в зависимости от обстоятельств конкретной социально обусловленной ситуации и того дискурса, который детерминирует характер ее оценки.

Принципы оправдания креативного акта в различных моделях валидности могут эволюционировать. То, что сегодня оценивается позитивно, завтра может быть подвержено радикальной критике. Но при этом остается непроясненным вопрос, каким образом возникают и обосновываются новые, сменяют друг друга или сосуществуют модели валидности. Последние работы Х. Йоаса раскрывают данный вопрос в рамках исторического и социально-философского осмысления теории ценностей [24–26].

В качестве образца для построения своей модели креативного общества социолог использовал концепцию креативной демократии Дж. Дьюи, его «эмфатическое понимание демократии» [23, р. 199]. При построении перехода от микро-социологической теории действия к макросоциологической трактовке общества очень важно не потерять чувствительность исследователя к многообразию значений индивидуального действия, не редуцировать и не нивелировать их смысл к проявлениям универсальных процессов. Рассматривая неразрешимые дилеммы противопоставления рационального и нормативного в экономических и социологических подходах к социальной действительности, а также различные попытки их интеграции (Э. Гидденс, Н. Луман, Ю. Хабермас), Х. Йоас предлагает преодолеть данную оппозицию посредством раскрытия природы социальной сквозь призму теории действия. С ее помощью возможно исследовать общие проблемы социальной теории. Его обоснование возможности построения такой «микро- и макропреобразующей» призмы предполагает рассмотрение его теории креативности действия одновременно и как теории современного общества. Переходным этапом в разработке данного обоснования становится компаративный анализ различных концепций коллективного действия.

Несмотря на историческую тенденцию в сторону прогрессивной индивидуализации, коллективное действие трансформируется, но не исчезает. Постепенная подмена солидарного и автономного дисциплинарным порядком сменяется коллапсом автономного и возникновением новых форм солидарности и их «стратегической рационально-

сти» (Ч. Тилли), новых способов конституирования и удержания социального порядка. Х. Йоас проследживает в пространстве и времени возникновение и исчезновение различных общественных движений. Он не находит в современной социологии моделей, которые могли бы объяснить возникновение и распространение новых ценностей, добровольно принимаемых и осознанно разделяемых широкими слоями населения. Все многообразие направлений в исследовании коллективного действия и общественных движений он разделяет на три направления: рационалистическое (модель рационального экономического поведения экономиста М. Олсона), нормативное (модель нормативного поведения социолога Н. Смелзера) и креативное (символический интеракционизм и социология А. Турена).

Символический интеракционизм смог преодолеть недостатки психологии масс и попытался раскрыть формирование нового смысла социальной природы по мере вовлечения индивида в нахождение принципов решения ситуативных социальных проблем, формирующих его социальную идентичность. Он уделяет в равной степени внимание рациональному, эмоциональному и культурно-символическому измерениям социального действия. В этой модели природа рационального действия может раскрываться в том числе и как природа девиантного или случайного.

В свою очередь социология А. Турена демонстрирует, каким образом реализуется институализация новых ценностей и изменений в сознании людей. Для него «общественное движение – это коллективное действие, направленное на имплементацию ключевых культурных ценностей вопреки интересу и влиянию врага, который определяется в терминах властных отношений» (цит. по: [23, р. 208–209]). Следуя по пути символического интеракционизма и используя ряд идей социологии А. Турена, теория *креативности* действия преодолевает границы рационалистического и нормативного подходов, приобретая интегральный макросоциологический статус. Если прежде в экономике доминировала рационалистическая модель, а в социологии – нормативная, теория Х. Йоаса демонстрирует многообразие возможностей объединения различных моделей посредством теории действия. Отталкиваясь от последней, он попытался построить мост между микро- и макросоциологическими теориями с помощью категории креативности как интегрального измерения человеческого действия. Раскрытие природы повседневной креативности заставляет его пересмотреть основания построения теории общества и социальной теории в целом, их взаимоотношений. Он предполагает, что с помощью теории креативности действия возможно исследовать и ряд общих проблем социальной теории.

Хотя Х. Йоас достаточно редко обращается в своих текстах непосредственно к самому понятию «креативное общество», он подготовил теоретико-методологический фундамент для его анализа в рамках философии прагматизма. Дальнейшая его разработка и превращение в концепт были реализованы в теории практики А. Реквитца в начале XXI в.

Рождение европейской политики креативных индустрий совпало по времени с оформлением теории креативного общества в междисциплинарном поле теории практики. Одним из первых европейских социологов, кто на рубеже XX–XXI вв. попытался продемонстрировать основные векторы ее конституирования, был А. Реквитц. Его теория интегрирует в себе различные трактовки креативности от элитарно-романтической до неопрагматической в ее различных неолиберальных, консервативных и коммунитарных воплощениях, а также эклектичных симбиозов европейского элитизма и американского прагматизма в многообразии транснациональных проектов в современной действительности.

В той мере, в какой тема креативности и творчества является необъятной, проблема креативного общества по опыту ее формулирования в социально-гуманитарных науках имеет на сегодня достаточно узкое поле определения и разъяснения ее сути. Это понятие многие исследователи стараются избегать и не применять, заменяя альтернативными не только из-за его неоднозначности, но в первую очередь из-за исторически сложившейся и унаследованной совокупности его устойчивых коннотаций в современной культуре. А. Реквитц замещает его понятием «культурализованное общество», чтобы избежать «нормативных коннотаций» [27, р. 140]. Речь идет об укорененности этого понятия в *религиозно-теологическом* дискурсе, о периодически возрождающейся вокруг него мистической атмосфере. В результате воспроизводится дистанция пиетета, условно обозначающая границу между сакральным миром и повседневным, между тем, о чем дозволено рассуждать на языке светской науки, и тем, что остается *creatio ex nihilo* (в пер. с лат. – творение из ничего).

Операционализация концепта «креативное общество»

Сегодняшняя идея креативного общества во многом была сформирована в рамках дискурса *креативной экономики*, подобно тому как первоначальная идея информационного общества зарождалась в рамках концепции информационной экономики. Рассмотрим несколько параллельных векторов развития дискурса креативной экономики и его постепенной трансформации в дискурс креативного общества.

Американский социолог и экономист Р. Флорида рассматривает креативное общество (*creative soci-*

ety) как закономерный продукт развития креативной экономики, расширяющей и обосновывающей перспективы наиболее полной реализации человеческого потенциала. Его работа «Города и креативный класс» [32] описывает наряду с возможностями множество препятствий на пути трансформации креативной экономики в креативное общество. Среди них следует отметить все возрастающее экономическое и социальное неравенство, нетерпимость в отношении различного рода форм жизни и нехватку естественных ресурсов для обеспечения

А. Реквитц несколько дистанцируется от традиции неопрагматизма и подчеркивает, что его теория практики базируется на междисциплинарном фундаменте [28; 29]. В ее рамках он выстраивает свою модель современного общества [30]. Взаимоотношения двух теорий позволяют раскрыть природу социального и социетального в эпоху позднего модерна, где доминирует императив креативности в социальном режиме (вос)производства нового. Кристаллизация индивидуального, коллективного и общественного диспозитива креативности сказывается в новых способах структурирования и конструирования социальной реальности.

Раскрывая сущность праксеологической чувствительности к различным проявлениям нового, он демонстрирует все возрастающую и всеобъемлющую эстетизацию действительности, где личность, как и социальная группа, замещается понятием *трансгрессирующей сингулярности*, притязующей на уникальность в проекте воспроизводства портфолио автобиографии по дизайнерскому шаблону, установленному *диспозитивом креативности*. В борьбе за публичное признание сингулярности структурируются по степени признания в публичном пространстве в качестве успешных.

А. Реквитц выстраивает гранд-теорию, способную разъяснить специфику взаимоотношений между теорией практики [29], теорией общества позднего модерна [31] и формирующейся теорией креативного общества, вбирающей в себя определения повседневной деятельности в рамках следующих теоретико-методологических направлений: постструктуралистской философии М. Фуко, теории фигураций Н. Элиаса, неопрагматической социологии П. Бурдьё, Л. Болтански, Л. Тевено, Э. Кьяпелло, этнометодологии Г. Гарфинкеля, теории структуриации Э. Гидденса, теории социальных практик Т. Шацки, актор-сетевой теории Б. Латура, теории перфомативной практики Дж. Батлер и др. Этот ряд расширяется по мере развития авторских версий праксеологической теории как интегрального междисциплинарного исследования феномена практики в бесконечном разнообразии ее проявлений в прошлом, настоящем и будущем.

реализации творческого потенциала каждого индивида. Креативная экономика должна уступить место креативному обществу, которое призвано стать «более справедливым, более равным, более устойчивым и более процветающим» [33]. Однако следует заметить, что, несмотря на популярность данного взгляда на обозначенный феномен в современных социальных науках, ряд исследователей рассматривают понятие Р. Флориды «креативное общество» как «проблематичный концепт» из-за игнорирования многообразия форм развития человеческого капитала и невозможности редуцировать их вариации к доминанте креативного класса [34].

Американские эксперты по социальной политике и региональному планированию М. Стэрн и С. Сэйферт, критикуя концепцию Р. Флориды, также обозначили необходимость перехода от дискурса креативной экономики к реальности креативного общества, но по несколько иным причинам [35]. Эта необходимость обосновывается двумя существенными недостатками креативной экономики: преуменьшение значимости коллективной креативности в жизни общества и жертвоприношение социальной дислокации в угоду урбанистическому оживлению и конкурентным преимуществам. В качестве альтернативы предлагается модель креативной экономики, укорененной в *нейборхуд* (*neighborhood*), т. е. основывающейся на ценностях и ресурсах локальных сообществ и их соседства. Таким образом, двигаясь в сторону социальной интеграции и процветания соседствующих сообществ, креативная экономика превращается постепенно в креативное общество.

Несмотря на тот факт, что историю возникновения понятия «креативное общество» чаще всего изучают начиная с работ Р. Флориды, достаточно редко обращают внимание на беглое упоминание данного понятия в японском отчете 1994 г. по политике в области построения национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры. В это время правительство Японии разрабатывало реформы, направленные на построение «интеллектуально-креативного общества» [36, р. 20–21] в XXI в. посредством программ информационного развития.

Если выйти за рамки преимущественно западной социально-гуманитарной мысли, то можно заметить, что на Востоке понятие креативного общества приобрело практическое значение еще до выхода в свет первых работ Р. Флориды. Например, сингапурский архитектор У. С. В. Лим уже в 1981 г. опубликовал работу «В направлении креативного общества» [37], в которой раскрыл основные положения «этического урбанизма», апеллирующего к идее справедливости, облаченной в форму урбанистической практики в целях обеспечения хоро-

шей жизни для всех. Он подчеркивает значимость социальной и культурной среды в формировании и воспроизводстве качества жизни и возможностей для личной самореализации. Достичь этих целей невозможно без развития свободы человеческого духа, способного к личному выбору своего профессионального призвания, к принятию ответственности за него и к испытыванию чувства гордости за реализуемые действия в созидаемом справедливом обществе. Такого рода креативное общество хотя и является скорее идеалом, оно воодушевляет индивида на поиск наиболее оптимального решения каждой из повседневных задач для достижения хорошей жизни и счастья, выходящего за рамки удовлетворения преимущественно собственных материальных потребностей.

Несмотря на многообразие отечественных концепций креативного общества в Китае, в 2000-е гг. появляется целое поколение китайских экономистов, следующих по стопам Р. Флориды, несколько адаптируя его концепцию к специфике национальной действительности. Китайский экономист Ли Увэй в монографии «Креативность меняет Китай» (2011) [38] рассматривает три взаимосвязанных этапа в развитии современного Китая: 1) конституирование сектора *креативных индустрий*; 2) формирование *креативной экономики* вокруг сектора креативных индустрий, стимулирующего инновационное развитие всех сфер экономики; 3) постепенное возникновение на базе креативной экономики *креативного общества* посредством естественного и все возрастающего взаимодействия и объединения креативных индивидов в креативных группах, сообществах и нации в целом. Однако идея формирования «креативной нации» [38, р. 99] рассматривается скорее в качестве мотивирующей к дисциплинированной креативности, нежели действующего строгого алгоритма решения задач.

В своем определении креативного общества Ли Увэй отталкивается от определений Дж. Хартли (2007) и Р. Флориды (2002). Исследователи сходятся во мнении, что креативные индустрии призваны развиваться в сторону формирования не только креативного сектора или его креативного класса, но и общества в целом. Хотя многие страны (преимущественно развитые) уже находятся на стадии строительства креативного общества, Китай, согласно Ли Увэй, еще только начинает реализовывать постепенный переход от построения сектора креативных индустрий к формированию национальной креативной экономики, так как многие регионы Китая «застряли» на этапе индустриального развития, где ценности креативности не получают должного внимания со стороны экономической политики страны [38, р. 101]. Отличительными чертами креативной экономики, согласно Ли Увэй,

являются размывание границ креативных индустрий в процессе их постепенной *экспансии* во всех сферах жизни общества и осознание важной роли креативных индустрий в экономическом развитии страны посредством эксплуатации *национальных культурных* ресурсов.

На этапе перехода к креативному обществу креативные индустрии «прорываются» в социально значимые сферы жизни, выходя за рамки экономического поля их первичной реализации. Они превращаются в «открытые сообщества, совмещающие работу, жизнь и коммерческую деятельность» [38, р. 102]. Постепенно креативные индустрии становятся «живущими индустриями», на почве которых формируются *креативные сообщества* и соответствующий тип социальности. Их развитие приводит к постепенному формированию «культурной и социальной экологии» [38, р. 105], в рамках которой происходит сетевое взаимодействие креативных акторов, групп и сообществ посредством культурного и социального капитала. Креативные сообщества – это формообразующие элементы экологической среды, способной к устойчивому развитию.

Японский эксперт по информационно-коммуникационным технологиям, автор теории креативных систем Такаши Иба [39] полагает, что понятие «креативное общество» обретает конкретное практическое применение и внедряется в широкий оборот в 2000-е гг. во многом благодаря работе американского эксперта по образовательным технологиям М. Резника [40]. Однако сразу оговаривается, что сформировалось названное понятие на основе ранее возникших концепций креативной экономики Дж. Хокинса (2000) и креативного класса Р. Флориды (2002). М. Резник исследует креативное мышление в рамках школьных лабораторий и подчеркивает важность *морального и социального* измерения его работы: «Поворот к креативному обществу демонстрирует потребность и возможность: имеется все возрастающая потребность в развитии молодых людей как креативных мыслителей, подготовленных к жизни и быстро меняющемуся миру, и вместе с тем существует возможность развития более гуманных ценностей в обществе. Один из лучших способов помочь молодым людям подготовиться к жизни в креативном обществе – убедиться, что у них есть шанс следовать своим интересам, открывать и претворять свои собственные идеи и голоса в жизнь» [41, р. 158].

Почти одновременно с выходом в свет работы М. Резника немецкий социолог Э. Шэферс публикует монографию «Креативное общество» (2007) [42], раскрывающую специфику социума через категории нематериального, игры, эмоций, интуиции, обучения и единства самопознания [42, S. 23]. Если в индустриальном и информационном обществе

доминантными ценностями были «самоопределение и свобода», то в современном обществе обозначенные выше категории помогают объяснить изменение ценностной, а вместе с ними – и социальной структуры. В то же время канадские социологи А. Сейлс и М. Фурнье в книге «Знание, коммуникация и креативность» (2007) формулируют вопрос: «Живем ли мы сегодня в “креативном обществе”, как предполагал Ричард Флорида (2002)?» [43, р. 3]. Отталкиваясь от концепции Х. Йоаса, оба социолога сходятся во мнении, что природа современной креативности требует прояснения. В своем исследовании они демонстрируют, что она совмещает в себе черты «инновационного, деструктивного и адаптивного» [43, р. 3]. Ценности творения, воплощающиеся с помощью «воображения, игры, импровизации и атипичного поведения или креативной анархии» [43, р. 3] пронизывают собой все сферы жизни человека. Современные креативные процессы приводят к возникновению *рефлексивной креативности*, способствующей интеграции знания и инноваций в рамках новых социальных структур. Эти процессы проявляются в новых формах коммуникации индивидов одновременно в нескольких областях их компетенций, в каждой из которых они становятся равноправными акторами профессиональных экспертных сетей.

Американские экономисты Дж. Стиглиц и Б. Гринвальд [44] определяют креативное общество как открытое, демократическое и инклюзивное, в котором производство нового знания играет ключевую структурообразующую и смыслоконституирующую роль. Чтобы стать таковым, оно должно находиться в процессе постоянного обучения. Мотивация непрерывного (само)обучения становится важным стимулом экономического прогресса. В схожем ключе рассматривают креативное общество датские эксперты А. Пурушотаман (специалист по образовательным технологиям) и Чуфанг Жу (специалист по техно-антропологии) [45]. Они демонстрируют перспективы разрушения барьеров при получении образования в креативном обществе, где доступ к современным технологиям упрощает самораскрытие творческого потенциала, создавая для этого стимулирующую среду.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) опубликовала в 2000 г. отчет «Креативное общество XXI века» [46], ставший первым международным документом, вводящим в политический оборот данное понятие в качестве операционализируемого концепта. В частности, эксперты-экономисты Б. Стивенс, Р. Миллер и В. Михальски используют данное понятие для обозначения современного этапа роста «экономики знания» и формирования «общества знания», в рамках которого гомогенизированное массовое производство и потребление сменяется «творче-

ским разнообразием и децентрализацией ответственности» [46, р. 13].

В прикладных исследованиях концепт «креативное общество» редуцируется к совокупности показателей развития различных типов социального пространства и времени исходя из статистических принципов построения того или иного рейтинга (креативных городов, креативного капитала, таланта, инноваций, высоких технологий, концентрации креативного класса в регионе, богемы, гей-индекса и др.). Одним из подобных рейтингов является *глобальный индекс креативности*.

Р. Флорида совместно со шведским экономистом Ш. Мелландер и канадским экономистом и географом К. Кинг опубликовали *индекс креативности* [47]. Продукт их деятельности в форме международного рейтинга призван показать проблемные и преуспевающие регионы с целью привлечь высококвалифицированные и талантливые кадры в наиболее перспективные из них с точки зрения теории креативного класса для творческой самореализации современной личности. В подобных исследованиях суть определения понятия «креативное общество» сводится к визуализации ограниченного числа акторов, поддающихся подсчету с помощью конкретных методик в целях их аккумуляции в ограниченном числе регионов, представляющих интерес в первую очередь для дальнейшего привлечения экономических инвестиций. Такого рода операционализация концепта «креативное общество» в социологических исследованиях носит достаточно утилитарный характер и может содействовать дискриминации на почве предельно узко трактуемой креативности, преимущественно в качестве экономического ресурса про-

изводства инноваций и их реализации на предельно выгодных для их создателей условиях сделки.

Ряд исследователей попытались использовать американскую модель оценки развития креативности в рамках европейского пространства. Продуктивное научное сотрудничество между американским социологом Р. Флоридой и итальянским экономистом И. Тинагли воплотилось в отчете «Европа в креативную эпоху» (2004) [48] и продемонстрировало результаты создания индекса европейской креативности. Совместная работа Р. Флориды и Ш. Мелландер [49] представила результаты анализа различных кейсов европейской креативной экономики. В итоге сформировались приблизительные контуры концепции европейского креативного общества, которая частично разделяет ряд положений теории Р. Флориды [50], но в то же время и достаточно отличается от нее [51], претендуя на зарождающийся суверенный статус. Валидность и оправданность применения теории Р. Флориды к европейскому пространству была подвержена существенной критике в конце 2000-х гг. [52].

Сегодня сложно назвать страну в мире, в которой мы не нашли бы одноименные проекты и программы социально-экономического развития, направленные на содействие построению прибыльного сектора активного взаимодействия сфер науки, искусства, промышленности и бизнеса в многообразии гибридно-сетевых форм. Несмотря на все эти процессы, философы и социологи до сих пор с подозрением относятся к концепту «креативное общество» и не спешат внедрять его в понятийно-категориальный аппарат социально-гуманитарных наук без предварительной верификации его эвристического потенциала.

Заключение

Параллельно с развитием американского прагматистского дискурса креативной демократии в Европе зарождается социально-философское понятие «креативное общество». Первые концепции креативного общества укоренены в религиозно-теологической трактовке социального. Оно рассматривалось первоначально как проект божественного творения. Очевидно, что американские и британские политики, которые использовали данный концепт во второй половине XX в., были знакомы с философско-теологическим контекстом его конституирования. Он оставался отягощенным религиозными коннотациями вплоть до 2000-х гг., когда приобрел преимущественно утилитарный характер раскрытия своего смысла как один из политических инструментов педалирования экономического развития за счет аккумуляции и консьюмеризации культурного капитала. В 2010-е гг. осуществляется предельная рационализация и се-

куляризация замысла построения креативного общества.

На протяжении XX–XXI вв. феномен креативного общества превратился в предмет специального изучения в различных теоретико-методологических традициях и школах. В результате проведенной историко-философской реконструкции зарождения и оформления концепта «креативное общество» были выделены несколько основополагающих для него социальных теорий, конституирующих смысл обозначенного понятия и раскрывающих его в различных способах концептуальной операционализации: прагматистская теория креативной демократии, неопрагматистская теория креативного действия и праксеологическая теория общества сингулярностей.

При всем многообразии современных подходов к понятию «креативное общество» все они сходятся на одном тезисе: императив творчества задает

главный вектор и формы дальнейшего развития социальной действительности. Однако на рубеже XX–XXI вв. концепт «креативное общество» перестает обозначать непротиворечивую континуальность, превращается во множество разрывов, в которых собственно и выявляются новые смыслы связей, удерживающих индивидов в некоем подобии общества. Такой аспект рассмотрения приводит к росту прикладных исследований креативных сообществ, ориентированных на выработку конкретных политических рекомендаций. Вместе с тем утрачивается системность и комплексность в рассмотрении данного феномена как проявления универсальных социальных сил сплочения. Оживление сообщества путем интервенции без уяснения природы более

широкого контекста его функционирования едва ли возможно. Подобная политика превращается в выхоленную риторику слоганов для «общества двух скоростей», в котором действительность сообществ противопоставляется наиболее обеспеченным, экономически и социально защищенным классам. Во многом она обусловлена также и односторонним использованием гранд-теорий без учета многообразия отклонений ряда кейсов и замечаний этнографического характера от имеющихся схем обобщения. Современные социологические исследования различных типов креативных сообществ пытаются преодолеть недостатки и промахи политики такого рода, выявляя нивелируемые прежде лакуны в природе социальности.

Библиографические ссылки / References

1. Royce J. *The hope of the great community*. New York: The Macmillan Company; 1916. 136 p.
2. Dewey J. Creative democracy – the task before us. In: Boydston JA, editor. *John Dewey: the later works, 1925–1953. Volume 14*. Carbondale: Southern Illinois University Press; 1988. p. 224–230.
3. Nelson C. The invention of creativity: the emergence of a discourse. *Cultural Studies Review*. 2010;16(2):49–74.
4. Macmurray J. *Creative society: a study of the relation of Christianity to communism*. New York: Association Press; 1936. 196 p.
5. Conford Ph, editor. *The personal world: John Macmurray on self and society*. Edinburgh: Floris Books; 1997. 224 p.
6. Sturzo L. Sociology of the supernatural. *The American catholic sociological review*. 1942;3:204–214.
7. Hartmann N. *Ethik*. Berlin: Walter de Gruyter; 1935. 746 S.
8. Mannheim K. *Freedom, power and democratic planning*. New York: Routledge; 2007. 384 p.
9. Mannheim K. *Freiheit und geplante Demokratie*. Köln: Westdeutscher Verlag; 1970. 249 S.
10. Winter G. Human science and ethics in a creative society. *Cultural hermeneutics*. 1973;1(1):145–176. DOI: 10.1177/019145377300100107.
11. Koslowski P. *Die postmoderne Kultur. Gesellschaftlich-kulturelle Konsequenzen der technischen Entwicklung*. München: C. H. Beck; 1987. 194 S.
12. Koslowski P. *Prinzipien der Ethischen Ökonomie. Grundlegung der Wirtschaftsethik*. Tübingen: Mohr Siebeck; 1988. 339 S.
13. Koslowski P, editor. *The concept of God, the origin of the world, and the image of the human*. Berlin: Springer Netherlands; 2001. 161 p.
14. Andersson AE, Batten DF, Kobayashi K, Yoshikawa K, editors. *The cosmo-creative society: logistical networks in a dynamic economy*. Berlin: Springer; 1993. 295 p.
15. Curley MA-M. Miki Kiyoshi: marxism, humanism, and the power of imagination. In: Davis BW, editor. *Oxford handbook of Japanese philosophy*. New York: Oxford University Press; 2020. p. 447–464.
16. Ikeda D. *The creative family: life-force of the new society*. Tokyo: Nichiren Shoshu International Center; 1977. 179 p.
17. Schoenwald J. *A time for choosing: the rise of modern American conservatism*. Oxford: OUP; 2002. 352 p.
18. Von Bothmer B. *Framing the sixties: the use and abuse of a decade from Ronald Reagan to George W. Bush*. Amherst: University of Massachusetts Press; 2010. 304 p.
19. Dossi S. *The creative Europe programme. European implementation assessment*. Brussels: EPRS; 2016. 40 p.
20. Matsevich-Dukhan I. Towards a creative society: European versus American approaches. *European studies and Europe*. 2020;5:115–142.
21. Wuggenig U. Literaturhinweise zum Gebrauch des Kreativitätsbegriffs. *Kunstforum International*. 2017;250:178–183.
22. Beyes T, Metelmann J, editors. *The creativity complex: a companion to contemporary culture*. Bielefeld: Transcript; 2018. 257 p.
23. Joas H. *The creativity of action*. Chicago: University of Chicago Press; 1996. 336 p.
24. Joas H. *Die Entstehung der Werte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1999. 321 S.
25. Joas H. *Die Sakralität der Person: Eine neue Genealogie der Menschenrechte*. Berlin: Suhrkamp; 2011. 303 S.
26. Joas H. *Die lange Nacht der Trauer: Erzählen als Weg aus der Gewalt?* Gießen: Psychosozial-Verlag; 2014. 71 S.
27. Reckwitz A. The creativity dispositif and the social regimes of the new. In: Rammert W, Windeler A, Knoblauch H, Hutter M, editors. *Innovation society today: perspectives, fields and cases*. Wiesbaden: Springer; 2018. p. 127–148.
28. Reckwitz A. Toward a theory of social practices: a development in culturalist theorizing. *European Journal of Social Theory*. 2002;5(2):243–263.
29. Reckwitz A. *Kreativität und soziale Praxis: Studien zur Sozial- und Gesellschaftstheorie*. Bielefeld: Transcript; 2016. 310 S.
30. Reckwitz A. *Die Erfindung der Kreativität. Zum Prozess gesellschaftlicher Ästhetisierung*. Berlin: Suhrkamp; 2012. 408 S.
31. Reckwitz A. *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp; 2017. 480 S.
32. Florida R. *Cities and the creative class*. New York: Routledge; 2005. 208 p.
33. Florida R. Unleashing the creative reservoir. The Rise of the creative class, revisited. [Internet] 2012 [cited 2020 April 2]. Available from: <https://www.creativeclass.com/rfcgdb/articles/CEO%20Read%20Rise%20Revised%20Creative%20Manifesto.pdf>.

34. Murgas F. Creativity: goal or path? On meaning of creativity. *International Journal of Advances in Management and Economics*. 2015;4(3):162–167. DOI: 10.13140/RG.2.1.2759.0482.
35. Stern MJ, Seifert SC. From creative economy to creative society. *Culture and Community Revitalization: a Collaboration*. 2008;6:1–16.
36. Telecommunication Council Report. Reforms toward the Intellectual Creative Society of the 21st Century. May 31, MPT. *Japanese Technical Literature Bulletin*. 1994;22–27:20–21.
37. Lim WSW. Towards a creative society. In: Saw S-H, Bhathal RS, editors. *Singapore towards the year 2000*. Singapore: Singapore University Press; 1981. p. 156–162.
38. Wuwei L. *How creativity is changing China*. London: Bloomsbury Academic; 2011. 129 p.
39. Iba T. Pattern languages as media for the creative society. *Journal of Information Processing and Management*. 2013;55(12):[13]. DOI: 55. 10.1241/johokanri.55.865.
40. Resnick M. Sowing the seeds for a more creative society. *Learning and Leading with Technology*. 2007;12,18–22.-
41. Resnick M. *Lifelong Kindergarten. Cultivating creativity through projects, passion, peers, and play*. Cambridge: MIT; 2018. 208 p.
42. Schäfers E. *Kreativgesellschaft*. Göttingen: Cuvillier; 2007. 170 S.
43. Sales A, Fournier M. *Knowledge, communication and creativity*. London: Sage; 2007. 192 p.
44. Stiglitz JE, Bruce C. *Creating a learning society: a new approach to growth, development, and social progress*. New York: Columbia University Press; 2014. 680 p.
45. Purushothaman A, Zhou Ch. Change toward a creative society in developing contexts. *Woman's Barriers to Learning by Information and Communication Technology*. 2014;18(3):363–386. DOI: 10.1177/0971852414544008.
46. OECD. *The creative society of the 21st century*. Paris: OECD Press; 2000. 197 p.
47. Florida R, Mellander C, King K. The global creativity index 2015. *Martin Prosperity Institute* [Internet; cited 2020 April 2]. Available from: <http://martinprosperity.org/wp-content/uploads/2015/07/Global-Creativity-Index-2015.pdf>.
48. Florida R, Tinagli I. *Europe in the creative age*. London: Demos; 2004. 48 p.
49. Florida R, Mellander Ch. The geography of the global super-rich. *Cities*. 2019;88:112–124.
50. Correia CM, da Silva Costa J. Measuring creativity in the EU member states. *Investigaciones Regionales*. 2014;30: 7–26.
51. Boschma R, Fritsch M. Creative class and regional growth: empirical evidence from seven European countries. *Economic Geography*. 2009;85(4):391–423.
52. Kalsø HH, Asheim B, Vang J. The European creative class and regional development: how relevant is Florida's theory for Europe? *Creative Economies, Creative Cities. The GeoJournal Library*. 2009;98:99–120.

Статья поступила в редколлегию 03.04.2020.
Received by editorial board 03.04.2020.

УДК 316.01+316.01

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ЕЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ И РЕАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

А. И. ЛЕВКО¹⁾

¹⁾Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Указаны различия практической социологии, в рамках которой исследуется социально-культурная реальность, и теоретической социологии, предметом изучения которой является логический анализ понятий и эмпирических фактов. Отмечено, что позитивистская социология имеет дело не с самой социальной реальностью, а с ее моделированием в мышлении исследователя, который применяет методики различных опросов, анализ документов, социальный эксперимент. Практико-ориентированная социология исследует, в частности, социально-историческую, социально-символическую, антропологическую культурную реальность, в изучении которой определяющая роль принадлежит не теории и логическому анализу, а опыту социального взаимодействия в рамках определенного социального пространства и времени, характеризующихся присущими им ценностями и нормами поведения, например, исторической эпохи, национального, территориального, поселенческого, половозрастного профессионального и иного сообщества. Утверждается, что сформировать реалистическую картину преступности в обществе, вскрыть причины кризиса образования, духовно-нравственной деградации и т. д., опираясь на теоретическое моделирование, невозможно. Создание такой картины требует обращения к анализу духовных, символических, энергетических и других основ развития и функционирования самого общества. Прослеживается путь становления социологической науки от средневекового номинализма и реализма к позитивизму Огюста Конта, затем – к социальной логике и законам подражания Габриэля Тарда и социально-культурной социологии Эмиля Дюркгейма, от религиозно-философской традиции православного энергетизма и космизма к социальному структурализму Леви-Стросса и Мишеля Фуко, теории «габитуса» Пьера Бурдьё, символическому интеракционизму Джорджа Мида, теории стигматизации, ноосферной социологии и целому ряду других исследовательских направлений западноевропейской, американской и отечественной социологии.

Ключевые слова: виртуальная реальность; социальная реальность; номиналистическая традиция; символическая реальность; реалистические традиции познания; социальные ценности; девиантное поведение; формализм; рационализм; логика индивидуального мышления; социальная логика; социализация; инновация.

THEORETICAL AND PRACTICE-ORIENTED SOCIOLOGY, ITS VIRTUAL AND REAL GROUNDS

A. I. LEVKO^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

In this article, the author distinguishes between practical sociology, the field of study of which is socio-cultural reality, and theoretical sociology, the subject of study of which is logical analysis of concepts and empirical facts. Positivist sociology, according to his opinion, deals not with the social reality itself, but with its modeling in the researcher's thinking with the help of methods of various surveys, document analysis, social experiment. Practice-oriented sociology studies the following: socio-historical, socio-symbolic, anthropological and other cultural reality, in the study of which the decisive role belongs not

Образец цитирования:

Левко АИ. Теоретическая и практико-ориентированная социология: ее виртуальные и реальные основания. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:38–53.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-38-53>

For citation:

Levko AI. Theoretical and practice-oriented sociology, its virtual and real grounds. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:38–53. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-38-53>

Автор:

Анатолий Игнатьевич Левко – доктор социологических наук, профессор; главный научный сотрудник.

Author:

Anatoly I. Levko, doctor of science (sociology), full professor; chief researcher.
ol_ra@list.ru

to theory and logical analysis, but to experience of social interaction within a certain social space and time characterized by their inherent values and norms of behavior (historical epoch, national, territorial, settlement, gender and age, professional and other community). To form a realistic picture of crime in society, to reveal the causes of crisis in education, spiritual and moral degradation etc. from the position of their theoretical modeling, is impossible, according to the researcher. Its creation requires an appeal to the analysis of spiritual, symbolic, energy and other foundations of the development and functioning of society. The author traces the development of sociological science from medieval nominalism and realism to positivism of Auguste Comte, and from him to social logic and laws of imitation of Gabriel Tarde and social-cultural sociology of Emile Durkheim, from the religious and philosophical tradition of orthodox energetism and cosmism to social structuralism of Levi-Strauss and Michel Foucault, «habitus» by Pierre Bourdieu, symbolic interactionism of George Mead, theory of stigmatization, noospheric sociology, and a number of other research areas of Western European, American and domestic sociology.

Keywords: virtual reality; social reality; nominalistic tradition; symbolic reality; realistic traditions of cognition; social values; deviant behavior; formalism; rationalism; logic of individual thinking; social logic; socialization; innovation.

Символическая, духовно-энергетическая, ценностно-нормативная, духовно-нравственная реальность культуры и реальность мыслительного моделирования: очевидное и невероятное в их познании

Сама по себе постановка вопроса относительно практико-ориентированной социологии, содержащаяся в названии статьи, может показаться абсурдной. Любая социология является практико-ориентированной, поскольку изначально нацелена на решение тех или иных практических или теоретических проблем. Согласно устоявшемуся убеждению практика выступает основным критерием истинности любых научных предположений или гипотез, способом определения их достоверности. Такой же научной истиной изображается сложившееся традиционное разделение социологии на теоретическую и эмпирическую (прикладную), что представляется само собой разумеющимся, как историческая субъект-объектная или гносеологическая практика познания. В данном случае мы не задумываемся о том, какую реальность изучаем и каким образом это делаем, с помощью каких инструментов или методов осуществляем анализ. Ведь и так понятно, что наука выявляет закономерности развития мира. Понимая это, мы не задаемся вопросом о том, познаем ли мы мир при социологическом исследовании довольствуемся: миром нашего мышления и конструируемой им виртуальной реальности или миром сложившейся социально-культурной практики бытия, реальности нашего существования. Изучение и того и другого невозможно без анализа эмпирических фактов, применения методов логического и феноменологического анализа и прогнозирования, методов герменевтики и понимания. Однако если мы сво-

дим весь процесс познания лишь к методам постижения или методологии, рассматривая практику только как критерий истинности той или иной теории, а не как социально-культурную реальность, то неизбежно сталкиваемся с образовательными, правовыми и другими затруднениями. К числу этих проблем относятся вопросы профессиональной компетентности, девиантного поведения, духовно-нравственного климата в обществе и целый ряд других социальных противоречий, природу которых традиционными методами постичь невозможно. Объяснить их, а тем более понять на уровне лишь логического анализа мы не в состоянии. Знания, обретенные в процессе категориального анализа и заучивания научных истин, в отрыве от жизненного и профессионального опыта существующей культуры общества и сложившегося под ее влиянием образа жизни не только не становятся гарантом успешной деятельности в сферах экономики, политики и др., но нередко и препятствуют этому. Чаще всего так бывает в случае, когда целенаправленная ориентация вступает в противоречие с выбором средств достижения цели. Стихийная же социализация индивида в данном случае оказывается более приоритетной по сравнению с существующими стандартами образования и методами целенаправленного воспитания, а девиантное поведение предпочтительнее нормативного. Сложившийся социальный порядок уступает место социальной аномии и рассогласованию общественных и личных интересов.

Преступность как предмет исследования практической социологии

Преступность в этом случае находит питательную почву в самом образе жизни. Как справедливо заметил известный исследователь феномена преступности американский социолог Эдвин Шур, «мы вправе сказать, что каждое общество имеет таких преступников, каких оно заслуживает. <...>

Преступность – отнюдь не статический феномен, в рамках которого определенный индивид имеет четко выраженные признаки “преступника” (для любого времени и места), тогда как другие “их не имеют”. Наоборот, и поведение индивида, и его представления о себе постоянно претерпевают из-

менения и оказываются весьма чувствительными к реакциям других людей» [1, с. 38, 166]. Соответственно, преступным считается в известной мере то, что социологи называют присвоенным статусом. Квалификация индивида как преступника определяется отношением к нему и его поведению других людей, но она отнюдь не является прямым следствием его собственных действий. Здесь многое зависит от того, каким образом реагируют на то или иное действие непосредственно те, кто ставит «клеймо преступника», – официальные контрольные органы (полиция и суды), а также от типичных процессов взаимодействия между этими органами и индивидами, которых они рассматривают как преступников: «...социальные группы порождают преступность, создавая такие нормы, нарушение которых характеризуется как девиантность, и применяя их к конкретным лицам, которые таким образом оказываются аутсайдерами. С этой точки зрения девиантное поведение выступает не как свойство деяний, совершенных человеком, а, скорее, как следствие применения к человеку другими лицами норм и санкций, превращающих его в “правонарушителя”. Тот, на кого удалось наложить это клеймо, уже считается преступником; таким образом, девиантное поведение – это такое поведение, противоправность которого определяют сами люди» [1, с. 165–166].

Анализируя проблему выбора государственного лидера, Г. В. Ф. Гегель подчеркивал, что каждый народ имеет того руководителя, которого заслуживает. Его успех или неудачи определяются не столько личностными качествами, сколько их общественной востребованностью в сложившейся ситуации здесь и сейчас. Действительно, как отмечают социологи, само понятие индивидуального я имеет мало смысла в отрыве от незаметного и продолжительного взаимодействия с другими индивидами начиная с раннего детства. Индивид ищет у других подсказку, признание, одобрение и поддержку, ожидает прямой или косвенной реакции, в соответствии с которой он мог бы изменить свое поведение и приблизиться к тому идеалу, который хочет избрать для себя. Таким образом, индивидуальное поведение складывается в результате непосредственного взаимодействия в своей группе и под влиянием представителей других групп, на которых человек почти незаметно «проверяет» себя, тем самым формируя свои воззрения и свой образ действий. В различных социально-культурных условиях «одно и то же стремление к приобретению денег ведет одного человека к преступлению, а другого делает миллионером...» [1, с. 38]. Разные районы одного и того же города имеют свои особые традиции, которые оказываются решающими в формировании взглядов и поведения молодежи района. «И если мы, – писал Э. Шур, – хотим

перестроить нашу политику в отношении преступности на реалистической основе, мы обязаны коренным образом перестроить свои взгляды на преступность и меру наказания. Мы должны создать такую атмосферу, в которой политики (включая и политических лидеров) могли бы начать пропаганду разумных мероприятий, не рискуя при этом совершить политическое самоубийство» [1, с. 19].

Социологи путем анализа полученных результатов сумели разработать некоторые теоретические концепции, направленные на объяснение преступности. «Подобные теории – и это нужно подчеркнуть – не кабинетные абстракции, находящиеся в противоречии с реальностью. Наоборот, они прекрасно согласуются с фактами, которые эти теории пытаются систематизировать и объяснить. Количество существующих социологических “теорий” преступности (если слово “теория” понимать не в строго научном смысле) довольно велико, и среди них есть немало подчас противоречащих друг другу. Тем не менее есть и некоторые перспективные концепции, и выводы, общие для большей части этих работ, что можно рассматривать как указание на наличие широкого научного подхода к проблемам преступности» [1, с. 141]. *К их числу относятся теория обучения преступному поведению, урбанистические исследования преступности, теория аномии и субкультуры, теория стигматизации или клеймения преступника.*

Эмиль Дюркгейм первый, по мнению Э. Шура, установил, что правовое и девиантное поведение индивида определяется не его характером и психолого-физиологической природой, а сущностью тех социальных ценностей и норм, с позиции принятия или отрицания которых определяется выбор целей и средств их достижения. Понять смысл всех вариаций этого выбора можно, если смотреть на них с точки зрения стабильности и широты социальных связей в разных группах и при различных обстоятельствах. Если цели и средства не полностью соответствуют друг другу, по утверждению последователя Дюркгейма американского социолога Роберта Мертона, можно ожидать появления условий, подобных аномии Дюркгейма. Такой схожестью, по мнению Э. Шура, обладает понятие «инновация» «под которым подразумевается принятие индивидом каких-то культурных ценностей при одновременном отказе от одобряемых обществом средств (или, на худой конец, обращение к нестандартным средствам)... Предположительно именно это и происходит при совершении большинства преступлений и правонарушений. Мертон видел, что подобный “выход” человеческих страстей неразрывно связан с чрезмерным ажиотажем вокруг финансового успеха, характерным для Америки, особенно когда это не сопровождается выбором адекватных средств его достижения. Он писал, что “в тех слу-

чаях, когда в системе ценностей какие-то цели, связанные с личным успехом, обретают превалирующее значение для всего населения, а социальная структура серьезно затрудняет или полностью преграждает доступ к общепринятым средствам их достижения для значительной части этого же населения, девиантное поведение получает наибольший размах» [1, с. 157].

Мертон, по мнению Э. Шура, наглядно подтвердил свой тезис, разработав типологию возможных комбинаций принятия или отрицания и целей, и средств как факторов, порождающих тот или иной общий тип конформизма или девиации. Основными категориями Мертона были конформизм, инновация, ритуальность, уход в себя и бунт [1, с. 156].

Социология между виртуальной и подлинной реальностью. Исторический поиск альтернатив исследования и его позитивистские, антропологические и социально-культурные результаты

Современная социологическая наука представляется в основном как рациональное обустройство трансформирующегося общества или социологический позитивизм, напрямую связанный с интеллектуальным развитием человека. В этом случае, как утверждает, например, руководитель Европейского социологического центра Пьер Бурдьё, анализируются лишь субъект-объектные отношения, и понятие «субъект» используется в широко распространенных представлениях о моделях, структурах, правилах. Исследователь принимая объективистскую точку зрения, видит в субъекте марионетку, которой управляет структура, и лишает ее собственной активности. Конкретным выражением такой структуры выступает факторный и системный анализ. Согласно первому подходу социология, как и любая другая наука, имеет дело с фактами объективной реальности, а фактуальность является важнейшим выражением научности. Когда социолог говорит о факторах консолидации и развития общества, то чаще всего имеет в виду внутренние и внешние причины или императивы, обуславливающие данные процессы, подтверждением наличия которых служит сам факт существования причинно-следственной зависимости между ними: «Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которой детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования» [2, с. 158].

Системность же есть способ выражения социальной целостности, когда взаимодействие струк-

Анализируя вопрос девиантного поведения, Дюркгейм и Мертон, как отмечает Э. Шур, пришли к одному и тому же выводу: суть проблемы заключается в противоречии между конструируемой с помощью политических средств социальной реальностью и исторически сложившейся социально-культурной действительностью; между нормами, сформированными на основе тех или иных рациональных концепций, и ценностями национального, территориального, поселенческого, профессионального, половозрастного характера в конкретном социальном пространстве и времени. Основная задача социолога – разрешить противоречие между социальной теорией и общественной практикой, между виртуальной и подлинной реальностью.

турных элементов порождают новую реальность, не сводимую по своим качественным характеристикам ни к одному из образующих ее элементов. Само общество в данном случае, по аналогии с организмом и технической системой, предстает как саморегулируемая и самоуправляемая социальная система. Основным источником ее развития – сам человек. Считается, что его биологическая, социальная и технологическая эволюция дополняли и взаимно влияли друг на друга, развиваясь в русле цивилизации. Человек стал ее творцом и движущей силой. Стремление к улучшению и совершенствованию себя и окружающего мира является естественным для человека. Новые технологии меняют все вокруг, в том числе и нас самих. Социальное может выступать в двух качествах: как отраженное в биологии человека и зафиксированное в его генетической программе (первичная социализация); как важное условие реализации наследственности человека (вторичная социализация). Формирование социальной сущности человека невозможно не только без социальной среды, но и без определенных биологических предпосылок, сложившихся в процессе антропосоциогенеза.

Однако правомерно ли рассматривать общество по аналогии с технической системой или организмом, считая его своеобразным результатом антропосоциогенеза? Такой вопрос в классической социологии впервые был поставлен Э. Дюркгеймом, научное наследие которого сегодня трактуется весьма неоднозначно. Техническая система конструируется самим человеком на основе подражания природе. На этом зиждется вся техногенная цивилизация. Человеческие же индивиды могут лишь подражать друг другу, поэтому законы подражания, как утверждал Габриэль Тард, являются основными законами социального развития, которые отличают социальную систему от технической.

Вся техногенная цивилизация – это прежде всего результат адаптации жизнедеятельности человека к природной и социальной среде. Как только появляется внутренняя саморегуляция, техническая система начинает обретать отдельные черты живого организма. В этом направлении сегодня и идут поиски искусственного интеллекта. Организм, становясь социальным и культурным, выступает составной частью социально-культурной общности, а эта общность и порождает индивида как человека определенной эпохи, страны, господствующего религиозного и философского мировоззрения, национальной культуры. Объективное и субъективное начала этой социальной реальности существуют в органичном единстве и целостности. *Социально-культурная реальность* – это реальность бытия или существования самого человека, не сводимая лишь к результатам его трудовой и познавательной деятельности. Соответственно, предельные основания своей жизнедеятельности человек находит не в самом себе и собственных силах чувства и разума, они для каждого отдельно взятого индивида определены социальным временем и пространством его жизни, ценностями и нормами, определяющими ее смысл в данных условиях. Ни философия, ни наука сами по себе постичь этот смысл не в состоянии, как и ответить на поставленные еще Иммануилом Кантом вопросы: кто я? что я могу? на что смею надеяться? Дать ответ с позиции философского и научного анализа если и возможно, то в весьма ограниченных пределах. Научное видение чаще всего связано с физической и биологической субстанциями человека и социальной статикой его жизнедеятельности, в то время как проблема нашего собственного я заключена в его постоянно изменяющемся духовном мире и самой динамике общественной жизни. От этих противоречий, как и от других проблем становления и развития культуры, культурного потенциала человеческой деятельности, социология чаще всего абстрагируется. С момента своего возникновения социология, как отмечал Пьер Бурдьё, всегда стремилась позиционировать себя как строгая наука, связанная с наблюдением и измерением, а не с вторичным осмыслением вторичных материалов. Согласно сложившемуся представлению социология – это осмысление социального мира как пространства объективных связей, трансцендентное по отношению к агентам и не сводимое к взаимодействию индивидов. Здесь главное – «подчинение правилу». Весь процесс познания тем

самым сводится к субъект-объектным отношениям, в которых субъекту принадлежит лишь роль некоего отражателя, производного от социальной структуры общества. При этом, как правило, не учитываются временные структуры и эмоциональный опыт, роль которого в познании весьма существенна, а также ценности и нормы культуры, которые отличают условия и смыслы жизнедеятельности людей одной эпохи (социального времени жизни) от другой. Основным вопросом социологического анализа был и остается соотношение личности и общества, т. е. выяснение, что является основным источником социальной жизнедеятельности: личная ценностно-нормативная позиция, диспозиция, определяющая ее поведение и деятельность в обществе, или ценности и социальная структура самого общества; иными словами, какую роль в развитии общества играет его культура и можно ли это развитие считать социально-культурным. При такой постановке вопроса акцент с понятийно-категориального или гносеологического анализа смещается в область онтологии, и прежде всего к определению, что представляет собой сама социальная реальность: сложившиеся структуры и формы социального взаимодействия, религиозные и прочие ценности и нормы мировоззренческого представления или что-то другое. В этом плане при оценке достижений социологической науки П. Бурдьё мог опираться на опыт своих французских предшественников, в частности Г. Тарда, который основой социальности считал закон подражания, и Э. Дюркгейма, который, вслед за Карлом Марксом, важнейшим источником социального развития называл закон разделения труда, и Клода Леви-Стросса, а также Мишеля Фуко, полагавших, в отличие от их предшественника Огюста Конта, что основным предметом социологического анализа является не понятийный логический анализ, а сама исторически сложившаяся социальная реальность. Каким образом понимать социальную науку: как виртуальную реальность на уровне философской гносеологии, антропологическую реальность человекомерного развития или как историческую социально-культурную реальность?

Этот вопрос возник не вчера и имеет глубокую историческую традицию. Однако в качестве научной социологической проблемы он оформился лишь на рубеже XIX–XX вв. и прежде всего среди таких французских исследователей, как О. Конт, Г. Тард, Э. Дюркгейм, П. Бурдьё и др.

От средневекового номинализма и реализма к позитивизму Огюста Конта

Исходным пунктом данной проблемы выступает спор относительно того, какую реальность – виртуальную или номинальную, проявляемую на уровне философского и научного мышления или

подлинной онтологической реальности, – исследует социолог. Закономерности познания или развития природы и общества устанавливает ученый?

Свое конкретное философско-историческое выражение этот вопрос нашел еще в средневековой философии и достаточно отчетливо проявился в известном споре между номинализмом и реализмом. «Номинализм (от лат. *nomen* – род, падеж; *nominis* – имя, наименование) – философское учение, отрицающее онтологическое значение универсалий (общих понятий), т. е. утверждающее, что универсалии существуют не в действительности, а только в мышлении. В средние века был одним из течений схоластики, возникающим в ходе спора с реализмом об универсалиях» [3, с. 440].

Основой познания номиналисты считали слово Бога, выраженное в религиозном тексте. Божество может раскрыть себя только символически, поскольку оно выходит за пределы естественного мира. Символы, в свою очередь, неизбежно связаны с мифами, в которых они истолковываются.

Реалисты, наоборот, полагали, что мы изначально имеем дело с самой материальной и духовной сущностью, реальным бытием нашей жизнедеятельности, отражаемыми органами наших чувств, одним из инструментов которых (в частности, мозга) является мышление: «Реализм (от позднего лат. *realis* – вещественный, действительный) – философское направление, признающее лежащую вне сознания реальность, которая истолковывается как бытие идеальных объектов (Платон, средн. схол.) либо как объект познания, независимый от субъекта, познавательного процесса и опыта» [3, с. 569].

Вся последующая история познания связана с поиском компромисса между отмеченными выше методологическими позициями. Одним из результатов такого поиска в западноевропейской философии явился рационализм, получивший позже название позитивизма, согласно которому те закономерности, которые устанавливает ученый, – это закономерности познания. Критерием его истинности или ложности выступает сама практика жизнедеятельности человека. Именно она подтверждает или опровергает достоверность той или иной научной гипотезы. Исходным пунктом этого познания выступает категориальный или логический анализ познавательных универсалий, поэтому само научное познание носит идеальный или виртуальный характер в форме тех или иных мыслительных конструкций в виде теорий, концепций и парадигм. В этом плане оно является формальным, а не реальным. Научное познание лишь создает образ или форму этой реальности благодаря ее идеализации. Платон же, как известно, – один из родоначальников философской идеализации, основанной на рационализации и ориентации на трансцендентальный носитель духовной культуры, который обращен к некой высшей реальности существующего независимо от воли и желания самого человека и той ситуации, в которой он находится и с позиции

которой воспринимает мир как некую идеальную или мыслимую метафизическую реальность, существующую обособленно от физической реальности. В качестве таковой выступают философские универсалии или категории, являющиеся логическим выражением абсолютной идеи и исходным пунктом для развития мышления человека, поэтому история становления общества, согласно данной методологии, – это история развития рационального мышления человека. Данная мысль наиболее четко прослеживается в философии Гегеля, в которой само социальное бытие и общественное существование обосновываются как диалектическое единство между сущностью, выражаемой в философских категориях, и должествованием исторического существования, благодаря которым универсальные категории мышления человека обретают определенные исторические формы. Противоречие в виде антагонизма между сущим и должным, по мнению философа, ведет к отчуждению от самих исторических условий существования.

В таких логических выводах не учитываются как минимум два обстоятельства. Во-первых, наряду с логикой сущего и должного состояния нашего ума, есть еще логика социально-культурного существования человека, имеющая свои онтологические основания, не только выходящие за рамки теории познания, но и предшествующие ему в виде архетипов коллективного бессознательного. Во-вторых, проблема сущности предстает в аспекте мыслимого образа объективной реальности, выраженного в данном случае через анализ, категории «человек». Здесь логика декларации данного утверждения должна сменяться логикой соответствующего концептуального его обоснования. Существует множество философских и социологических концепций, в которых в качестве сущностных характеристик человека предстают его разум или мышление, потребности и прагматические интересы, любовь к другим людям, аналогия с организмом или машиной («человек-животное» или «человек-машина», теряющие свою человеческую сущность, социальные роли) и т. д. Объединить все эти начала в единое целое на уровне теоретического анализа до сих пор не удавалось никому. Методологический синтез относится к онтологической проблеме холизма или целостности общественного бытия, а не к анализу гносеологии познания. Здесь речь должна идти о диалектике сущности и существования. Сущность любого понятия исторически изменчива. Каждая философская категория и каждое научное понятие изменяют свой смысл в различные исторические эпохи в результате сочетания с должным реальным существованием человека.

Означает ли это, что человек и его мышление появились раньше общества, объединенного на основе родовой, религиозной принадлежности и др.,

а сознание всегда предшествует архетипам культуры коллективного бессознательного?

Научно-технический прогресс и эпоха Просвещения сформировали убеждение, согласно которому научное мировоззрение, в отличие от религиозного или телеологического и метафизического, обращено исключительно к физической реальности и основано на познании объективных законов природы и общества. Сам же человек есть не что иное, как результат эволюционного психолого-физиологического и генетического развития, которое выступает основной предпосылкой общественного развития и выражается в смене мировоззрения.

В этом развитии, как утверждал Огюст Конт, можно выделить три основные стадии:

- телеологическую, или эпоху господства религиозного мировоззрения;
- метафизическую, или эпоху абстрактно-философского познания;
- эпоху позитивного научного знания, или позитивизм.

Позитивное научное знание, по Контю, основывается исключительно на законах логики, выражающих саму его сущность. В связи с этим любое социологическое исследование начинается с гипотезы или научного предположения о причинно-следственной взаимосвязи между изучаемым явлением и факторами, их обуславливающими. Достигается это благодаря эмпирической интерпретации понятий и построения на этой основе процедуры социального измерения с помощью, например, шкалирования вариантов ответов на поставленные вопросы. Рациональность данного процесса базируется исключительно на логике научного поиска.

Однако рациональность – *многоплановое* понятие, представляющее одновременно как психолого-гносеологический и социально-исторический феномен, который не сводится лишь к социальному окружению или социальной среде. И здесь мы сталкиваемся с диалектической противоречивостью формально-математического и эмпирически содержательного аспектов человеческого знания. Формализованные модели принятия решений во многом оказываются *нереалистическими*. Рациональность может распространяться на человека – субъекта действия, поступки личности, оцениваемые ею в рамках отношения *цель – средство*, или рассматриваться с точки зрения адаптации людей и коллективов к некоторой среде; она затрагивает сферу «личностной самоорганизации», либо связывается преимущественно с трудовой деятельностью (ее эффективностью, результативностью), прилагается к отдельным сферам поведения либо понимается как явление, характеризующее обширные сферы человеческой деятельности. Рациональность может выступать как в статике, так

и в динамике. Ее можно трактовать как основу индивидуального поведения, но следует учитывать, что возникновение соответствующих феноменов будет зависеть от определенных институциональных систем. Наконец, рациональность можно «привязывать» к неким абстрактным параметрам (типа *выигрыш – проигрыш*), либо воспринимать как «ведущую в сторону» и относящуюся к технологии, технике.

Учет этих аспектов – дело различных наук: социологии, гносеологии, логики, психологии, экономической науки, кибернетики как области, где изучаются системы «человек – техника».

Социология как наука не сводима лишь к логике аналитического мышления и, наряду с физическими, *имеет свои духовные основания*, заключенные в самой культуре общества. Они выражаются в различных формах социальной коммуникации и не исчерпываются лишь субъект-объектными отношениями, поскольку своеобразным посредником между этими отношениями выступает культура общества в виде системы социальных ценностей и норм. Духовное развитие, хотя и неотъемлемо от физического, имеет не только свои естественные, но и мифологические, религиозные и другие предпосылки. Обращение к ним позволило в свое время Максиму Веберу по-новому взглянуть на формирование различных типов общества. Тем не менее социологический анализ Вебера, как и всей немецкой социологии, во многом был предопределен его французскими коллегами Г. Тардом и Э. Дюркгеймом. Они фактически выступили родоначальниками практико-ориентированной социально-культурной социологии, хотя этот факт стал очевидным только в наше время. Долгое время их практико-ориентированная социология сводилась лишь к социокультурному методу теоретического анализа, или социологизму. В современной же западноевропейской социологии проводится четкое различие между позитивистской, виртуальной по своему существу, и практико-ориентированной социально-культурной социологией. К тому же внутри самой социально-культурной социологии отчетливо выделяются *социально-историческое, антропологическое, символическое, постмодернистское* и другие направления.

Для того чтобы понять различие между социально-историческим, антропологическим и символическим направлениями социально-культурной социологии, следует выяснить, каким образом анализируется в них проблема духовного развития. Социально-историческими исследованиями занимались, например, такие французские социологи, как Г. Тард и Э. Дюркгейм. Их соотечественник П. Бурдьё проводил антропологические социально-культурные исследования социального пространства и времени. К числу символического направления социально-культурной социологии

можно отнести символический интеракционизм Дж. Мида, теории стигматизации, или наклеивания ярлыков, ноосферную социологию и целый ряд других направлений западноевропейской и американской социологии.

Основой всех социокультурных исследований символического направления является знаково-образная структура, представленная в социологическом исследовании в виде знака, предмета, слова, действия или образа. Восходя к мифологическим основаниям, социальный символ в данном случае выступает как предельно концентрированное обобщение, как смысл, идея явления. Он выражает отношение вступающих в общение индивидов к значимому для них факту или явлению, служит средством установления контакта, взаимоотношения, пробуждения социальных чувств. Социальный символизм нашел свое отражение не только в западноевропейской, но и в отечественной, в том числе и белорусской, социологии. Достаточно широко он был представлен и в философии русского православного космизма, послужившего впоследствии основой для ноосферной концепции В. И. Вернадского и его последователей, социологической концепции символического интеракционизма Дж. Мида. Главное в познании, согласно данному направлению социологического исследования, – слово или символ. Отличительной особенностью концепции языка русских космистов является то, что язык перемещается ими из конвенциональной сферы в бытийную, энергетическую или духовную сферу. Дух – это субъект, жизнь, свобода, огонь, творческая деятельность. Природа – объект, вещь, необходимость, определенность, пассивная деятельность, неподвижность. Дух, в отличие от природы, невозможно познать разумом или логическим мышлением. Он может быть познан только жизненным, духовным опытом. Духовное бытие человека, как полагает Н. А. Бердяев, тесно связано с духовностью божества.

Возврат к мифологии, магии и религии в XXI в. может показаться абсурдом, если при этом абстрагироваться от таких понятий, как «национальные образы мира», «образ жизни», «знания», «самосознание», «образование» и т. д., смысл которых за последние десятилетия был существенно искажен натуралистическими мировоззренческими представлениями. В результате оказались фактически утраченными целые пласты духовной культуры, без воссоздания которых вряд ли возможно преодолеть современный кризис рациональности, включая науку и образование. Для этого прежде всего

необходимо выявить, каким образом соотносятся в ней личностное начало *я*, ориентация на другого *ты*, идентификация *мы* и противопоставление *они*. В связи с этим сегодня, как и в глубоком средневековье, актуализируются проблемы номинализма и реализма. Существуют *семантический, энергетический, ценностно-нормативный постмодернизм* и другие его разновидности, делающие акцент на текстах священных писаний и мифологических сказаниях как на первооснове образования, на духовно-нравственных, социально-ролевых, статусных и иных его истоках. Однако при всем этом многообразии во всех случаях социальная реальность предстает здесь как важнейший феномен культуры. Тем не менее современные последователи номинализма познания полагают, что исследователь изначально имеет дело не с самой реальностью как таковой, а с ее номинацией в нашем мышлении, выраженной словом. Основой такого подхода к языку послужила религиозно-философская традиция православного энергетизма. Речь идет о соотношении сущности с ее энергией или проявлении сущности, символа и энергии. Особенно отчетливо эта традиция прослеживается в творчестве П. А. Флоренского и С. Н. Булгакова. В соответствии с их философскими воззрениями духовная сущность мира и человека выражается через соответствующую символику, одним из наиболее ярких проявлений которой является слово: «Словом и через слово человек познает реальность, и слова есть сама реальность, словом высказываемая. Именно слово позволяет преодолеть оппозицию между субъектом и объектом, которая снимается в самом акте именованности. Наименование бывает в один момент с познанием, и это уже первый момент вхождения в объективное» [4, с. 287–293].

П. А. Флоренский считал, что человек постигает мир через слово. Оно позволяет ему выйти за пределы своей субъективности и соединиться с познаваемой реальностью. Ученый определяет познание как реальное выхождение субъекта из себя, «как реальное единение познающего и познаваемого», которое осуществляется с помощью слова. Художественные образы, по мнению П. А. Флоренского, – не что иное, как имена в развернутом виде, а все произведения – это прежде всего пространство силового поля соответствующих имен. То, что мы считаем этой реальностью, на самом деле есть лишь понятие, имя, своеобразное ее обозначение или результат категориального гносеологического либо эпистемологического анализа, сегодня называемого виртуальной реальностью.

Проблема духовного развития и ее отражение в социологии Г. Тарда

Габриэль Тард одним из первых ввел в научный оборот и сделал предметом социологического исследования проблему духовного развития, рассма-

тривая ее наряду с физическими фактами, к числу которых относил веру и желания. «Социология, по мнению Габриэля Тарда, представляет собой, так

сказать, социальный микроскоп души, чрезвычайное увеличение и разъяснение физических фактов, распадающихся на две большие отрасли, из которых одна трактует о веровании, другая о желании» [5, с. 25]. Наряду с логикой индивидуального мышления, ученый выделил логику коллективного и группового мышления, которую называл социальной логикой, суть которой заключается не в отражательных способностях мозга отдельных индивидов, а в особенностях их социализации или включения в культуру общества: «Социальная жизнь рассматривается как меняющееся распределение определенного количества верований и желаний по различным канонам языка, религии, науки, промышленности, права. Происходит это за счет дуализма и взаимного пополнения двух логик: индивидуальной и социальной. Главное в социализации – подражание. Все, что человек умеет делать, не учась на чужом примере, относится к физиологии... Общественная жизнь, в конце концов, – утверждает он, – представляет собой необычайную экзальтацию жизни мозга. <...> По мере того как поднимаешься от низших ступеней жизни к высшим, видишь, что индивидуальность усиливается... но после того, как общественные науки поднимаются в цивилизацию, их собственная индивидуальность, оставаясь вначале нереальной, становится менее и менее определенным, все более расплывчатым, так сказать, интернациональным мировоззрением» [5, с. 7]. Иными словами, личность и ее мировоззрение – продукт социального развития, способный выделить себя из социума лишь на определенной стадии общественного разделения труда. Индивидуальному мышлению я исторически долгое время предшествует общинное и племенное мышление *мы*. Большая часть людей и сегодня предпочитает заблуждаться вместе, чем быть правыми в одиночестве. Вместе с тем основную роль в общественном развитии по сравнению с коллективным бессознательным Г. Тард отводил индивидуальному сознанию, существование которого в общине он считал проявлением не абстрактно-логического, а образного мышления. Способ-

ность к установлению связи между различными образами, по Тарду, – основа нашего познания мира. Эта связь первоначально является не столько рациональной, сколько душевной или духовной. В качестве главного фактора здесь выступают желание и воля, утвердительная или отрицательная уверенность и определенная степень этой уверенности. Утверждение и отрицание, прояснение и отчуждение, верования и желания характеризуют все душевные явления, а следовательно, и все социальные явления, составляющие их следствия. Образование языков, религий, нравственности, промышленности и определяет суть социальной жизни, а она, в свою очередь, служит основой индивидуального развития отдельно взятой личности.

Как отмечал Г. Тард, «наш ум относится с сильным отвращением к мысли, очень правдоподобной, однако, что и в прошлом люди также различались один от другого характером, умом, наклонностями, как в настоящее время, что среди них всегда существовали потребители и смелые мечтатели с грандиозными мечтами, с необычным честолюбием и стремлениями. Мы слишком склонны видеть в социальном творчестве доисторических времен продукт бессознательной работы. Нам кажется парадоксальной мысль, что люди того времени также знали, что они делают и чего хотят, как и мы. И этот предрассудок представляет, по моему мнению, одну из тех иллюзий, которая замедляет установление истинной социальной науки. Он лишает нас возможности выбора по своему усмотрению того, какое образование языков, религий, нравственности, промышленности нужно» [5, с. 12]. Это не наш выбор, а результат исторического развития, ценности и нормы которого (как и родителей) не выбирают по своему усмотрению.

По существу, Г. Тард выступил своеобразным предшественником социально-культурного подхода к анализу социальной жизни, хотя проблема ценностей и норм культуры им фактически не анализировалась. Эту задачу впервые поставил перед собой и во многих отношениях блестяще решил его соотечественник Э. Дюркгейм.

От законов подражания и социальной логики Г. Тарда к социально-культурному анализу Э. Дюркгейма

В историю западноевропейской социологии Э. Дюркгейм вошел как один из ее классиков, предложивший свои методы объективного анализа социальных фактов. Это послужило своеобразным основанием причислить ученого к социологизму, якобы недооценивающего роль субъективного фактора и духовной жизни в целом в развитии истории и придерживающегося преимущественно позитивистских взглядов О. Конта. В марксистско-ленинской философии такое мнение было доминирующим и продолжает сохраняться сегодня в боль-

шинстве учебников по социологии, издаваемых на постсоветском пространстве. Например, в работе Т. Л. Кончанина, С. Я. Подопратора, С. Н. Яременко указано: «Вслед за Контом Дюркгейм рассматривал естественные науки как образец для построения социологии. Дюркгейм также воспринял контовский подход к изучению общества как органического социального целого, состоящего из взаимосвязанных частей... В отличие от Конта, он стремился сочетать теоретический анализ с эмпирическим и т. д.» [6, с. 63].

На самом деле это далеко не так. Авторы подобных учебников не утруждают себя анализом того, что, по Дюркгейму, «социальные факты – это не материальные вещи. Это то, что противостоит идее, что познается извне потому, что познается изнутри. Социально-культурное принуждение в принципе отличается от физического, от внешней причинно-следственной зависимости. Это принуждение изнутри или то, что Кант называл нравственным императивом. <...> Социальные факты... состоят в способах действий или мышления, распознаваемых по тому свойству, что они способны оказывать на отдельные сознания принуждающее воздействие» [7, с. 8, 17]. Такой тип принуждения возможен только в обществе и формируется самой социальной реальностью, практикой общественной жизни: «Социальные факты не только качественно отличны от фактов психических, у них другой субстрат, они развиваются в другой среде и зависят от других условий. Это не значит, что они также не являются некоторым образом психическими фактами, поскольку все они состоят в каких-то способах мышления и действия. Но состояние коллективного сознания по сути своей отличается от состояния сознания индивидуального. Это представление другого рода. Мышление групп иное, нежели отдельных людей. У него свои собственные законы. Обе науки поэтому настолько явно различны, невольно могут различаться с наукой вообще, какие бы связи между ними не существовали» [7, с. 14].

Э. Дюркгейма по праву можно отнести к родоначальникам постклассической рациональности, ищущей свои основы не столько в гносеологии, логике индукции и дедукции, сколько в онтологии, реальном социальном бытии человека, его духовной культуре. Сын потомственного раввина, воспитывавшийся в особой духовной атмосфере, просто не мог воспринять как основу развития разума человека лишь отражательные возможности его мозга, пренебрегая ментальными, мировоззренческими и ценностно-нормативными или проектными возможностями культуры общества в формировании и развитии его субъективности. Субъективность человека для него – культурный, а не природный феномен или продукт эволюционного развития. Образы мышления, по Дюркгейму, это не образы ощущения: «Если бы психология была вполне развита, она, несомненно, установила бы, что каждой категории психологических состояний присущи свои особые законы. Если это так, то надо предположить, что соответствующие законы социального мышления будут специфическими, как и само это мышление» [7, с. 16].

Религиозные и другие коллективные воззрения, благодаря своей изменчивости и способности превращаться друг в друга, нередко принимаются

за результаты индивидуального мышления. Некоторые законы сознательного мышления действительно напоминают те, которые устанавливаются психологией. Но это потому, что первые – частный случай последних. Социология не может просто заимствовать у психологии то или иное положение, чтобы применить его в готовом виде к изучению социальных фактов. Коллективное мышление целиком (как его форма, так и содержание) должно изучаться само по себе, для самого себя, с ощущением того, что в нем есть что-то специфическое.

Социальный опыт для Э. Дюркгейма, как и для И. Канта, играет не меньшую роль, чем социологическая теория. Однако Кант исходил из идеи непрерывной эволюции человеческого рода, полагаясь при этом на концепцию разума. Дюркгейм же, вслед за Н. Данилевским и О. Шпенглером, исходит не из факта прогресса всего человечества, а из эволюции отдельных обществ, которые рождаются, развиваются и умирают независимо друг от друга. Народ, занимающий место другого народа, согласно его учению, не является простым продолжателем последнего с некоторыми новыми свойствами, он иной, у него одних свойств больше, других меньше. Такой народ составляет новую индивидуальность. Историческое развитие, как полагал Дюркгейм, не сводимо к развитию понятия, поэтому процесс социологического познания не определяется лишь взаимодействием теоретического и эмпирического знания. Духовный склад народа, его традиции и обычаи, менталитет, образ жизни служат основой своеобразной социальной солидарности, формирующей мышление человека через приобщение к ценностям общества, развитие своеобразных ценностных ориентаций. Благодаря этому человек в своих суждениях в состоянии отражать не только законы сущего или объективные истины, но и законы должного, социально значимого, имеющие для него субъективный смысл. Например, роскошь, социальный статус, власть имеют свою основу, по Дюркгейму, не в естественной, а в социально-культурной природе человека, придающей его деятельности смысловую направленность. Э. Дюркгейм четко различает реальные и ценностные суждения, посвящая анализу данной проблемы специальную работу. Социальные ценности, согласно его мнению, не выводимы из потребностей личности, а являются результатом исторического развития общества. Они усваиваются каждым отдельно взятым индивидом и служат основой их социальной солидарности или социального конфликта. В целях раскрытия законов солидарности Э. Дюркгейм ввел понятие идентификации, или объединения людей в социальную общность, базирующуюся на принадлежности их к единой религиозной вере, единым социальным ценностям и нормам. Для каждого исторического времени характерна своя

система ценностей, определенный образ жизни и мышление: «Даже если речь идет просто о самих частных поступках, мы очень плохо представляем себе относительно простые мотивы, управляющие ими... С помощью одной рефлексии разума здесь не обойтись. Они требуют, чтобы социолог погрузился в состояние духа, чувствовал, что он находится в присутствии фактов, законы которых неизвестны» [7, с. 10–11]. Это не законы сущего, а законы ценностного развития или законы должного, законы бытия, которое можно рассматривать по аналогии с вещью.

Разрушение сформированной системы общественных ценностей ведет к ломке сложившегося общественного порядка, аномии. Проблема социальной аномии – основной вопрос социокультурного развития общества, диалектического соотношения в нем социальных и антропологических факторов, социальной и личностной духовности как особого вида практики, образующей ценностно-нормативную основу социального взаимодействия. Благодаря этой социокультурной практике «индивид, приобщаясь к обществу, приобщается и к самому себе. Из общественной жизни им выводятся пространство и время, вся объективная действительность в целом» [8, с. 9].

В силу этого общество, согласно подходу Э. Дюркгейма, не сводится лишь к социологизму, который нередко ему приписывается, к формально-логической и механической системной связи, основанной на принципах рационализации и формализации научного знания и регулируемой государственной бюрократией. Такая односторонняя регуляция, базирующаяся лишь на потребностях личной активности и либерально-демократической ориентации самого социального сообщества, неизбежно ведет к разрушению социально-духовной гармонии и нарастанию социальной аномии или нарушению своеобразного баланса между личной и общественной деятельностью, питаемых частной инициативой, лишенной всякой социальной солидарности, и трансформацией этой солидарности в конформизм или всеобщее одобрение принимаемых решений сверху, лишенных всякой личной поддержки и инициативы снизу. Основой социальной солидарности является не существующий формально-рациональный порядок государственного управления, а социальные ценности общества. Они и определяют социальную логику поведения и деятельности людей.

В работе «Ценностные и “реальные” суждения» Э. Дюркгейм обосновал социальную сущность ценностей, их генезис. По его мнению, вещи обладают ценностью независимо от их субъективного восприятия. Следовательно, ценностное отношение в форме суждения проявляется к тому, что реально в своем бытии. Истинные ценностные представления,

свободные от индивидуальных инверсий и привнесений, – это представления коллективные [7].

Предпосылкой же к социальным изменениям служат не только экономические факторы, но и мировоззрение, и даже чувства людей: «В основании всех социальных норм заложены деятельные и живые чувства...» [9, с. 306]. Роль мифологии и религии в развитии общества оценивалась Э. Дюркгеймом не с точки зрения их ложности, иллюзорности или истинности, а с позиции созидательной духовной практики, позволяющей через отношения к добрым и злым духам, через образы желаемого, веру в безусловную ценность тех или иных форм деятельности и поведения устанавливать соответствующие ценностно-нормативные отношения. Культура проявляет себя прежде всего через совокупность социальных ценностей и норм, которые имеют для каждого вступающего в жизнь поколения форму объективной необходимости, давящей даже над его природными задатками, вынуждая к их ограничению, подавлению, коррекции и т. д. Будучи объектом культуры, индивид ограничен в проявлении своей свободы воли, в выборе тех или иных форм поведения. Лишь осваивая ее виды, он поднимается до уровня субъективной деятельности, творчества и социальной проектной практики. Сама же по себе наука такой свободы индивиду не предоставляет: свобода здесь выступает лишь как форма познанной необходимости. Сознание, и социальное, и индивидуальное, как отмечал Э. Дюркгейм в своей работе «Метод социологии», представляет собой отнюдь не субстанцию, а лишь более или менее систематизированную совокупность явлений: «Социальная жизнь целиком состоит из представлений. Однако представления эти нельзя произвольно контролировать на уровне теории... Они всегда являются обобщением личной и всегда ограниченной практики и эволюционируют по мере того, как расширяется и углубляется опыт постижения социальной реальности» [7, с. 7].

Э. Дюркгейму были чужды позитивистские призывы рассматривать социологию как разновидность социальной физики. Он искал формы и методы, позволяющие социологической науке интегрировать в себе все основные формы общественного сознания и наряду с познавательной, описательной, прогнозной и информационной функциями выделить мировоззренческую и проектную функции. Задолго до Т. Куна и его определения научной парадигмы Э. Дюркгейм отмечал, что все создаваемое в области метода носит лишь временный характер, поскольку методы меняются по мере развития науки. Социальную институализацию, в отличие от М. Вебера, Э. Дюркгейм рассматривал не как материализованный идеальный тип в виде научной модели или научной методики, а как своеобразный социальный проект, разраба-

тываемый на основе соответствующих социальных ценностей и норм. Особую роль в этом плане мыслитель отводил социальным институтам образования и права. Он заслуженно относится к основоположникам данных видов отраслевой социологии.

В своей социологии образования Э. Дюркгейм преодолевает крайности как педоцентризма, так и социологизма. Он считал недопустимым вырывать личность учащегося из существующих общественных связей и культуры и рассматривать ее лишь с позиции природных задатков, потребностей и способностей. В то же время личность не объективируется им, не сводится лишь к социальной роли, как это нередко ему приписывается. Дюркгейм прекрасно осознавал, что личность одновременно является и объектом, и субъектом культуры. Как объект культуры, она вынуждена играть соответствующие социальные роли в обществе по заранее определенным нормам и правилам. Как субъект культуры, личность не лишена свободы выбора соответствующих социальных ценностей, своей собственной мировоззренческой, профессиональной и нравственной позиции. Субъективное я, по Дюркгейму, – это мир духовной его культуры, включая культуру политическую, нравственную, мировоззренческую, коммуникационную, в то время как социальная роль всегда безлична. Ее усваивать может кто угодно и как угодно. Формирование личности напрямую связано с процессом социализации, или усвоением индивидом ценностей и норм культуры. Социализация понимается Дюркгеймом как процесс общественного воспроизводства, в ходе которого индивид приобретает свойства выделять себя в качестве субъекта собственной жизнедеятельности и жизнетворчества, посредством чего он не только содействует поддержанию, сохранению и воспроизводству социальной системы, но и ее изменению.

С этой же позиции рассматривается Дюркгеймом и социология права. Преступность, согласно его учению, неизбежна в силу того, что люди имеют различные ценностные ориентации и по-разному понимают справедливость и порядок. Существование преступности нормально для любого общества. Она может менять форму, «но всегда и везде существовали люди, которые поступали таким образом, что навлекли на себя уголовное наказание» [7].

Антропологизм социологии культуры Пьера Бурдьё

Своим возникновением социология, по мнению П. Бурдьё, обязана структурализму Леви-Стросса, который окрестил свою науку антропологией, или наукой о человеке, объединив англосаксонский и старый немецкий философские смыслы и прежде всего философию И. Канта. На первых порах, по Бурдьё, социология предстает как разновидность социальной антропологии. Это был пери-

Каждый человек имеет свой смысл жизни, потеря которого влечет за собой суицидальное поведение. Преступлением Дюркгейм называл те поступки, которые нарушают запреты, непосредственно ущемляют коллективное сознание, оскорбляют его. Однако если бы не было этих нарушений, то не было бы и общественного развития. Следовательно, преступление выступает составной частью всякого здорового общества. Таковы законы культуры, духовного развития, принципиально отличающиеся от биологического эволюционного развития. Между общественным порядком и его нарушением всегда существует обратная связь, имеющая отношение к изменению социальных ценностей и основанных на них социальных норм.

Э. Дюркгейм прослеживает причинно-следственную связь между аномическим, кризисным состоянием общества и ослаблением ценностных регуляторов жизни и деятельности: «Не ослабляя уз, которые привязывают каждую часть общества к государству, надо создавать моральные власти, которые оказывали бы на толпу индивидуумов влияние, которого государство не имеет. Но в настоящее время ни коммуна, ни департамент не имеют в наших глазах достаточного авторитета...» [9, с. 7].

Наряду с солидарностью Э. Дюркгейм использует такие понятия, как «коллективное сознание» и «разделение труда» (трактующее как профессиональная социализация). Анализ роли разделения труда в формировании социальной солидарности Э. Дюркгейм связывал с анализом права, которое, согласно его мнению, позволяет определить уровень развития общества, социальной солидарности. Право отражает все значимые виды социальной солидарности, помогает изучить и изменить их.

Идеи Э. Дюркгейма послужили основой для развития всей мировой и в первую очередь современной французской социологии. Особенно проявились они в творчестве руководителя Центра европейской социологии, директора журнала «Ученые труды в социальных науках» Пьера Бурдьё. Однако, развивая идею социально-культурного развития общества, П. Бурдьё относится к числу антропологической, а не социально-философской версии культурной трансформации общества. П. Бурдьё – один из тех социологов, которые социальное развитие считают человекомерным.

од, который можно назвать эффектом *-логии* (по окончанию логических наук: археологии, социологии, психологии). В связи с этим социальная наука впервые заставила признать себя уважаемой дисциплиной, даже как господствующей. Наука как раз и связана со структуралистским и реляционным способами мышления с ориентацией на некие «чистые теории». В социологии структура-

лизма агент, как представитель соответствующей культуры, превращается в простого носителя социальной структуры. Его методология исходит из коренной рационализации, «которая ничего не может прояснить антропологу о действительных причинах или настоящих основаниях практики» [10, с. 37]. Вопрос о том, что является первичным: социальная структура или символическая культура, – в соответствии со стратегией, которой она формируется, так и остается открытым. «Научное познание, по мнению П. Бурдьё, всегда имеет свои пределы и не сводится к единой научной логике: «Логик научного поиска ровно столько, сколько существует социальных миров или культур, в условиях которых формируется мышление и мировоззрение исследователя. Как только мы начинаем ставить в отношении нашего общества, например нашей системы образования, гносеологические проблемы, которые ставил Дюркгейм в отношении примитивных религий, они становятся политическими проблемами; нельзя не видеть, что формы классификации являются формами господства, что социология познания неотделима от социологии признания или не признания, т. е. символического господства» [10, с. 43].

Политика зиждется на противоположности интересов и урегулировании конфликта между ними. Она изначально нацелена на разрешение тех или иных социальных проблем. Чтобы ни происходило, политическая логика будет вечно выдвигать проблему: в самом деле, достаточно ввести политику в интеллектуальное поле и появится оппозиция между сторонниками индивида («методологический индивидуализм») и сторонниками общества (относящихся к «тоталитаристам»), которая не имеет иной реальности, кроме политической). «Это регрессивное движение столь сильно, что чем более развивается социология, тем труднее быть на высоте научного наследия, реально *совмещать* коллективный опыт социальных наук» [10, с. 53].

Сама по себе классификация социальных явлений и лиц по социальному статусу, профессиональной принадлежности, должностным полномочиям, выполняемым социальным ролям и т. д., по мнению Бурдьё, относится к политическому действию, как и большинство из рационально-организованных предприятий: «Классифицирующие схемы, системы классификации, основополагающие оппозиции мышления: мужское/женское, левый/правый, восток/запад, но и еще теория/практика, являются политическими категориями. Критическая теория культуры очень естественно приводит к теории политики» [10, с. 44].

Количество ссылок на того или иного автора, по Бурдьё, ничего не говорит не только о научном рейтинге, но и о его реальных научных и других достижениях в области культуры. Главное здесь – собственная научная позиция или диспозиция

ученого, определяемая его научным и жизненным опытом: «Важнейшей функцией теоретической культуры (не измеряемой числом ссылок – *footnotes*, которые встречаются в текстах) является возможность эксплицитным образом брать в расчет это теоретическое пространство, т. е. универсум позиций, научно соответствующих данному состоянию развития науки. Это пространство занятых научных (и эпистемологических) позиций всегда управляет практикой, во всяком случае, ее социальным значением, независимо от того, знают ли об этом или нет, и несомненно, тем грубее, чем меньше о нем знают. А осознание этого пространства, т. е. научной проблематики как пространства возможного, есть одно из главнейших условий научной практики, осознающей саму себя и, следовательно, контролируемой» [10, с. 52].

Такие авторы, как Маркс, Дюркгейм, Вебер и другие, по мнению П. Бурдьё, представляют вехи, по которым структурируется наше теоретическое пространство и наше восприятие этого пространства: «Весь труд по преодолению канонических оппозиций (между Дюркгеймом и Марксом, например, или Марксом и Вебером) подвержен опасности педагогического или политического регресса (одна из важнейших целей, пожалуй, – политическое использование автора или использование символических понятий» [10, с. 53]. Самый типичный пример – это оппозиция, совершенно абсурдная с научной точки зрения, между индивидом и обществом, которую стремится преодолеть понятие габитуса, трактуемого как *инкорпоративная* и, следовательно, *индивидуализированная социальность*. Этот вид социальности, по Бурдьё, является своеобразным порождением игровой деятельности самого человека, разворачиваемой по принципу: «Весь мир – театр, а люди в нем – актеры». И основную роль в этом театре играют ритуальные практики, которые вынуждают нас принимать определенную позицию по отношению к тем или иным общественным явлениям и таким образом выступать в роли порождающего общественную жизнь габитуса. Инкорпорированные принципы порождающего габитуса, появляются в виде такой системы диспозиций, которую можно представить по аналогии с порождающей грамматикой Н. Хомского, с той лишь разницей, что речь идет о диспозициях, *приобретенных в результате опыта*, следовательно, изменяющихся в зависимости от места и времени: «Это “чувство игры”, как говорят французы, есть то, что позволяет породить бесконечность поступков, приспособленных к бесконечности возможных ситуаций, которые ни одно правило, каким бы сложным оно ни было, не может предусмотреть» [10, с. 21].

Иными словами, поведение может быть ориентировано на цель, не будучи сознательно направляемым к этой цели, движимо этой целью. «Понятие

габитуса, – пишет Бурдье, – придумано, если можно так сказать, чтобы осознать этот парадокс. Таким образом, факт, что ритуальные практики, есть продукт “практического чувства”, а не некоего бессознательного расчета или подчинения правилу, объясняет то, что ритуалы бывают связаны, но той частичной, всегда неполной связностью, которая присуща практическим конструкциям» [10, с. 22]. Поддаваясь интуиции «практического чувства», являющегося продуктом длительного предъявления условий, сходных с теми, в которых находятся агенты, они предвосхищают именно необходимость, существующую в данный момент в мире. Будучи в некотором роде рожденными в положительно отличающейся позиции, они имеют *габитус* – *социально конституированную природу*, непосредственно подогнанную к требованиям, присущим игре, и могут, таким образом, утверждать свое отличие, не испытывая потребности желать этого, т. е. с естественностью, которая отмечает различия, называемые «природными» [10, с. 24]. Им достаточно быть тем, что они есть, чтобы быть тем, чем они должны быть, т. е. естественно отличающимися от тех, кто должен тратиться на поиск различия.

Согласно учению Бурдье, «сознание и рефлексивность являются одновременно причиной и симптомом *порока непосредственной адаптации к ситуации*, которая определяет виртуоза. Габитус поддерживает с социальным миром, продуктом которого является, настоящее онтологическое соучастие, *принцип знания без сознания, интенциональности без интенции и практического освоения закономерностей мира, который позволяет предвосхитить будущее, даже не нуждаясь в том, чтобы полагать его как такое*» (здесь и далее выделено нами. – А. Л.) [10, с. 25].

О примате практического разума, как пишет Бурдье, говорил еще И. Фихте. Об этом же сказано и в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» К. Маркса. Бурдье утверждал: «Принципиальный недостаток всего предшествующего материализма, включая материализм Фейербаха, заключается в факте, что объект им понимался только в форме объекта восприятия, а не как человеческая деятельность, как практика» [10, с. 27]. И тем не менее и сегодня практика часто предстает как простое исполнение, а не как способность изобретать и импровизировать. «Такая “творческая”, активная, изобретательная способность – это способность не трансцендентального субъекта в идеалистической традиции, но действующего агента» [10, с. 27].

Деление философии и социальной науки на материализм и идеализм, по Бурдье, если не ошибочно, то неоправданно, поскольку социокультурная практика содержит и то и другое в некоем противоречивом единстве. Идеальное обретает форму материального, а материальное является

основой духовных и других идеализаций в виде соответствующих культурных практик. Виртуальная реальность все больше вторгается в нашу повседневную жизнь и во многом определяет ее в виде новых практик. Примером тому могут служить социальные сети интернета. Творцом этих практик выступает сам практико-ориентированный на соответствующие культурные ценности, нормы и смыслы индивид. В связи с этим Бурдье пишет: «Нужно было вернуть идеализму “активную сторону” практического познания, в которой материалистическая традиция, в особенности ее теория “отражения”, ему отказали. Конструировать понятие “габитус” как систему приобретенных схем, функционирующих на практике, как категории восприятия и оценивания или как принципы классификации и одновременно как организующие принципы действия, означало формировать социального агента как истинно практического оператора конструирования объектов» [10, с. 28].

Сама же социальная практика является не только результатом творчества отдельных индивидов и инновационного развития, но и своеобразным итогом эволюционного и исторического развития в виде социального менталитета, в котором естественные и искусственно созданные условия жизнедеятельности и социальные характеристики людей выступают в диалектическом единстве: «Анализ объективных структур – структур различных *полей* – неотделим от анализа генезиса ментальных структур внутри биологических индивидов, которые являются в некоторой степени продуктом инкорпорации социальных структур, и анализа генезиса самих этих социальных структур: социальное пространство и группы, которые в нем распределяются, являются продуктом исторической борьбы, в которую агенты вовлекаются в зависимости от их позиции в социальном пространстве и от ментальных структур, через которые они воспринимают это пространство» [10, с. 28].

Однако социальное пространство под влиянием научно-технического прогресса стремительно трансформируется. Из него исчезают духовно-нравственные и другие социальные ценности и нормы, являющиеся содержанием обыденного сознания, которые до этого на протяжении веков формировались на основе мифологического и религиозного сознания и магической практики, основанной на ритуалах общения с духами и богами. Так происходит как бы расчеловечивание человека, что ведет к утрате им духовно-нравственной позиции и замене ее прагматическими, политическими и другими интересами. По Бурдье, «Духовные ценности сегодня необходимо защищать от опасности со стороны науки» [10, с. 29]. Дискуссию на эту тему, по его мнению, необходимо разворачивать именно на территории науки: «Несчастье социологии

в том, что она вскрывает произвольность, случайность там, где любят видеть необходимость, социальное принуждение там, где хотели бы видеть выбор, свободную волю. Габитус – это тот принцип невыбора из стольких выборов, который приводит в отчаяние наших гуманистов... *Свойство исторических реалий состоит в том, что можно всегда установить, что могло быть иначе, что где-то дело идет по-другому, в других условиях.* Это означает, что подвергая историческому рассмотрению, социология денатурализирует, дефатализирует. Но тогда ее упрекают в содействии циничному разочарованию» [10, с. 29]. Таким образом, познавательный вопрос об истинности или ложности того, что социолог подает как констатацию, а не предположение (например, о том, что потребление продуктов питания или способность владеть своим телом изменяются в зависимости от занимаемого в социальном пространстве положения), и об осмыслении этих вариаций остается открытым. Но в то же время, разочаровывая тех, кого следовало бы называть абсолютистами, просвещенными, социолог вскрывает необходимость, давление условий и социальных обусловленностей в самом сердце субъекта под видом того, что я называю габитусом. Словом, социолог доводит до предела разочарование абсолютистского гуманиста, показывая необходимость в случайности, разоблачая систему социальных условий, делающих возможным существование особой манеры быть или делать, стать нужной, не будучи тем не менее необходимой.

Методология науки, определяющая нормы и принципы мышления исследователя, во многом позволяет ему конструировать существующую социальную практику, но она не в состоянии контролировать все пространство его жизненного опыта и формировать его габитус или свое научное я. Это пространство является не столько физическим, сколько социально-культурным и далеко не всегда осознанным, но практически во всех случаях символическим. Символика – важнейшее свойство культуры и основа духовного общения, которая до сих пор остается фактически не исследованной в социологии. И основной причиной тому являлось не только стремление противопоставить науку мифологии, магии, религии, обыденному сознанию, рассматривая их как простые заблуждения нашего сознания и не учитывая то, что они были и считаются важнейшими составляющими социально-культурной практики, что социология призвана анализировать общественные явления не только на уровне позитивного мышления, но и вызовов современности. Социология трансформационных процессов переходного общества – это прежде всего практико-ориентированная социология. Следует признать, что достижения практико-ориентированной социологии, по сравнению с достижениями теоретической социологии, весьма скромны. Можно даже сказать, что данный тип социологии находится лишь на пороге своего становления как самостоятельного научного направления или научной отрасли знания.

Библиографические ссылки

1. Шур ЭМ. *Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке.* Кудрявцев ВН, редактор. Москва: Прогресс; 1997. 325 с.
2. Фактичность. В: Стёпин ВС, редактор. *Новая философская энциклопедия. Том 4.* Москва: Мысль; 2001. с. 158.
3. Ильичев ЛФ, Федосеев ПН, Ковалев СМ, Панов ВГ, редакторы. *Философский энциклопедический словарь.* Москва: Советская энциклопедия; 1983. 840 с.
4. Флоренский ПА, редактор. *У водоразделов мысли. Том 2.* Москва: Правда; 1990. 448 с.
5. Тард Г. *Социальная логика.* Цейтлин М, переводчик. Санкт-Петербург: Типография Ю. Н. Эрлих; 1901. 491 с.
6. Кончанин ТЛ, Подопригора СЯ, Яременко СН. *Социология.* Ростов-на-Дону: Феникс; 2001. 480 с.
7. Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение.* Гофман АБ, переводчик. Москва: Канон; 1995. 352 с.
8. Дюркгейм Э. *Социология образования.* Собкин ВС, Нечаев ВЯ, редакторы. Москва: ИНТОР; 1996. 80 с.
9. Дюркгейм Э. *Самоубийство. Социологический этюд.* Базаров ВА, редактор; Ильинский АН, переводчик. Москва: Мысль; 1994. 399 с.
10. Бурдьё П. *Начала.* Шматко НА, переводчик. Москва: Socio-Logos; 1994. 288 с.

References

1. Schur EM. *Nashe prestupnoe obshchestvo. Sotsial'nye i pravovye istochniki prestupnosti v Amerike* [Our criminal society. Social and legal sources of crime in America]. Kudryavtsev VN, editor. Moscow: Progress; 1997. 325 p. Russian.
2. [Factuality]. In: Stepin VS, editor. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. Tom 4* [New philosophical encyclopedia. Volume 4]. Moscow: Mysl'; 2001. p. 158. Russian.
3. Ilichev LF, Fedoseev PN, Kovalev SM, Panov VG, editors. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; 1983. 840 p. Russian.
4. Florensky PA, editor. *U vodorazdelov mysli. Tom 2* [At the watersheds have thoughts. Volume 2]. Moscow: Pravda; 1990. 448 p. Russian.
5. Tarde G. *Sotsial'naya logika* [Social logic]. Zeitlin M, translator. Saint Petersburg: Typography of Yu. N. Ehrlich; 1901. 491 p. Russian.

6. Konchanin TL, Podoprighora SYa, Yaremenko SN. *Sotsiologiya* [Sociology]. Rostov-on-Don: Feniks; 2001. 480 p. Russian.
7. Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its subject, method, mission]. Gofman AB, translator. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. Russian.
8. Durkheim E. *Sotsiologiya obrazovaniya* [Sociology of education]. Sobkin VS, Nechaev VYa, editors. Moscow: INTOR; 1996. 80 p. Russian.
9. Durkheim E. *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud* [Suicide. Sociological essay]. Bazarov VA, editor; Il'inskii AN, translator. Moscow: Mysl'; 1994. 399 p. Russian.
10. Bourdieu P. *Choses dites*. Paris: Minuit; 1987. 228 p.
Russian edition: Bourdieu P. *Nachala*. Shmatko NA, translator. Moscow: Socio-Logos; 1994. 288 p.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2020.
Received by editorial board 20.03.2020.

УДК 316.2

АКТУАЛЬНО ЛИ СЕГОДНЯ НАСЛЕДИЕ МАКСА ВЕБЕРА? (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ)

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные вопросы научного наследия классика мировой социологии Макса Вебера, обсуждаются причины, по которым оно и сегодня сохраняет свою актуальность. Затрагиваются проблемы и сложности, связанные с переводом трудов Вебера с немецкого языка, приведшие к неточностям в интерпретации его идей. Подчеркивается главное достижение Вебера – создание понимающей социологии и ее понятийного аппарата. Большое внимание уделяется концепции свободы от ценностей в связи с трактовкой Вебером науки как сферы, в которой не место никаким критериям, кроме научных, и отличию сферы науки от сферы политики, где индивид может открыто проявлять свои интересы и пристрастия. Рассматривается методологическая актуальность проблем и концептов, раскрытых Вебером, в частности, понятий «идеальный тип», «типы господства», «харизма», «социальное действие», «рациональность», «бюрократия».

Ключевые слова: Макс Вебер; понимающая социология; научное наследие; харизма; идеальный тип; социальное действие; рациональность.

IS THE LEGACY OF MAX WEBER RELEVANT TODAY? (ON THE CENTENARY OF HIS DEATH)

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the main issues of the scientific heritage of the classic of world sociology Max Weber, and discusses the reasons why his legacy remains relevant today. It touches upon the problems and difficulties associated with the translation of Weber's works from German, which led to the inaccuracies in the interpretation of his ideas. The article emphasized

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Актуально ли сегодня наследие Макса Вебера? (К 100-летию со дня его смерти). *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:54–60.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-54-60>

For citation:

Titarenko LG. Is the legacy of Max Weber relevant today? (On the centenary of his death). *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:54–60. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-54-60>

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

the main achievement of Weber that is the creation of an interpretive sociology and its conceptual apparatus. Much attention is paid to the concept of «freedom from values» in connection with Weber's interpretation of science as a sphere in which there is no place for any criteria other than scientific ones, and the difference between the sphere of science and the sphere of politics, where the individual can openly show his interests and preferences. The methodological relevance of the problems and concepts disclosed by Weber, in particular, the concepts of «ideal type», «types of domination», «charisma», «social action», rationality», «bureaucracy» is considered.

Keywords: Max Weber; interpretive sociology; scientific legacy; charisma; ideal type; social action; rationality.

Введение

14 июня 2020 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Макса Вебера. Среди социологов всего мира общепринята точка зрения, что «идеи Вебера оказали влияние почти на все социальные науки, а также на многие отрасли исторического исследования»¹ [1, р. 2]. И это единодушие не случайно. Гениальный немецкий ученый действительно произвел революцию во многих отраслях социального знания и стал основоположником понимающей социологии – направления, которое в XX в. по своей важности опередило позитивистскую социологию. Каким образом возможно, чтобы социолог, живший более века тому назад, до сих пор так сильно влиял на современную научную мысль?

Социология отличается от естественно-научных дисциплин тем, что заставляет ученых, занимающихся ею на теоретическом уровне, постоянно возвращаться к классике этой дисциплины.

Социологи перечитывают произведения признанных мэтров, отыскивая в них новые повороты в осмыслении тех или иных социальных процессов и явлений, снова и снова изучают исследовательскую логику в классических работах, пытаются найти возможность применить их к поиску решений актуальных современных методологических проблем.

Действительно, в работах классиков социологии, с чем соглашаются современные авторы, всегда можно найти «методологические матрицы, удачные методические решения для эмпирических исследований» [2]. В этом и состоит их методологическая практичность и актуальность. Классики могли устареть в конкретных теориях, их данные потеряли актуальность, но предложенные методы и исследовательские подходы до сих пор вызывают споры, как будто они были созданы вчера.

Вебер: трудности перевода и интерпретации

Макс Вебер – самый почитаемый классик социологии и, безусловно, самый читаемый из социологов XX в., чьи научные работы и сегодня занимают первые строчки рейтингов в опросах социологов разных стран². Причем данный результат не зависит от того, какой теоретической позиции придерживаются читатели (хотя остается неоспоримым тот факт, что Вебер известен прежде всего как основоположник «пнимающей социологии»). Вместе с тем понятно, что творчество Вебера оказало намного больше влияния на последующее развитие социологии в таких странах, как Германия, Австрия, Италия, Великобритания, США. Сам ученый в ходе подготовки своих трудов читал очень много литературы, касающейся культуры (в частности, религии) многих стран мира. Не только историческая социология и социология религии, но и экономическая и политическая социология, а также история юриспруденции были в центре его внимания. Вебера интересовала антропология и экономическая история, эпоха древности и Средние века, Просвещение и Реформация. Во все эти об-

ласти он внес вклад. Вебер точно уловил и отразил дух своей эпохи, занимаясь такими научными проблемами, которые были интересны его современникам. Многие из этих проблем, такие как рациональность, социальное действие, типы господства, актуальны и сегодня либо как базовые для социологии вообще, либо как необходимые для определения и переопределения процессов и явлений, имеющих место в нынешнее время в новом облике и новых формах.

Фигура Вебера неординарна. Он прекрасно разбирался во всем многообразии социально-гуманитарного познания своего времени. Среди его постоянного круга общения были известные философы, историки, политики, экономисты, юристы, что, несомненно, способствовало преломлению в его собственных концепциях разнообразных идей из этих областей науки и культуры и производству нового социального знания. Вместе с коллегами Вебер принимал участие в обсуждении как актуальных теоретических, так и политических проблем своего времени (а время было – как и любой дру-

¹Перевод наш. – Л. Т.

²По результатам опроса членов Международной социологической ассоциации, проведенного в 1997 г., работа Вебера «Экономика и общество» («Хозяйство и общество») занимает первое, а «Протестантская этика и дух капитализма» – четвертое место в списке лучших социологических книг XX в.

гой исторический период XX в. – очень непростое и для Германии, и для мира в целом). По всеобщему мнению, труды Вебера после его довольно неожиданной смерти от гриппа (испанки, переросшей в пневмонию) читали и изучали куда больше исследователей, чем это было при его жизни³. И на то есть много причин. Самая простая из них состоит в том, что широкое издание трудов Вебера (как и их переводов) развернулось только после его смерти (первым редактором, подготовившим издание его работ в Тюбингене на немецком языке в 1920-х гг., была его супруга Марианна Вебер).

И здесь возникает немаловажная проблема точности переводов. Одним из американских почитателей ученого, как известно, был Талкотт Парсонс, который не только способствовал распространению идей Вебера в США благодаря публикации собственного труда «Структура социального действия» (1937), но и стал переводчиком и интерпретатором некоторых его важнейших работ. Именно Парсонс опубликовал перевод труда «Протестантская этика и дух капитализма» в 1930 г. [4], а затем и других работ [5]. Считается, что его трактовка Вебера была функционалистской и телеологической, она в ряде важных положений искажала оригинал (отчасти ввиду его полемического характера, относящегося к эпохе начала XX в.). Речь идет не только об известной метафоре железной клетки, введенной именно Парсонсом, но и о деталях интерпретации роли Кальвина в формировании протестантской этики, других вопросов, которые сегодня также считаются неточными (так, Парсонс напрямую связал социальное действие с поведением, тогда как Вебер подчеркивал важность осмысленности действия). Другим известным американским переводчиком и интерпретатором трудов Вебера стал Чарльз Райт Миллс. В 1946 г. вместе с Гансом Гертом он опубликовал перевод социологических эссе Вебера [6]. Миллс написал о Вебере так много, что на этом основании в социологической литературе сложилось мнение о том, что сам Миллс был веберянцем (хотя в своих текстах он это опровергал и считал себя скорее последователем идей молодого Маркса).

Среди российских переводчиков-редакторов опубликованных текстов самыми известными являются Ю. Н. Давыдов и Л. Г. Ионин, хотя переводчиков отдельных статей было много. Отметим, что полностью основные труды Вебера на русский язык долго не переводились (сначала из-за их «буржуазного характера», потом из-за их огромного объема и отсутствия социального заказа на переводы, ведь ученые-веберянцы читали Вебера в оригина-

ле, а для обучения студентов хватало работы о протестантской этике). Один из лучших нынешних российских знатоков творчества Вебера Л. Г. Ионин считает, что мешал переводам и тот факт, что язык трудов Вебера «несколько архаичный», а фразы очень длинные, не рассчитанные на легкое восприятие читателем: в них воплотилось развитие мыслей ученого. Наконец, многие немецкие слова, которыми пользуется Вебер, можно перевести на русский язык по-разному (или вообще нельзя перевести ввиду отсутствия аналогов), что тоже затрудняет перевод или делает его по меньшей мере неточным [7].

К сожалению, и сейчас не существует единого понимания веберовских принципов даже в главном. Как пишет Л. Г. Ионин про основной труд Вебера «Хозяйство и общество», весь мир знает и изучает работы ученого больше по их переводам на английский язык, первые из которых были сделаны в США. По мнению Л. Г. Ионины, они значительно исказили оригинал: «...американизированный Макс Вебер сильно отличается от оригинального. А весь мир его изучает именно по американскому переводу» [8, с. 120]. В то же время некоторые «ошибки перевода» прочно вошли в научный обиход и даже сделали, по мнению отдельных авторов, идеи Вебера более популярными. Один из российских адептов ставших уже «классическими» ошибок пишет по поводу парсонсовского варианта перевода известной метафоры Вебера *Stahlhartes Gehaus* (дословно – «стальной панцирь», а у Парсонса – «железная клетка»): «Триумфального шествия “железной клетки”⁴ как мощного социологического концепта, повлиявшего на многие умы, не состоялось бы, если бы не американизация этих священных для всех социологов текстов» [8, с. 125].

Но даже относительно тех работ, где интерпретаторы классика не пользовались переводами, есть обоснованные опасения, что идеи Вебера понимались либо упрощенно, либо просто неверно. Например, его знаменитая работа «Протестантская этика и дух капитализма» уже в названии содержит ряд понятий, в которые Вебер вкладывал собственное содержание. Так, капитализм для него – это не экономическая система и не формация, как у Маркса, а в первую очередь все «современное общество», которое породило совокупность правил и ценностей, используемых большинством живущих в этом обществе людей (т. е. культуру этого общества, его кодекс ценностей, этические нормы). Хотя, по Веберу, религия (а именно протестантизм) существенно повлияла на возникновение того капитализма – общества, в котором жил сам Вебер, тем не

³Хотя, по воспоминаниям его жены Марианны, Вебер всегда был окружен учениками, высоко его почитавшими, к которым он сам относился уважительно [3].

⁴Железная клетка (*iron cage*) – сегодня широко используемый социологический термин, заимствованный из работы Вебера в переводе Парсонса, который обозначает возрастающую бюрократизацию и рационализацию общества, особенно в западных странах.

менее «дух капитализма», т. е. свод его ценностей, уже был не религиозным, но рациональным. Именно о процессе постепенной рационализации разных религий пишет в своей работе Вебер. Этот дух рациональности привел людей к осознанию того, что надо в своей профессиональной нише при жизни реализовать собственные желания и потребности, отсюда следует такое большое внимание к трудовой этике. Она тоже рациональна и построена на безличных принципах и процедурах, поэтому именно данную бюрократическую рациональную систему, в которую включен индивид, Вебер метафорически назвал железной клеткой для человека (точнее, стальным панцирем). Основы этого панциря рационально-бюрократические, ничего другого в них нет. Однако именно эти основы, дополненные высокоразвитой технологией, привели в XX в. к такому росту материальных благ, который позволил обеспечить массовое потребление и построить рациональное индустриальное (а затем постиндустриальное) общество (как синоним обновленного капитализма). В таком обществе живет (или только еще мечтает жить, стремясь к нему) большинство населения нынешнего земного шара. Но это не идеальное общество. Неслучайно Вебер был пессимистом относительно будущего человечества: он не считал высокотехнизированное и бюрократизированное безликое общество прогрессом. Как пишет Л. Г. Ионин, Вебер «показывает, что, будучи

самой рациональной и эффективной в экономическом смысле системой, капитализм порождает иррациональные последствия в социальной жизни. Проще говоря, он рационален и «несправедлив». И это внутренне присущее ему противоречие рационально (то есть научно) неразрешимо» [7].

Неслучайно и то, что, отталкиваясь от веберовских идей рациональности, социальные философы франкфуртской школы выстроили в 1940–50-х гг. свои критические антитехницистские концепции, показав миру, к чему приводят возведенные в абсолют рациональность, расчет и бюрократия, используемые даже в вопросах уничтожения рода человеческого (Вторая мировая война, холокост) [9]. В XXI в. технизация и рационализация мира продолжились и привели к созданию новых видов вооружений, искусственного интеллекта, невиданным угрозам человеческой личности, что дает основания многим ученым рассуждать о полном порабощении человека машинами, как в известном бестселлере «Матрица». Вебер не мог этого предвидеть, он всегда предпочитал заниматься настоящим и изучать прошлое, а не строить прогнозы о будущем, но двойственность природы рациональности он уловил и раскрыл. Сегодня мир живет в созданной умными машинами «социальной матрице» – мире, где все возможно, где нет правил и где практически не осталось места для человека [10].

Понимающая социология

Что из обширного теоретического наследия Вебера в максимальной степени сохраняет актуальность и привлекает к нему новых авторов? Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Прежде всего Вебер создал методологию исследования, которая оказалась востребована в социальной науке в конце XIX – начале XX в. и до сих пор пользуется широкой популярностью среди социологов разных стран. С именем Вебера связано становление теоретико-методологической парадигмы понимающей социологии. Разрабатывая эту парадигму, Вебер ввел в научный обиход ряд понятий, которые изменили социологию, дав дорогу для развития антипозитивистских теорий. В центре его социологии такие конструкции, как идеальный тип, социальное действие, рациональность, понимание. Концептуальный аппарат, созданный Вебером, был востребован научным сообществом того времени, его единомышленниками и остается релевантным для описания многих исследуемых феноменов в современной постнеклассической социологии. В зарубежной литературе даже имеет место мнение, что Вебер «был мыслителем постмодерна, далеко обогнавшим свое время» [11].

Вебер, будучи выдающимся теоретиком и методологом научного познания в области социоло-

гии, много времени уделял тому, чтобы показать принципиальное отличие социологического теоретизирования от других видов теоретизирования в области социальных наук. Прежде всего это различие между объяснением, характерным для естественных наук, и пониманием, преимущественно используемым в социальном познании и науках о культуре в целом. Вебер не отрицал роли объяснения как метода полностью, но отводил ему второстепенное место в социологии, подчиняя его методу понимания.

На примере собственной научной деятельности Вебер показал несводимость социального к другим областям знания. Сам ученый никогда не пытался подменить социальное чем-то иным, т. е. не допускал редукционизма, который так или иначе означает утрату социологией своего специфического предмета. В поисках концептуальных рамок для социологии Вебер не выходил за пределы социального. По этой причине для него, например, был неприемлем анализ капитализма Маркса, сводящий объяснение социальных изменений к экономическим каузальным рядам, т. е. к экономическому детерминизму. Точно так же Вебер избегал редукции социального к психологическому или биологическому, даже если это на первый взгляд могло

увеличить объяснительную силу теоретизирования за счет обращения к неким «глубинным» несоциальным причинам анализируемых процессов и явлений. И в этом смысле, в плане проведения четкого отграничения специфики социального от других сфер, Вебер остается примером и сегодня.

Зарубежные исследователи творчества Вебера единодушны в том, что главным, фундаментальным его трудом является «Экономика и общество»⁵, где раскрыт предмет понимающей социологии и дано осмысление всеобщих правил социального действия [12]. Социальное действие – одно из основополагающих понятий в социологии Вебера. По его мнению, социология всегда имеет дело с осмысленными, мотивированными действиями индивидов, действующих в обществе, а также изучает понимание их субъективных мотивов, намерений, целей.

Вебер разработал и глубоко проанализировал такой особый универсальный инструмент познания, как идеальный тип. По его мнению, обобщающие научные понятия в принципе не могут точно соответствовать социальной действительности – они

являются идеальными моделями того или иного ее фрагмента, т. е. служат формальными инструментами мышления в науке. Таковыми являются большинство понятий, используемых в социологии.

Вебер выделяет четыре «чистых» типа действия (идеальные типы): целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное. Из них только первый тип полностью рационален. Он преобладает в таких сферах деятельности, как экономика, управление, право, наука. Поскольку этот тип больше всего соответствует тенденции развития общества по пути нарастания рациональности, в обществе имеет место тенденция бюрократизации, которая является общей для цивилизационного развития всего мира. Указывая на эту тенденцию, сам Вебер не делал вывода, что общество в XX в. будет неизбежно развиваться по рациональному пути. Целерациональность – одна из исторических возможностей развития. Вебер видел в ней средство, которое может быть обращено на разные цели, причем его личный взгляд на будущее общества был пессимистичным.

Наука как призвание и профессия

В широко известной в настоящее время работе «Наука как призвание и профессия» Вебер обращается к проблеме науки и научного исследования. Он пытается ответить на вопрос о том, что есть наука, в чем смысл научной деятельности, кого можно считать ученым, а кого нет. Само научное познание у Вебера рассматривается как идеально-типическая конструкция, в которой соединены представления о науке, объекте, истине, ценностях, с понятием социальности как таковой. Вебер раскрыл внешние и внутренние условия существования науки как профессии и научного познания как специфической деятельности. «Сегодня наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей» [13, с. 731].

Человек, решивший посвятить себя науке, должен полностью отдаваться этой деятельности, проявляя при этом страсть, «ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» [13, с. 708]. В частности, это означает, что ученый, преданный своему делу, должен заниматься наукой профессионально, а не как любитель или как человек, одновременно занятый многими важными делами, кроме науки: «Личностью в научной сфере является только тот, кто служит лишь одному делу» [13, с. 711]. По Веберу, надо заниматься наукой, только если имеешь научную страсть, если не можешь без этого жить и готов посвятить годы, всю жизнь поиску истины, а не добыванию статусов, званий,

признания в обществе. Наука – это не только профессия, это призвание служить истине. Поэтому и современные ученые, разделяющие взгляды Вебера, согласны с тем, что «ни должностное положение исследователя в социальных иерархиях, ни принадлежность его высказывания тому или иному времени не могут и не должны служить критерием при определении истинностных значений» [14, с. 98].

Вебер уделяет внимание вопросу различий между научным знанием и верой: наука основана на фактах, а вера в них не нуждается. Наука анализирует только то, что подвластно логике и что может быть рассмотрено с точки зрения рациональности. Из знаний о фактах выводятся знания о средствах, которые следует применить во имя достижения тех или иных целей. Отсюда следует, что сфера научного познания должна быть свободна от ценностей. Область ценностей – это сфера должного, где суждения людей об одном и том же предмете по необходимости варьируются. Наука – сфера истины, которая едина и обязательна для всех людей. Только когда человек как бы выходит из образа ученого (покидает стены университета, студенческую аудиторию), он может заниматься другими видами деятельности и открыто отстаивать свои интересы и ценности в других сферах. Тогда он может заниматься политикой, которой не место в аудитории. Ученый может проявлять свои гражданские позиции вне сферы науки и не имеет морального права проповедовать собственные политические взгляды

⁵В русских изданиях – «Хозяйство и общество», так как немецкий оригинал позволяет использовать оба варианта перевода.

в аудитории: «...политике не место в аудитории. Студенты в аудитории не должны заниматься политикой» [13, с. 721]. Таким образом поступал сам Вебер, активно участвовавший в немецкой политической жизни, но не соединявший политику с наукой. Вебер оставляет науку для оперирования фактами, а политику – для проявления интересов и субъективных пристрастий ученого как гражданина и человека. Это значит, что, вопреки Марксу, ученый не должен пытаться изменить мир своими

исследованиями и деяниями, но это может сделать политик.

Возможно, данная позиция не разделяется сегодня социологами активистского толка, которые выделяют гражданскую функцию социолога как равнозначную его профессиональной деятельности [15]. Однако и позиция Вебера имеет своих последователей, которые четко разделяют эти две роли, выполняемые одним человеком, но в разных сферах деятельности [16].

Харизматическое лидерство

Особой популярностью в современной политической социологии пользуется веберовское понятие харизмы как типа легитимного господства (наряду с легально-рациональным и традиционным). В разделе книги «Хозяйство и общество» о типах легитимного господства автор указывает, что каждый из типов в некоторой степени имеет элементы других типов. Полезность своей схемы автор видит в том, что «в каждом конкретном случае можно установить, какие именно аспекты организованной группы легитимно идентифицируются» как соответствующие одной из выделенных категорий или типу [12, с. 255]. Далее Вебер указывает, что понятие подлинной харизмы как врожденного и экстраординарного качества его носителя, которому нельзя научить, не опирается на готовый образец.

Харизматические лидеры способны вызвать веру или слепую поддержку последователей благодаря своим врожденным качествам и экспрессивности. При этом сам Вебер, следуя принципу свободы от ценностных суждений, безразличен к ценностям, проповедуемым харизматическим лидером, будь то политик или религиозный фанатик. Вебер лишь констатирует, что харизматическое господство характеризуется послушанием лидеру и созданному им порядку. По Веберу, выдвигаемые харизматическим лидером идеи измеряются не ценностью истины, а их мобилизующей силой, а также силой группы, которая признает идеи своего лидера. Определенную роль в поддержании харизматического лидера играют также СМИ, но полностью создать кому-то харизму без имеющихся на то предпосылок невозможно (это псевдохаризма).

Поскольку сегодня на политической арене достаточно много лидеров данного типа, анализ харизматического господства, предложенный Вебером, остается актуальным. Так, в настоящее время при анализе лидера-харизматика важным критерием харизматичности является факт, что его деятельность объективно служит интересам верящих в него людей, их стремлению к благосостоянию, счастью, другим зримым результатам в повседневной жизни народа. Если же лидер-харизматик хотя бы

какое-то время не может обеспечить народу материальных благ, создается угроза его господству. Данные индикаторы могут обосновать власть того или иного харизматического лидера и стать базой для анализа того, насколько долго он еще может сохранить свою власть [12, с. 279]. До сих пор представляет интерес конкретное рассмотрение того, какие социально-исторические обстоятельства делают возможным появление и даже историческую потребность в харизматическом лидере, какой лидер может принять на себя выполнение особой «миссии», отвергать старые и утверждать новые (иногда экстраординарные) ценности и что связывает лидера с его последователями. По мнению Вебера, истинная харизма проявляется, как правило, в экстраординарных ситуациях, которые не только обуславливают потребность в лидерах данного типа, но и предполагают наличие эмоциональных масс, готовых к иррациональным действиям в ситуациях, выходящих за пределы повседневности.

Харизматический тип господства, по Веберу, не может быть долгосрочным, он актуален в экстраординарных ситуациях, тогда как в стабильных условиях более релевантен тип легально-рационального господства (хотя зачастую на место харизмы возвращается традиционный тип господства). Наконец, актуальным в политическом анализе являются различия между «истинной харизмой» и «псевдохаризмой», которую можно создать с помощью СМИ, политических манипуляций в условиях кризиса, подыгрывания лидеру его окружения (администрации) и т. п. В современной политической науке высказывается точка зрения, согласно которой отдельные элементы харизмы необходимы любому типу господства.

Резюмируя краткий экскурс в научное наследие Вебера, которое не может быть описано в короткой статье, подчеркнем, что различные понятия и концепции, созданные Вебером, составляют единую систему, которую надо воспринимать целостно. Под каждым из этих понятий, как справедливо писал Ю. Н. Давыдов, «обнажается глубина все дальше заводящих нас социально-философских, а затем и вовсе метафизических представлений и постулатов» [17, с. 396].

Библиографические ссылки

1. Lachmann LM. *The legacy of Max Weber*. Berkeley: Glendessary Press; 1971. 147 p.
2. Вахштайн В. Интеллектуальные уловки в социологии [Интернет]. 2 июня 2019 г. [процитировано 12 октября 2019 г.]. Доступно по: <https://www.youtube.com/watch?v=R8AcIQVKYag>.
3. Вебер Марианна. *Жизнь и творчество Макса Вебера*. Москва: РОССПЭН; 2007. 655 с.
4. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Parsons T, translator. London: Allen and Unwi; 1930. 271 p.
5. Weber M. *The theory of social and economic organization*. Parsons T, editor. New York: Oxford University Press; 1947. 450 p.
6. Gerth HH, Mills CW, translators, editors. *From Max Weber: essays in sociology*. New York: University Press; 1947. 514 p.
7. Ионин ЛГ. «Чтобы Вебер стал русским...». *Русский журнал*. [Интернет]. 2 апреля 2007 [процитировано 20 сентября 2019 г.]. Доступно по: <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaya-povestka/CHtoby-Weber-stal-russkim>.
8. Ионин ЛГ, Куракин ДЮ. Существует ли патриотизм в социологии? *Социологический журнал*. 2018;24(1):114–131. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716.
9. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения: философские фрагменты*. Санкт-Петербург: Медиум; 1997. 310 с. Совместно с издательством «Ювента».
10. Кутырев ВА. *Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире*. Санкт-Петербург: Алетея; 2016. 300 с.
11. Koshul BB. *The postmodern significance of Max Weber's legacy: disenchanting Disenchantment*. London: Palgrave Macmillan; 2005. 176 p.
12. Вебер М. *Хозяйство и общество. Очерки понимающей социологии. Том 1. Социология*. Ионин ЛГ, составитель, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016. 445 с.
13. Вебер М. Наука как призвание и профессия. В: *Вебер М. Избранные произведения*. Давыдов ЮН, переводчик, составитель. Москва: Прогресс; 1990. с. 707–735.
14. Антоновский АЮ. Научное познание как понятие социальной философии. *Вопросы философии*. 2018;12:97–100.
15. Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005;70(1):4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.
16. Романов П, Ярская-Смирнова Е, редакторы. *Общественная роль социологии*. Москва: Вариант; 2008. 176 с.
17. Давыдов ЮН. *Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения*. Москва: Мартис; 1998. 510 с.

References

1. Lachmann LM. *The legacy of Max Weber*. Berkeley: Glendessary Press; 1971. 147 p.
2. Vachstein V. *Intellectual tricks in sociology* [Internet]. 2019 June 2 [cited 2019 October 12]. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=R8AcIQVKYag>. Russian.
3. Weber Marianna. *Zhizn' i tvorchestvo Maksa Vebera* [The Life and Work of Max Weber]. Moscow: ROSSPEN; 2007. 655 p. Russian.
4. Weber M. *The protestant ethic and the spirit of capitalism*. Parsons T, translator. London: Allen and Unwi; 1930. 271 p.
5. Weber M. *The theory of social and economic organization*. Parsons T, editor. New York: Oxford University Press; 1947. 450 p.
6. Gerth HH, Mills CW, translators, editors. *From Max Weber: essays in sociology*. New York: University Press; 1947. 514 p.
7. Ionin LG. [«So Weber becomes Russian...»]. *Russkii zhurnal* [Internet] 2007 April 2 [cited 2019 September 20]. Available from: <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaya-povestka/CHtoby-Weber-stal-russkim>. Russian.
8. Ionin LG, Kurakin DYU. Does patriotism exist in sociology? *Sociological Journal*. 2018;24(1):114–131. Russian. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5716.
9. Horkheimer M, Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya: filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Saint Petersburg: Medium; 1997. 310 p. Co-published by the «Yuventa». Russian.
10. Kutyrev VA. *Unesennye progressom: eskhatologiya zhizni v tekhnogennom mire* [Gone with progress: the eschatology of life in the technogenic world]. Saint Petersburg: Aleteya; 2016. 300 p. Russian.
11. Koshul BB. *The postmodern significance of Max Weber's legacy: disenchanting Disenchantment*. London: Palgrave Macmillan; 2005. 176 p.
12. Weber M. *Khozyaistvo i obshchestvo. Ocherki ponimayushchei sotsiologii. Tom 1. Sotsiologiya* [Economy and society. An outline of interpretive sociology. Volume 1. Sociology]. Ionin LG, compiler, editor. Moscow: Higher School of Economics; 2016. 445 p. Russian.
13. Weber M. [Science as a vocation and profession]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, translator, compiler. Moscow: Progress; 1990. p.707–735. Russian.
14. Antonovskiy AYU. Scientific knowledge as a concept of social philosophy. *Voprosy filosofii*. 2018;12:97–100. Russian.
15. Burawoy M. For public sociology. *American Sociological Review*. 2005;70(1):4–28. DOI: 10.1177/000312240507000102.
16. Romanov P, Yarskaya-Smirnova E, editors. *Obshchestvennaya rol' sotsiologii* [Public role of sociology]. Moscow: Variant; 2008. 176 p. Russian.
17. Davydov YuN. *Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sotsiologiya: aktual'nye problemy veberovskogo sotsiologicheskogo ucheniya* [Max Weber and modern theoretical sociology: actual problems of Weberian sociological doctrine]. Moscow: Martis; 1998. 510 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2020.
Received by editorial board 02.06.2020.

БЮРОКРАТИЯ И БЮРОКРАТИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В. Э. СМІРНОВ¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматривается бюрократия как особая социальная группа, обладающая рядом специфических сущностных и обязательных черт, благодаря которым она выполняет важную роль в системе управления обществом. Обосновывается, что феномен бюрократизации не только управления, но и всех сфер общества, как правило, связан с выходом функций бюрократии за границы применимости ее сущностной структуры и принципов деятельности. Это, в свою очередь, обусловлено кризисными явлениями в системе управления социально-экономической сферой общества, а также властными решениями, санкционирующими возможность реализации претензий бюрократии в управлении социальной системой.

Ключевые слова: бюрократия; бюрократизация; управление; социальная группа; дебюрократизация; дисфункция бюрократической деятельности.

BUREAUCRACY AND BUREAUCRATIZATION AS A SOCIAL PHENOMENON

V. E. SMIRNOV^a

^aInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article emphasizes that the bureaucracy is a special social group that has specific essential and mandatory features, due to which it plays an important role in the system of management of society. It is proved that the phenomenon of bureaucratization of not only management, but also all spheres of society, as a rule, is associated with the exit of functions of the bureaucracy beyond the limits of applicability of its essential structure and principles of activity. This, in turn, is due to the crisis of the socio-economic system of society and, consequently, of the authority, which expands the opportunities and claims of the bureaucracy in the management of the social system.

Keywords: bureaucracy; bureaucratization; management; social group; debureaucratization; dysfunction of bureaucracy.

В последние годы в обществе много говорят о бюрократизации и необходимости дебюрократизации управления в стране. Результатом этого явилось снижение численности чиновников, что получило название оптимизации. Как стало ясно, под бюрократизацией имелось в виду чрезмерное количество чиновников. Соответственно, оптимизировать управленческую структуру – значит уменьшить их число, сократить должности. Однако в результате получилось «как всегда»: сократили

должности чиновников самого низкого уровня – делопроизводителей, специалистов, людей, которые выполняли вполне конкретные необходимые функции. Представители же высшего ранга бюрократии остались на своих местах или были перемещены на другие должности такого же уровня все с теми же неопределенными функциями, не требующими профессиональных знаний и умений. Так, провинившийся и не справившийся со своими обязанностями министр одной отрасли был переведен

Образец цитирования:

Смирнов ВЭ. Бюрократия и бюрократизация как социальное явление. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:61–71.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-61-71>

For citation:

Smirnov VE. Bureaucracy and bureaucratization as a social phenomenon. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:61–71. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-61-71>

Автор:

Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher.
smirnoffv67@gmail.com

на такую же по рангу должность в другой отрасли. Потерпевшими от такой оптимизации оказались самые зависимые и мелкие чиновники.

Какой из этого можно сделать вывод? Во-первых, под бюрократизацией реформаторы понимали увеличение числа чиновников, а соответственно, под дебюрократизацией – необходимость их сокращения. Во-вторых, количество бюрократии существенно не изменилось, а уменьшение произошло за счет сокращения должностей самого низкого чиновничьего ранга.

Почему так случилось? Для понимания системных изменений в управленческой среде необходимо ответить на несколько вопросов:

1. Что такое бюрократия?
2. Какое число бюрократов является оптимальным для той или иной страны?
3. В чем суть бюрократизации управления и всего общества?
4. Каковы ее причины и пути устранения?

На эти вопросы я постараюсь ответить.

Хотя бюрократия издавна являлась объектом научного и, в частности, социологического анализа, в целом можно сказать, что, сколько было исследователей, столько и мнений. В существенной части такая ситуация связана с тем, что само понятие бюрократии, как минимум в обыденном смысле, эмоционально нагружено и, как правило, имеет отрицательные коннотации. Со временем, и во многом благодаря исследователям этого феномена, оно утратило отрицательные смыслы, которые сосредоточились в основном на понятии бюрократизации: с одной стороны, под ним иногда понимают попросту процесс создания отряда бюрократии, с другой – совокупность отрицательных явлений, сопровождающих и каким-то образом связанных с деятельностью бюрократии.

Вряд ли стоит перечислять всех мыслителей, когда-либо изучавших и обсуждавших бюрократию как социальный слой (тем более что об этом много уже написано), притом некоторые из них, например Гегель, использовали другие термины для определения бюрократии, такие как, например, всеобщее сословие. В этом плане проще выделить основные направления, в рамках которых формировались современные представления о бюрократии. В первую очередь это немецкая философская традиция, представителями которой являются такие разные мыслители, как И. Кант и Г. В. Ф. Гегель, которые на удивление едины в своем положительном отношении к бюрократии как некоей структуре, которая способна выражать общий интерес нации, ибо не имеет, в отличие от гражданского общества, т. е. других сословий и индивидов, частного интереса. В этом смысле Гегель определяет бюрократию через ее функцию, способ деятельности: «Всеобщее сословие или, точнее, сословие, посвящающее себя служению правительству, содержит непосред-

ственно в своем определении, что цель его существенной деятельности есть всеобщее...» [1, с. 343]. По этому поводу Л. фон Мизес несколько иронично подметил: «В трудах немецких эстатистов государственный служащий предстает святым существом, кем-то вроде монаха, презревшего все земные радости и личное счастье ради того, чтобы как можно лучше служить наместнику Бога на земле – когда-то королю династии Гогенцоллернов» [2, с. 22].

К. Маркс, являясь наследником немецкой философской традиции, тем не менее решительно отрицает (в диалектическом смысле) гегельянские взгляды. Его подход зиждется на отрицании сущности государства как выразителя всеобщего интереса. Согласно марксистским представлениям само государство есть продукт разделения труда и представляет интересы не всего общества, а господствующих классов. Соответственно, и бюрократия преследует интересы этих классов, а не всеобщий интерес, как полагал Гегель. А поскольку интересом господствующего класса всегда является сохранение своего господства, реализуемого посредством сохранения в неизменном состоянии социально-экономической структуры общества, бюрократия всегда отличается консерватизмом, даже реакционностью и враждебностью к любым нововведениям. Поэтому все реформы, осуществляемые бюрократией, представляют собой вынужденную реакцию на объективные изменения в обществе при сохранении генерального вектора на неизменность сути социально-экономических отношений. При этом Маркс описывает бюрократию в контексте теории отчуждения, которая досталась ему от предшественников и была глубоко раскрыта еще Гегелем. В кратком виде Маркс определил отчуждение, как «превращение результатов и продуктов деятельности человека в нечто, не зависящее от него и господствующее над ним» [3, с. 58]. Через представление об отчуждении в целом просматривается и отчуждение бюрократической системы от масс, и отчуждение бюрократа, или «человека бюрократического», как от смысла своей деятельности, так и от себя самого. Управленческий аппарат, когда-либо возникая как инструмент управления, более-менее адекватный объекту управления, с изменением, развитием этого объекта все менее ему соответствует и вместо жизненно-практической реальности все более замыкается в реальности «бу-мажной», а его деятельность обезличивается.

Хотелось бы обратить внимание на один важный момент во взглядах К. Маркса. В постсоветской традиции часто сравнивают взгляды на бюрократию К. Маркса и М. Вебера, о котором мы будем говорить ниже, причем, как правило, в пользу последнего. В отличие от Маркса Вебер – крупнейший исследователь бюрократии и основатель целого социологического течения, в чем-то продолживший линию немецкой традиции в трактовке бюрокра-

тии, – обратил внимание на иные аспекты деятельности бюрократии. Вебер рассматривал данный феномен в контексте собственных социально-исторических теорий, посвященных процессу рационализации жизни общества в целом. Согласно им распространение бюрократии, причем бюрократии определенного типа, являлось важнейшим актом эволюции западной цивилизации и капиталистического общества на Западе. Не останавливаясь подробно на изложении теории власти, стоит только заметить, что определенные типы господства: рациональное, традиционное или харизматическое – Вебер связывает с определенными формами организации управления, или, как он их называет, «штабами» при носителе власти. В частности, рациональный тип власти соответствует рациональной же бюрократии. Можно выделить ряд характерных черт функциональной деятельности, присущей, по мнению Вебера, рациональной бюрократии. Бюрократы:

- 1) подчиняются только объективным служебным обязанностям;
- 2) назначаются на службу в рамках бюрократической иерархии;
- 3) имеют постоянные служебные компетенции;
- 4) работают по контракту, на основе отбора согласно профессиональной квалификации;
- 6) получают заработную плату за свой труд;
- 7) считают свою службу единственной или главной профессией;
- 8) двигаются по карьерной лестнице;
- 9) отчуждены от должности и связанных с ней средств управления, т. е. они не принадлежат чиновнику и чиновник пользуется этими средствами исключительно во время службы и в рамках служебных компетенций.

Кроме данных черт, хотелось бы обратить внимание еще на один момент, на одно свойство бюрократии, выделенное Вебером. Речь идет о том, что во многом бюрократия, как штаб власти, в своей сущности противоположна власти. Рискну привести длинную цитату, поскольку высказанная в ней М. Вебером мысль имеет важное значение для понимания сути современной бюрократии и такого социального явления, как бюрократизация. В своей работе «Политика как призвание и профессия» Вебер замечает: «Подлинной профессией настоящего чиновника – это имеет решающее значение для оценки нашего прежнего режима – не должна быть политика. Он должен “управлять” прежде всего *беспристрастно*... по меньшей мере официально, коль скоро под вопрос не поставлены “государственные интересы”, то есть жизненные интересы господствующего порядка. *Sine ira et studio* – без гнева и пристрастия должен он вершить дела. Итак, политический чиновник не должен делать именно того, что всегда и необходимым образом должен делать политик – как вождь, так и его свита, – *бороться*. Ибо

принятие какой-либо стороны, борьба, страсть – *ira et studium* – суть стихия политика, и прежде всего политического *вождя*. Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности чиновника. В случае если (несмотря на его представления) вышестоящее учреждение настаивает на кажущемся ему ошибочным приказе, дело чести чиновника – выполнить приказ под ответственность приказывающего, выполнить добросовестно и точно, так, будто этот приказ отвечает его собственным убеждениям: без такой в высшем смысле нравственной дисциплины и самоотверженности развалился бы весь аппарат. Напротив, честь политического вождя, то есть руководящего государственного деятеля, есть прямо-таки исключительная *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить ее с себя он не может и не имеет права» [4]. Я еще вернусь к этой цитате, когда буду рассматривать собственную трактовку феномена бюрократизации как дисфункцию бюрократической деятельности.

Сейчас же хочу заметить, что в своей теории типов господства и способов бюрократической деятельности Вебер имел в виду идеально типическую природу объектов собственных теоретических представлений. И рациональная бюрократия, и легальный (рациональный) тип господства есть идеальные типы, мыслительные конструкции особого рода, которые создает ученый в процессе исследования реальности. С одной стороны, они не являются «подлинной реальностью», существующей во всей своей полноте, с другой – это не вымыслы ученого, так как эти мыслительные конструкции в определенной и специфической форме отражают реальность.

Дальнейшее развитие представлений о бюрократии, как правило, связано с критикой тех или иных взглядов Вебера, причем почти исключительно в рамках веберовской парадигмы и с опорой на нее. Например, С. Кальберг развивает собственную теорию через уточнение идеально-типической природы веберовских понятий. П. Блау находит внутренние противоречия в теории Вебера, разделяя авторитет профессионала и власть бюрократа, а Д. Битэм – уточняя содержание понятий легального и рационального.

При этом можно выделить общее направление поствеберовских исследований бюрократии, связанное с критикой этого института и отходом от германской апологетической традиции. И в этом контексте хотелось бы обратить внимание в первую очередь на взгляды Р. Мертоня по той причине, что для отечественных исследователей они стали основой и общим местом в рассуждениях.

Мертон рассматривает институт бюрократии с точки зрения его возможной дисфункции, которую могут обуславливать следующие причины:

строгое следование правилам, превращающее правила в самоцель; появление у бюрократии собственных групповых интересов, конфликтующих с интересами организаций, политику которых они должны проводить; игнорирование частных случаев и особенностей, сугубо формальный подход, вследствие чего бюрократия все чаще не реализует свою функцию по существу [5]. Мертон, по сути, понимает бюрократию противоположно тому, как трактовал ее Вебер. По описанию дисфункций мы можем увидеть функциональную норму – как она выглядит в его глазах. Нормой для бюрократии, по мнению Мертона, является ценностно обусловленное целеполагание, причем цель деятельности диктует средства – сами по себе правила не обладают самостоятельной ценностью (никакого «без гнева и пристрастия»). Бюрократии, с точки зрения Мертона, должно быть присуще отсутствие групповых интересов либо полное совпадение их с целями организации в целом, а также внимание к частным личным интересам граждан и частным ситуациям. То есть можно сделать вывод, что бюрократия у Мертона есть, по сути, то же самое, что власть у Вебера, тогда как Вебер противопоставлял эти феномены.

Современные отечественные социологи и философы, как правило, в понимании бюрократии следуют веберовской традиции во всяком случае, как она им представляется. При этом, вслед за Мертоном, игнорируется противоположность по целому ряду принципов функционирования власти как таковой и бюрократии как штаба этой власти. Бюрократизация рассматривается, вслед за Мертоном, как дисфункция в деятельности бюрократии, причем моменты этой дисфункции странным образом совпадают с необходимыми свойствами бюрократии, определенными Вебером. В общем в исследовании бюрократии парадоксальным образом мы можем наблюдать формальный подход к изучению этого явления.

Для того чтобы четко выразить авторский взгляд на рассматриваемый феномен, необходимо, несмотря на сложившуюся исследовательскую традицию в трактовке бюрократии, проследить генезис бюрократии. Исторически бюрократия неоднократно появлялась в разных обществах по мере усложнения объекта управления и определенной рационализации общественной жизни. Можно согласиться с веберовским определением бюрократии как штабов политических лидеров, но, на мой взгляд, стоило бы кое-что уточнить. Речь идет не просто о «штабах», но о структурах, которые по идее не имели собственной политической субъектности. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет именно об идеале. На практике бюрократические системы все же узурпировали ту или иную долю властной субъектности и, более того, именно такая

узурпация и может определяться как один из признаков дисфункции бюрократии.

Нужно сказать, что на заре своей организации рождающаяся бюрократия вовсе не воспринималась как какой-то самостоятельный субъект. Например, в Древнем Риме, где позже, в императорскую эпоху, постепенно появилась многочисленная и разветвленная бюрократия, в эпоху становления она формировалась из домашней obsługi, рабов, вольноотпущенников и клиентов императора, формально выступающего как частное лицо. При этом раб вовсе не признавался субъектом действия, тем более политического, а был лишь говорящим орудием; о какой-либо самостоятельной роли бюрократии и речи не было – формально. Фактически вольноотпущенники императора, осуществляющие бюрократические функции, сосредоточивали в своих руках громадную власть, во многом потому, что в политическом мировоззрении римлян они были белым пятном, отсутствовали, ибо власть принадлежала лишь императору, а они были чем-то наравне с письменным столом или стилосом. Долгое время, пока самим Римом, еще сравнительно небольшим, управляли выборные магистраты, а завоеванными территориями проконсулы, такая система кое-как действовала. Согласно классификации Вебера, такой тип господства мы могли бы отнести скорее к традиционному. Но с ростом государства, с ростом как количества римских граждан, так и союзников и подданных Рима (завоеванных), эта система перестала удовлетворять нуждам управления. Такое несоответствие стало одной из важных причин кризиса римской республики II–I вв. до н. э., и с рождением империи управление ею начало рационализироваться. Однако вследствие этого в правовом смысле нарождающаяся бюрократия ранней империи как бы и не существовала, ибо за деятельность раба полную ответственность нес его хозяин. Такая ситуация была связана с тем, что в рамках полисных представлений, полисного мировоззрения свободный человек может служить государству, но не частному лицу. Поэтому император попросту вынужден был пользоваться собственными рабами и вольноотпущенниками как чиновниками [6]. Соответственно, бюрократия сама не управляла, а была лишь транслятором управляющих сигналов, исходящих от императора. Конечно, это лишь идеал, принцип. На самом деле любой раб или вольноотпущенник в бюрократической системе ранней империи имел собственные интересы, желания и по-своему, так или иначе, трактовал приказы сверху. Но все его возможности отдавать распоряжения имели источником власть и личность императора.

В дальнейшем с разложением полисной морали на роль чиновников, как правило высших, все чаще ставились свободные граждане, обычно из сосло-

вия всадников. Однако принцип, согласно которому бюрократ лишь транслирует власть императора, все еще сохранялся и даже укрепился. Другое дело, что при росте численности и организованности бюрократического аппарата сама власть императора росла и в символическом измерении, и, в конце концов, из принцепса – первого среди равных – император превратился в доминуса – господина и бога.

Еще при императоре Адриане в Риме была учреждена юридическая школа Атеней с латинским и греческим отделениями. Эта школа стала высшим учебным заведением, где и готовились кадры, в дальнейшем составляющие высшее чиновничество империи. Позже практика создания подобных школ была расширена.

В императорских законодательных актах, в кодексах Феодосия и Юстиниана, вся империя рассматривалась как личная собственность императора. Назначаемые императором чиновники, а формально император лично назначал почти всех должностных лиц, были одновременно и государственными чиновниками, и личными слугами императора. Точнее, можно сказать, что именно благодаря тому, что они становились личными слугами императора, они получали полномочия государственных чиновников.

В отличие от римских республиканских магистратов чиновники поздней империи получали жалование, включались в строгую иерархическую систему подчинения и их деятельность имела канцелярский характер со всеми плюсами и минусами подобного положения. Собственно говоря, все чиновники составляли как бы «особого рода армию, построенную на субординации; высшие из них имели те же чины, что и командиры в армии, а весь штат императорских канцелярий составлял как бы дворцовое войско» [7, с. 609]. В общем, перед нами классическая рациональная бюрократия, появление которой Макс Вебер датировал только Новым временем. Надо заметить, что парадоксальным образом становление такой бюрократии он объявил одной из важных причин краха Римской империи.

Каковы же были задачи этой бюрократии? Собственно, официальной и общепризнанной задачей всего аппарата чиновников являлось проведение в жизнь эдиктов императора. Эдикты – это законодательные акты, регламентирующие те или иные стороны жизни граждан империи. Суть деятельности чиновников заключалась в безукоризненно точном донесении положений этих актов до граждан, принуждении граждан к их исполнению и контроль над исполнением. Однако в реальности многочисленные и разнообразные эдикты противоречили друг другу и создавали немалую путаницу. Их сводили в кодексы, первым из которых был кодекс Григория, принятый при Диоклетиане. Од-

нако появлялись новые многочисленные эдикты, и так раз за разом. Именно это противоречие между идеалом деятельности бюрократа как безгласного продолжения воли императора и реальностью, где бюрократ должен был на основе собственного знания законов и противоречивых указов применить в каждом конкретном случае тот или иной закон, то или иное право, делало чиновников достаточно самостоятельными фигурами и предопределило в дальнейшем возможность злоупотреблений (хотя, конечно, причины этого явления лежат куда глубже).

Можно сказать, что это противоречие в ситуации утверждения именно такого способа управления просматривается через всю историю человечества. Тем не менее данная бюрократическая система в той или иной степени послужила моделью для бюрократических систем современных европейских стран.

Таким образом, по моему мнению, центральный императив рациональной бюрократии заключается в том, что она есть не более чем транслятор сигналов власти, не более чем ее продолжение, которое в идеале не имеет ни собственных интересов, ни собственной воли. Как писал Вебер, «*sine ira et studio* – без гнева и пристрастия» вершит бюрократия свои дела. Бюрократия, опять же в идеале, не «законотворяет», не принимает самостоятельных решений, но руководствуется в своей деятельности спущенными сверху правилами. Исходя из этого, главным принципом, основным императивом бюрократической деятельности является задача не исказить и не подменить сигнал, который она должна транслировать. В этом состоит загадка бюрократии, и в таком контексте отрицательные черты бюрократической деятельности превращаются в положительные, даже в необходимые. Задачи в данном случае диктуют методы.

Те факторы, которые Мертон определил как причины дисфункции бюрократической структуры, на самом деле необходимы для адекватной бюрократической деятельности. Мертон упрекает бюрократию в преследовании групповых интересов в разрез с интересами дела. Однако бюрократия, главной задачей которой является безошибочная трансляция управляющих сигналов, просто обязана защищать каналы трансляции от так называемых интересов дела, ведь они формулируются совершенно по-разному участниками этого самого дела, разными социальными группами, стоящими в той или иной социально-экономической позиции по отношению к делу. Причем очевидно, что эти группы, в зависимости от степени своего влияния, могут оказывать немалое давление на бюрократию. Очевидно, что групповая сплоченность, отсутствие значимой внутригрупповой конкуренции помогает бюрократии устоять при таком давлении.

Едиственный канал, из которого она готова принимать указания к реформе, – это сигналы сверху, от власти, штабом которой бюрократия и является. Впрочем, и в случае проведения реформ бюрократия довольно консервативна, но даже и это, как показывают исторические примеры, идет во благо: последовательное реформирование со стороны власти вполне в состоянии изменить те или иные нормативы в бюрократической деятельности, но метания чересчур активных реформаторов такой консервативный бюрократический дух в состоянии смягчить.

Однако нельзя отрицать, что групповые интересы все же направлены на расширение компетенций соответственно роли, значимости и бюджета организации. Но разве это признак исключительно бюрократической организации? И это при том что бюрократия, по сути, есть не более чем исполнительный штаб при субъектах власти и господства. Является ли это показателем дисфункции именно бюрократии, а не системы власти как субъекта управления как таковой? Конечно, в ситуации тотального социально-экономического суперкризиса консервативный характер бюрократии выглядит мешающим своевременному реформированию, однако вряд ли стоит возлагать вину на бюрократию там, где от реформирования отказывается сам субъект господства (по сути, это связано с тем, что в определенных ситуациях просто не существует возможных вариантов реформ, где сохранялся бы существующий субъект господства, который и должен инициировать реформы).

Еще один признак дисфункции в смысле вольтеровского афоризма, гласящего, что «наши недостатки – это продолжение наших достоинств», Мертон находит в безличности бюрократического подхода, в строгом следовании процедуре. Средства бюрократической деятельности становятся целью. По мнению ученого, это приводит к игнорированию бюрократами особых случаев, к отсутствию того, что называется «индивидуальным подходом», к формализму. Нужно заметить, что, как было сказано выше, основной целью бюрократии является передача управляющих сигналов. Целями же управления в целом должен и может быть озабочен только субъект господства. Другое дело, что в данном случае крайне важны объем компетенций бюрократии и границы этих компетенций.

Когда Мертон приводит пример, где речь идет о судьбе некоего Бернта Балхена, который не мог получить гражданство по исключительно формальным поводам, хотя, по существу, имел на него все права, он, скорее, приводит пример не дисфункции в предложенном им понимании, а отсутствия четкой границы компетенций [5, с. 133]. Конечно, каждому человеку кажется, что уж его-то проблема имеет какой-то особенный, исключительный ха-

рактер. Но так же очевидно, что, начин бюрократическая организация во всяком таком случае решать вопросы в индивидуальном порядке, ее деятельность тут же застынет, станет невозможной. Выходом из такого положения является четкое разграничение компетенций, обозначение ситуации, когда конкретный вопрос приобретает на самом деле особенный, исключительный характер и изымается из компетенции бюрократической структуры, ибо она по определению не может его решить. Такой вопрос может быть решен только субъектом власти, субъектом господства потому, что именно он, как субъект, определяет цели и задачи деятельности.

Проблема же дисфункции системы, уж если мы воспользуемся терминологией Мертона, лежит в стремлении любой организации, и в данном случае бюрократической, к расширению объема своих компетенций. Но можно ли говорить здесь о дисфункции именно бюрократии, или все же речь идет о дисфункции института господства, института власти в целом, ибо бюрократия может оккупировать несвойственные ей сферы деятельности, только когда ей позволяет субъект власти. Следует согласиться с позицией А. Стинчкомба, который утверждает наличие связи и даже обусловленности формы организации бюрократии ценностями, символическим видением субъектов власти, в интересах которых эта организация функционирует [8; 9].

Еще одной формой проявления дисфункции бюрократии, согласно взглядам Мертона, является чрезмерно строгое следование сотрудников бюрократических организаций букве приказа сверху и мелочная опека нижестоящих со стороны вышестоящих. Как уже сказано, в системе, где главной задачей является избегание всяких искажений при трансляции властных сигналов, такой подход не удивителен, а вот дисфункциональные свойства он приобретает в определенной ситуации, о которой сказано выше, а именно в ситуации, когда бюрократия выходит за пределы своих компетенций и оккупирует несвойственные ей сферы деятельности.

Что же это за сферы? В первую очередь речь идет об областях самостоятельной ответственности. М. Вебер обращает внимание на принципиальное отличие власти, в данном случае политической, и бюрократии. Власть и бюрократия подчиняются принципиально различным формам ответственности. Бюрократ ответственен исключительно за то, чтобы, как уже сказано, с наименьшими искажениями транслировать управляющие сигналы. А в общепринятом смысле действительной является ответственность, которую Вебер в своем труде о политической деятельности и политиках приписал данной категории людей, – ответственность за

существо дела, за выполнение задач по существу дела.

То, что ученый говорит о политике, можно отнести и к любым другим сферам деятельности, и в первую очередь к экономике, лежащей в основе изменений в других областях общественной жизни. Процесс бюрократизации управления в экономике непосредственно связан с исчезновением фигуры капиталистического предпринимателя и появлением структур, которые можно назвать «коллективным капиталистом». Близкое понятие «совокупный капиталист» употребляли еще Маркс и Энгельс, но сейчас оно приобрело новый смысл. В данном случае имеется в виду скорее подход Мануэля Кастельса, согласно которому под коллективным капиталистом подразумевалась чуть ли не глобальная структура, права собственности превратились в сложную ткань взаимным и сложным способом пересекаясь, а сама собственность так разводнена, что капитализм сделался безликим [10]. Многократно выросла роль менеджеров, и в первую очередь так называемой новой номенклатуры этой системы – топ-менеджеров. Другое дело, что, по мнению Кастельса, в такой системе должны господствовать горизонтальные связи. Ныне же мы можем наблюдать, что перед нами глобальная, вертикально интегрированная структура (правда, сегодня она в полном кризисе). Фигура же предпринимателя, являющаяся центральной в буржуазном мировоззрении и идеологии, отсутствует в реальности настолько, что предпринимателями в настоящее время, как правило, называют либо простых ремесленников, либо PR-субъектов вроде Илона Маска. В существенной степени эти процессы связаны с виртуализацией общества, под которой подразумевается замещение реальных вещей и поступков образами – симуляциями [11].

Как бы то ни было, вследствие описанного превращения экономические структуры стремительно приобретали бюрократический характер со всеми чертами бюрократизации, которая вслед за экономикой охватила другие социальные подсистемы общества, в частности организацию политической власти, где бюрократизация «успешно пожирает демократию», в результате чего, по мнению Колина Крауча, наступила эра постдемократии [12]. Речь идет о том, что роль масс в демократическом процессе свелась к чисто формальной необходимости раз в несколько лет поставить галочку в бюллетене, а все решения принимаются в тиши кабинетов финансовой и политической элиты. Впрочем, полагать, что именно там существует свобода принятия решений также наивно. Скорее, нужно говорить о тотальной бюрократизации, где все, в том числе и лица, обладающие при взгляде снизу свободой принятия решений, на самом деле включены в бюрократическую иерархию настолько, что возникает

вопрос: «А есть ли у этой иерархической вертикали вершина, в смысле первоисточника управляющих сигналов, или перед нами некий “уроборос”, вернее сказать, система, где “хвост виляет собакой”?»

Бюрократизация, понимаемая как распространение бюрократических практик на все сферы жизни, является не столько продуктом негативной деятельности самой бюрократии или даже власти, сколько следствием объективной ситуации в материальной жизни общества, в первую очередь в экономике. Примером тому являются не только громадные транснациональные корпорации, которые во вполне плановом режиме производят подавляющую часть промышленной продукции, но и организация так называемого малого бизнеса в развитых странах, где финансовые организации, осуществляющие его финансирование, по сути, присвоили управление им, разве что оставляя риски самим предпринимателям. И нельзя не признать, что агентом управления и в громадных корпорациях, и в так или иначе организованных сетях (кластерах) является бюрократия, привнесшая в их деятельность все особенности бюрократического управления.

Все это порождает господство бюрократии и те процессы, которые мы называем бюрократизацией, когда бюрократия выступает транслятором цели (определяемой частным присвоением) производства на объект управления – общественное, фактически плановое общественное производство. Именно это противоречие и предопределяет ложность сознания бюрократии, о котором писал Маркс: «Поэтому даже ясная как день действительность кажется чиновнику иллюзорной по сравнению с действительностью, засвидетельствованной в актах, – следовательно, в официальном, следовательно, в государственном порядке, – а также по сравнению с той точкой зрения, которая опирается на ту официальную действительность» [13, с. 200]. Маркс писал эти слова применительно к бюрократу – государственному служащему, имея в виду государственные акты. Мы же сегодня можем говорить о тотальном бюрократе, и в первую очередь о бюрократе в сфере общественного воспроизводства, где «официальной действительностью» является господствующая (в первую очередь в экономике, а за ней в политике, социальной сфере и т. д.) либеральная идеология.

Понятно, что такая ситуация порождает перманентный кризис, прежде всего экономический, но и ситуация, которая сложилась в социальной сфере, также является следствием описанного противоречия и порожденного им ложного сознания глобальной бюрократии. Точно так же, вслед за доминирующими иерархическими подсистемами общества – экономической и политической – и под их воздействием бюрократические методы

управления, подаваемые публике как форма экспертости, распространились на другие институциональные подсистемы общества, от медицины (результаты чего мир пожинает сегодня, не в состоянии адекватно ответить на вызов, брошенный распространением нового коронавируса и заболевания COVID-19) вплоть до образования и науки в целом.

В первую очередь это выражается в формализации всех показателей. Речь идет о формализации отчетности, показателей результатов научной деятельности, оснований к продвижению и, что еще хуже, формализации оценки важности и перспективности научных исследований, а также реализации практических решений.

Например, при требовании выполнения и опубликования ученым определенного количества статей в год на качество этих статей зачастую редко кто обращает внимание. Обычной практикой стал легкий рерайт (рерайтинг (англ. *rewriting*) – это процесс создания нового формально уникального текста из уже существующего). Рерайт (англ. *rewrite* – переписать) – это продукт, который получается на выходе данного процесса при подготовке собственной научной работы. Система оценки качества научных работ, построенная на так называемых индексах цитирования (импакт-фактор) в не меньшей степени имеет формальный характер. Хорошо известны коммерческие организации, готовые за скромную плату организовать необходимые публикации – как в так называемых хищнических журналах, так и во вполне солидных, индексируемых в *Scopus*. Это не говоря о тривиальных личных договоренностях о взаимном цитировании. Таких примеров можно привести множество. Суть же заключается в том, что содержание научных работ, их качество отошло на третий план. Главным стало соблюдение формы, требований и отчетности. В то же время составление презентаций, отчетов, продумывание формы и способа предоставления результатов становятся особым видом деятельности, куда более полезным для иерархического продвижения в системе научных институтов или получения финансирования, чем непосредственно научный труд, решение научных проблем. И уже появились как специалисты, так и коммерческие организации, за определенную плату предоставляющие услуги по производству «научной» продукции.

Все это и есть бюрократизация, то есть утверждение бюрократических методов там, где в прошлом господствовали методы, ставящие во главу угла интересы дела, его содержание, т. е., небюрократические. Как замечал еще Вебер, формальный принцип, на котором базируется продвижение по службе (от выслуги лет до своего рода формальных экзаменов) – альфа и омега бюрократических методов иерархического продвижения. Другое дело,

когда он становится основным или даже единственным в организациях, цель которых состоит в работе с реальностью, ее изучением и преобразованием, а не только в безупречной трансляции управленческих сигналов.

Здесь хотелось бы заметить, что бюрократические методы всегда присутствовали в деятельности всевозможных организаций, как и бюрократическая вертикаль. Другое дело, что за пределами именно бюрократических учреждений бюрократические методы носили второстепенный, подчиненный характер. Собственно говоря, бюрократизация научной сферы утвердилась на всех стадиях научной деятельности и научной карьеры ученого, начиная с системы высшего научного образования. В этом смысле стоит обратить внимание на то, что подобные проблемы испытывают далеко не только постсоветские вузы, школы и иные научные учреждения. Подобные изменения происходят во всем мире. Например, достаточно подробно их описывает канадский исследователь Билл Ридингс в своей книге «Университет в руинах» [14]. Речь в ней идет о гибели классического, «гумбольтовского» университета, в основе которого лежали горизонтальные связи профессоров и студентов, связи между профессорами, где научное исследование не просто соседствовало с преподаванием, но было важнейшим его фактором. По мнению Ридингса, этим отношениям пришла на смену вертикальная иерархия административного характера. Акцент теперь сделан не на производство нового знания, а на его технологизацию и репродукцию. На место ректора-ученого пришел ректор-менеджер, который занят проблемами рейтинга университета и лучших условий продажи образовательных услуг. Если с анализом ситуации, произведенным Ридингсом, можно согласиться, то с оценками и выводами следует поспорить и как минимум усомниться в том, что «совершенное знание» (знание, доведенное до совершенства, – то самое, которое и транслирует современный университет) есть на самом деле научное знание.

Но куда важнее вопрос: «С чем же связаны описанные изменения?» По мнению Ридингса, дело в коммерциализации университетов, которые превратились в паразитирующие структуры на теле общества и производства наравне с банками, страховыми компаниями и иными финансовыми структурами. Мне же представляется, что дело в самой экономической системе общества, в ее современной организации, тотально бюрократизированной. И бюрократия в этой системе заинтересована исключительно в особом рода кадрах, которые могут быть оценены по бюрократическому критерию. А капитализация научных учреждений, их рейтинги и подобные вещи есть не более чем механизм, придающий производимому товару (ка-

драм) способность соответствовать критериям бюрократии корпораций. Проще говоря, современная администрация производственной сферы может оценить качество диплома по формальным критериям от рейтинга вуза до пройденных курсов и не более. Такой продукт им и предоставляют вузы.

Таким образом, бюрократизация материальной жизни общества предопределяет бюрократизацию образования. Ровно такую же последовательность рассуждений можно провести в отношении медицины и других сфер государства.

Возвращаясь к проблеме бюрократизации, необходимо вспомнить, почему Маркс представлял бюрократию отчужденной, а то и прямо враждебной обществу. Согласно марксистским представлениям, задачей бюрократии является безукоризненная трансляция управленческих сигналов, именно для этого и по причине этого единственной реальной действительностью для нее становится та, которая описывается и определяется актами, которые спускаются бюрократу сверху. Сама безупречность трансляции завит от того, насколько исключены в деятельности и, как следствие, в представлениях бюрократа посторонние влияния, в том числе и влияния реальной среды, которая в бюрократической деятельности приобретает иллюзорный характер. Оттуда вышеуказанная цитата Маркса [12, с. 200].

Но необходимо понимать, что иллюзорность действительности, как следствие несовпадения объективной действительности и действительности руководящих указаний (это противоречие, понятное дело, имеет место в сфере компетенций чиновника, – иначе мы бы попросту говорили о сумасшедшем), прямо обусловлена отрывом власти и господствующих социальных сил от этой самой действительности. В свою очередь, этот отрыв предопределяется несоответствием социальной системы, производными от которой являются формы власти и социального господства, самому обществу в его духовно-практической деятельности, направленной на собственное воспроизводство. В марксизме это выражается короткой дефиницией о несоответствии производительных сил и производственных отношений. Проблема в том, что господствующие социальные силы в целом и власть в частности не осознают этого противоречия, поскольку «сбрасывают» кризисные явления вниз. Точнее, этот процесс состоит в том, что все проблемы, вызванные ужесточением названного противоречия господствующие социальные силы какое-то время в состоянии решать элементарным увеличением присваиваемой доли общественного продукта. Сами сложности, вызываемые несоответствием необходимых новых производительных сил и формально закрепленных правил экономической детальности, преодолеваются господствующими социальными группами благодаря зна-

чительному правовому иммунитету, как правило, нелегальному, но фактически действующему. При этом низам и периферии общества достается уже сточение эксплуатации и существование в условиях перманентного конфликта официальных и неофициальных правил и норм деятельности, причем этот конфликт раз за разом разрешается не в пользу представителей общественных низов.

Вследствие этого господствующим социальным силам до самого конца представляется, что живут они в лучшем из миров, воображая при этом такое состояние действительности, которое на самом деле давно в прошлом – в эпоху, когда существующий социальный порядок был молод и адекватен обществу.

Но, поскольку господствующие социальные силы и власть непосредственно мало контактируют с массами, это исполняет бюрократия, которая и транслирует, старательно и без искажений, картину той действительности, которая воспроизводится в головах властного слоя. И для бюрократии эта картина является более точным отображением куда более реальной действительности, чем реальность жизни масс, как минимум потому, что от понимания и соответствия этой реальной действительности в жизни бюрократа не изменится ничего, а вот от способности безупречно воспринимать и транслировать действительность (виртуальную) господствующих социальных сил завит и карьерный рост, и сама возможность оставаться на службе.

Вследствие этого, чем в большей степени расходятся между собой реальность масс и реальность господствующих социальных сил, тем более противоречит деятельность бюрократии практической жизни общества, тем более раздражает и мешает массам. И воспринимается обществом как бюрократизация.

Но есть и другой момент. В описанной ситуации разрыва действительной жизни масс и «виртуальной реальности» власти социальные институты, чтобы быть хоть сколько-нибудь эффективными, должны строиться по правилам действительной жизни. Ибо только так они смогут выполнять свою функцию. Однако такие институты не просто конфликтуют с реальностью господствующих социальных сил, но враждебны ей, разрушают не просто господствующие представления о реальности, но социальную систему, которую охраняет власть. Вследствие этого начинается процесс, в рамках которого статусные позиции в социальных институтах заполняют бюрократы, процесс этот осуществляется сверху вниз. По сути, бюрократы должны приводить реальную практическую жизнь общества в соответствие с «реальностью» господствующих социальных сил и власти. Поскольку это, как правило, невозможно, то бюрократы, с одной стороны, мешают осуществлению нормальной работы

института бюрократии и выполнению институтом своей функции, а с другой – поддерживают ложную картину реальности у господствующих социальных сил.

Таким образом, бюрократизация – это двусторонний процесс, в рамках которого, с одной стороны, бюрократические методы, формы деятельности и критерии выходят за пределы своей сферы – выполнения функции трансляции управленческих сигналов, становясь методами, формами деятельности и критериями управления во всевозможных сферах общественного производства; с другой – данные методы, формы деятельности и критерии, будучи отражением властных представлений о должном, в ситуации расхождения этих представлений с реальной действительностью начинают мешать реальным процессам жизнедеятельности общества и личности.

На основании этого можно сделать ряд выводов:

1. Бюрократия необходима в любом обществе, так как она выполняет важную функцию штаба власти.
2. Бюрократия сама по себе не плоха и не хороша; ее особенности и роль в конкретном социуме

определяются состоянием социума и соответствием социальной формы анемическому содержанию общества.

3. Суть бюрократии заключается в максимально безупречной трансляции управляющих сигналов со стороны господствующих социальных сил, классов, власти, и, соответственно, в трансляции вниз определенной картины мира, вырабатываемой господствующими социальными силами.

4. Бюрократизация управленческой системы, т. е. ее дисфункция, наступает в том случае, когда, во-первых, бюрократические методы управления внедряются и распространяются на все сферы общества; во-вторых, бюрократия, пытаясь согласовать властную картину социальной реальности и реальную жизнь общества, с одной стороны, представляет власти ложное видение реальной ситуации, с другой, проникая в поры реальной жизни, – мешает, стопорит ее развитие.

5. Причина бюрократизации общества состоит не в самой бюрократии, а в той верховной власти, которая позволяет ей выходить за рамки своей компетенции.

Библиографические ссылки

1. Гегель ГВФ. *Философия права*. Москва: Мысль; 1990. 524 с.
2. Мизес Л фон. *Бюрократия. Запланированный хаос. Антикапиталистическая ментальность*. Москва: Дело; 1993. 240 с.
3. Маркс К, Энгельс Ф. *Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании*. Том 2. 2-е издание. Москва: Политиздат; 1955. 879 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия [Интернет]. 2020 [прочитано 5 мая 2020]. Доступно по: <http://kant.narod.ru/weber.htm>.
5. Мертон Р. Бюрократическая структура и индивидуальность. В: Шафритц Дж, Хайд А, редакторы. *Классики теории государственного управления: американская школа*. Москва: Издательство Московского университета; 2003. с. 131–142.
6. Лугвин СБ. Социально-политическая трансформация древнеримской государственности и процесс становления бюрократии. *Вестник ГТТУ имени П. О. Сухого*. 2003;2:97–104.
7. Машкин НА. *История Древнего Рима*. Москва: Политиздат; 1949. 736 с.
8. Stinchcombe AL. Social Structure and organizations. In: March JP, editor. *Handbook of organizations*. Chicago: Rand McNally Company; 1965. p. 142–193.
9. Stinchcombe AL. *Information and organizations*. Berkeley: University of California Press; 1990. 440 p.
10. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России. В: Хорос ВГ, Красильщиков ВА, редакторы. *Постиндустриальный мир и Россия*. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. с. 64–83.
11. Иванов ДВ. *Виртуализация общества*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение; 2000. 96 с.
12. Крауч К. *Постдемократия*. Анашвили В, редактор. Москва: Издательский дом ВШЭ; 2010. 192 с.
13. Маркс К. *Оправдание мозельского корреспондента*. Том 1. 2-е издание. Москва: Политиздат; 1955. 723 с.
14. Ридингс Б. *Университет в руинах*. Гусаковский МА, редактор; Корбут АМ, переводчик. Минск: БГУ; 2009. 248 с.

References

1. Hegel GWF. *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl'; 1990. 524 p. Russian.
2. Mises L fon. *Byurokratiya. Zaplanirovanniy khaos. Antikapitalisticheskaya mental'nost'* [Bureaucracy. Planned chaos. Anti-capitalist mentality]. Moscow: Delo; 1993. 240 p. Russian.
3. Marx K, Engels F. *Svyatoe semejstvo, ili Kritika kriticheskoj kritiki. Protiv Bruno Bauera i kompanii. Tom 2* [Holy family, or Criticism of critical criticism. Against Bruno Bauer and company. Volume 2]. 2nd edition. Moscow: Politizdat; 1955. 879 p. Russian.
4. Weber M. Politics as a vocation and profession [Internet]. 2020 [cited 2020 May 20]. Available from: <http://kant.narod.ru/weber.htm>.
5. Merton R. [Bureaucratic structure and personality]. In: Shafritc Dzh, Hajda A, editors. *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola* [Classics of public administration theory: American school]. Moscow: Publishing House of the Moscow University; 2003. p. 131–142. Russian.

6. Lugvin SB. [Socio-political transformation of ancient Roman statehood and the process of formation of bureaucracy]. *Vestnik GGTU imeni P. O. Sukhogo*. 2003;2:97–104. Russian.
7. Mashkin NA. *Istoriya Drevnego Rima* [History of Ancient Rome]. Moscow: Politizdat; 1949. 736 p. Russian.
8. Stinchcombe AL. Social structure and organizations. In: March JP, editor. *Handbook of Organizations*. Chicago: Rand McNally Company; 1965. p. 142–193.
9. Stinchcombe AL. *Information and organizations*. Berkeley: University of California Press; 1990. 440 p.
10. Kastels M. [Global capitalism and the new economy: importance for Russia]. In: Horos VG, Krasil'shchikov VA, editors. *Postindustrial'nyi mir i Rossiya* [Post-industrial world and Russia]. Moscow: Editorial URSS; 2001. p. 64–83. Russian.
11. Ivanov DV. *Virtualizatsiya obshchestva* [The virtualization of society]. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 2000. 96 p. Russian.
12. Krauch K. *Postdemokratiya* [Post-democracy]. Anashvili V, editor. Moscow: Publishing House of the Higher Economics School; 2010. 192 p. Russian.
13. Marks K. *Opravdanie mozel'skogo korrespondenta Tom 1* [Justification of the Moselle correspondent. Volume 1]. 2nd edition. Moscow: Politizdat; 1955. 723 p. Russian.
14. Ridings B. *Universitet v ruinah* [University in ruins]. Gusakovskii MA, editor; Korbut AM, translator. Minsk: Belarusian State University; 2009. 248 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.05.2020.
Received by editorial board 13.05.2020.

СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ПРИЗЫВА

Т. И. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется мироощущение писателей-фронтовиков и тех литераторов, которые пережили Великую Отечественную войну в детстве. Дается оценка политическим и социальным явлениям послевоенного времени с позиции сегодняшнего дня. Освещается вопрос «писатель и идеология». Основное внимание уделяется военному опыту литераторов и его отражению в их творчестве. Анализируется проза наиболее ярких представителей двух поколений писателей. Оцениваются значимые и для нашего времени произведения с точки зрения сюжетов, образов, стилей. Подробно исследуется творчество В. Быкова. Указывается на значение творчества белорусских писателей-фронтовиков в развитии белорусской литературы.

Ключевые слова: писатели-фронтовики; писатель и идеология; военная проза.

DESTINY AND CREATIVITY OF MILITARY DRAFT WRITERS

T. I. SHAMYAKINA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The attitude of front-line writers and those writers who survived the Great Patriotic War in childhood is considered. The author gives an assessment of the political and social phenomena of the post-war period from the perspective of today. The question is highlighted – the writer and ideology. The main attention is paid to the military experience of writers and their reflection in their work. The prose of the most prominent representatives of two generations of writers is analyzed. Significant for our time, works are also evaluated in terms of plots, images, styles. The work of V. Bykov is investigated in detail. The importance of the work of Belarusian front-line writers in the development of Belarusian literature is indicated.

Keywords: front-line; writer and ideology; military prose.

Писатели-фронтовики в социуме послевоенного времени

Особая и очень важная страница в истории белорусской культуры – это творчество писателей – участников Великой Отечественной войны. Автор данной статьи застала всех наиболее ярких представителей этого удивительного поколения в расцвете их творческих индивидуальностей. Богатый жизненный опыт, главным образом военный, сделал из них уже в послевоенное время выдающихся

творцов, произведения которых имели и имеют не только литературно-эстетическую, но и общественную значимость.

Некоторые кардинальные особенности, личностные черты отличают писателей-фронтовиков от других литературных поколений. Во-первых, литераторы военного призыва – А. Кулаковский, А. Панченко, А. Кулешов, А. Макаёнок, И. Мележ,

Образец цитирования:

Шамякина Т.И. Судьба и творчество писателей военного призыва. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:72–81.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>

For citation:

Shamyakina T.I. Destiny and creativity of military draft writers. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:72–81. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-72-81>

Автор:

Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Tat'yana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic literary criticism, faculty of philology.
shamyakina@tut.by

И. Шамякин, В. Быков, И. Науменко, А. Савицкий, А. Пысин – были полностью советским поколением – родились и провели детство в советской стране и получили неплохое образование еще до Великой Отечественной войны. Во-вторых, они в своей борьбе и творчестве отстаивали, безусловно, советскую идеологию, так как их жизненный опыт подтверждал основные советские идеологемы: СССР победил в самой жестокой, кровопролитной из всех войн в истории; чрезвычайно быстро – за одну пятилетку – восстановил разрушенное в ходе военных действий хозяйство; осуществил космический проект. Значит, делали вывод мыслящие люди той эпохи, социальный строй этой страны наиболее справедливый и правильный.

Характерная особенность писателей-фронтовиков – умение мыслить диалектически (то качество, которое в значительной степени утрачено современной интеллигенцией). Поколение победителей вообще иначе смотрело на жизнь, чем писатели довоенного времени. Творцы, влившиеся в состав Союза писателей БССР (СП БССР) после фронта, были людьми, социально уверенными в себе, волевыми, мужественными, привыкшими к инициативе, самостоятельному принятию решений в самых необычных и чрезвычайно сложных ситуациях. Каждый из них по-своему, соответственно собственному чрезвычайно богатому, несмотря на молодость, жизненному опыту, смотрел на мир и умел видеть в нем разные стороны – иначе не стали бы писателями. Они сами говорили, что за время войны, за 4 года, повзрослели на 20 лет. Действительно, уже следующее, так называемое университетское, поколение белорусских литераторов (у которых на войну пришлось детство) было менее активно в социальном плане, да и в творчестве добились меньших успехов, хотя и обладали безусловным талантом. Однако фронтовики-победители заслуженно гордились собой и понимали, что свое главное дело в жизни они выполнили честно, до конца. Соответственно себя и вели. Они с энтузиазмом участвовали в общественной жизни, являлись членами различных творческих и общественных организаций, ездили в многочисленные командировки, никогда не отказывались выступать перед населением.

Конечно, на протяжении жизни взгляды многих менялись. Что-то в истории и современности познавали, неизменно поражаясь открытиями, к чему-то начинали относиться иначе, чем в молодости. Скажем, И. Шамякин разочаровался в партийной элите. Он и раньше, часто общаясь с чиновниками, с представителями партийной и государственной номенклатуры, видел и понимал, что среди них встречаются люди разные. Так, к П. М. Машерову, К. Т. Мазурову, И. Е. Полякову, тоже героям – участникам войны, относился с исключительным уважением. Сам первый секретарь компартии Белоруссии П. М. Машеров

любил видиться с литераторами: с председателем СП БССР Максимом Танком, первым секретарем организации Иваном Шамякиным, лучшим драматургом того времени Андреем Макаёнком беседовал часами, прислушивался к их мнению. И это не преувеличение. К Петру Мироновичу писатели могли приходиться без предварительной записи, и он их сразу же принимал. Выдающийся деятель белорусского государства П. М. Машеров хорошо понимал, что писатели, во-первых, ближе к народу, к живой жизни, чем самые добросовестные чиновники; во-вторых, творцы умеют видеть в действительности такие приметы, факты, явления, которые в официальных бумагах никогда не отражаются; в-третьих, владеют синтезирующим, обобщающим, философским, диалектическим взглядом на вещи.

В связи с общественной позицией писателей-фронтовиков особо необходимо отметить их отношение к идеологии.

Советские писатели, участники Второй мировой войны, резко негативно относились к нацистской идеологии: здоровая народная основа, национальная культура позволили им сразу почувствовать кровавость фашистской доктрины и отшатнуться от нее. Янка Брыль в романе «Птицы и гнезда» (1964) показывает влияние нацистских идей на незрелые души. Действие романа происходит в среде воинов польской армии, начавшей воевать с гитлеровцами в сентябре 1939 г., которую предало свое правительство и сбежало в Румынию, а затем в Великобританию. Вопреки тяжелейшим жизненным обстоятельствам, главный герой романа – белорус Алесь Руневич – не поддался разрушительным идеям, был уверен: «Мой мир – моя вера, надежда, любовь – со мной». Эти слова, излагающие, по существу, национальную культурную парадигму, стали, можно сказать, жизненным кредо и для всего поколения писателей-фронтовиков.

Говоря о приверженности советской доктрине писателей-воинов, нельзя, однако, не отметить, что они, люди наблюдательные и умные, не могли не видеть и недостатки существующего строя, глупость и некомпетентность в управлении военными операциями, бездушные представители бюрократии по отношению к простым людям в тылу. Все это так или иначе отразилось в их послевоенном творчестве.

Освобождение из-под власти идеологических химер под влиянием драматических обстоятельств жизни сами писатели воплотили во многих произведениях, вложив собственные духовные устремления в своих героев. В повести И. Шамякина «Огонь и снег» (1957) показано, как Петр Шепетович, главный герой произведения, который всегда верил партийным лозунгам, постулатам государственной пропаганды (подобно самому писателю), постепенно меняет свои взгляды.

Удачно показал и старший из поколения фронтовиков А. Кулаковский в своей военной дилогии «Расстаемся ненадолго» (1951–1954) и «Встречи на расстанях» (1959–1961) невозможность вложить объективную истину в рамки приказов, инструкций и распоряжений – жизнь сложнее, разнообразнее любых циркуляров, и полагаться следует на инициативу активной и думающей личности, на творчество самих масс.

Эти первые произведения с критикой не строя, а негодных руководителей обычно связывают с политикой *десталинизации* после известного доклада Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина», озвученном на XX съезде КПСС (1956). Однако автор статьи помнит, что после того, как доклад зачитали на закрытом партийном собрании в СП БССР, писатели-ветераны были ошеломлены, подавлены, растеряны, но нельзя сказать, что сразу же, без оговорок, приняли линию партии. Споры в квартире И. Шамякина не прекращались буквально на протяжении месяцев, да и позже друзья-писатели не раз возвращались к съезду и докладу Хрущева. Влияние материалов доклада, дискуссий и рассказов один другому о разных жизненных ситуациях многое определили в творческом развитии писателей-фронтовиков, сделали их раскованными мастерами слова. Причем разочарование в самом Хрущеве у писателей пришло довольно скоро, еще во время властвования Никиты Сергеевича, т. е. до 1964 г. В либеральной прессе до сих пор славят хрущевскую оттепель. Однако Михаил Шолохов назвал ее «слякотью», и не случайно. Удачно найденное слово обыгрывается и в современных произведениях: серьезных монографиях, статьях, докладах, например, «Не “оттепель”, а “слякоть”» историка Евгения Спицына [1, с. 8].

Впрочем, удивительную *атмосферу* того времени не доносит ни одно произведение, разве что «Сердце на ладони» И. Шамякина. Недаром роман приобрел исключительную популярность не только в Советском Союзе, но и за рубежом, он переведен на десятки языков. Для писателей военного поколения 1950–60-е гг. были, пожалуй, самым счастливым временем в их жизни и творчестве. Во всем ощущался подъем и развитие, жажда действовать и создавать, люди оптимистически смотрели на мир. Но заслуга ли в этом Хрущева?

Видимо, общая эмоциональная, психологическая атмосфера времени определялась тем *энтузиазмом*, который докатился на волне радости от победы до 1950-х и даже до 1960-х гг. В эпоху Античности радость победы эллинов над персами вылилась в расцвет культуры, в величайшие достижения искусства, философии, социальные движения, так что этот период был назван классическим. Так и в Советском Союзе: на удивление быстрое восстановление страны и расцвет науки давали надежду и на лучшую жизнь в будущем. В то время

многие действительно верили, что через 20 лет, как пообещал Н. С. Хрущев, будут жить если не в коммунизме, то в богатой и счастливой стране, в обновленном мире. А в начале 1990-х гг. уже не коммунисты, а демократы внушали веру в едва ли не мгновенный рывок в капиталистический рай, и им наивные советские люди верили, пожалуй, еще более искренне, чем советским властям. Вот действие определенного сорта идеологии, социальных мифов, которое намного возрастает благодаря массовой пропаганде.

Впрочем, тогда, с середины 1950-х до конца 1960-х гг., СССР имел все возможности развиваться интенсивно и планомерно. (В скобках отметим, что рассматриваем процессы в обществе не только с политической точки зрения, но и под знаком *цивилизационной парадигмы*. Непреходящая радость победы, а также расцвет науки и техники, многими достижениями которых пользуемся сегодня, и определили особую общественную атмосферу тех лет.) Пройдя через точку бифуркации, когда на пике открывающихся перспектив властители СССР такими возможностями не воспользовались, развитие цивилизации пошло в другую, чем можно было рассчитывать, сторону. А сегодня серьезные аналитики пишут о безусловном крахе того социального строя, в который так бездумно загнали правители республик бывшего Советского Союза свои народы в начале 1990-х гг.

Размышляя о политических истоках крушения СССР – самого важного и трагического события второй половины XX в., – необходимо постоянно помнить о *пусковом механизме* процесса развала великого государства – докладе Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Его поступок оценили по-разному. В разговорах писателей имя Сталина звучало так же часто, как и имя Н. С. Хрущева (а затем Л. И. Брежнева). Бывшие фронтовики к тому времени уже успели съездить, и не раз, за рубеж. Они видели исключительное уважение к советским людям во всех странах, где *решающую роль* именно СССР в разгроме гитлеризма никто тогда не ставил под сомнение. Писатели гордились могуществом своей державы и связывали это могущество с именем Сталина. В большинстве своем они не могли принять оценку Сталина Хрущевым. Художественной интуицией наиболее талантливые из них, например А. Макаёнок, чувствовали ложь официальной пропаганды, которая вдруг поменяла вектор на 180 градусов. Андрей Егорович, которого автор статьи мог наблюдать едва ли не ежедневно (он был другом И. Шамякина), сопротивлялся этому стремлению повлиять на его мозги, исключительно эмоционально, болезненно воспринял смену мифа. И в то же время именно тогда вернулись из Сибири и Дальнего Востока репрессированные в 1930-е гг. писатели, например, Владимир Дубовка, Ян Скрыган, Сергей Граховский. Ян Скрыган, скажем, стал соседом по подъезду Янки Брыля, Ивана Мележа

и Ивана Шамякина в доме по улице К. Маркса, 36, много рассказывал о лагерях, поселениях. Таким образом, не верить Хрущеву относительно ГУЛАГа писатели не могли. Однако от русских и украинских коллег, с которыми тогда общались очень часто, они знали о значительной, если не определяющей роли самого Н. С. Хрущева в репрессиях. Да и позднейшие события приводили к разочарованию в нем. Помнится не просто критика, а остроумные издевки писателей над волюнтаристскими, просто несуразными идеями руководителя страны: распространение кукурузы, насаждение совнархозов, разгром Церкви, репрессии против художников-модернистов, ограбление крестьянских хозяйств и т. д.

В своих размышлениях об истории XX в. И. Шамякин, который пережил многих из своих друзей (умер в 2004 г.), уже в конце жизни при всех своих положительных оговорках относительно деятельности Н. С. Хрущева вынужден был признать, что разумной стратегии в развитии страны при нем не было, что энергия народа, так мощно проявившаяся ради достижения Победы, восстановления страны, начала рассеиваться в пространстве, уходила в песок, пропадала зря. Хотя сами писатели, концентрированно собрав эту энергию в образах своих героев-борцов, стремились задержать процесс энтропии, сохраняли в произведениях народный опыт и этим воспитывали население.

Таким образом, писатели-фронтовики очень сложно жили внутри советской действительности,

противоречиво относились к политическим мифам того времени. Во всяком случае, они были настроены гораздо более критично, чем многие современные литераторы по отношению к мифам *либеральным*. Скажем, марксистскую доктрину и в целом коммунистическую идеологию писатели-фронтовики однозначно понимали как мифологию, как что-то неизбежное, типа климата, с чем необходимо смириться. А вот миф о Сталине, озвученный Хрущевым, они восприняли буквально с раздвоением собственной души. Всегда необходимо помнить, что именно они – победители фашизма, самого зловещего мифа в истории, – начали критиковать режим, партийных функционеров еще до XX съезда. Развенчанная снизу номенклатура испугалась и направила критику устами Хрущева на одну личность, сама же избежала наказания. Станислав Куняев, известный русский поэт, пишет на этот счет: «Ненависть к Сталину лишала “шестидесятников” не только литературных способностей, не только ума, но и честности по отношению к истории Отечества. Мы, патриоты, не выдергивали имя и дела Сталина из потока истории, но, наоборот, погружали в нее, понимая, что при тогдашних обстоятельствах картина жизни эпохи не могла быть другой» [2, с. 117].

Эту «картину жизни эпохи» и воссоздавали, каждый в меру своего таланта, писатели-фронтовики – наиболее драматичное по судьбам поколение XX в. А в литературе самое значительное!

Творческие индивидуальности поколения победителей

Правдивые произведения у некоторых творцов стали появляться еще на фронте, в ходе военных действий, или же сразу после победы.

Показательна в этом отношении военная и творческая биография И. Мележа. Иван Павлович Мележ родился 7 февраля 1921 г. на Гомельщине в обычной крестьянской семье. Поскольку отличался выдающимися способностями, смог поступить в Московский институт философии, истории и литературы – самое, пожалуй, престижное в то время учебное заведение СССР, где учились дети номенклатуры и известных деятелей культуры. С началом войны был призван в армию, в артиллерийский полк. Служил в Карпатах, участвовал в освобождении Северной Буковины. Были у него тяжелые отступления, бои в окружении, ранения. Умелый хирург спас парню простреленную руку, которая так оказалась нужна потом, в писательской работе. Долго лечился в Грузии, был комиссован в 1942 г., учился в педагогическом институте в Молдове, а затем в БГУ, размещавшимся на станции Сходня под Москвой. Тогда же начал писать рассказы.

После освобождения Беларуси в 1944 г. вместе с университетом Мележ переехал в Минск, где жил постоянно до конца жизни (умер в 1976 г.). Окончил

филологический факультет, аспирантуру, работал преподавателем белорусской литературы, потом редактором журнала «Польмя». В начале 1950-х гг. выходили его книги: сборники рассказов, повести, две пьесы, роман «Минское направление».

В ранних произведениях ярко очерчивается эпичность художественного видения писателя. Выявляется она в разных аспектах: в широких связях характеров и обстоятельств, аргументированности мотивировок поступков и переживаний персонажей, в умении заметить и проследить движение характеров.

Знаменитая трилогия «Полесская хроника» – основное достижение писателя – как-то заслонила первый мележовский роман «Минское направление», посвященный освобождению Беларуси в ходе боевых действий. Между тем произведение это значительное и по-своему интересное. Роман появился еще в 1952 г., затем, в начале 1970-х гг., автор его существенно переработал в духе веяний времени – стремления романистов прежде всего к монументальности и панорамности, поскольку шел процесс осмысления военных событий. В романе еще видны болезни роста самого прозаика, поиск им самого себя, своего стиля. Однако уже в пер-

вом варианте замечаются приметные достоинства произведения: стремление видеть и показать всю Беларусь – и фронт, и тыл – как единую панораму борьбы, героизма и трагедии военных лет; удалась линия комбрига Ивана Даниловича Черняховского, к образу которого И. Мележ обратился первым из писателей; примечательны многочисленные правдивые детали, черты психологии и быта.

Большинство произведений о войне в основном автобиографические. Мележ пошел другим путем, взявшись за широкое полотно и показав события, в которых непосредственного участия не принимал (автобиографичны преимущественно его рассказы).

Романный опыт Мележа очень пригодился ему в написании «Полесской хроники» – в полном смысле слова народной эпопеи.

В почти каждом произведении Ивана Петровича Шамякина, коллеги, друга и соседа И. Мележа, в той или иной степени отражена Великая Отечественная война. Достаточно вспомнить роман «Глубокое течение», повести «Брачная ночь», «Торговка и поэт», пентологию «Тревожное счастье», а также романы о современности, но обязательно с военной ретроспективой как основой сюжетов: «Сердце на ладони», «Снежные зимы», «Возьму твою боль», «Зенит». Тема их – подвиг народа в войне, а сюжеты, подходы к теме, места действия, характеры героев – все очень разные. Многие произведения И. Шамякина экранизированы.

Иван Шамякин приобрел известность после появления в журнале «Полымя» (1945, № 11, 12) его повести «Мечь». Известный литературовед, академик и сам знаменитый прозаик Иван Науменко писал относительно первой повести Шамякина: «...начиная с “Мести”, определилось направление творческих поисков писателя. Ивана Шамякина прежде всего интересует становление характера, духовного облика его современника»¹ [3, с. 8].

Сегодня, с высоты времени, можно отметить и другие достижения молодого автора, ярко проявившиеся уже в первом произведении.

Шамякина называют «летописцем своей эпохи» (В. В. Гнилomedов) – второй половины XX ст., периода необычайно бурного, противоречивого, отмеченного как прорывами во многих сферах жизни, так и деградацией – социальной, моральной, культурной. Ни один из белорусских писателей в такой степени не охватил важнейшие проблемы времени, не показал бесчисленные ситуации и конфликты более чем пятидесятилетнего пути Беларуси.

Шамякина всегда называли мастером сюжета. И в первой его повести сюжет уже владеет той реактивностью, которую видные литературоведы XIX и XX вв. считали важнейшим качеством настоящей литературы. Во всех своих произведениях Шамя-

кин блестяще осуществлял имманентность развития сюжетов, это значит, раскрывал закономерности, глубинно и органично характерные для того или иного социального явления.

Шамякин писал повесть «Мечь» в освобожденной Германии сразу после Победы, еще горячо переживая произошедшие в последнее время события. Весь мир ожидал, что советские воины будут мстить немецкому населению; и жажда мести в сердцах советских солдат, из которых почти каждый извещал утрату близких на оккупированной территории, безусловно, жила. Но она жила в бою, когда с врагом встречаешься лицом к лицу, в честном поединке. Для славян вообще на всем протяжении истории не был характерен постулат «око за око, зуб за зуб», тут не практиковалась кровная месть, тут сохранились – даже в самых драматических ситуациях – рыцарские отношения к женщине и нежные – к детям. Проникнутый глубоким чувством святости детства и материнства, советский майор Романенко щадит жену и детей немецкого майора, который убил его мать и дочь.

Автор видел свой долг в том, чтобы не только донести до читателей правду эпохи, ее событийную сторону, но и передать психологическую атмосферу. Так, нельзя не заметить, как удачно он показывает неизбежное воздействие на советских воинов, горевших жаждой мести, атмосферы наступления, победоносного похода, радость людей в предчувствии Победы и их благородство, доброту, снисходительность к населению Германии.

Для достижения большей убедительности в показе душевного движения главного героя Шамякин уже здесь, в первой повести, вводит сюжетный прием ретроспекции, который в дальнейшем будет использовать очень часто. Посреди текста повести, действие которой происходит в Германии на подступах к Берлину, он вводит достаточно большой отрывок, в котором рассказывается о том, как советская войсковая часть освобождала родную деревню Романенко, где он встретился с женой, тяжело больной после убийства дочери и свекрови немецким палачом Визинером.

Кроме использования ретроспекции, один из первых в поколении писателей-фронтовиков И. Шамякин уже в повести «Мечь» достиг еще одного успеха: овладел психологическим приемом раскрытия души человека через пейзаж. Война и мир – не просто состояние общества, но и состояние человеческой души, которая раскрывается в том числе через отношение к природе. Многочисленные пейзажные картины в повести играют роль дополнительного камертона, передают приметы времени: с одной стороны, дикость, убийства, ужас и смерть, с другой – гармония природы, возвышающая человека.

¹Здесь и далее перевод наш. – Т. III.

Таким образом, уже в первом крупном и во многом знаковом для того времени произведении «Мечь» Шамякин показал себя талантливым, чрезвычайно перспективным прозаиком, который смело решал психологические задачи и по-новаторски овладевал сюжетикой.

Одним из наиболее заметных произведений И. Шамякина является его пентология «Тревожное счастье» (1957).

Пентология (она была первой в белорусской литературе) состоит из пяти повестей, охватывающих время предвоенное, военное и послевоенное. Непосредственно Великой Отечественной войне посвящены три повести. Из них по эстетическим достоинствам особенно выделяется третья – «Огонь и снег».

Повесть «Огонь и снег» критика оценила чрезвычайно высоко – как одно из лучших произведений белорусской литературы о войне. Важно отметить, что Шамякин писал пентологию одновременно и даже раньше, чем Константин Симонов роман «Живые и мертвые», раньше, чем Василь Быков многие свои повести. Между тем Шамякин ставил здесь те же проблемы, что и названные прославленные писатели: недостатки в командовании советскими войсками, бездушные власти в отношении конкретного человека, героизм обычных людей, важность морального духа воинов для окончательной победы.

Особенно значимо это произведение как документ первого этапа войны. Академик В. А. Коваленко на этот счет писал: «Неприхорошенный показ начала войны и первых поединков с вражескими самолетами был важной заслугой писателя, поскольку часто в прозаических произведениях тех лет как раз замалчивалась суровая, трагическая правда о первоначальном периоде войны, что мешало реалистическому взгляду на ход всех военных событий, а нередко не позволяло показать во всем величии невидимый героизм советских солдат...» [4, с. 96].

В повести автор выбрал форму дневника. Его пишет главный герой – *alter ego* автора – Петр Шепетович.

При всей искренности и непосредственности дневниковых записей в повести чувствуется строгий отбор жизненного материала, взятого для показа, и отчетливо выдерживается сюжет. Герой романа Шепетович – рефлексирующий молодой белорус, который постоянно обдумывает и анализирует явления жизни и характеры людей. Вот он пишет в дневнике после назначения его командиром батареи: «В такое время хорошо отвечать только за себя и больше ни за кого. Написал я это и подумал: а как же те, кто несет ответственность за судьбу всего полка, армии, всей страны? Ничтожными показались мне проблемы, страхи, переживания. Я просто испугался новых трудностей. А я не

имею права бояться – нужно все преодолеть, нужно быть готовым к большим трудностям и большей ответственности!» [5, с. 243].

Мобилизация душевных сил Петра происходит в преодолении страхов, в чувстве единства с бойцами, в дружеских беседах. Между тем военная обстановка необычайно сложная. В июле 1941 г. Петр отметил, что немецкие самолеты летали без передышки: «Мы стреляли по несколько раз в день. <...> Они не давали нам уснуть больше чем на час-два в сутки» [5, с. 255]. Батарея И. Шамякина успешно на протяжении всех лет войны отбивала атаки немецких самолетов, стремящихся бомбить корабли союзников.

Герои пентологии в своем повседневном бытии не отделены от жизни всей страны и мира. Дневнику Петр доверяет свои мысли и о международной ситуации. Именно через незамерзающий порт Мурманск, где служил Шамякин и где происходит действие повести, шла основная помощь Советскому Союзу от союзников по ленд-лизу. И когда на улицах Мурманска появлялись английские моряки, их встречали дружелюбно. Никакой подозрительности к «капиталистам» не было. Здесь необходимо иметь в виду, что в СССР в 1930-х гг. власти воспитывали ненависть к идеологии фашизма, но уверяли, что простые люди в других странах – всегда наши союзники и искренние друзья. Между тем 14 стран Европы воевали вместе с Гитлером против СССР...

Уже в 1960-х гг. белорусская литература считалась одной из самых развитых в СССР, да даже и в мире, причем славу ей создавали преимущественно писатели военного призыва. Сегодня значение их произведений еще больше возрастает, ведь это свидетельства *непосредственных участников* событий, которые успели их глубоко и всесторонне осмыслить.

Одним из наиболее известных авторов фронтового поколения являлся Василь Быков. Наибольшая его заслуга перед мировой литературой – правдивый показ психологического состояния личности на грани человеческих возможностей.

Василь Владимирович Быков родился 19 июня 1924 г. на Витебщине. До войны он учился в Витебском художественном училище – хотел стать скульптором. Но «лепить» человека в конце концов стал с помощью слова.

Буквально с первых дней войны он оказался в вихре самых суровых обстоятельств. Воевал в артиллерии и пехоте, был дважды ранен. Жесткость военной судьбы определила трагическое мировосприятие писателя и драматический пафос его творчества.

Дебютировал он в 1949 г. рассказами «В тот день» и «Первый бой», в которых развенчивал фронтовую романтику, характерную, как пишет сегодняшняя критика, для первых произведений писателей-

фронтовиков. Но потом Быков долго не печатался, и его рассказы, вышедшие в 1956 г., прозвучали как первые. Действительная удача писателя – повесть «Журавлиный крик» (1960). Произведение представляет серию портретов солдат, рассказывает, дополняя экскурсами в прошлое, о последнем дне их жизни в 1941 г. Подчеркнуто сюжетно обыденная, лишенная патетики повесть тем не менее чрезвычайно трагична. Синтез обычного и трагического в ситуации *выбора* – яркая особенность быковского стиля. «В. Быков, возможно, как никто другой в советской литературе, отразил трагедийность войны» [6, с. 27].

Чрезвычайно густо и колоритно показан фронтовой быт в замечательной повести «Третья ракета» (1962). Тут, как ни в каком другом произведении В. Быкова о войне, раскрыта связь между героическим и будничным. Писатель продемонстрировал глубокое знание психологии солдата, умение передать в органическом единстве драматизм события и личные переживания внутренней жизни героев. Правда войны раскрывается и точным отражением трагичной ее стороны, и показом благородства, бескорыстия советских людей, и передачей атмосферы фронтового товарищества. В повествовательной манере автора – и это его открытие – чувствуется синтез эпичности, драматизма и лиризма.

Сюжеты повестей В. Быкова во многом однотипны, его художественная манера, излюбленные приемы повторяются в каждом произведении, но повторяются всегда по-разному. Так было в повестях «Журавлиный крик», «Измена», «Третья ракета», «Альпийская баллада», «Мертвым не больно», «Круглянский мост», «Проклятая высота». Последние три произведения жестко критиковали за «поклеп на партизан», «борьбу в собственном окопе», «лабораторный реализм». Но произведения искусства необходимо судить по законам, избранным самим писателем. Сюжеты В. Быкова не так занимательны, как у И. Шамякина, они носят, как правило, локальный характер, в основе каждого из них стоит определенная проблема. Например, в повести «Круглянский мост» эта проблема очень серьезная: какие средства могут быть использованы для достижения цели?

Читателей и строгих критиков, скорее всего, неприятно удивила как бы «измена» писателя своей фронтовой теме, гарантированной военным опытом автора, разочаровал переход к теме партизанской, жизненный материал которой не был ему известен. Действительно, в «партизанских» повестях встречаются смысловые нестыковки и сюжетные выпадения, невозможные во «фронтовых» произведениях. Но писатель остался верен нравственно-философским проблемам войны, при этом смысловой акцент переместил от внешних обстоятельств к внутреннему содержанию личности, о чем пре-

красно засвидетельствовала самая, пожалуй, известная повесть В. Быкова «Сотников» (1971).

В повести сталкиваются две жизненные концепции, противостоят принципиальность и прагматизм.

Два партизана – Рыбак и Сотников – выходят из леса, чтобы добыть еду для голодных, наполовину окруженных врагами товарищей. После разных перипетий и встреч с местным населением оба попадают в плен. На допросе Сотников держится мужественно, а Рыбак решает перехитрить врагов и остаться жить. Это ему удается, но его сразу делают полицейским. И шаг за шагом он идет по пути измены.

Повесть в свое время вызвала бурную полемику и сегодня тоже воспринимается по-разному, как и каждое значительное произведение. Герои не одномерные, нельзя сказать, что один во всем положительный, другой – отрицательный. Сотников – человек образованный и культурный, с твердыми убеждениями, его мысли и чувства подчинены определенным принципам, от которых он не отступает даже перед лицом смерти. Все прошлое Рыбака – приличное существование естественной, нетребовательной натуры человека: живет так, как это диктуется привычным ходом вещей. Испытание смертью он не выдерживает. Такого понятия, как моральная победа над врагом, для него не существует. Рыбак явно не дорос до понимания, что принципы могут быть дороже жизни, и поэтому ищет компромиссы. В результате он помогает немцам казнить Сотникова.

Ныне повесть «Сотников» оценивается как притча, в которой ставятся вечные проблемы человеческого существования: она напоминает библейский сюжет о Христе и Иуде. Особенно отчетливо это прочитывается в выдающемся фильме «Восхождение» режиссера Ларисы Шепитько, снятом по этой повести.

То, что гуманизм неистребим, что он всегда, даже во время войны, духовно творческий, утверждается в повестях В. Быкова «Обелиск», «Его батальон», «Пойти и не вернуться», «Дожить до рассвета». В этих произведениях писатель повествует о разных формах народного героизма, о сложностях борьбы в условиях чрезвычайно жестокого оккупационного режима, который диктовал своеобразные, иногда даже, на взгляд современного человека, парадоксальные формы поведения.

Значительный шаг в творческом развитии В. Быкова – повесть «Знак беды» (1982), для которой характерно философско-психологическое и социально-историческое осмысление связи времен, так что и это произведение приобретает характер притчи, а его герои – Петрок и Степанида Богатыки – воспринимаются как варианты национально-характера белоруса, персонифицируют разные виды его менталитета. За повесть «Знак беды» В. Быков получил Ленинскую премию (1986) – фак-

тически самую в то время высокую в СССР награду за творческую работу.

Государственная премия СССР (1974), несколько престижных именных литературных премий, звание Героя Социалистического Труда (1984), народного писателя БССР (1980) – так отмечена в советское время вся деятельность В. Быкова, его идейно-эстетические поиски.

Писатель содействовал дальнейшей драматизации литературы, приближал художественное творчество к жизненно-документальной первооснове, развивал такие неотъемлемые качества белорусской прозы, как ее философичность, аналитизм, психологизм.

Произведения В. Быкова построены на пересечении важнейших координат человеческого бытия. Роман «Карьер» (1985), повести «В тумане» (1988), «Облава» (1989), «Стужа» (1991) – заголовки с негативной коннотацией характерны для В. Быкова – во многом подвели итог творческим достижениям художника слова. Как сегодня видится, произведения того времени, когда *готовился развал СССР*, не были лишены некоторой прямолинейности, определенной схематичности: история после открытия многих документов все же оказалась сложнее, чем виделось тогда писателю. Правда, необходимо помнить, что творчество В. Быкова вовсе не воссоздает определенные исторические события, как, например, большинство произведений И. Мележа

и И. Шамякина, а свидетельствует прежде всего о человеке в сложных жизненных ситуациях; при этом следует учитывать, что для литературы характерна так называемая *художественная условность*.

Критики пишут об *экзистенциализме* прозы В. Быкова, о нарастании в нем ощущения все большей абсурдности бытия. Во многом творчество писателя содействовало изменению ценностей советского человека.

В 1990-х гг. и в начале XXI в. некоторые идейные черты творчества В. Быкова приобретают еще большую остроту. Своеобразным наполнением ниш белорусской истории стали сборники рассказов и притч «Стена», «Ходильцы», повести «Полюби меня, солдатик», «Болото». Они не приобрели широкого резонанса, потому что ситуация в стране изменилась, стало иным и отношение к книге: людям было не до чтения, тем более чтения произведений трагических – трагизма более чем хватало в жизни.

В это время В. Быков обращается к возрождению национальной традиции, идущей от «Сказок жизни» Я. Коласа, – аллегорически-символическому показу действительности в «Баснях жизни», повестях «Труба» и «Волчья яма».

В последние годы жизни В. Быков серьезно болел, часто выезжал за рубеж, довольно долго жил в разных странах Европы, но, в конце концов, вернулся в родную Беларусь. Умер писатель в 2003 г. в Минске.

Творчество литераторов, переживших войну в детстве

Творчество писателей, переживших войну в детстве, находилось под мощным воздействием предыдущего поколения – литераторов-фронтовиков, которые определяли всю литературную ситуацию на протяжении десятилетий. Однако достижения следующего за ними поколения также значительны.

«Детское» поколение представителей военной прозы возглавляет, безусловно, Алесь Адамович (1927–1994). Он автор многих популярных произведений разных жанров. В его романной дилогии «Война под крышами» и «Сыновья идут в бой» отражена борьба с оккупантами подростка Адамовича и его семьи в партизанском отряде.

Особая страница в творчестве писателя – книга, подготовленная им в соавторстве с Я. Брылем и В. Колесниковым «Я из огненной деревни» (1975), имевшая большой международный резонанс. Это книга документальная – записи исповедей белорусов, спасшихся в сожженных деревнях от расправ нацистов. Далее вместе с известным российским писателем Д. Граниным А. Адамович создал «Блокадную книгу», где зафиксированы рассказы выживших блокадников Ленинграда. Традиции этих строго документальных, очень драматичных по со-

держанию книг продолжила ученица А. Адамовича С. Алексиевич.

«Хатынская повесть» (1972) А. Адамовича – «произведение о жуткой, трагической правде войны, фашистской оккупации. Произведение имеет документальную основу, в нем звучат воспоминания живых свидетелей о сожженных белорусских деревнях. “Хатынская повесть” – книга-исповедь, книга-память, книга-диалог человека с человеком и человечеством о том, что такое война, фашизм и современный неофашизм» [7, с. 282].

Все творчество А. Адамовича – это незаживающая память войны. Оставил он и собственно книгу воспоминаний «Vixi» (1993) (латинское название означает «Прожитое»). В основном это дневниковые записи и размышления с высоты современности о событиях прошлого.

Алесь Адамович – один из тех, кто ставил рядом Сталина и Гитлера. Как это сравнение отразилось *сегодня*, вряд ли стоит говорить: некорректное и неправильное по существу, оно повлияло на все более набирающий силу пересмотр итогов Второй мировой войны идеологами западных стран. А многие из этих стран в той или иной форме участвовали в походах Гитлера на СССР... Тем не менее мемуа-

ры А. Адамовича интересны как подведение итогов значительной личности в жизни и литературе...

Среди писателей, близких А. Адамовичу по возрасту, – Иван Чигринов, Иван Пташников, Михаил Стрельцов, Борис Саченко и др.

В вызревании первого, самого успешного, романа И. Чигринова «Плач перепелки» (1972) одну из важнейших ролей сыграла сама атмосфера 1960-х гг. – оптимистическая, жизнерадостная, связанная, как уже отмечалось, с *инерцией ощущения Победы* в Великой Отечественной войне. Пик научно-технической революции, прорыв в космос, острота задачи сохранения мира на планете, забота о природе, информационный взрыв – все эти огромной важности проблемы поставили искусство перед необходимостью выбора новых приемов и средств отражения жизни. Литература чувствовала потребность осмыслить путь, пройденный обществом за большую половину бурного XX в. Особенно это касалось нашей страны, народу которой довелось пережить значительно больше, чем любому другому на Земле. Самым важным событием эпохи для белорусской нации была и остается Великая Отечественная война. Это хорошо сознавали писатели. В 1960-х гг. в литературу вошло поколение, которое испытало ужасы войны, но не в окопах и не на батареях, а в тылу, в самых жестоких условиях выживания мирного населения при оккупации. Они – свидетели военных событий и ее участники – в меру детских сил помогали взрослым выживать и бороться. К поколению детей войны и принадлежал Иван Гаврилович Чигринов (1934–1996).

Иван Чигринов – писатель с романским типом мышления, хотя начинал он свое творчество, как и большинство прозаиков, с рассказов. Уже в них ярко выявилась творческая манера автора, подчеркнута традиционная, с гармонической уравновешенностью разных средств и приемов. Писатель необычайно тонко и умело сконцентрировал в своих произведениях, особенно в романах, лучшие достижения белорусской национальной *эпической традиции*, развивая ее в новых условиях и на новом уровне.

В романах «Плач перепелки», «Оправдание крови», «Свои и чужие» И. Чигринов стремился к причинно-следственному и нравственному осмыслению военных событий. Он удачно сочетал глубину социального исследования с общей картиной жизни народа, могучие силы и возможности которого проходят испытания именно во время войны.

Стилевая доминанта романов И. Чигринова держится на атмосфере *переходности* – от мирного бытия к военному, от гармоничного существования к социальному хаосу, от методичных условий жизни к мобилизационным. Действие происходит в начале войны, до оккупации и в первые ее месяцы. Очень сложно людям, которые еще видят перед

собой любимые ландшафты и односельчан, делают обыденные дела, понимать, что рядом существует что-то совершенно противоположное привычному ходу вещей. Сознание отказывается связывать разные полюсы и категории измерений.

И. Чигринов описывает реальную местность, свою родину – Могилёвщину, постоянно руководствуется точным календарем, у его героев есть прототипы. Произведения И. Чигринова построены на сложном переплетении философских, социальных, нравственных конфликтов. Война – проверка духовной прочности героев, их гражданственности. Вера писателя в творческие возможности человека, в неумирающие народные ценности позволила правдиво и убедительно показать личностей (Забыбу, Чубаря, Масаю), которые смогли разобраться в сложных проблемах бытия, стали активно участвовать в драматических событиях. Чрезвычайно отличаются герои И. Чигринова от инфантильных, амбивалентных персонажей произведений литературы 1980–90-х гг., да и последующих лет. Тем и ценны повести и романы советских писателей о Великой Отечественной войне, что показывали сильных духом, хотя и не без определенных недостатков, людей, в которых есть идейные и нравственные убеждения. Судьба войны решалась в душах белорусов в тот период. Победа оказалась возможной благодаря *духовному потенциалу* советского народа.

В своих произведениях писатель раскрывает бытия в их историческом своеобразии, учитывает взаимосвязь явлений и общую перспективу развития. Элементы синтеза в романах И. Чигринова ощущаются прежде всего в полноте выявления противоречий жизни, в естественности поведения героев, всестороннем проявлении их сущности, в социальной и человеческой значимости образов, в художественном осмыслении истории.

По-иному решает во многом подобные с И. Чигриновым задачи еще один представитель поколения, детство которого пришлось на войну, – Иван Николаевич Пташников (1932–2016).

Стиль И. Пташникова тяжеловесный, сложный, насыщенный многочисленными деталями и подробностями. Но сложность такого типа идет от того, что сельскую жизнь – главный объект отражения – Пташников и воспринимает сложно: любит и критикует, восхищается и что-то отвергает. В рассказах, повестях, романах И. Пташникова стремление к полноте выявления человеческой индивидуальности идет наравне с широким охватом окружения, в котором живут герои. У И. Пташникова меньше социальности, чем у И. Чигринова, его герои не спорят на философские и политические темы, не руководят какими-то общественными и военными структурами, но их духовная жизнь не менее глубокая и богатая.

Иван Пташников – писатель более драматического склада в сравнении с литераторами его поколения: И. Чигриновым, М. Стрельцовым, Б. Саченко. Причем именно в произведениях о военном времени ярко выявилось своеобразие таланта названных авторов. В их повестях и романах наблюдается очень органичное слияние объективной картины войны и напряженных духовных драм, трагичности переживаний людей. Объединяет этих прозаиков общий *нафос* творчества – стремление показать моральный дух народа во время исторической драмы, проследить, как в борьбе с жестокими обстоятельствами идет испытание каждого человека в отдельности и человеческих коллективов, оценить психологию человека с точки зрения народной морали и принципов *гармоничности бытия*.

Действие всех произведений И. Пташникова происходит на родине писателя – на Витебщине. В повести «Тартак» (1968), где показаны ужасы существования местного населения под оккупацией, утверждается неодолимость жизни, а человек здесь выступает как носитель высшей формы исторической активности.

Самая характерная особенность произведений как И. Чигринова, так и И. Пташникова – ут-

верждение жизни наперекор смерти, творчества наперекор разрушению, деструкции. В повести И. Пташникова «Найдорф» (1976), отмеченной Государственной премией БССР имени Якуба Коласа, герои в условиях военной блокады все время вспоминают довоенную жизнь. Жизнь в воспоминаниях для героев – Жаворонка и Алеши – это настоящая жизнь, и именно память помогает в их безрадостном существовании.

Произведения писателей, переживших войну в детстве, – правдивые свидетельства времени, и каждый из творцов предстает в неповторимости, своеобразии своей творческой манеры.

Размышляя о том, какой должна быть литература о войне, известный писатель-фронтовик Алесь Савицкий отмечал, что белорусская литература сделала необычайно много в показе героизма, мужества народа: «Понять истоки этого мужества – по-моему, и является задачей литературы о войне» [8, с. 9]. Художественная литература Беларуси эту благородную задачу выполнила.

А наша задача сегодня – сохранять и защищать память о мужестве, героизме народа в годы лихолетья. Помнить об этом времени во многом помогают произведения белорусских писателей – участников и свидетелей драматических событий.

Библиографические ссылки

1. Спицын Е. Не «оттепель», а «слякоть». *Завтра*. 2020, 6 марта. с. 8.
2. Куняев С. К предательству таинственная страсть. *Наш современник*. 2019;12:110–163.
3. Навуменка І. Голас пакалення. В: Шамякін І. *Збор твораў. Том 1*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1965. с. 3–17.
4. Каваленка В. *Іван Шамякін. Нарыс жыцця і творчасці*. Мінск: Народная асвета; 1980. 207 с.
5. Шамякін І. *Збор твораў. Том 13*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2013. 710 с.
6. Бугаёў Д. *Васіль Быкаў. Нарыс жыцця і творчасці*. Мінск: Народная асвета; 1987. 207 с.
7. Бельскі А. *Алесь Адамовіч. Беларуская літаратура: XI–XX стст.* Бельскі АІ, Кароткі УГ, Навуменка ПІ, рэдактары. Мінск: Аверсэв; 1999. с. 282–283.
8. Савицкий А. Понять истоки мужества... *СБ. Беларусь сегодня*. 2009, 12 февраля. с. 9.

References

1. Spitsyn E. Not «thaw», but «slush». *Zavtra*. 2020, 6 March. p. 8. Russian.
2. Kunyayev S. To the betrayal of a mysterious passion. *Nash sovremennik*. 2019;12:110–163. Russian.
3. Naumenka I. Voice of generation. In: Shamyakin I. *Zbor tvoraw. Tom 1* [Collected works. Volume 1]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1965. p. 3–17. Belarusian.
4. Kavalenka V. *Ivan Shamyakin. Narys zhyccja i tvorchasci* [Ivan Shamyakin. Essay on life and work]. Minsk: Narodnaja asveta; 1980. 207 p. Belarusian.
5. Shamyakin I. *Zbor tvoraw. Tom 13* [The collected works. Volume 13]. Minsk: Mastackaja litaratura; 2013. 710 p. Belarusian.
6. Bugaev D. *Vasil' Bykaw. Narys zhyccja i tvorchasci* [Vasil Bykov. Essay on life and work]. Minsk: Narodnaja asveta; 1987. 207 p. Belarusian.
7. Belsky A. *Ales' Adamovich. Belaruskaja litaratura: XI–XX stst.* [Ales Adamovich. Belarusian literature: 19th–20th centuries]. Belsky AI, Karotki UG, Navumenka PI, editors. Minsk: Aversev; 1999. p. 282–283. Belarusian.
8. Savitsky A. Understand the origins of courage... *SB. Belarus' segodnya*. 2009, 12 February. p. 9. Russian.

Статья поступила в редакцию 14.04.2020.
Received by editorial board 14.04.2020.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Н. Л. МЫСЛИВЕЦ¹⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
ул. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

Рассматриваются вопросы формирования и сохранения памяти о Великой Отечественной войне в сознании подрастающих поколений. Эмпирической основой послужили результаты двух исследований, проведенных в 2010 и 2018 гг. Описаны тенденции изменения исторической памяти о войне, проанализированы источники информации, роль социальных институтов, которые оказывают определяющее воздействие на ее формирование и функционирование.

Ключевые слова: прошлое; историческая память; учащаяся молодежь; школа; семья; преемственность поколений; Великая Отечественная война.

ON SOME FORMATION FEATURES OF THE HISTORICAL MEMORY OF THE NEW GENERATIONS

N. L. MYSLIVETS^a

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 Ažėška Street, Hrodna 230023, Belarus

The article considers the issues relating to the formation and preservation of the memory of the Great Patriotic War in the minds of younger generations. The results of two studies conducted in 2010 and 2018 were used as the empirical basis. The trends in the historical memory of the war are described, the sources of information, the role of social institutions that have a decisive influence on its formation and functioning are analyzed.

Keywords: the past; historical memory; students; school; family; continuity of generations; the Great Patriotic War.

Введение

Сложные динамические процессы современности, охватывающие все без исключения сферы жизни общества, существенно актуализируют исследовательский интерес к изучению особенностей формирования исторической памяти подрастающих поколений. Будучи ядром коллективного сознания общества, историческая память способствует включению индивида в пространствен-

но-временной континуум *прошлое – настоящее – будущее*, определяет его место в современной реальности и обеспечивает историческую преемственность [1, с. 308]. Эта преемственность помогает не только лучше и глубже понять настоящее, осознать свои взаимоотношения с другими народами, представить возможное будущее, но и оказывается источником духовной силы и патриотического

Образец цитирования:

Мысливец Н.Л. О некоторых особенностях формирования исторической памяти новых поколений. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:82–87.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-82-87>

For citation:

Myslivets N.L. On some formation features of the historical memory of the new generations. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:82–87. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-82-87>

Автор:

Николай Леонтьевич Мысливец – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин факультета истории, коммуникации и туризма.

Author:

Nikolay L. Myslivets, PhD (sociology), docent; head of the department of sociology and special sociological disciplines, faculty of history, communication and tourism.
n.myslivets@gmail.com

воодушевления на переломных этапах общественного развития, придает определенным событиям и людям символическое значение, служит опорой национального самосознания.

К изучению исторической памяти обращаются историки и социологи, философы и культурологи, психологи и политологи. Данный феномен привлекает внимание деятелей культуры и искусства, политиков, представителей бизнеса и самых широких слоев общественности. Проводимые в этой области исследования имеют не только большой научно-теоретический интерес, но и несомненную практическую значимость.

Одной из наиболее важных социальных проблем современного общества является сохранение и де-

фальсификация исторической памяти. Время, всегда безжалостное к прошлому, нивелирует масштабы подвигов, искажает роль личностей, препятствует реальной оценке событий, происходивших в годы войны. Тем самым задача сохранения исторической памяти и воспитания чувства гордости за героическое прошлое выступает в качестве одной из приоритетных задач государственной политики. Особую актуальность она имеет в отношении современной молодежи, социализация которой осуществляется в условиях коммеморативного бума, плюрализма мнений, противоречивых духовно-нравственных ценностей, пропагандируемых различными институтами, и вследствие всего этого характеризуется слабой предсказуемостью ее результатов.

Основная часть

Великая Отечественная война представляет собой одно из базовых оснований исторической памяти белорусского народа. Образы войны и победы являются значимыми символами государственного суверенитета, служат напоминанием об огромном духовном потенциале общества. За несколько последних десятилетий механизмы формирования и сохранения памяти о Великой Отечественной войне претерпели значительные изменения. Практически исчезла межличностная коммуникация как первостепенный фактор сохранения «живой» памяти, обострилась проблема разрыва поколений и, следовательно, снизилась роль семьи, являющейся фактором сохранения исторической памяти. Вместе с тем особое значение в данном контексте на современном этапе приобрели система образования, учреждения культуры, средства массовой информации.

По состоянию на 1 апреля 2020 г. в Беларуси проживало 4806 ветеранов Великой Отечественной войны. К числу ее непосредственных участников, очевидцев, свидетелей необходимо отнести 418 членов семей военнослужащих, партизан и подпольщиков, погибших либо умерших в годы Великой Отечественной войны, 518 человек, имеющих статус инвалидов с детства вследствие ранения, контузии, увечья, связанного с боевыми действиями в период войны либо с последствиями боевых действий, а также бывшие узники фашистских концлагерей, тюрем, гетто и иных мест принудительного содержания (12 591 человек)¹. Это последние в нашей стране носители «живой» памяти о самой страшной, разрушительной и кровопролитной вой-

не в новейшей истории человечества. С уходом военного поколения воспоминания о ней перемещаются из сферы коммуникативной памяти в область памяти культурной. Они продолжают сохраняться в книгах и кинофильмах, мемуарах и воспоминаниях участников, художественных произведениях, музейных экспонатах и живописных полотнах, в государственных и семейных архивах, в предметах прошлого. Все вышеизложенное свидетельствует о начале новой эпохи в послевоенной истории, времени, когда память о войне будет сохраняться уже без помощи и участия ее очевидцев.

В данной статье представлены результаты двух социологических опросов, проведенных в 2010 и 2018 гг. среди учащихся 9-х и 11-х классов учреждений общего среднего образования г. Гродно. Выбор данной категории респондентов был обусловлен тем фактом, что на момент проведения опроса они находились на этапе получения общего базового и общего среднего образования. Следовательно, объем знаний по истории Беларуси, которыми располагали учащиеся, примерно соответствует определенному учебными планами и учебными программами стандарту. Всего было опрошено более 2 тыс. учащихся: 1061 человек в 2010 г. и 973 в 2018 г.²

В ходе исследований респондентам был задан вопрос о важности в новейшей истории нашей страны такого события, как Великая Отечественная война. Ответы представлены в табл. 1.

Подавляющее большинство опрошенных (84,7 % по данным опроса 2010 г. и 84,9 % – 2018 г.) назвали Великую Отечественную войну одним из самых

¹Численность ветеранов Великой Отечественной войны, граждан, пострадавших в годы Великой Отечественной войны, а также должностных лиц, проживающих в Республике Беларусь по состоянию на 01.04.2020 [Электронный ресурс]. 2020. URL: <http://www.mintrud.gov.by/ru/chislvet> (дата обращения: 10.05.2020).

²Социологическое исследование «История Великой Победы в памяти потомков» проводилось кафедрой социологии и специальных социологических дисциплин Гродненского государственного университета имени Янки Купалы в 2 этапа: в 2010 г. (выборка составила 1061 человек) и в 2018 г. (выборка – 973 человека). В анкетном опросе принимали участие учащиеся 9-х и 11-х классов учреждений общего среднего образования г. Гродно. Выборка квотная. Ошибка выборки не превышает 3 %.

важных событий в новейшей истории нашей страны. Увеличилась доля респондентов, заявивших о том, что такая позиция сформирована школой (с 40,7 до 49,4 %), и несколько уменьшилось число

учащихся, которые указали на роль семьи (с 33,7 до 26,1 %). Еще примерно 10 % опрошенных, которые также разделяют данное убеждение, не указали источник своей уверенности в такой интерпретации.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что одним из самых важных событий в новейшей истории нашей страны является Великая Отечественная война?», %

Table 1

Distribution of answers to the question: «Do you agree that the Great Patriotic War is one of the most important events in the recent history of our country?», %

Варианты ответа	Год	
	2010	2018
Да, это так, мне об этом говорили на уроках истории	40,7	49,4
Да, это так, мне об этом говорили близкие и уважаемые люди: родители, дедушка, бабушка и др.	33,7	26,1
Возможно, это так, но я не интересовался этим специально	10,3	9,4
Нет, я так не считаю	5,7	4,1
Затрудняюсь ответить	5,0	7,9
Другой ответ	1,6	3,1

Доля респондентов, которые не разделяют данную оценку, составляет примерно 5 % от всего числа опрошенных. Однако если объединить данную группу с теми, кто указал свой вариант ответа и кто затруднился ответить, то мы увидим, что ее общая сумма равна 12,3 % в 2010 г. и 15,1 % в 2018 г. А это уже значительный показатель, и изучение мнений данной группы должно стать предметом более внимательного исследования. Важно отметить, что в ходе проведенных опросов не была выявлена зависимость интереса к событиям Великой Отечественной войны от пола, уровня образования, места проживания респондентов.

Оценка Великой Отечественной войны как одного из самых важных исторических событий в жизни не только всей нашей страны, но и каждой белорусской семьи обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего память о войне – это память ее непосредственных участников и свидетелей, память ныне живущих о погибших и пропавших без вести родственниках, близких людях, это воспоминания и рассказы очевидцев, их боевые награды, фотографии, письма, это могилы ветеранов, места их захоронений. Такая память сегодня бережно хранится в каждой белорусской семье. Признание особой роли Великой Отечественной войны в нашей истории базируется не только на осознаваемом личном знании, но и на интуитивном признании значения одержанной советским народом великой победы над фашизмом для всего человечества. Такая победа является одним из важнейших элементов нашей общей коллектив-

ной идентификации. Это та точка отсчета, сквозь призму которой формируются оценки прошлого и конструируется алгоритм понимания настоящего и будущего. Осознание каждым новым поколением данного события как знакового явления для всего белорусского народа свидетельствует о том, что память старших поколений приобрела символическую ценность и для всех потомков.

В основе исторической памяти о Великой Отечественной войне лежат знания об этих событиях. В ходе исследования мы поинтересовались у респондентов, где и каким образом они получают информацию о войне. Их мнения представлены в табл. 2.

Результаты опросов свидетельствуют о том, что основным источником информации о Великой Отечественной войне более чем для 82 % юношей и девушек являются школьные уроки истории: в 2010 г. данный показатель составил 86,3 %, в 2018 г. – 82,4 %. Школьное историческое образование обеспечивает формирование у подрастающего поколения своеобразного каркаса исторической памяти, который включает прежде всего представления о наиболее значимых событиях прошлого. Перечень таких событий задается соответствующими учебными программами и корректируется организацией и содержанием образовательного процесса, объемом выделяемых на изучение истории Беларуси часов, системой планирования и проведения учебных занятий и иных мероприятий, познавательной активностью самих учащихся, а также рядом других факторов.

Изучение истории Великой Отечественной войны, ее триумфальных и трагических событий, повседневной жизни и быта людей той эпохи осуществляется также на уроках русской и белорус-

ской литературы, когда учащиеся знакомятся с рассказами и повестями о войне, читают стихи, пишут сочинения, проводят внеклассные мероприятия.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о Великой Отечественной войне?», %

Table 2

Distribution of answers to the question: «From what sources do you receive information about the Great Patriotic War?», %

Варианты ответа	Год	
	2010	2018
На уроках истории в школе	86,3	82,4
Из кинофильмов	68,3	61,3
От членов моей семьи, от моих родных и близких	52,4	43,5
Из интернета	47,2	54,1
Из телевизионных передач	35,5	23,4
Из художественных книг, прочитанных в соответствии со школьной программой	29,4	21,2
Из проводимых в школе мероприятий	22,1	25,8
Из научной литературы	15,5	12,3
Из газет	5,0	3,1
Другой ответ	1,1	1,9

Примечание. Респонденты могли указать не более 5 вариантов ответа.

Note. Respondents were allowed to choose up to 5 possible replies.

Важнейшая роль в развитии исторической памяти у подрастающего поколения отводится учебникам истории. Представления о войне современных детей и подростков отличаются от представлений о войне советских школьников. Главным образом это обусловлено содержанием учебного материала, который преподается современным учащимся. Однако в советское время учебник не мог содержать информацию о просчетах главнокомандования, о репрессиях в армии, о соотечественниках, перешедших на сторону врага, тогда как в современной учебной литературе широко представлена не только история самой победы, но и ее обратная сторона: трагические события первого года войны, отступления советских войск, судьбы военнопленных и другие «не парадные» события прошлого. Это позволяет современным школьникам знать о войне достаточно много для того, чтобы выработать собственное мнение и личное отношение к происходившим событиям.

Формирование исторической памяти у учащихся осуществляется не только методами пассивного восприятия, заучивания и повторения учебного материала, изложенного в соответствии со школьной программой. Формами и способами ее сохранения и актуализации являются творческие и научно-исследовательские конкурсы, акции патриотической направленности, реконструкции исторических со-

бытий, митинги и парады, работа школьных музеев, экскурсии и другие мероприятия.

Одним из перспективных и эффективных методов работы с памятью является использование проектного метода в обучении. Все более широко применяемая практика исследовательских проектов направлена прежде всего на изучение истории семьи, малой родины: она способствует расширению кругозора детей и подростков, становлению у них личного, глубоко осмысленного и прочувствованного отношения к Великой Отечественной войне. К сожалению, практически ушла в прошлое такая интереснейшая форма работы по формированию исторической памяти и патриотическому воспитанию молодежи, как встречи с ветеранами войны. Вместе с тем развитию и укреплению исторической памяти подрастающего поколения способствует традиция хранения семейных реликвий (орденов и медалей, красноармейских книжек, копий наградных листов, писем с фронта и др.), поиск новых документов, ликвидация пробелов в биографиях родственников, оцифровывание семейных фотографий, запись воспоминаний родственников. К сожалению, такие формы работы с прошлым сохраняются далеко не во всех белорусских семьях, но именно они цементируют семейные отношения и приучают детей быть хранителями семейной исторической памяти.

Определяющее влияние на конфигурацию исторической памяти учащейся молодежи оказывает государственная политика: программы работы с молодежью, полнота и доступность архивов, научных и художественных текстов по истории, плотность мест памяти, интерес к теме со стороны массмедиа. Все указанные факторы действуют в качестве своеобразных драйверов долговременной памяти, вычленив из ее основного каркаса определенные события, придавая им актуальный смысл и преобразуя их в чувственные образы. Не менее важная роль в данном процессе принадлежит и самой познавательной активности личности учащегося. Сформированная к окончанию обучения в школе картина памяти чаще всего является мозаичной и фрагментарной, что обусловлено не только организацией и содержанием исторического образования в школах, гимназиях и лицеях. Нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что на такой результат «работает» и система подготовки к централизованному тестированию, основу которой составляют приемы тестового контроля знаний.

Вторым по значимости источником информации о войне и, соответственно, источником исторической памяти для современного юношества являются кинофильмы: на это указали в своих анкетах 68,3 % опрошенных в 2010 г. и 61,3 % в 2018 г. Современных подростков привлекают яркие зрительные образы, что позволяет рассматривать кинематограф в качестве одного из наиболее значимых инструментов формирования исторической памяти молодежи. Востребованы, в том числе и молодежью, снятые в 2000-х гг. художественные фильмы: «В августе 44-го», «Брестская крепость», «А зори здесь тихие...», «Сталинград», «Т-34» и многие другие. И в то же время юноши и девушки не смотрят советские фильмы о войне, такие как «Судьба человека», «Семнадцать мгновений весны», «Они сражались за Родину», «Баллада о солдате», «Щит и меч», «Живые и мертвые», «В бой идут одни «старики»», «Офицеры» и др.

Большинство современных художественных фильмов, сериалов о Великой Отечественной войне сняты в лучших традициях советского кинематографа, со всеми соответствующими атрибутами: в них присутствуют интересные сюжетные линии, задействованы популярные актеры, используются всевозможные спецэффекты и трюки. Все это позволяет юному зрителю погрузиться в атмосферу тех лет, поставить себя на место киногероев, задуматься над такими вечными ценностями, как верность Родине, свобода, справедливость, дружба, любовь. Положительный эффект от таких фильмов состоит не в их абсолютной исторической достоверности (об этом говорить едва ли правомерно, да и цель такая их авторами едва ли ставится), он заключается прежде всего в возможности эмоционального погружения и достижения современного кинематографа юного зрителя в ат-

мосферу военных лет, выражается в предлагаемых авторами возможностях поставить себя на место героев, заставить задуматься над важнейшими жизненными проблемами, над тем, какой выбор сделал бы сам зритель.

Представляется, что воспитательный потенциал существующей фильмографии о Великой Отечественной войне используется в современных образовательных практиках далеко не в полной мере, и этому есть свои объяснения. Крайне непросто является работа, состоящая в подготовке учащихся к восприятию сложного исторического материала, к роли искателей исторической правды. Но если она выполняется профессионально и ответственно, то в итоге будет возникать подлинный интерес к постижению прошлого, желание отыскать истину, спорить с педагогами, режиссерами, писателями, журналистами. И именно такие дискуссии способствуют зарождению истинного знания и понимания прошлого и настоящего.

Примерно для половины всех опрошенных нами респондентов источником информации о войне является семья: на это указали 52,4 % в 2010 г. и 43,5 % в 2018 г. Однако, даже несмотря на определенное уменьшение ее роли, семью следует рассматривать в качестве одного из важнейших каналов формирования исторической памяти. При этом необходимо принять во внимание тот факт, что нашими респондентами являлись не дети и даже не внуки тех, кто воевал. В большинстве своем это поколение правнуков и даже праправнуков участников Великой Отечественной войны. В связи с этим вопрос функционирования семейной исторической памяти приобретает особую актуальность.

Как показали результаты опроса, сопоставимым с институтом семьи источником информации о Великой Отечественной войне стал интернет. Его популярность увеличилась с 47,2 % (2010) до 54,1 % (2018).

Менее трети опрошенных получают информацию о событиях Великой Отечественной войны из телевизионных передач (35,5 % в 2010 г. и 23,4 % в 2018 г.), лишь каждый четвертый – из книг (29,4 % в 2010 г. и 21,2 % в 2018 г.). Приведенные данные свидетельствуют о том, что и телевидение, и печатные издания теряют свое значение как факторы социализации, просвещения и информирования новых поколений.

Проводимые в школе мероприятия в качестве источника информации отметил лишь каждый четвертый респондент (22,1 % в 2010 г. и 25,8 % в 2018 г.). Аутсайдерами в данном списке оказались научная литература и газеты.

И в заключение нашего исследования мы задали респондентам вопрос о том, знают ли они, кто из их родственников либо близких их семье людей воевал на фронте или в тылу врага либо погиб (пропал без вести) в годы Великой Отечественной войны. Ответы представлены в табл. 3.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли Вы, кто из Ваших родственников либо близких Вам и Вашей семье людей воевал на фронте или в тылу врага либо погиб (пропал без вести) в годы Великой Отечественной войны?», %

Table 3

Distribution of answers to the question: «Do you know whether anyone in your immediate family or people close to you and your family fought on the front or behind enemy lines or died (went missing) during the Great Patriotic War?», %

Варианты ответа	Год	
	2010	2018
Да, я знаю об этом из рассказов моих родных	56,6	49,1
Я слышал что-то об этом, но не запомнил	11,7	8,4
Нет, я не знаю об этом ничего	21,9	23,6
Затрудняюсь ответить	9,8	18,9

Как оказалось, среди респондентов, которых мы опрашивали в 2018 г., об этом знает менее половины всех опрошенных (49,1 %). В 2010 г. таких учащихся было 56,6 %. Все остальные старшеклассники указали, что ничего конкретного об этих фактах семейного прошлого им неизвестно: что-то об этом слышали, но не запомнили 11,7 % в 2010 г. и 8,4 % в 2018 г., ничего не знали 21,9 % опрошенных в 2010 г. и 23,6 % в 2018 г. Примерно каждый десятый респондент в 2010 г. и каждый

пятый (!) в 2018 г. затруднились с ответом на данный вопрос. Таким образом, уже сегодня каждого второго из опрошенных нами старшеклассников можно отнести к поколению «не помнящих своего родства». Как не допустить их превращения в полноценное поколение? Очевидно, что одним из первоочередных условий решения данной задачи должен служить социологический мониторинг процессов, которые происходят в молодежной среде.

Заключение

Фундаментальной основой формирования национального самосознания, условием полноценного функционирования общества и залогом его успешного будущего служит историческая преемственность, ведь, забывая великие подвиги своих предков, человек теряет тот самый уникальный патриотический дух, почитаемый и уважаемый во всем мире, который является основой социального благополучия общества, залогом его дальнейшего развития.

Формирование исторической памяти молодежи – сложный и длительный кумулятивный процесс накопления и проявления ее базовых и производных функций в единстве поведенческого, эмоционального и мировоззренческого аспектов. Семья, государство и образовательная сфера оста-

ются ключевыми институтами формирования памяти молодежи о Великой Отечественной войне, что позволяет сделать вывод о наличии устойчивых оснований для ее сохранения и дальнейшего развития.

Людям свойственно забывать прошлое. Однако это не относится к истории Великой Отечественной войны. Несмотря на все предпринимаемые попытки проверки значения одержанной советским народом победы и очернения ее героев, память о войне живет, передаваясь из поколения в поколение. Память о победе, которая объединяет всех нас, необходимо сохранить навсегда. В этом залог нашей свободы и независимости, залог будущего, которое выбирают новые поколения и за которое они будут нести ответственность.

Библиографические ссылки

1. Мазур ЛН. События советского прошлого в исторической памяти современной молодежи: механизмы формирования, поддержания и трансформации. В: Репина ЛП, редактор. *Событие в истории, памяти и нарративах идентичности*. Москва: Аквилон; 2017. с. 308–339.

References

1. Mazur LN. [Events of the Soviet past in the historical memory of modern youth: mechanisms of formation, maintenance and transformation]. In: Repina LP, editor. *Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti* [An event in the history, memory and narratives of identity]. Moscow: Akvilon; 2017. p. 308–339. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.05.2020.
Received by editorial board 11.05.2020.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

УДК 316.422

ПАНДЕМИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАМНЕЗА

Г. П. КОРШУНОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

На базе актуальных условий и общемировых трендов развития представлен вариант авторского анализа социальных последствий пандемии COVID-19. Особое внимание уделено двойной проблематизации социальных практик, вызванной развитием цифровых практик и негативным опытом проживания пандемии на микро-, мезо- и макроуровнях.

Ключевые слова: цифровизация; дигитализация; пандемия; социальные последствия; глобализация; глокализация; безлюдные технологии; удаленные практики; сетевая самоорганизация; крафтовизация.

PANDEMIC AND DIGITALIZATION: EXPERIENCE OF A SOCIOLOGICAL ANAMNESIS

G. P. KORSHUNOV^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

On the basis of current conditions and global development trends, the article presents a version of the author's analysis of the social consequences of the COVID-19 pandemic. Particular attention the author pays to the «double problematization» of social practices caused by the development of digital practices and the negative experience of living a pandemic at the micro, meso and macro levels.

Keywords: digitalization; pandemic; social consequences; globalization; glocalization; unmanned technology; telecommuting; network self-organization; crafting.

Образец цитирования:

Коршунов Г.П. Пандемия и цифровизация: опыт социологического анамнеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:88–91.

For citation:

Korshunov GP. Pandemic and digitalization: experience of a sociological anamnesis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:88–91. Russian.

Автор:

Геннадий Петрович Коршунов – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Author:

Gennady P. Korshunov, PhD (sociology), docent; director.

Банально, но любой кризис (а мир сейчас находится в очень ярком кризисе) чрезвычайно ускоряет все процессы и проявляет все тенденции. Это рубикон: что обречено на разрушение, будет разрушено; чему суждено победить – победит. Понятно, что пандемию мы переживем в любом случае. Главный вопрос – что будет потом.

Сложно анализировать ситуацию, находясь внутри нее, а не снаружи. Еще сложнее, когда процессы не стабилизировались, а только набирают обороты. Когда в мире объявлена пандемия, когда страны одна за другой вводят карантин, когда практически каждый день дает новые антирекорды смертности от вируса, когда «идеальный шторм» заставляет человечество замирать в ожидании тотального локдауна и коллапса...

Анализировать сложно, но нужно. Уже сейчас ясно, что мировая история новейшего времени будет делиться на время до и после коронавируса. Что будет после, зависит от множества факторов как стохастического характера, так и вполне управляемых – врачами, политиками, простыми гражданами. И учеными. Когда я говорю «ученые», я имею в виду не только медиков, но и гуманитариев, ведь, когда пандемия закончится, а она все равно закончится, мы будем жить уже в другом мире. От того, как мы осмыслим опыт COVID-19, будет зависеть то, на каких основаниях будем строить мир, государства и общества «после вируса».

Мне очевидно, что самыми важными, после того как схлынет эпидемиологическая волна, будут последствия с приставкой социо-. Впрочем, социо-актуальны уже сейчас: не только и не столько от государств зависит динамика пандемии, сколько от людей и сообществ, от наших ценностей, установок и практик.

Потому прогнозирование того, что будет потом, равно как и осознание того, что происходит сейчас, должно строиться на понимании того, что происходило «до», какие тренды и тенденции были на плечах колокола развития.

Представляется, что самое важное, с чем мы подошли к концу второго десятилетия этого века, – рост благосостояния цивилизации. Конечно, это в первую очередь касается Запада. Но Всемирный банк говорит, что, несмотря на разницу по странам и континентам, уровень благосостояния растет во всем мире. Ему вторит ВОЗ, утверждая, что растут ожидаемая продолжительность жизни, ее уровень и качество...

О последнем моменте с множеством его индикаторов можно было бы порассуждать как о феномене моделирования постиндустриального промышленного развития, но здесь интересно другое: в развитых странах со второй половины XX в. (или с последней трети, или четверти – не принципиально) фокус внимания переходит с проблемы выживания или наличия жизни на вопросы ее уровня и качества. Это нивелирование критерия прагматики.

Снижение диктата прагматики выживания открывало возможности искать пути к тому, чтобы жить хорошо, а хорошо – оно у всех разное и свое. Развитие производства и экономики (в последнее время главную роль здесь играют, конечно, процессы цифровизации во всех их проявлениях) позволяет строить по-своему разное хорошее развитым государствам вообще и каждому конкретному человеку в частности. Потому во главу угла ставится человек со всеми его слабостями, особенностями, наклонностями, девиациями и делинквенциями; в фокусе внимания не общее и объединяющее, а частное и отличающее (социальный квиллидж). Это база для экономики потребления и экономики впечатлений, феминизма и неолиберализма, постфордизма и дополненной реальности.

Факт: человечество стало жить богаче, дольше и лучше. А к хорошему привыкаешь быстро. И мир действительно привык к тому, что в целом последние 30–40 лет мы живем без больших потрясений, и с каждым годом все лучше и лучше. И, понятно, с надеждой на то, что «все лучше и лучше» будет и дальше.

COVID-19 очень жестко и больно ударил по этому хорошему. Ударил по целым отраслям экономики и социальным институтам, по производственным цепочкам и государственным обязательствам перед обществом, по моделям досуга и повседневным привычкам. Мир переживает возвращение прагматики – прагматики выживания. В *McKinsey* пишут, что население стран Запада, которое не сталкивалось с подобным со времен Второй мировой войны, испытывает невиданный психологический и социальный шок.

В кои-то веки нам, постсоветскому пространству, здесь легче. Наверное. Мы же привыкли к перманентным кризисам «постперестроечного» и «трансформационного» общества. Мы привыкли выживать. Хотя как здесь привыкнуть. Тем более что COVID-19 действительно занес руку над каждым, даже если не лично, то опосредованно – через родителей, бабушек и дедушек. Но над каждым. Может быть, пока кулак COVID-19 занесен невысоко, но усилиями СМИ он с каждым днем будет заноситься для все более сильного удара (я не врач, потому в данном случае говорю скорее как обыватель).

Да, каждое государство по отдельности и все вместе еще долго будут анализировать свой опыт пандемии, выстраивая новые критерии прагматики. Но главный фактор, из которого будет расти будущее, – индивидуальная значимость опыта переживания эпидемии. Это опыт кризиса, который наступил в эпоху благополучия: собственный психологический опыт переживаний и самоорганизации, коммуникативный опыт и опыт кооперирования с ближайшим социальным окружением, опыт взаимопомощи (ее оказания и принятия), самоорганизации на уровне групп и сообществ, прежде всего на мезоуровне – взаимодействия ме-

дицинских организаций, гражданского общества и бизнеса и на макроуровне – опыт (если он будет) сотрудничества государства и общества, опыт (если он будет) взаимного уважения и доверия между людьми и властью в условиях пандемии.

Означенные виды опыта экстраполируются и на сферу межгосударственных отношений. Но здесь сказать что-то однозначно нельзя, все будет зависеть от результатов, которые пока не очевидны. Те государства, которые первыми эффективно справятся с ситуацией COVID-19, будут демонстрировать и диктовать миру новые модели взаимодействия и гражданин – государство, и государство – мир.

Хочется верить, что прагматика выживания сможет выйти за рамки часто суматошного оперативного реагирования на ситуацию, и осознать, что кооперация выгоднее самоизоляции. Что социальная дистанция (к соблюдению которой терминологически ошибочно призывают потенциальных пациентов, путая ее с дистанцией физической) – это не об отчуждении. Это о взаимном уважении и учете потребностей друг друга, о выстраивании общих систем критериев, практик, ценностей и стандартов. Думаю, что на индивидуальном уровне мы к этому придем как минимум на пике пандемии. На уровне государств... Полагаю, раньше: общемировая пандемия приведет к осознанию необходимости скоординированных мер и общего ответа глобального сообщества.

Сейчас среди определенных кругов популярна идея об эпидемиологических доказательствах несостоятельности как паневропейской идеи, так и глобального мира вообще. Дескать, мир побыл глобальным и больше не будет. Но опыт разрушения глобальных связей и торжество протекционизма-самоизоляции человечество уже проходило – во второй четверти XX в. С другой стороны, в последние десятилетия действительно наблюдался опыт угасания глобализационных тенденций: глокализация, финансовые кризисы, миграционные проблемы, торговые войны, волны популизма...

Впрочем, после Второй мировой войны процессы глобализации только ускорились и вышли на новый уровень, чему весьма поспособствовали новые технологические разработки. Сегодня же, когда достаточное количество цифровых моделей и практик не получили широкого распространения по причине ригидности, консервативности и отдельно взятого человека, и различных социально-демографических групп, и корпоративных интересов, тренд самоизоляции и национального протекционизма может быть минимальным. Слишком много того, что связывает континенты, точнее людей на разных участках одной большой, но ставшей такой маленькой Земли.

«Цифра», особенно в условиях карантинных, получит мощнейший толчок к своему развитию. Уже получает, именно ее потенциал формирует кирпичики будущего.

Образовательные ресурсы, развлекательные, культурные – они уже в числе первых, к которым открыт бесплатный доступ для всех. Чем дольше будет карантин, тем быстрее и масштабнее будет принятие новых цифровых моделей.

Сетевая самоорганизация, помощь медикам и старшему поколению еще раз докажут эффективность цифровых практик. Психологи говорят: мало что по силе своего воздействия может превзойти кризисный опыт, тем более опыт оказания помощи, – не получения, а именно оказания, он вообще уникален.

Удаленная работа, опыт ее освоения и реализации введет новый критерий социальной дифференциации. Безусловно, не для всех, но работодатели в любом случае оценят ее действительную рентабельность в нынешних экономических условиях. Кроме экономических преимуществ, здесь важен критерий профессионализма, который будет складываться не только из знаний и умений, но и из волевых качеств, способностей к самоорганизации и, конечно, цифровых компетенций.

Безлюдные технологии, как производственные, так и транспортные, мало зависят от эпидемиологической ситуации и способны преодолевать карантинные занавесы, выстраивая новую логистику мировой экономики. Другой вопрос, что они действительно способны заменить собой добрую часть трудоспособного населения, которому нужно чем-то зарабатывать себе на пропитание. На что будут делать ставку государства, как власть будет договариваться с бизнесом и чем будет обеспечиваться социальная стабильность, большой вопрос.

К проблеме определения альтернатив на государственном уровне, особенно в кризисных условиях недостатка времени и других ресурсов, отмечу, что в ситуации недостатка люди демонстрируют склонность к нерациональному, прагматичному поведению. Жизнь это позволяет. Теоретически в развитых странах можно (было?) вообще не работать. Прагматика выбора исчезает, вернее, эстетизируется. Нет онтологической прагматики, критерии выбора равнозначны. Потому ситуации, когда нужно постоянно выбирать между полюсами, множились к торжеству плюральности. В «эпоху короны» эстетизация выбора сменяется новым прагматизмом, пространство выбора будет сужаться, и то, что государства выстраивают сейчас, – это каркасы будущих социальных и политических институтов.

Представляется, что система координат, в которой нужно будет определяться, складывается из ряда полюсов.

Глобализм и глокализация. Глобализм – это когда мировые бренды есть везде. Почему, например, пару лет назад было неинтересно путешествовать по городам Китая? Потому что города все одинаковые. Если не брать исторический центр, то они все неотличимы: бетонные коробки, машины, люди. И так во всем, начиная от культурных образцов и заканчивая производственными матрицами. Это

с одной стороны, с другой – наращиваются тенденции к глокализации (термин не самый удачный, но тем не менее). Это когда растет внимание к регионализации – к локальному, своему, родному. Идет возрождение европейского национализма, китайской национальной гордости, латиноамериканского популизма, британского консерватизма... И сейчас будет решаться вопрос о том, перевесит тенденция к глобальному или к локальному, победит стремление к объединению или к обособлению.

На повседневном уровне эта антиномия воплощается в выборе установки на индивидуализм или семейные ценности. Тезис о кризисе традиционной семьи в последнее время звучал колокольным набатом с самых разных трибун. Практика подтверждала его значимость снижением количества функций, которые свойственны только и исключительно семье, ростом внимания к проблеме домашнего насилия, количеством альтернативных браку форм долговременного сожительства, размыванием родительских ролей ювенальной юстицией, ростом числа порносайтов и платформ для поиска сексуальных связей без обязательств, свиданий на одну ночь. Мода на социофобию и психологический опыт карантина против грядущих экономических испытаний и практики взаимопомощи – что они утвердят в качестве доминирующей ориентации: индивидуальное самообеспечение или выживание семьи?

Конвейер и крафт. Крафт – ручная работа, конвейер – штамповка. За счет засилья конвейера, этой глобальной одинаковости, ценность отличного – не обязательно сделанного руками, но того, чего больше ни у кого нет, возрастает. Так было всегда, но сейчас растяжка конвейер – крафт становится доминирующей. Крафт в моде, крафт в тренде – от крафтового пива до сделанных своими руками свечек, мыла, пэчворка и пр. Сейчас крафт получает еще один стимул, толчок к развитию и переоценке значимости – самодельное дополняет фабричное в борьбе с вызовами COVID-19. И я не только о повязке, я больше о социальном на повседневном уровне: каждый должен сам сделать свою безопасную сферу жизни, сам помочь себе и другим. Сегодня многое каждый должен *сделать сам*.

И правда, хорошие вопросы: сколько людей смогут взять на себя ответственность за свою жизнь? сколько субъектов организуются для выживания общества? сможет ли общество самосорганизоваться для выживания в условиях пандемии или без государства никак? С одной стороны, неолиберализм ставил под сомнение необходимость государственного присутствия, кибероптимисты утверждали зарю новой демократии, технология распределенных регистров обещала заменить собой многие

функции государства... С другой стороны, авторитарные государства вполне себе существуют, Китай демонстрирует успехи в борьбе с пандемией, киберпессимисты вангуют расцвет тоталитаризма данных. Это полюса горизонтальных систем и вертикальной власти, противостояние самоорганизации и иерархии.

Еще один тренд, правда, скорее размывающий «полюса» – проблематизация традиционных оснований стратификации на фоне новых критериев успешности. COVID-19 усилит акцент цифровизации в переносе внимания с приписанных статусов на достигаемые. В традиционных сферах основной зарабатывания было тело, физическая сила. Из-за разницы в физической силе было различие мужского и женского труда. Когда главная роль отводится умственному труду, то становится неприципиальным телесное различие, если мозг, ум работает хорошо. А в таких условиях абсолютно неважно, в каком теле – мужском или женском, старом или молодом, черном или белом – находится хорошо работающий мозг. Не физическая сила, а способность к инициативе, целеполаганию, самоорганизации становятся принципиальными. И в той или иной степени пандемия и опыт карантинных мероприятий только способствуют закреплению этих новых критериев оценки деятельности и успешности.

Конечно, есть множество других полюсов и точек бифуркации. Цифровизация стремится к реформатированию практически всех устоявшихся моделей, практик и институтов (даже с учетом всеобщей ригидности и возможного эффекта маятника). Пандемия ускорит решения по всем назревшим вопросам (заданные ею темпы будут зависеть от пика экспоненты и вероятности второй волны). И решать будут социальные субъекты всех уровней, не только государства. Жизнь показывает, что разные государства очень по-разному справляются с кризисом, вызванным COVID-19. Китай – централизованно, Россия – посредством попытки возврата к федерализму, по Ирану информации не хватает, а Европа прямым текстом говорит, что государства не справляются, нужна помощь общества, нужна самоорганизация...

Я уже говорил об этом, но замкну круг акцентом на ценностях: наверное, одним из важнейших опытов, который мы вынесем из пандемии, будет сравнение результативности деятельности государств, силовых ведомств, корпораций и прочих иерархических структур, с одной стороны, а с другой – самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур, диалога этих сторон или их противостояния, доверия или конфронтации.

УДК 117.4

ИНСТИТУТЫ НА ПЕРЕПУТЬЕ: СОЗИДАТЕЛЬНОЕ РАЗРУШЕНИЕ ИЛИ РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СОЗИДАНИЕ?

Г. М. БИРЖЕНЮК¹⁾, Т. В. ЕФИМОВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Отмечено, что в настоящее время происходит динамичный процесс изменения множества параметров, присущих ряду социальных институтов на протяжении длительного периода и имевших до определенного момента исторически устойчивый характер. Показано, что во многом эти изменения обусловлены развитием шеринга – явления, которое зародилось в современной экономике в связи с прогрессом в сфере информационных технологий и породило феномен шеринг-культуры. Утверждается, что идеология доступа интенсивно вытесняет доминировавшую на протяжении многих веков идею владения, что особенно заметно среди представителей молодого поколения. Выдвинута гипотеза, согласно которой, с одной стороны, в результате данных процессов наблюдается деинституционализация традиционных сфер социальной практики, с другой – шеринг приобретает признаки нового социального института, своего рода мегаинститута, который изменяет институты традиционные: семью, образование, труд, потребление, отношение к собственности и др.

Ключевые слова: социальные институты; культура; шеринг-культура; шеринг-образование; нетрадиционные формы труда; информационная и знаниевая революция; антропологический прогресс; деинституционализация.

INSTITUTIONS AT A CROSSROAD: CREATIVE DESTRUCTION OR DESTRUCTIVE CREATION?

G. M. BIRZHENYUK^a, T. V. EFIMOVA^a

^aSaint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences,
15 Fucika Street, Saint Petersburg 192238, Russia

Corresponding author: G. M. Birzhenyuk (sct47@mail.ru)

We are witnessing and participating in a very dynamic and powerful process of changing many parameters that have been inherent in a number of social institutions for a long time and have been historically stable up to a certain point. These changes are largely due to the influence of sharing, a phenomenon that originated in the modern economy, has acquired intensive development in connection with the progress in the field of information technologies and has given rise to the phenomenon of «sharing culture». The ideology of access is intensively replacing the idea of ownership that has dominated for centuries. The younger generation is especially susceptible to this. The authors put forward the hypothesis that, on the one hand there's the deinstitutionalization of traditional social practices, on another hand sharing can be seen not so much

Образец цитирования:

Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Институты на перепутье: созидательное разрушение или разрушительное созидание? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:92–99.

For citation:

Birzhenyuk GM, Efimova TV. Institutions at a crossroad: creative destruction or destructive creation? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:92–99. Russian.

Авторы:

Григорий Михайлович Бирженюк – доктор культурологии, профессор; заведующий кафедрой социально-культурных технологий факультета конфликтологии.
Татьяна Викторовна Ефимова – кандидат культурологии, доцент; заместитель декана по научной работе факультета конфликтологии.

Authors:

Grigory M. Birzhenyuk, doctor of cultural studies, full professor; head of the department of social and cultural technologies.
sct47@mail.ru
Tatyana V. Efimova, PhD (cultural studies), docent; deputy dean of the faculty of conflict studies.
efimovatv@gup.ru

as a culture, but as a phenomenon that has the characteristics of a new social institution, a kind of mega-institution that changes traditional institutions: family, education, labor, consumption, property relations, etc.

Keywords: social institutions; culture; sharing culture; sharing education; non-traditional forms of labour; information and knowledge revolution; anthropological progress; deinstitutionalization.

Мы являемся свидетелями и участниками очень динамичного и мощного процесса изменения множества параметров, присущих ряду социальных институтов на протяжении длительного времени и имевших до определенного момента исторически устойчивый характер. Не исключено, что эти изменения происходят под влиянием такого явления, как шеринг. В буквальном переводе (англ. *share*) означает «делиться». Сегодня в это понятие принято вкладывать более широкий смысл – совместное использование, а главное – потребление без владения и по мере надобности. Термин «шеринг-экономика» (*sharing-economy*), т. е. экономика совместного использования, появился примерно в 2000 г., иногда его переводят как «разделяющая экономика», «долевая экономика», «трастовая экономика», «peer-to-peer экономика», «совместное потребление», «экономика сотрудничества и участия».

Вопрос о соотношении базиса и надстройки сегодня во многом потерял актуальность в силу ухода марксизма с исторической арены и изменения понимания роли тех или иных факторов в историческом процессе. Здесь же можно вспомнить эту дихотомию в следующем смысловом поле. Экономика, в данном случае шеринг-экономика, порождает определенный тип сознания и формы поведения. Однако и сама экономика, и конкретные ее формы и тренды возникают под влиянием человеческих потребностей, ценностей и многого другого, что соотносится с понятием «надстройка». В связи с этим вполне достаточно зафиксировать связь шеринг-экономики и культуры, которую можно назвать шеринг-культурой, не уточняя, что является первичным.

Шеринг-экономика – это принципиально новая модель бизнеса, которая построена на формировании и функционировании специализированных онлайн-платформ, с помощью которых люди могут обмениваться самыми различными активами – от кулинарных умений, места в автомобиле, движущемся в нужном потребителю направлении, до квартиры, дома и т. д. Шеринг-экономика растет экспоненциально. В частности, в 2014 г. ее объем оценивался в 14 млрд долл. США, а к 2025 г. предполагается рост до 335 млрд долл. С помощью сервиса *Airbnb*, рыночная капитализация которого составляет 31 млрд долл. США, миллионы людей арендуют квартиры, дома, виллы в любом населенном пункте мира. Капитализация сервиса аренды такси *Uber* – 68 млрд долл. США. Существует значительное

число площадок, которые позволяют коммуницировать между собой автовладельцам и попутчикам. Это, например, *Lyft* – шеринг поездок в Америке, *Ola* – в Индии, транспортный сервис *Grab* в Юго-Восточной Азии и китайский *Didi Chuxing*.

Шеринг-культура – это культура преодоления инстинкта обладания, который сопровождал человека на протяжении практически всей истории его существования – от «возникновения семьи, частной собственности и государства» (Ф. Энгельс). Шеринг-культура – это новая система ценностей, отношений и поведения. Она находится в процессе развития и уже прошла несколько стадий.

Развитие интернета стимулировало возникновение и популяризацию *torrent sharing* – обмена между пользователями компьютерными программами, фильмами, музыкой, художественной, научной и другой литературой в виде электронных текстов. Это все существовало на уровне частных контактов и преимущественно не носило коммерческого характера (типичный пример – самая известная в Рунете «Библиотека Максима Мошкова», созданная в 1994 г.).

Бизнес довольно быстро оценил возможности платформенных технологий обмена, в результате появился *uber sharing*. Были созданы сервисы, благодаря которым миллионы людей во всем мире налаживают сегодня совместное пользование транспортом (*karsharing, ridesharing*), местами отдыха (*timeshare*), квартирами и т. д. Мир на наших глазах превращается в гигантский, всеобъемлющий, весьма удобный и привлекательный пункт проката, где идея доступа оказалась привлекательнее идеи владения.

Современная стадия развития шеринга – *social sharing*. Это не что иное, как обмен социальными статусами. Безусловно, это не сами статусы (как предписанные, так и достигнутые), возможность получить доступ к пользованию определенными атрибутами, которые сопутствуют высоким статусам, и тем самым какое-то время имитировать владение ими. Иными словами, можно «взять в аренду» статус и комфорт. Отныне не нужно тратить годы и десятилетия на то, чтобы заработать на дорогую машину, квартиру в престижном районе, дом. Все это можно заказать на час одним нажатием кнопки в смартфоне. Владение постепенно перестает быть жизненной целью, поскольку появился временный и мгновенный доступ к самым разным благам [1].

Понятно, что включены в эти и другие формы шеринга пока не все. Мировоззрение старшего поколения сформировалось в условиях раздаточной экономики СССР, в обществе модерна, несущем в себе ряд черт традиционного общества, где все было дефицитом. Поэтому у данной категории населения доминирует желание прежде всего владеть. Люди в СССР стремились правдами и неправдами приобрести книги, другие предметы, даже те, которые использовались для определенных целей практически один раз. В итоге дом заполнялся массой ненужных вещей, которые годами лежали без дела, зато у владельцев появилось ощущение владения и определенного преимущества перед другими. Это поколение относится к шерингу в лучшем случае настороженно, в целом выбирает традиционные формы потребительского (и не только потребительского) поведения. Молодежь, выражаясь метафорично, предпочитает приобретать не перфоратор, а отверстия в стене. Она демонстрирует высокую активность в приобщении к благам шеринг-экономики, где идея доступа правит балом.

В 1976 г. Эрих Фромм издал ставшую знаменитой книгу «Иметь или быть» («Haben oder Sein») [2]. Книга была написана как реакция на явление, называемое «общество потребления», сущностной чертой которого был вещизм – центрация на материальной стороне бытия, проявляющаяся в безудержном потреблении вещей, продуктов, природы и т. д. Спрашивая: «Иметь или быть?», – Фромм, разумеется, подразумевал более серьезный концептуальный вопрос: «Владеть чем-то (дипломом, домом, машиной) или быть кем-то, воплощать что-то (мастерство, компетенции, духовные качества)?». Когда книга Фромма вышла в свет, еще были свежи воспоминания о студенческих волнениях во Франции 1968 г. и идеях, питавших это движение. Это была форма протеста нового поколения, попытка прорыва как к свободе мысли, так и к свободе от ценностей буржуазного общества, которые во многом воплощались в деньгах, машинах, вещах. Разумеется, тогда молодежь ответила: «Быть».

Это имело положительный эффект в плане формирования новой идеологии и системы ценностей, но в итоге оказалось, что потребности никуда не исчезают, очень много хочется, очень многое нужно. На этом фоне в конце прошлого века возникла новая концепция: «не иметь, но пользоваться». Многим стало ясно, что «иметь» всегда сопряжено с целым рядом обременений. Жилище необходимо содержать и ремонтировать, за собственность следует платить налоги, вещи занимают место, за ними нужно ухаживать, заботиться о их сохранности и т. д. Владение автомобилем связано с большими расходами на налоги, парковку, ремонт, страховку, охрану и пр. Вместо всего этого потребителю предлагают прокат, причем сама процедура арен-

ды и возврата транспортного средства предельно облегчается за счет платформенных технологий, где используется система удаленных платежей, поиска автомобиля с помощью системы GPS. Все это управляется со смартфона с помощью мобильного приложения. Как отмечает М. Шевчук, «в иерархическом обществе обладание – единственный способ застолбить за собой какое-то место, через собственность получить право на государственную защиту своей пищи и своей жизни. Поэтому история развития социальных институтов в целом представляет собой постоянное стремление обделенных элементов общества – рабов ли, женщин, чернокожих или крестьян – выйти за пределы иерархии и обрести права, для чего необходимо было обзавестись собственностью» [3].

Шеринг-экономика – это отказ от владения, от собственности, а шеринг-культура – это идея сознательного ухода от ответственности. Вся история культуры и цивилизации имела в качестве движущей силы стремление завладеть имуществом, обрести тем самым субъектность и далее взять на себя ответственность перед семьей и обществом. За собственность платились налоги, содержалось государство, налогоплательщик обладал избирательными правами и в итоге отвечал как за благосостояние своих близких, так и за решения, принимаемые властью, которую он избрал. Ответственность сегодня демонстрирует прежде всего значительная часть старшего поколения. Молодежь ныне демонстрирует активное нежелание отвечать ни за что, начиная с семьи и заканчивая государством (возможно, этим объясняется низкий процент молодых избирателей, участвующих в выборах).

Шеринг проник в сферу труда и приобрел здесь различные формы: атипичные, инновационные, нестандартные, прекариатные и др. Он начал вытеснять стандартную систему социально-трудовых отношений, начавшую складываться лишь в конце XIX в., которая на протяжении 100 лет подразумевала полную занятость на рабочем месте, располагавшемся в специально созданных локациях (заводы, фабрики, рудники, стройки и т. д.). Деятельность осуществлялась обязательно под контролем бригадиров, инспекторов и пр., заключался бессрочный трудовой договор, были предусмотрены социальные гарантии для работников, чьи права и интересы защищают специальные законодательные нормы и профсоюзы. Начиная с 1970-х гг. в США и странах Европы, а с 1990-х гг. и в России институт труда претерпевал изменения, которые проявились в социальных условиях. Самого труда становится все меньше, человека все больше заменяют роботы, причем сегодня без участия людей ряд интеллектуальных операций выполняется устройствами, работающими в алгоритмах искусственного интеллекта. Изменились и сами субъ-

екты трудовых отношений (работники и работодатели) и их представления, ценности, структура и содержание.

Это, например, четырехчасовой рабочий день, позволяющий работнику более эффективно трудиться, в чем заинтересован сам работодатель. Причина простая: первые 4 ч работник справляется со своими задачами хорошо, а следующие 4 ч работает существенно хуже. Во-вторых, работодателю выгодно использовать «частичного» человека, потому что у него есть разные задания, смена которых часто идет весьма динамично, и под ситуативные задачи лучше работать с людьми, максимально полезными здесь и сейчас.

Однако во многих случаях шеринг выгоден и работнику, прежде всего потому, что это лучше сопрягается с другими делами: учебой, уходом за детьми, животными, хобби и т. п. Более того, шеринг способствует «слому» традиционного жизненного цикла, который уже давно не устраивает молодежь. Речь идет о том, что на протяжении двух столетий сменялись строго следующие друг за другом жизненные циклы человека и соответствующие доминирующие виды деятельности: получение образования – работа – пенсия (пребывание на заслуженном отдыхе). Во время обучения у человека много потребностей, а денег, как правило, нет. Далее, в период работы у человека есть деньги, но нет времени для реализации своих потребностей и увлечений. А потом, когда наступает возраст пенсии, у него много времени и потребностей, но денег опять не хватает. В связи с этим сегодня люди склонны использовать более гибкие формы занятости, что позволяет лучше удовлетворять свои потребности за счет совмещения нескольких видов деятельности или изменения очередности жизненных циклов.

Если традиционная занятость предполагала накопление ресурсов и дальнейшее преобразование труда в достаток в течение определенного (порой долгого) времени, то шеринг открыл возможность получения благ без значительных затрат времени, которое имеет особую ценность, поскольку представляет собой невозобновляемый ресурс человека. «Мобильность во всех смыслах становится все более важным источником продвижения человека в обществе; здесь имеется в виду не только экономия времени, но и максимальное отсутствие якорей-привязанностей – к жилплощади, к семье, ко всему громоздкому. Количество благ на единицу времени в этом случае становится куда большим – условно, вместо того чтобы долгое время трудиться ради возможности пользоваться роскошным автомобилем, теперь можно, не прилагая усилий, все это время ежедневно ездить на множестве разных роскошных автомобилей. Такая система становится все привлекательнее» [3].

Множество форм нетрадиционной занятости (аутстаффинг, аутплейсмент, заемный труд, временная занятость, дистанционная работа, смарт-стаффинг, неполная занятость, самозанятость, фриланс и др.), возникших в последние годы и охвативших значительное число работников, – это не что иное, как шеринг в трудовой сфере. Еще в 1980 г. Э. Тоффлер в книге «Третья волна» предсказывал, что «в новой экономике будут доминировать такие формы организации труда, как “электронные кооперации”, религиозные и семейные производственные команды, бесприбыльные рабочие сообщества и т. п. При этом значительное количество работников будут работать на дому» [4]. Шеринг сегодня состоит в том, что работодатель старается применить труд сотрудника частично, т. е. ситуативно, под конкретную задачу, под заказ, который нужно выполнить в срок, и т. п. Вместе с тем наниматель, имея доступ к компетенциям работника и используя их, максимально освобождает себя от ответственности за охрану труда, соответствие рабочего места нормативам и пр.

Эти формы во многих отношениях совпадают с интересами молодых людей, которые хотели бы не проводить на занятиях в вузе по 6–8 ч и более, а получать образование в наиболее удобных им формах и ситуациях. Шеринг в этом плане оказывается весьма кстати.

Старшее поколение получало образование в традиционных институционализированных формах (вуз, техникум и т. д.) и понимало, что в дальнейшем вернуться в аудиторию уже не придется, поэтому нужно усваивать материал как можно прочнее сейчас, получать диплом и далее работать по профессии, желательно на одном месте. Сегодня молодежь наблюдает, как отмирают целые группы специальностей. Те же, которые существуют, меняются часто и так быстро, что студенту последнего курса уже полезно забыть то, что он изучал раньше на младших курсах.

Кроме того, известен ряд примеров, когда люди, которые не хотели учиться в институционализированных формах, достигли значительных успехов именно в то время, когда их сверстники усердно посещали учебные заведения. Билл Гейтс, Стив Джобс, Марк Цукерберг, Майкл Делл – все они не имеют университетских дипломов и при этом стали миллиардерами именно за счет эффективной деятельности в высокотехнологичных отраслях экономики.

Шеринг в определенной степени учитывает эти неоднозначные тенденции в образовании и на протяжении последних 20 лет интенсивно осваивает данную сферу. До появления шеринга существовало дистанционное обучение. Создатель данной технологии (и формы) Калейб Филипс в 1728 г. начал преподавать студентам стенографию по переписке.

Дистанционное обучение расширило возможности обучения женщин в то время, когда им был закрыт доступ в высшие учебные заведения. Анна Тикнор создала в 1873 г. общество, которое назвала своим именем – *Ticknor's Society*, цель которого состояла в обучении женщин по почте. Идея дистанционного обучения получила популярность, и ее довольно быстро институализировали. В 1856 г. в Берлине был учрежден институт заочного образования, основатели которого – Ч. Тусен и Г. Ланченштейдт – вели обучение на основе рассылки студентам учебных материалов и контрольных заданий. Учебные курсы *XSeries* от *edEx* до сих пор пользуются высоким спросом в разных странах.

Дистанционное обучение как способ увеличения контингента оценили и университеты. В 1874 г. программу обучения по почте ввел Университет штата Иллинойс (*Illinois State University*), в 1892 г. – Чикагский университет (*University of Chicago*), в 1911 г. – Квинслендский университет (*University of Queensland*) в Брисбене (Австралия).

Шеринг в современном образовании начался с появления многочисленных сайтов по поиску репетиторов для школьников. Затем наблюдался бурный рост предложений на рынке онлайн-образования. Гибридное обучение, совмещающее онлайн- и офлайн-формы, внедрила образовательная организация *Udacity*. Развитие *EdTech*¹ открыло путь для широкого обмена знаниями по всему миру, без привязки к конкретной школе или университету. Все большей популярностью пользуются онлайн-платформы, представляющие собой сборники учебных программ от разных авторов.

В отношении дистанционных форм обучения у педагогического сообщества существует стойкий скептицизм, который выражается во фразе из области народного фольклора: «Заочное образование – это как заочное питание». Сегодня развитие информационных технологий коренным образом меняет институт образования. На протяжении ряда лет авторы данной статьи – практические вузовские педагоги – наблюдают усиление в студенческой среде того, что можно охарактеризовать как шеринг-знания. Студенту что-то нужно узнать, он заглядывает в телефон или компьютер, получает информацию, использует ее и забывает. Широко известно высказывание Б. Шоу: «Если у вас есть яблоко и у меня есть яблоко и если мы обмениваемся этими яблоками, то у вас и у меня остается по одному яблоку. А если у вас есть идея и у меня есть идея и мы обмениваемся идеями, то у каждого из нас будет по две идеи». Шеринг по ряду признаков вносит новое содержание в такой акт обмена. Не будет двух идей, поскольку информация, взятая

для конкретного случая, для решения задачи, не занимает далее место в сознании пользователя, а выталкивается из памяти, потому что хранить ее нет необходимости.

Давно доказано, что если память человека не заполнена информацией, знаниями, логическими схемами, алгоритмами интеллектуальной деятельности, то и мыслительный процесс практически не происходит. Здесь нельзя не упомянуть о недавнем выступлении известного российского психолога А. Курпатова на деловом завтраке Сбербанка в рамках экономического форума в Давосе, отметившего: «То, что мы имеем сейчас, – это, по сути, эпидемия цифрового аутизма. Цифровой аутизм – состояние, при котором молодые люди не могут поддерживать длительный психологический контакт друг с другом. Они не интересуются внутренним миром другого человека. Люди для них фактически стали заменяемы, поскольку они не видят ценности каждого человека в отдельности... Изменение в потреблении информации приводит к тому, что мы наблюдаем четкое разделение мира на умных и глупых. Мы теряем биологические навыки к обучению и хуже учимся – от этого страдает образовательный процесс. Изменения в коммуникациях приводят к цифровому аутизму и усилению цифровой зависимости» [5].

Не стоит сбрасывать со счетов обстановку, в которой осуществляется образовательный процесс, то, что традиционно называлось образовательной средой. Удаленный доступ позволяет воспринимать онлайн-курс в кафе, дома, в парке. Можно параллельно играть в компьютерную игру, смотреть телевизор, общаться, заниматься домашними делами и т. п. Однако доказано многочисленными экспериментами, что при совмещении нескольких видов деятельности в психологическом плане лидирует предметная. Возникают такие гибридные занятия, как еда или уборка квартиры на фоне лекции. Может быть, это соответствует чаяниям студентов? Уверенности в этом нет. Более того, есть исследования, которые показывают, что «чтение лекции под диктовку и доклады на семинарах предсказуемо видятся большинством студентов как отжившие себя формы. Но потребность в живом контакте с преподавателем в аудитории остается для студентов намного ценнее, чем онлайн-обучение, которое они воспринимают с настороженностью» [6]. При этом примерно треть опрошенных студентов считают, что онлайн-курсы должны проводиться редко: студенты хотят развивать личностные умения, которые они не связывают с цифровой средой, такие как лидерство, предпринимательство, работа в команде, управление проектами [6].

¹*Educational technology* – теория и практика проектирования, разработки, использования, оценки процессов и ресурсов для обучения и управления ими.

Есть некоторая статистика, заставляющая задуматься об эффективности дистанционных форм образования. С одной стороны, мировой рынок онлайн-обучения за два года вырос на 238 %: со 107 до 255 млрд долл. США. С другой – средняя доля тех, кто закончил MOOC-курсы (массовые открытые онлайн-курсы), составила приблизительно 15 %. А в целом в США этот показатель находится между 5 и 15 % [7]. По словам Максима Спиридонова – генерального директора «Нетологии-групп», компании *TalentTech*, «у флагамена мирового онлайн-образования *Coursera*, на платформе которого можно найти курсы ведущих российских вузов, средний показатель удержания студентов – четыре процента. То есть всего четыре процента доходят до середины курса. Причем студенты не доходят до конца курсов вне зависимости от того, платят они за них или нет» [8].

Есть и иные, не менее важные аспекты обсуждаемой проблемы. Приходится признать, что три процесса – информационная революция, знаниевая революция и антропологическое развитие – идут пока несинхронно и порой противоречиво. Информационная революция, о которой опубликовано много работ (см., например, [9–13]), проявляется и в увеличении объемов информации, повышении скорости средств ее обработки, совершенствовании методов хранения, облечении и ускорении доступа к ней пользователей, находящихся на практически неограниченном расстоянии, и т. д.

В большинстве работ по проблемам информационного общества понятия «информационная революция» и «знаниевая революция» не дифференцируются и часто используются как синонимы. Однако прогресс в способах и средствах хранения, поиска и передачи информации не гарантирует автоматической положительной динамики в механизмах и объемах порождения нового знания.

Многое говорит в пользу того, что информационная революция не привела к формированию нового общества знания. Скорее, наоборот: в информационном обществе объективно возникает переизбыток данных, которые характеризуются различным качеством, объективностью, полнотой, формами их представления и другими компонентами. Человек, формируемый в этой информационной среде, складывает для себя весьма противоречивую, мозаичную картину мира, и здесь как раз возрастает роль педагога, который бы помог обучаемому сориентироваться в разнородных потоках полученных сведений. Как представляется, информационная революция усилила и обогатила новыми гранями явления, которые были зафиксированы в работах представителей постмодернизма. Речь идет о том, что в условиях «пост...» про-

исходит девальвация центрального компонента просвещенческой модели культуры – знания.

Знаниевая революция как таковая, если приложить к ней оценочные критерии революции информационной, скорее всего, пока не происходит. Знание – это специфический продукт человеческой деятельности (научной, образовательной и др.). Задача образования – сформировать специалиста и прежде всего его когнитивную сферу, т. е. знания. А это предполагает определенную мотивацию обучаемого, наличие целей и задач обучения, профессионализма педагога, системность, этапность, личностный компонент и еще многое другое. Собственно, деформируется и смысл образования, базирующийся на слове «образ». Он создается длительное время на основе обучения и воспитания, общения со сверстниками и педагогами. Именно информация играет в этом относительно скромную роль. Согласно одному из определений, «образование – это то, что остается у человека, когда он забывает все выученное в школе. Остается образ.

Следовательно, информационная революция стала тормозом революции знаниевой в силу того, что сведений много, они фрагментарны, не всегда систематизированы, часто недостоверны, т. е. появляется так называемый информационный шум². По словам Ж. Бодрийяра, мы находимся «во вселенной, в которой становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла»³ [15].

Наконец, относительно антропологического прогресса заметим, что человек в контексте информационной революции не стал мыслить быстрее, запоминать больше (скорее, наоборот), он не стал креативнее и, главное, у него сегодня нет мотивации овладеть знаниями прочно и на всю жизнь. Подспудно человек знает, что всегда можно «погуглить» и найти нужные сведения, советы, рецепты и пр., что знания устаревают быстро и запастись ими как минимум бесполезно.

На горизонте – новая дифференциация общества. Одни будут иметь доступ к знаниям и их носителям в лице профессуры. Это будет некая нетократия [16], обладающая монополией на знания и доступ к ним. Другие – консьюмернат – люди, у которых есть неограниченный доступ к онлайн-курсам, информационным ресурсам и другим шеринговым платформам.

Значит ли это, что нужно начисто отказываться от удаленных форм образования? Видимо, тоже нет. Если не впадать в крайности, шеринг-культура повлияет на образование, но произойдет это не вдруг и не столь радикально.

Шеринг-культура, как показывают наблюдения, активно вторгается в сферу человеческих отношений. В частности, определенная часть молодежи

²Более подробно эти вопросы раскрываются авторами в статье [14].

³Перевод наш. – Г. Б., Т. Е.

считает, что вступать в брак, заводить семью довольно накладно, а проще реализовать некоторые шеринговые варианты. В той или иной мере гражданский брак и так называемый гостевой брак – это тоже варианты шеринга.

Данный процесс начался не сегодня. По мере того как жены и дети переставали быть трудовым ресурсом семьи, происходила атомизация, модификация этого института. Объективно мужчине для достижения ряда жизненных целей стало не обязательным иметь семью, тем более многодетную. Семья в свое время покинула род, поскольку началось формирование иной социальной структуры, шел процесс разделения труда. Сегодня человек игнорирует институт семьи из-за отсутствия мотивации заводить прочные связи и семью. Неслучайно нуклеарная семья стала в общественном сознании совершенно приемлемым явлением, хотя ранее она была объектом порицания со стороны церкви и народной молвы.

По шеринговой схеме строится также классический любовный треугольник: один угол в нем всегда общего пользования. Понятие дружбы тоже претерпело значительные трансформации. Раньше друзья в основном приобретались в юности (школа, вуз, армия) и далее они шли вместе по жизни, поддерживая друг друга, встречаясь, разделяя радостные и драматические моменты в судьбе каждого. И было у человека друзей немного, ими дорожили, их любили (вспомним пушкинское «Друзья, прекрасен наш союз!...»). Сегодня молодые люди имеют по 500–1000 и более друзей в интернете. Стать другом просто: нужно в социальной сети «зафрендиться». Позже есть возможность легко выйти из числа друзей, могут и тебя удалить из этой категории.

Шеринг позволяет удовлетворить некоторые потребности аффективного характера. Например, кошек любят многие, но вместо того, чтобы заводить домашнего питомца, ухаживать и убирать за ним, кормить, лечить, можно сходить в специализированное кошачье кафе, где специально содержат много кошек, которых посетители могут гладить, ласкать, кормить, но затем уходить в свои жилища, где чисто, мебель не повреждена, а главное – нет ответственности за того, кого приручил.

Завершая статью, позволим себе высказать одно предположение, которое, как и всякое иное, не претендует ни на что, кроме проверки и дальнейшего подтверждения либо опровержения.

Фактически сегодня мы наблюдаем ряд процессов, отражающих не что иное, как деинституционализацию труда, образования, семьи и т. д. Много пока обладает характеристиками тенденции, которая все же набирает силу. Миллионы людей вовлечены в нетрадиционные формы занятости, студенты учатся не в университетских аудиториях, семьи мало чем напоминают то, что входило в понятие «традиционная семья». Но это одна составляющая процесса, есть и другая.

Не исключено, что шеринг – это не столько культура, сколько явление, имеющее признаки социального института, куда включено огромное число людей, где есть структуры разного уровня. Шеринг нацелен на распределение самых различных ресурсов и в конечном счете регулирует ряд значимых областей социальной практики. Это своего рода мегаинститут, который изменяет традиционные институты: семью, образование, труд, потребление, отношение к собственности и др. Пока складывается ощущение, что шеринг эти институты деформирует. Тем не менее возможно, что шеринг появился в ситуации, когда традиционные институты перестали в полной мере отвечать складывающимся в соответствующих сферах жизни реалиям.

Йозеф Шумпетер в книге «Капитализм, социализм и демократия» («Capitalism, socialism and democracy») писал: «Строго говоря... революции происходят не непрерывно, а дискретно и отделяются друг от друга фазами относительного спокойствия. Но весь процесс в целом действительно непрерывен, т. е. в каждый данный момент происходит или революция, или усвоение ее результатов» [17]. В этой же работе ученый ввел понятие «творческое разрушение». То, что мы наблюдаем сейчас, рассматривая шеринг в разных областях социальной практики, имеет явные признаки разрушения. Творческое оно или еще какое-то, покажет ближайшее время, и у нас есть уникальная возможность изучать это явление с момента его зарождения.

Библиографические ссылки

1. Разделяй и радуйся: как шеринг-экономика меняет мир [Интернет]. 2020 [процитировано 17 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://vc.ru/future/45102-razdelyay-i-raduyasya-kak-shering-ekonomika-menyayet-mir>.
2. Фромм Э. *Иметь или быть*. Войскунская Н, Каменкович И, Комарова Е, Руднева Е, Сидорова В, Федина Е, Хорьков М, переводчики. Москва: АСТ; 2000. 448 с.
3. Шевчук М. Раздел истории: почему шеринг меняет многовековые устои человечества [Интернет]. 2020 [процитировано 17 апреля 2020 г.]. Доступно по: <https://www.rbc.ru/trends/sharing/5ddb5fb9a7947b17c10888f>.
4. Тоффлер Э. *Третья волна* [Интернет]. Москва: Центр гуманитарных технологий; 2004 [процитировано 22 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4821>.
5. РИА «Катюша» [Интернет]. 2020 [процитировано 3 февраля 2020 г.]. Доступно по: <http://katyusha.org/view?id=13620>.

6. Щеглова Д. *Нас может ждать «антицифровой» откат* [Интернет]. 2020 [процитировано 27 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://iq.hse.ru/news/352986845.html>.
7. Why no one finishes an online course – and why it doesn't matter [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://www.influencive.com/why-no-one-finishes-online-courses>.
8. Спиридонов М. *Ваши курсы не проходят до конца? Вот как это исправить* [Интернет]. 2020 [процитировано 22 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://rb.ru/opinion/ne-zakonchili-onlajn-kursy/>.
9. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Москва: Academia; 2004. 788 с.
10. Белл Д. Социальные рамки информационного общества. В: Гуревич ПС, редактор. *Новая технократическая волна на Западе*. Москва: Прогресс; 1986. с. 330–342.
11. Шеннон К. *Работы по теории информации и кибернетике*. Добрушин РЛ, Лупанов ОБ, редакторы. Москва: Издательство иностранной литературы; 1963. 830 с.
12. Гайденоко ПП. Информация и знание. В: Розов МА, редактор. *Философия науки. Выпуск 3. Проблемы анализа знания*. Москва: ИФ РАН; 1997. с. 185–192.
13. Микешина ЛА. *Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования*. Москва: Прогресс-Традиция; 2005. 464 с. Совместно с МПСИ и издательством «Флинта».
14. Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Информационная революция требует адекватную модель образования. *Инновационное развитие профессионального образования*. 2019;2:12–17.
15. Baudrillard J. *Simulacra et simulations*. Paris: Galilée; 1981. [236 p.].
16. Бард А, Зодерквист Я. *Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма*. Ивашевская Г, редактор. Санкт-Петербург: Стокгольмская школа экономики; 2004. 251 с.
17. Шумпетер Йозеф. *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. Москва: Эксмо; 2007. 864 с.

References

1. Share and rejoice: how sharing economics changes the world [Internet]. 2020 [cited 2020 April 17]. Available from: <https://vc.ru/future/45102-razdelyay-i-raduyasya-kak-shering-ekonomika-menyaet-mir>. Russian.
2. Fromm E. *Imet' ili byt'* [To have or to be]. *Vojskunskaia N, Kamenkovich I, Komarova E, Rudneva E, Sidorova V, Fedina E, Hor'kov M, translators*. Moscow: AST; 2000. p. 448. Russian.
3. Shevchuk M. Section of the story: why sharing changes the centuries-old foundations of mankind [Internet]. 2020 [cited 2020 April 17]. Available from: <https://www.rbc.ru/trends/sharing/5ddb5fb9a7947b17c10888f>. Russian.
4. Toffler A. *Tret'ya volna* [The third wave]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh tekhnologii; 2004 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/4821>. Russian.
5. RIA «Katyusha» [Internet]. 2020 [cited 2020 February 3]. Available from: <http://katyusha.org/view?id=13620>. Russian.
6. Shceglova D. We can expect a «digital» rollback [Internet]. 2020 [cited 2020 March 27]. Available from: <https://iq.hse.ru/news/352986845.html>. Russian.
7. Why no one finishes an online course – and why it doesn't matter [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://www.influencive.com/why-no-one-finishes-online-courses>.
8. Spiridonov M. *Your courses do not pass until the end? Here's how to fix it* [Internet]. 2020 [cited 2020 May 22]. Available from: <https://rb.ru/opinion/ne-zakonchili-onlajn-kursy/>. Russian.
9. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. Experience in social forecasting]. Moscow: Academia; 2004. 788 p. Russian.
10. Bell D. [Social framework of the inform]. In: Gurevich PS, editor. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [A new technocratic wave in the West]. Moscow: Progress; 1986. p. 330–342. Russian.
11. Shannon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on information theory and cybernetics]. Dobrushin RL, Lupanov OB, editors. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1963. 830 p. Russian.
12. Gajdenko PP. [Information and knowledge]. In: Rozov MA, editor. *Filosofiya nauki. Vypusk 3. Problemy analiza znaniya* [Philosophy of science. Issue 3. Problems in the analysis of knowledge]. Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; 1997. p. 185–192. Russian.
13. Mikeshina LA. *Filosofiya nauki. Sovremennaya epistemologiya. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Philosophy of science. Modern epistemology. Scientific knowledge in the dynamics of culture. Methodology of scientific research]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2005. 464 p. Co-published by Moscow Psychological and Social University and «Flinta». Russian.
14. Birzhenyuk GM, Efimova TV. The information revolution requires an adequate model of education. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*. 2019;2:12–17. Russian.
15. Baudrillard J. *Simulacra et simulations*. Paris: Galilée; 1981. [236 p.].
16. Bard A, Zoderkvist Ya. *Netokratiya. Novaya pravlyashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma* [The new ruling elite and life after capitalism]. Ivashevskaja G, editor. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki; 2004. 251 p. Russian.
17. Schumpeter Joseph. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya* [Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy]. Moscow: Eksmo; 2007. 864 p. Russian.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Рыцарский роман, песни-альбы, аллегорические поэмы, любовные бестиарии, овидианская лирика – сколь контрастно яркими выглядят они по сравнению с фоновой аскезой средневековой культуры, где допускаемыми возможностями любви являются единственно агапе и сторге! Но все же самым сияющим перлом этой россыпи по праву можно считать традицию куртуазную, удивительную в силу своей поразительной невписанности в контекст, в силу храброй альтернативности реалиям повседневности, в силу ее потрясающей системности и сложной, необыкновенной концентрации и мощи семиотичности.

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

МЕЖ ТЕМ К ЮГУ ОТ ЛУАРЫ: ЮЖНОФРАНЦУЗСКИЙ РЫЦАРСКИЙ ИДЕАЛ И ФОРМИРОВАНИЕ CORTEZIA

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Посвящена реконструкции процесса возникновения куртуазной традиции, воплощенной в лирической поэзии трубадуров. Анализируются аристократические дворы Южной Франции, в контексте развития которых оформилась куртуазная культура. Центральное внимание уделено социокультурным факторам, детерминирующим ее формирование. Показано влияние феномена средневекового города (в частности, городского менталитета) на развитие куртуазной традиции. Проанализирован процесс аристократизации рыцарства, заложивший фундамент куртуазной культуры. Рассмотрен социальный статус трубадура в системе средневековой культуры.

Ключевые слова: южнофранцузское рыцарство; аристократические дворы; куртуазность; трубадуры; рыцарь и аристократ; аристократизация рыцарства; идеология аристократии; любовная лирика.

Образец цитирования:

Можейко МА. Меж тем к югу от Луары: южнофранцузский рыцарский идеал и формирование *cortezia*. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;2:100–123.

For citation:

Mojeiko MA. Meanwhile, to South of the Loire: Southern French chivalrous ideal and the formation of *cortezia*. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:100–123. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

MEANWHILE, TO SOUTH OF THE LOIRE: SOUTHERN FRENCH CHIVALROUS IDEAL AND THE FORMATION OF COURTESY

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

It is dedicated to the reconstruction of the process of the courteous tradition's emergence, which had been embodied in the lyrical poetry of troubadours. The aristocratic courtyards of Southern France are analyzed, in the context of the development of which a courteous culture had took shape. The focus is on the analysis of sociocultural factors, determining its formation. The influence of the phenomenon of the medieval city (in particular, the urban mentality) on the development of the courteous tradition is considered. The process of aristocratization of chivalry as laying the foundation for the courteous culture is analyzed. The social status of troubadour in the system of medieval culture is considered.

Keywords: Southern French chivalry; aristocratic courts; courtesy; troubadours; knight and aristocrat; aristocratization of chivalry; ideology of the aristocracy; love lyrics.

Два существенно важных момента перед началом.

Во-первых, по оценке известного медиевиста XIX в., учителя истории в последней царской семье, тайного советника и поэта К. А. Иванова, «нигде рыцарство не выразилось в такой полной и яркой форме, как во Франции, отсюда же распространились в Западной Европе многие рыцарские обычаи, – одним словом, для ознакомления со средневековым рыцарством лучше сосредоточим внимание... на Франции... <...> Наиболее характерной эпохой в истории рыцарства являются XII–XIII вв., как период его процветания» [1, с. III–IV]. Это так, потому мы и рассматриваем феномен рыцарства на материале французской культуры.

Во-вторых, по мнению П. Зюмтора, который, соглашаясь с тем, что «явления, более или менее характерные для всей Западной Европы, достигают особой силы во Французском королевстве начала XII века», тем не менее отмечает, что «они по-разному выглядят по ту и по другую сторону Луары: это следствие различий, существовавших между северной (французской) и южной (окситанской) цивилизациями» [2, с. 482]. В силу этого мы дифференцируем рыцарскую культуру на северо-французскую (см. подробнее [3, 4]) и южнофранцузскую традиции.

Итак, пришло время направить взор к югу от Луары.

Уже знакомое нам *вежество* в старопровансальском языке носит имя *cortezia*, куртуазность, включая в свое содержание несколько иные (подчас более богатые) нюансировки и оттенки.

Под куртуазностью, или куртуазией, понимается учтивость (галантность, любезность)¹, но следует помнить, что происходит этот термин от ст.-фр. *court* – двор. Таким образом, речь пойдет об учтивости придворной и, соответственно, о придворной поэзии, которая была распространена при феодалных дворах в XI–XIII вв. и расцвет которой пришелся на XII в.

Что представлял собой этот двор, т. е. каков был контекст, в рамках которого формировалась и развивалась куртуазная поэтическая традиция? Сеньоральный двор данного периода – это обитающие в замке феодал с семьей, его дворня и рыцари-одноштитники, составлявшие дружину хозяина (не будем забывать, что ст.-фр. *court*, в свою очередь, восходит к лат. *cohors* – все сотоварищи военачальника). Здесь и творил поэт-певец (он же и музыкант) – трубадур (ст.-оксит. *trobador*, производное от *trobar* – сочинять, находить новое, изобретать)².

Интересен и тот вектор этимологии слова *трубадур*, который связан с церковной музыкой: *trobador* генетически восходит к *tropator*, т. е. сочинитель тропов – неканонических вставок в литургические тексты [6]. Так и трубадур со своей (ох, какой неканонической для средневековой ортодоксии) поэзией встраивается в христианский контекст.

Начало эпохи трубадуров маркируют творчеством Гильема IX, герцога Аквитанского, VII графа де Пуатье (1071–1126), который официально носил звание *первого трубадура*, а финал – творчеством Гиравта Рикьера (1254–1292), считающегося *последним трубадуром*. Таким образом, всего-то около двух столетий...

¹Термин принадлежит французскому историку Б.-П.-Г. Парису: именно он впервые употребил его в статье 1883 г., посвященной Кретьену де Труа, и впоследствии ввел в широкий оборот [5].

²Не путать с менестрелем! В рассматриваемый период менестрелем, или министералом (от лат. *ministerialis* – слуга, *ministerium* – служитель), называли всех, кто находился на личной службе (в личном услужении) у феодала (ср. *министр* и *служащий* в современном языке). Так мог именоваться и штатный трубадур, но также и исполнитель любой иной обязанности, включая шута и кучера. После XIII в. семантика этого слова сближается с семантикой слова *хуглар* (жонглер), но об этом еще не сейчас...

Впервые слово *трубадур* для обозначения сочинителя-исполнителя использовал трубадур Раймбаут Оранский, и в то время этот термин не указывал на особый социальный статус, но лишь сообщал об умении того или иного певца сочинять новые оригинальные песни [7, с. 55–56].

Это считалось очень важным, поскольку замок, как отмечают историки, был достаточно мрачен: это не дворец, но укрепление со всеми фортификационными функциями, и башня-донжон – его последний оплот [1, с. 3–12]. М. Пастуро описывает замок следующим образом: «Внутрь попадали по лестнице, лесам или мостику, соединенным с парапетом. Однако все эти сооружения были очень простыми: ведь их следовало очень быстро убирать в случае нападения. Именно на втором этаже находился большой зал, иногда со сводчатым потолком, – центр жизни сеньора. Здесь он ужинал, развлекался, принимал гостей и вассалов, а зимой даже вершил правосудие. Этажом выше располагались комнаты владельца замка и его супруги; туда поднимались по узкой каменной лестнице в стене. На четвертом и пятом этажах – общие комнаты детей, слуг и подданных. Там же спали гости. Верх донжона напоминал верхнюю часть крепостной стены своим зубчатым парапетом... <...> Первый этаж, т. е. этаж под большим залом, не имел ни одного отверстия, выходящего наружу. <...> Обычно там находилась кладовая, где хранили дрова, вино, зерно и оружие» [8, с. 36].

Таким образом, по оценке М. Пастуро, «укрепленный замок ничуть не напоминал индивидуальное жилище» [8, с. 35]. Вот как описывает К. А. Иванов интерьер центрального замкового помещения: одна из дверей «ведет в главную залу. Войдем в нее. Как мрачна зала! Да как же и не быть ей мрачной? <...> Главная цель обитателей замка – устроиться возможно безопаснее, вот почему его внутренние помещения представляли так мало удобства» [1, с. 29–30].

Основной чертой жизни в замке была, по оценке М. Пастуро, ее монотонность: «...мужчины скучали за его стенами и старались покинуть его как можно чаще; они выезжали на охоту, турниры или просто в поле. Свои силы они тратили на бесконечные распри с соседями, страстно мечтая о каком-нибудь дальнем походе, который подарил бы им возможность увидеть новые и чудесные горизонты. Женщины ждали их возвращения в неуютном зале донжона, проводя свои дни за вышивкой» [8, с. 38–39]. Именно этой монотонностью повседневной жизни замка объясняется то, что «поистине каждый гость встречался здесь с радостью. Будь это странник, чьи рассказы о путешествиях давали повод помеч-

тать; или жонглер, фокусы и акробатические трюки которого всегда помогают развлечься; или трувер» [8, с. 38–39]. Как пишет К. А. Иванов, «странники в ту пору были самыми желанными гостями в замке, так как они своими рассказами удовлетворяли и религиозному чувству его обитателей, и любознательности их, и вносили свежую струю в их однообразную жизнь» [1, с. 86]. Неслучайно М. Пастуро называет XII в. «настоящим временем гостеприимства» [8, с. 39].

Это так, однако замок замку рознь. Речь идет о дворах Южной Франции (в современной адресации этих территорий, т. е. об исторических областях Окситании, Аквитании и Прованса), которая по тем временам, в отличие от северных регионов, Францией себя не называла, – напротив, это территория, обретшая после распада Каролингской империи независимость от Северной Франции и очень остро ее ощущавшая.

Сами трубадуры называли эти земли Провансом (от фр. *provençe* – провинция), что с римских времен относилось ко всей южной Галлии.

Как видим, здесь есть некоторый терминологический неуют, без разъяснения которого невозможно двигаться дальше: не существует общепринятого термина, который можно было бы рассматривать как название для этих областей в целом (а потому и единого обозначения топографического отнесения куртуазной традиции не сложилось).

Применительно к культуре Южной Франции русскоязычные историки чаще говорят о *провансальской* традиции, западные – об *окситанской*³. И все же *окситанская* предпочтительнее, потому что для этого термина есть основание лингвистического характера. Существует традиция дифференцировать романские языки по такому критерию, как характерная для них утвердительная частица: на юге Франции *да* звучало как *ок*, на севере – как *ойль*; соответственно, язык юга Франции именуют *лангедок* (*langue d'oc, lenga d'oc*), севера – *лангедойль* (*langue d'oïl, lenga d'oïl*). Таким образом, поэзия трубадуров создается именно на *лангедоке*, или старопровансальском⁴, – народном языке, который генетически восходит к латинскому, также как и испанский, итальянский и французский, которые долгое время не имели письменной объективации и воспринимались как просторечные версии латыни. Как пишет М. Блок, «с одной стороны, язык культуры, почти исключительно латинский, с другой – все разнообразие обиходных говоров... таков своеобразный дуализм, под знаком которого проходила почти вся феодальная эпоха» [9]. Собственно, регионообразующим фактором выделения Окситании как исторической области и считается распростра-

³Определение *прованский* (*провансальский*) применяется во франкоязычной литературе лишь к тем феноменам, которые относятся непосредственно к Провансу.

⁴Поэтому куртуазность мы будем обозначать, используя не французское, но именно окситанское написание – *cortezia*.

нение окситанского языка, или лангедока⁵. Отсюда же и название одного из южных исторических регионов: входящего в Окситанию Лангедока с главным городом Тулузой⁶.

Нельзя не отметить, что, слагая свои песни на лангедоке, трубадуры фактически одновременно создавали и сам этот язык: по мнению языковедов, как наддиалектный и литературный он оформляется именно в XII–XIII вв. и именно благодаря творчеству трубадуров [10, с. 6].

Если же говорить о территориальных демаркациях, то фактически «Прованс (Окситания) был четко противопоставлен Северной Франции. Линия раздела проходила и проходит приблизительно по течению реки Луары: к северу от нее живут французы, к югу – сегодня уже офранцузенные провансальцы (окситанцы)» [10, с. 5].

Будем и мы, чтобы не повторять каждый раз приведенные разъяснения, называть эти исторические области *окситанскими*, принимая встречающиеся у различных авторов синонимы⁷ и поневоле употребляя при цитировании такие используемые в литературе понятия, как *провансальская культура* и *старопровансальский язык*.

Интересующие нас территории существенно отличались от Северной Франции. По оценке Р. Перну, «у Аквитании был широкий выход к океану, и порты ее благоденствовали. Бордо с древних времен и Ла-Рошель... экспортировали вино и соль; Байонна стала центром китобойного промысла⁸. Благодаря всем этим богатствам аквитанские герцоги... издавна прославились тем, что вели более роскошный образ жизни, чем французские короли» [12]. Монах той эпохи, хронист Эриже Лоббский писал об этих территориях: «Цветущая Аквитания... сладкая, словно нектар, благодаря своим виноградникам, покрытая лесами, богатая плодами, изобилующая пастбищами...» (цит. по [12]).

По уровню своего развития Окситания существенно опережала иные европейские территории, исследователи оценивают ее как «цветущий экономический и культурный оазис» [13, с. 16].

Вернемся в этом контексте к замкам: во многом связанные с городами, южнофранцузские замки от северофранцузских, хотя и не так уж сильно, но все же отличались. Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, описывая повседневную жизнь во

времена трубадуров, отмечают: «В старых книгах с картинками и современных фильмах трубадур и его слушатели прогуливаются по просторному, с высоким потолком, залу... обогреваемому огромными каминами и освещенному лучами солнца, льющимися из многочисленных стрельчатых окон. Хрупкие томные дамы в высоких остроконечных головных уборах... флиртуют с мужчинами в узких штанах-чулках... Вокруг длинных столов снуют виночерпии и слуги, разносящие на вытянутых руках сосуды с водой для мытья рук и блюда с жареными кабанами и косулями... Очаровательная и слащавая картинка, которую увлеченные Средневековым романтики сфабриковали в XIX столетии...» [6].

Так что «окситанские поэты пели свои кансоны в тесных сумрачных залах» [6].

И быт был совсем не дворцовый: как пишет М. Пастуро, «сидели на общих скамьях, иногда разделенных на отдельные сиденья, на небольших деревянных скамеечках, на маленьких табуретках без спинки. Кресло предназначалось хозяину дома или почетному гостю. Оруженосцы и женщины сидели на охапках соломы, порой накрытых вышитой тканью, или же просто на полу, как слуги и лакеи. Несколько досок, положенных на козлы, составляли стол, на время трапезы его устраивали в центре зала. <...> Сотрапезники садились с одной стороны, оставляя другую свободной для подачи блюд. Мебели было немного: кроме сундуков, в которые как попало пихали посуду, домашнюю утварь, одежду, деньги и грамоты, иногда имелись шкаф или буфет... Часто подобную мебель заменяли ниши в стене, завешиваемые драпировкой» [8, с. 38].

Соответственно, не были особо изысканными и манеры: «...даже князья ели из оловянной и глиняной посуды. Не было ни вилок, ни ложек, нож зачастую подавался один на двоих. Жидкие и полужидкие кушанья слуги наливали в блюда с ушками, также обычно рассчитанные на двоих, и соседи по столу отхлебывали по очереди. Рыбу, мясо и твердую пищу подавали на широких кусках хлеба, пропитанных соусом или соком. Ножом их разделявали на куски, а затем руками отправляли себе в рот» [8, с. 46].

По оценке Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «воссесть за праздничным столом сеньора, где подавали различные сорта мяса и изысканные

⁵Окситания (историческая область) // Википедия [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Окситания_\(историческая_область\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Окситания_(историческая_область)) (дата обращения: 12.03.2020).

⁶Что касается современного варианта окситанского языка, его используют в повседневной жизни около 2 млн человек. Его литературную норму филологи-окситанисты пытаются воссоздать с 1930-х гг., когда в Тулузе было учреждено Общество окситанских исследований (*Societat d'Estudis Occitans*). Именно диалект Лангедока положен в основу этого *эталонного окситанского языка*. На окситанском издаются газеты и книги, его изучают в университетах юга Франции; однако, несмотря на усилия ученых, на сегодня, как отмечают филологи, «практической нормы, признанной повсеместно и одобренной большей частью языкового коллектива, не существует» [10, с. 6]. В этом плане современный окситанский язык, по оценкам языковедов, «существует скорее виртуально, чем реально» [11, с. 42].

⁷Как, например, в последней цитате.

⁸В XII в. китобойный промысел велся в Бискайском заливе, омывающем берега Франции и Испании.

соусы, мастерски приготовленные поварами на кухне замка, доводилось далеко не многим и достаточно редко. <...> Впрочем, в своей повседневной жизни тогдашние аристократы были привычны к резким переходам от изобилия к скудости» [6].

В чем же тогда отличие южнофранцузского замка от северофранцузского? Да вот как раз в них, в трубадурах, а именно в их наличии, т. е. в характерном для окситанской традиции потребности в их искусстве: не столько в стремлении к блеску и роскоши (а оно не могло не возникнуть рано или поздно на фоне процветающей торговли), сколько в понимании роскоши как блеска художеств.

Р. Перну приводит принадлежащее мэтру Васу, канонику Байё, описание двора короля Артура, которое, как она полагает, достаточно верно изображает двор герцога Аквитании Ричарда Львиное Сердце:

На выбор яркие таланты:
Певцы, жонглеры, музыканты:
Прекрасны древние напевы,
А эту песнь для милой девы
Певец придумал лишь вчера...⁹ <...>
Тимпаны, лиры и свирели,
Симфонии, псалтирионы,
Бренчанье колокольцев, стоны
Рожков и однострунок трели...
Все веселились, как умели:
Кто декламировал поэму,
Кто задавал беседе тему,
Хоть были и другие гости:
Тем карты подавай, иль кости... [14, с. 31–32].

Определяя аристократический двор, Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо называют его прежде всего «щедрый и веселый» [6]. Щедрость означает, что хороший сеньор «без счета раздает лошадей, оружие, украшения и одежду, оказывает приезжающим достойный прием, окружает себя музыкантами и поэтами и вознаграждает их щедро и по достоинству» [6]. При этом достойное содержание двора может быстро разорить хозяина замка: известно, что после 1150 г. задолженности сеньоров резко возрастают [6].

И, разумеется, «жизнь не мыслится без пения и танцев; радость, не исключаящая ни любовной тайны, ни любовной тревоги, получает свое выражение в лирических стихах, воспевающих ценности, не имеющие ничего общего... с супружеской моралью, освященной Церковью» [6].

Фактически речь идет о формировании особого образа жизни, основанного на радости (ст.-оксит. *joi* – радость, веселье, утеха). Это понятие является

очень важным и столь же многоаспектным в куртуазной системе отсчета, и мы к нему еще вернемся, но сейчас речь идет о непосредственном его значении, предполагающем радостное чувство жизни и яркое, острое и позитивное ее восприятие. Мы же помним: двор не только щедрый, но и *веселый!*

Таким образом, по оценке Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «на юге Франции при дворах сеньоров-мирян постепенно утверждается новое искусство жить» [6]. О новом «искусстве жить, принятом у южан»¹⁰, говорят и солидные энциклопедические издания Франции [15, р. 101–104]. М. Зюмтор также определяет куртуазию как «искусство жизни и морального изящества; вежества в поведении и складе мысли» [2, с. 484–485].

Любовь не просто входит в это искусство – она является для него краеугольным камнем, альфой и омегой.

И, чтобы завершить разговор о топографии, надо сказать, что как таковой феномен придворного поэта-певца, сформировавшись в Окситании, не был уникальным для Южной Франции: биографии трубадуров изобилуют рассказами о путешествиях от двора ко двору, в том числе и далеко за пределами юга Франции, благодаря чему «провансальские литературные вкусы и нравы всячески распространялись», в частности, в поэзии отчетливо прослеживается ««провансализирующая» аристократическая линия»¹¹. Северофранцузский аналог трубадура – *трузвер* (*trouver*), итальянский – *траваторе* (*trovatore*), германский – *миннезингер* (ср.-верх.-нем. *minnesanger* – певец любви). Так что уже в начале XII в. куртуазная среда существовала не только в Окситании, но и в Нормандии, Фландрии, Англии, у норманнов Палермо и даже в Святой земле [2, с. 483].

Однако наиболее пышным цветом (а главное – наиболее системно) поэзия трубадуров расцвела именно в названных южных областях современной Франции. И это понятно: чем богаче и пышнее аристократические дворы, тем большее место отводится в их жизни проявлениям роскоши, а поэзия в лице трубадура в то время именно к таковым и относилась.

Итак, быть трубадуром – не статус, но умение. В этом контексте встает вопрос о месте трубадура в социальной иерархии, и ответ на него очень прост: оно могло быть любым. Трубадур мог являться и монархом (Ричард Львиное Сердце – герцог Аквитанский, граф де Пуатье, ставший в 1189 г. королем Англии), и владетельной особой (например, уже упоминавшийся Гийом Аквитанский¹², чьи владения были во много раз больше, чем владения фран-

⁹Значит, певец – именно трубадур, так как речь идет об оригинальном тексте, придуманном к okazji.

¹⁰Здесь и далее перевод мой. – М. М.

¹¹Трузверы // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Трузверы> (дата обращения: 10.02.2020).

¹²Ричард Львиное Сердце – его правнук.

цузского короля Филиппа I; Раймбаут Оранский, один из самых могущественных сеньоров Прованса; Бертран де Борн, правитель Перигорда; Джауфре Рюдель, правитель Блайи), и просто аристократом (Рэмбаут д'Ауренга, Гильем де Сант Лейдьер, Арнаут Даниэль, Пейре Карденаль), и обедневшим дворянином (Раймбаут де Вакейрас), и представителем духовенства (каноник Пейре Карденаль, бенедиктинец Монах Монтаудонский, приор Монтаудонской), и выходцем из купеческой семьи (сын генуэзского купца Фолькет Марсельский), и нотарием – писцом (Арнаут де Марейль), и просто горожанином (Гаусельм Файдит, Пейре д'Альвернья), и ремесленником (портной Гильем Фигейра, сын тулузского скорняка Пейре Видаль, сын суконщика Аймерик де Пегильян) и простолюдином (сын придворной истопницы Бернарт де Вентадорн, сын рыбака Пердигон, Маркабрюн – найденный у ворот замка подкидыш), и даже – страшно сказать! – женщиной (графиня Де Диа)¹³ [16, с. 501–502], – важно было именно умение слагать песни.

Но при этом, однако, поэзия трубадуров выражала идеологию верхушки аристократического общества. И идеологией этой, как и в целом применительно к рыцарству (см. подробнее [3; 4; 17; 18]), стало отношение к любви. Как писал Ю. А. Веселовский, «одним из самых ярких выражений мирозерцания, выработанного рыцарством и сменившего собой более суровый и грубый дух собственно феодального периода, является куртуазная лирика» [19, с. 454]. Фактически, по формулировке Р. Перну, «феодальное общество поэзией завоевывало свое право на благородство и само было завоевано благородством через поэзию» [14]. И, надо сказать, поэзия эта не может быть определена иначе, нежели как любовная лирика, – и это, конечно, принципиально ново для средневековой культуры.

Следует отметить, что в Окситании не было столь сильно влияние Овидия, как на севере, где школьная латинская ученость, по оценке М. Лазара [20, р. 14–15] и К. Льюиса [21], была распространена гораздо более широко. Однако южнофранцузское рыцарство столь же сильно нуждалось в воплощении своего идеала. Ф. Энгельс отводил «южнофранцузской – *vulgo* провансальской – нации» важнейшее место в «создании феодального рыцарства», полагая, что она «стояла во главе европейского развития» и «ее поэзия служила... недостижимым образцом для всех романских народов...» [22, с. 378].

Несмотря на типологическую общность северофранцузской и южнофранцузской рыцарских традиций, окситанская культура имеет свою ярко

выраженную специфику как с точки зрения жанровой формы репрезентации, так и в плане аксиологической парадигмы содержания. Оценивая рыцарскую культуру в целом, А. Д. Михайлов отмечает, что «жесткая система кодифицированной рыцарской культуры все же не устраняла нюансов и оттенков (если не противоборствующих тенденций)» [23, с. 428].

Как мы знаем, северофранцузским вариантом литературной презентации рыцарского идеала выступает авантюрный роман (см. [3]), южнофранцузским – любовная лирика трубадуров. И если в рамках северофранцузского романного канона куртуазная система ценностей лишь перспективно обозначается, то в южнофранцузской версии рыцарского мировоззрения она обретает центральное и практически исчерпывающее значение. В силу этого поэзия трубадуров не может не стать предметом пристального интереса при реконструкции эволюции представлений о любви в европейской культуре.

Роль трубадуров в развитии этих представлений трудно переоценить. Традиция куртуазной поэзии и в целом расцвет аристократической придворной культуры XI–XII вв. вполне мог бы быть назван Окситанским ренессансом – по аналогии с Овидианским и другими *малыми ренессансами*, о которых мы уже говорили [24]. Это порождает особую культуру, причем культуру, завязанную на феномене любви. По мнению А. Г. Наймана, «трубадуры создали не только замечательную поэтическую культуру, но и своеобразную культуру любви», возвысив любовное переживание до степени искусства [25, с. 7]. Р. Перну даже утверждает, что вообще как таковая «любовь была изобретена в XII в.» [26, р. 134]. Что ж, в чем-то можно и согласиться.

Главный вопрос, однако: какая любовь? Что понимали под любовью окситанские поэты? Какова она, куртуазная любовь¹⁴, и по каким причинам такая идея зародилась в культуре? С экстравагантной точки зрения К. Льюиса, очевидной причины нет, потому как «возникла она совершенно внезапно в конце XI века в Лангедоке» [21].

Причины, конечно, есть, но, действительно, на формирование куртуазной модели любви оказало определяющее влияние сочетание целого ряда социокультурных факторов, каждый из которых уникален, а их совпадение во времени и пространстве уникально вдвойне. Каковы же эти факторы?

1. Далекий вассалитет. Южнофранцузская рыцарская культура, будучи культурой придворной, развивалась в контексте максимальной независимости аристократических дворов.

¹³Трубадуры, труверы, миннезингеры. [Интернет]. Филолог [процитировано 14 февраля 2020 г.]. Доступно по: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm#trbpoets>.

¹⁴Термин принадлежит французскому историку Б.-П.-Г. Парису [5]. Современники трубадуров этого выражения не употребляли, называя куртуазную любовь *bonne amor* (прекрасная любовь), *vraie amor* (истинная любовь) и главным образом *fine amor* (любовь утонченная) [8, с. 70].

Как известно, большинство южнофранцузских аристократов были вассалами короля Арагонского [27, с. 275]. Это значит, что, располагаясь на окситанских землях, по подчинению своему аристократические двory относились к королевству, локализованному на территории современной Испании, что фактически выводило Окситанию из-под непосредственной региональной юрисдикции.

Иногда вассалитет бывал и двойным, и даже тройным: например, трубадур Гиравт де Рикьер из Нарбонны служил и виконту Нарбоннскому, и королям Французскому и Кастильскому [28]. Так что на практике такой вассалитет оказывался фактически номинальным.

В целом ацентричность и отсутствие единой иерархии зашкаливали: нередко одна сторона улицы городов принадлежала одному сеньору, а другая – другому, со всеми атрибутами самостоятельности [29, с. 3].

Как известно, у семи нянек... Соответственно, не было жесткого присмотра и за аристократическими дворами Окситании.

П. Зюмтор говорит даже о своего рода «относительной изоляции» окситанской культуры, которая стала возможна благодаря «удаленности от королевской власти», и о развитии «местных автономных центров»: двор в результате оформлялся как своего рода «замкнутый моральный мир, внутри которого возникают особые формы обмена, основанные на своеобразных ценностях» [2, с. 482].

Не менее важное значение имела и удаленность от власти церковной, о чем мы поговорим, как выражаются дикторы на телевидении, *прямо сейчас*.

2. Религиозный индифферентизм и катары. Независимость придворной культуры Окситании проявляет себя не только в сеньориальном плане, но, что гораздо более важно, и как своего рода светская эмансипация по отношению к церковному влиянию.

М. Пастуро даже полагает, что «первые появления в литературе “куртуазной любви” в самом начале XII века явились своего рода реакцией на религиозную мораль и обусловлены желанием изменить нравы и, возможно, саму область чувств. <...> Вместе со святым Бернаром церковь XII века опиралась на цитату из святого Иеронима: “К чужой жене всякая любовь постыдна; к своей она должна быть умеренна; тот изменяет, кто слишком горячо любит свою супругу”. Первыми против этого учения выступили именно лангедокские поэты» [8, с. 70].

Почему же такая тенденция возникла именно на окситанских землях и именно в рассматриваемый период?

Разумеется, окситанскую культуру ни в коей мере нельзя назвать ни атеистической, ни антиклерикальной. Однако в самом христианском умонастроении южнофранцузского региона можно усмотреть весьма существенную специфику.

Характерное для Окситании активное взаимодействие аристократической (придворной) и городской культур в целом создавало благоприятные условия для развития специфически религиозной и вообще мировоззренческой свободы.

И. С. Филиппов указывает на «сравнительную земельную бедность южногалльской церкви, которую особенно сильно затронули секуляризации VIII в.», отмечая, что «доля бенефициальных земель в вотчине Сен-Виктор де Марсель... много меньше, чем в крупных монастырских вотчинах Северной Галлии» [30, с. 192–193].

Бурное экономическое развитие региона привело к тому, что, по формулировке А. Г. Наймана, в окситанском мировоззрении формируется тенденция «евангельскую заповедь “отдавать кесарю кесарево, а божье богу”... истолковывать не в изначальном уступительном смысле (то небольшое, что ему положено, отдайте кесарю, все же остальное богу), а напротив, в расширительном: богу отдается только божье, в остальных же сферах следует руководствоваться собственными законами» [27, с. 280].

Перейдем от экономики к политике.

Анализируя эволюцию неортодоксальной составляющей средневекового мировоззрения, М. Покровский пишет о Южной Франции: благодаря развитию городов «здесь на первое место выдвинулись светские, холодно-политические интересы; эти интересы заставляли иногда города становиться на сторону папы... но в общем они должны были охлаждать религиозное усердие; громадная для средневекового человека пропасть между праведником и еретиком понемногу сглаживалась: состояние, принадлежность к известной партии, политические способности более принимались в расчет, чем религиозные убеждения. Отсюда замечательное равнодушие городских капитулов к еретикам» [31, с. 659–660].

По оценке Н. А. Осокина, выдающегося эксперта XIX в. по южнофранцузской истории интересующего нас периода, специально исследовавшего развитие ересей в этом культурном регионе, «в самом религиозном убеждении граждан и дворян совершалось некоторое брожение, поддерживаемое патриотической литературой, легкостью нравов, богатством, тяжелым впечатлением от неудачи крестовых походов, в успех которых прежде так слепо верили» [32, с. 76].

Кроме того, нельзя забывать, что на культурный контекст юга Франции оказывали также влияние «близость арабской Испании, Востока», а также «разношерстные массы людей, постоянно передвигавшиеся по дорогам Окситании», – эти обстоятельства, как отмечает Е. Морозова в предисловии к работе Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, способствовали формированию в окситанском обществе «атмосферы веротерпимости и своеобразного социального согласия» [6].

В целом исследователи говорят об «ограниченном влиянии церкви» в этом регионе [2, с. 483].

Безусловно, подобная обстановка приводила к определенной деформации ортодоксального мировоззрения, а именно к оформлению в менталитете идеи варибельности и, следовательно, относительности религиозных ценностей.

В итоге духовная атмосфера южнофранцузского региона фактически характеризуется выраженным религиозным индифферентизмом. Известно, например, что «евреи в Окситании могли исповедовать свою веру и занимать любые должности в тогдашней системе управления» [6]. В XII в. в Южной Франции существовало более 40 различных сект, представляющих собою отклонения от ортодоксии практически во всех возможных направлениях (особенно силен был еретический вектор, приведший позднее к формированию францисканства).

Н. А. Осокин говорит даже о существовавшей в тот период «возможности образования в тогдашней католической церкви нескольких новых церквей, как позднее в эпоху Реформации» [32, с. 6]. Иоанн Арсеньев непосредственно рассматривает неортодоксальные движения этого периода как реформационные [33, с. 133–145].

Разумеется, подобная установка на свободу мысли в значительной степени была обусловлена (а главное – обеспечена) тем обстоятельством, что, как мы помним, иерархия вассалитета не связывала южнофранцузских сеньоров с французским королем, но уводила в Арагонское королевство, так что Окситания выпадала из-под всех векторов местного подчинения, в том числе и из-под непосредственного церковного контроля, в силу чего последний переставал быть пристальным.

Наиболее радикальным порождением этой атмосферы религиозного плюрализма явилась ересь катаров (от греч. *καθαρός* – чистый), сформировавшаяся в Лангедоке и охватившая затем весь юг Франции и Арагон (термин возник позднее, в качестве самоназвания в текстах катаров использовалось словосочетание *добрые люди* в значении ‘добрые христиане’ [34, р. 373–386]).

Генетически учение катаров восходит к позднеантичному гностицизму и манихейству, доктрина которых строилась на основе дуалистического тезиса о жизни мира как борьбе извечных начал добра и зла (света и мрака) [35, с. 301–304]. Звучат в нем и отголоски дуалистических учений павликан и богомилов [36]. Кроме того, катаризм «вписывается во всеобщее движение евангелического обновления, охватившее в XII и XIII веках весь христианский мир» [6].

Если на севере Франции (Бургундия, Фландрия, Шампань и др.) катары подвергались вполне ожидаемому преследованию, то население Лангедока не видело в них еретиков, а светские власти даже защищали их от церковных властей [37–39].

В нашем контексте важен следующий аспект учения и миропонимания катаров. Рассматривая материю и все материальные взаимодействия как воплощения зла и мрака, катары к этой категории относили и все проявления сексуальности как нечто грубо телесное. Запретный плод в русле этого подхода трактовался именно как запретное общение мужчины и женщины. В этом смысле грехопадение выступает в катаризме непосредственно в виде *luxuria*, и именно этот первородный грех составляет quintэссенцию мирового зла. Согласно учению катаров, сам сатана дал человеку устройство тела, соответствующее плотскому греху, посредством чего и обрел над людьми тотальную власть. По их видению, грехопадению библейской пары предшествовало сексуальное общение сатаны с Евой, от которого, в частности, родился Каин. В рамках такого подхода дальнейшее распространение человеческого рода есть следствие сатанинского искушения, и оно постоянно совершается через тот же самый грех, по силе скверны тождественный греху прародителей. По мнению катаров, беременная женщина находится на особом попечении дьявола, и, более того, именно он производит в ее утробе плоть от плоти [33, с. 133–145].

Приход в мир Христа, в соответствии с этой общей позицией, трактуется нетрадиционно: Мария якобы не родила его, но послужила специфическим мостиком для проникновения его небесного тела в земной мир, – Христос вошел в нее через ухо словом истины и сошел с уст словом благодати. Победоносное завершение борьбы света со тьмой будет иметь одним из своих следствий отсутствие разделения полов в небесном Иерусалиме [33, с. 133–145].

На практике такая аксиологическая парадигма вылилась в требование строжайшей аскезы: с точки зрения самого строгого средневекового суда катары полностью оправдывают звание *чистых*, которым наградила их история. Посвященные никогда не позволяли себе даже рукой дотронуться до женщины, включая собственную мать [32, с. 228]. Катары резко осуждали таинство брака, фактически узаконившего, по их мнению, греховные отношения между мужчиной и женщиной, и выступали за безбрачие: неопит давал соответствующий обет, от женатого требовалось расторжение супружества [32, с. 142].

В течение нескольких десятилетий (конец XII – начало XIII в.) катары и трубадуры возвращаются в од-

¹⁵Известно, что среди трубадуров были катары, например уроженцы Тулузы Аймерик де Пегильян и Гильем Фигейра, но это скорее исключение, нежели правило. Многие трубадуры вступали в цистерцианские монастыри, т. е. становились членами ордена, возглавившего впоследствии борьбу с ересью катаров [6].

ном и том же обществе, при одних и тех же дворах, не оказывая при этом практически никакого влияния друг на друга [6]¹⁵.

Но все это до поры до времени. К исходу первого десятилетия XIII в. Лангедок становится объектом пристального внимания римских понтификов: на их взгляд, «именно этот край был наиболее заражен еретическими верованиями, и именно там необходимо дать им решительный отпор» [40, р. 427–444]. Аббат из монастыря в Клерво Анри де Марси оценивает Лангедок как «гиблущую землю, где, словно в клоаке, собираются, клубятся и множатся нечистоты ересей» (цит. по [41, р. 103]).

Ортодоксальная церковь весьма активно берет за борьбу с катарами. В 1145 г. Тулузу посещает сам святой Бернар, дабы публично посрамить еретиков, в 1165 г. проводится официальный публичный диспут при большом скоплении народа. Но все это не помогает. Более того, по свидетельству цистерцианского монаха Жоффруа Осерского, бывшего очевидцем проповеди святого Бернара в Тулузе, эти *серьезные мероприятия* отнюдь не были восприняты окситанцами серьезно: «...на диспуты между католическими и катарскими проповедниками собиралась многолюдная аудитория: рыцари и дамы, горожане и селяне были одинаково охочи до этих, небывалых прежде, словесных турниров», и само «присутствие мирян создавало атмосферу беззаботности и ненавязчивого антиклерикализма, свойственную куртуазным собраниям» (цит. по [6]). Происходящее воспринималось исключительно как развлечение. При этом «защитники ортодоксального учения не всегда понимали, что опасные постулаты религии катаров во многом воспринимались как интеллектуальная игра слов, столь распространенная при куртуазных дворах» [41, р. 59–67], – опять же, не более того: не ересь, но изящная словесная игра, своего рода флирт с текстом, даже при том, что этот текст – Писание.

Церковь меняет тактику: борьба с катарами входит в насильственную стадию и завершается так называемыми Альбгойскими войнами¹⁶ – под этим именем вошел в историю специальный крестовый поход против ереси, объявленный в 1209 г. (впервые против внутреннего врага!) и фактически приведший к возникновению первой инквизиции.

Безусловно, эти масштабные действия имели поводом не интерпретацию таинства брака, но размах ереси (по данным инквизиции, в начале XIII в. в Лангедоке насчитывалось более 40 тыс. катаров) и причины территориально-политического характера. В итоге в период с 1209 по 1240 г. южнофран-

цузские земли, как сообщает Ж. Мадоль, подверглись четырем крестовым походам из Северной Франции [42].

Однако объективно – самым фактом своей борьбы против катаров – церковь практически выступала против абсолютизации аскетизма, что также не могло не повлечь за собой некоторой переакцентировки ценностной шкалы массового сознания Окситании, придавая ему ориентацию, в рамках которой любовная лирика выступала вполне приемлемой формой манифестации рыцарского идеала.

3. Специфика городского менталитета: привычка к двуплановости бытия. Среди важных факторов, повлиявших на оформление южнофранцузской культуры (с той степенью толерантности, которая оказалась для нее характерна), можно назвать особый статус южнофранцузских городов. По мнению экспертов, с точки зрения городского развития Окситания занимала передовое положение в Западной Европе конца XI – начала XII в., что равно проявлялось и в экономической, и в социальной сферах [43].

В целом если в IX в. европейские города живут как города феодальные, т. е. принадлежат сеньорам практически как земельный надел, то к XI–XII вв. их положение меняется.

Интересующий нас период является «героическим временем коммунальных революций»¹⁷, когда города борются за вольности и независимость от сеньора, – возникают города-коммуны с выборными должностями, собственным законодательством, вооруженными силами и т. п.

Собственно, центры окситанского региона (Тулуза, Монпелье и др.) и прежде относились к тем городам, которые, развиваясь «на окраинах феодального мира», не испытывали «большого давления имперских властей»¹⁸. Соответственно, и коммунальное движение в этом регионе протекало иначе: южнофранцузские города добились независимости достаточно рано (именно к интересующему нас моменту), причем, в отличие от городов севера Франции, быстро и без кровопролития. Появляется то, что получило наименование *свободные города (villes franches)*.

Характеризуя коммунальность как ведущую тенденцию эволюции южнофранцузских городов, Н. А. Осокин отмечает, что «то была организация республиканского городского самоуправления, общинного строя городской жизни, породившая настолько же политическую свободу народа, насколько религиозную, в такой же степени развила его экономические силы, в какой содействовала

¹⁶В термине *альбгойцы* ошибочно были объединены катары и современные им предпротестанские вальденсы: Рим назвал тех и других общим именем – по названию южнофранцузского города Альби, где размещалась одна из активных катарических церквей [32, с. 107].

¹⁷Средневековая европейская урбанизация [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/47968/politekonomiya/srednevekovaya_evropeyskaya_urbanizatsiya (дата обращения: 21.12.2019).

¹⁸Там же.

развитию всех духовных сил, – словом, явление, оставляющее жизнь и блеск средневековой истории» [32, с. 57].

По оценке экспертов, «развитие промышленности означало развитие городов, которые в XII–XIII веках начали утрачивать свою прежнюю роль военных укреплений и административных центров, поскольку теперь они жили полнокровной жизнью торговых и промышленных центров» [44, р. 107].

Это важно в нескольких проекциях.

Во-первых, «все эти новшества вызывают глубокие перемены в ментальности дворян, до тех пор чисто военной и крестьянской. Более того, благодаря им двор становится средоточием традиций интеллектуальной, книжной культуры, разбросанных на протяжении двух веков по всему пространству былой империи Каролингов» [2, с. 482–483]. Именно влияние городской культуры (городской контекст) трансформирует уклад жизни аристократического двора (см. подробнее [3]), сдвигая его от грубости и плоских шуток пирующих воинов к изысканности певцов-поэтов, причем высокий уровень независимости и вследствие этого культурного развития городов делает эту тенденцию весьма ощутимой.

Во-вторых, городская культура как таковая вообще отличается достаточно большой степенью свободы. В городском праве, дарованном императором Фридрихом II городу Гослару (1219), содержится фраза: «Городской воздух делает свободным» [45, с. 142]. В XII в. оформляется «право городской черты»: например, «если какой-либо мужчина или женщина пробудет беспрепятственно в городе Бремене в пределах того, что в просторечии называется Weichbild'ом (городская черта. – М. М.), в течение года и дня, и если кто-либо после этого вздумает [пожелает] оспаривать его свободу», то надлежит «наложить молчание на жалобщика» [45, с. 143]

Воздух города делал свободным не только простолюдина, но и рыцаря, задавая принципиально иную систему оммажа, а именно вассальную зависимость, когда сюзереном выступает не персонально тот или иной феодал, но город: личное услужение фактически превращается в общественное служение, что много значит в плане ощущения вассалом чувства собственного достоинства (см. подробнее [3]).

И именно провансальский Авиньон выступает здесь первой ласточкой: уже с 1129 г. он пользовался коммунальным самоуправлением¹⁹, а в начале XIII в. (1220) выступал сюзереном для двух рыцарей, которые присягали ему на вассальную верность за земельные наделы [46, с. 116].

И, в-третьих, подобный вольный город меняет один очень важный нюанс в восприятии мира носителем средневековой культуры, причем меняет достаточно глубоко – на уровне сознания повседневности. Город фактически создает новый мир, полностью обустроенный, и обустроенный иначе, нежели сельский мир или мир аристократического замка: иное (локальное) законодательство, иное (локальное) административное устройство – в целом иная (тоже локальная) организация жизни.

Радикально меняется даже восприятие времени. По образному выражению И. О. Шайтанова, отныне ритм жизни города отмеряется «не церковными колоколами, но звоном монеты»: «...единственная на первых порах стрелка» городских часов на ратуше²⁰ показывала уже «иное время – время деловых людей, время купцов» [47, с. 154].

Уклад города фактически противостоит привычному феодально-сельскому укладу.

Это светский мир, который оказывается весьма далеким от церковной модели мира: в этих условиях, по оценке И. О. Шайтанова, «неизбежность противостояния была заложена в самой природе двух культур: *церковной* и *городской*. Каждая из них была *универсальной* по своему характеру, т. е. охватывала все стороны бытия, всю иерархию жизненных отношений, строящихся на противоположном заданном основании» [47, с. 157]. Если ранее «город в Европе, пришедший в упадок вместе с падением Рима, без сожаления был... провожаем как град земной, уступающий место граду Божию», то «теперь град земной возрождался и восстанавливал прежнее противостояние с еще большей очевидностью и напряжением» [47, с. 157]

Городская среда расцветает и зовет, но и среду церковную никто не отменял: в этих условиях человек с неизбежностью вынужден «жить в двух измерениях, в двух системах ценностей» [47, с. 159].

Надо сказать, что эта эксплицитно проявившаяся ситуация в принципе не нова для Средневековья: пусть и неосознанно, но подобным навыком носитель средневековой культуры владел всегда. Известно, что в восприятии Средневековья пространство – это система локусов [48, с. 38–83], каждый из которых может быть устроен по различным законам: в моем феоде – одно, а там, за лесом, может, и драконы водятся, и чудеса случаются, – рассказывают же о них странствующие рыцари и паломники в Святую землю...

А. Я. Гуревичем показано, что принцип локальности отражен даже в средневековой юридической практике: например, земли «в пределах ограды» (*innangardz*) и земли «за оградой» (*utangardz*) – это

¹⁹Авиньон // Древние города [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ancientcity.ru/goroda-frantsii/avinon.html> (дата обращения: 17.12.2019).

²⁰И. О. Шайтанов комментирует это обстоятельство следующим образом: «Большой точности пока что не знали, и, возможно она не требовалась для людей, привыкших ориентироваться по солнцу и по колоколу церковной службы, совершая вечный круговорот природного цикла или по-христиански всматриваясь вперед в ожидании конца света» [47, с. 154].

с точки зрения скандинавского права принципиально разные земли [48, с. 42–43].

Мало того, локальность может быть рассмотрена не только как черта *топографического* сознания Средневековья – ее можно обнаружить и в сфере аксиологической. Разве нет? Коль скоро человек после мессы бестрепетно, без страха и сомнения встает в хоровод вокруг майского дерева с его языческой символикой (и при этом с чистой совестью чувствует себя добрым христианином), такой человек, безусловно, умеет переключаться с одной системы ценностей на другую, даже если и не отдает себе отчета в этом умении.

В нашем контексте важно, что инспирирование культурным фоном такой способности задает своего рода тренинг этого своеобразного мировоззренческого навыка: успешно существовать в нескольких параллельных мирах – мирах, никак не пересекающихся, но одинаково пригодных для жизни. Просто нужно поменять очки (видение и понимание контекста) и начать руководствоваться другими правилами, не оглядываясь на правила того мира, откуда ты только что шагнул в этот, не сравнивая их между собой и не задаваясь вопросами. Эта способность, перешедшая в привычку, оказалась очень полезной (выражаясь математически, она необходима, но не достаточна) для создания куртуазного мира, правила которого уж никак не вписывались ни в одну из освоенных культурных сред, ни в один из привычных, обжитых миров.

4. Рыцарь как штатский: аристократизация рыцарства. Немаловажным фактором формирования старопровансальской лирики явилось также и то, что южнофранцузская рыцарская культура сложилась не только как светская (не церковная), но и фактически как штатская (не военная). Мы помним, что изначально феномен рыцарства формировался как воинский, – рыцарство конституировалось как «всадники войны» и «кавалерия Европы» [49]. Однако с течением времени статус рыцарства существенно менялся. Это универсальная тенденция, но применительно к Окситании она имеет и некоторые нюансы.

Так, эта тенденция во многом связана с тем, что история южнофранцузских территорий в течение длительного времени не знала опустошительных войн.

Кроме того, на территории юга Франции (и именно в интересующий нас период) оформляются такие особые феномены, как *Божий мир* (*Pax Dei*) и *Божие перемирие*. Как пишет М.-А. Поло де Болье, «движение за Мир Божий... зародилось в Аквитании... на которую не простерлась власть французского короля, и далее распространилось к северу» [50]. Церковь активно выступала против *частных войн* (как между низшими вассалами, так и между крупными землевладельцами), которые, по оценке М. Пастуро, «представляли собой нескон-

чаемые раздоры, приводившие к опустошению деревень и перераставшие в откровенный разбой» [8, с. 55]. Оно и понятно: естественное следствие феодальной раздробленности...

В этом контексте церковь принимала «назидательные меры, дабы уменьшить разрушительные последствия этих войн. <...> Подобные меры объединялись в две большие группы: Божий мир и Божье перемирие. Предполагалось, что Божий мир должен защищать тех, кто не участвовал в военных действиях (священнослужителей, женщин, детей, землепашцев, паломников, торговцев), а кроме того, общественно значимое имущество (церкви, мельницы, рабочий скот, урожай)» [8, с. 55]. К XI в. (1030–1040) движение за Божий мир привело к формированию Божьих перемирий, которые запрещали ведение военных действий в определенные периоды года и дни недели, «предназначенные для более интенсивной религиозной жизни» [8, с. 55]. Имелись в виду периоды «с вечера среды до утра понедельника (как напоминание о страстях Господних), и в период церковных богослужений на Рождество, Пасху и во время молебна об урожае за три дня до Вознесения» [50]. Тем самым, как пишет М. В. Иванов-Борецкий, «с вечера среды до утра понедельника не дерзал никто из смертных ни отнимать что-либо у кого бы то ни было смертного, ни удовлетворять свое мщение какому-либо врагу» [29, с. 3].

Таким образом, Божий мир и Божьи перемирия «сдерживали произвол и насилие рыцарей-грабителей, обеспечивая охрану самым незащищенным и не имеющим оружия социальным категориям... обеспечив тем самым сохранность урожая сельскохозяйственных культур и винограда» [50].

Постановлением Церковного собора Прованса (1041) эти перемирия были санкционированы официально; с течением времени число дней, охватываемых Божьими перемириями, проявляло явную тенденцию к увеличению (см. [29, с. 3]).

Нарушение Божьего мира или Божьего перемирия считалось особо тяжким преступлением, за него предавали особому суду и даже отлучали от церкви [8, с. 55].

Единодушие людей в этом вопросе привело к возникновению целого народного движения: в 1035 г. епископ Буржа предложил верующим от 15 лет и старше вступить в лигу, призванную стоять на защите интересов мира; такая лига была создана и просуществовала на юге Франции вплоть до XIII в. (см. [50]).

Кроме запретов, налагаемых церковью, имелись также ограничения, обусловленные временем года (зимой военных действий не вели), состоянием атмосферы (бой прекращался с началом дождя), суточным ритмом (ночью сражения не проводились); имели место также конкретно-окказиональные «ограничения, исходившие от высочайшей королевской власти» [8, с. 55].

Длительные мирные периоды, безусловно, вызвали вполне определенные сдвиги в исходной оценке доблестей рыцаря как воина.

Однако эти сдвиги имели и более глубинные социокультурные причины.

Прежде всего это касается соотношения феноменов рыцарственности и аристократизма. Это различие точно описал Ж. Флори, показав, что на протяжении всех Средних веков «судьбы аристократии и судьбы рыцарства постоянно пересекались» однако эти два слова никогда «не были синонимами», и их значения никогда «не были эквивалентными» [51, р. 199–213]. Рыцари никоим образом не были тождественны аристократам [52, с. 431–437; 53, с. 98; 54]. По справедливой оценке Ж. Ле Гоффа, «средневековый рыцарь, как по авантюристности своего характера, так и за неимением наследственного титула, отличался от аристократа» [28]. Однако при этом по столь же справедливой оценке М. Блока, «предками многих знатных сеньоров» также «были, вполне возможно, авантюристы, начавшие с нуля» [9].

К интересующему нас моменту принципиальная разница между рыцарями и аристократами определяется таким критерием, как наличие/отсутствие земельной собственности: либо ты владеешь землей, либо нет. Именно это задает различие в статусе: *landlord* – аристократ, рыцарь – служивый. Вплоть до X в. рыцарь – просто воин-министериал, несущий военную службу; соответственно, именно воинские доблести от него и ожидалось. По оценке Ж. Флори, в рамках этого периода «рыцари – это прежде всего солдаты» [51, р. 200]. Первоначально рыцарь и обозначался латинским словом *miles* (солдат), воин [55, с. 36–46].

Собственно, к началу XI в. рыцарство не было даже оформлено как отдельный социальный институт: согласно модели общества, сформулированной в XI в. Адальбероном Ланским и Герардом Камбрийским, существовало три группы (три порядка) людей: молящиеся (*oratores*), воюющие (*bellatores*), и работающие (*laboratores*) [52, с. 432; 53, с. 97–98]. Фактически различие между аристократией и рыцарством не фиксируется: и те и другие входят в группу *bellatores* [56].

Это позволяет некоторым исследователям сделать вывод о том, что, «в IX – начале XI в. рыцари были низшими представителями господствующего класса» [57].

Однако рыцарство не является ни классом, ни сословием. Здесь есть три существенных нюанса.

Нюанс первый, хронологический: к началу XI в. указанное деление уже не работает и может считаться устаревшим. Как пишет М. А. Поло де Болье, «трехчленная схема, разработанная Герардом Кам-

бийским и Адальбероном Ланским, поделившая средневековое общество на три разряда: молящихся, сражающихся и трудящихся, не прошла испытания временем и более не соответствовала эволюционным процессам, зародившимся в XI в.» [50]. А именно эти процессы все и меняют.

Нюанс второй: феодалом рождаются, рыцарем же нужно стать. Как пишет М. Пастуро, «в строгом смысле слова, рыцарь – это любой мужчина, владеющий оружием и прошедший церемонию специального посвящения» [8, с. 27]. Посвящение в рыцари, или акколада (от фр. *accolade* – объятие: после церемонии глава ордена обнимал посвященного [58, с. 287]), – своего рода критерий демаркации врожденного статуса аристократа и обретенного статуса рыцаря.

Да, аристократом нужно родиться, рыцарем же можно стать. Однако из общественной памяти еще не истерлось, что поначалу и сама «феодалная аристократия не была в принципе замкнутой: она могла пополняться снизу»: как пишет И. М. Гревс, простолюдин проникал в ее ряды в силу получения земельного надела (становясь вассалом) и возведения в рыцари, «приобретая эти два существенные признака знатности, он становился благородным» [59].

Нюанс третий, о благородстве: важно, что не одно лишь посвящение делает рыцаря рыцарем. По оценке М. Блока, происходит «превращение “благородных” по факту в “благородных” по праву» [9]. Обретение этого права связано с возможностью ведения и ведением определенного образа жизни, о котором мы уже упоминали. Он должен соответствовать *благородным* стандартам (фактически еще складывающимся и потому достаточно неопределенным). Как пишет М. Пастуро, «быть лишь посвященным – недостаточно для истинного рыцаря; необходимо еще следовать определенным правилам и вести особый образ жизни. Таким образом, рыцари – это не юридический класс, а специфическая социальная категория или, выражаясь современным языком, сообщество “профессионалов” конного боя (единственного эффективного способа военных действий вплоть до конца XIII века), умевших вести ту особую жизнь, каковой предстала жизнь рыцаря. Теоретически рыцарство считалось доступным каждому получившему крещение: любой рыцарь имел право сделать рыцарем того, кого он считал достойным, вне зависимости от происхождения и социального положения» [8, с. 27]. По точной формулировке М. Блока, «эта знать не стала сословием посвященных, она осталась и останется классом образа жизни» [9]²¹.

Таким образом, принадлежность к аристократии и вхождение в рыцарство – феномены, оформ-

²¹Например, применительно к женщине «благородной... считалась та, которая не подходила ни к печи, ни к корыту, ни к мельнице» [9].

ляющиеся по совершенно различным критериям. Потому формально здесь допустимы варианты: можно быть аристократом и рыцарем одновременно; можно быть аристократом, не будучи рыцарем; можно быть рыцарем, к аристократии не принадлежа. Но это формально, на деле же критерии принадлежности к аристократии и рыцарству исторически переплетаются, создавая достаточно сложные конфигурации.

Центральным узлом, вокруг которого эти конфигурации завязываются, является понятие благородства.

Относительно термина *благородный* (лат. *nobilis*) М. Блок пишет, что с IX по XI в. он достаточно часто встречается в документах, но «употребляется... не в точном юридическом смысле, а как оценка какого-либо события или мнения, как критерий с очень подвижным смыслом», означая самые разные реалии – от хорошего происхождения до богатства [9]²².

Фактически, по мнению М. Блока, «с некоторого момента стало возможным говорить о социальном сословии благородных, а еще точнее, о благородном образе жизни, так как нравы и обычаи этого сословия определялись как наличием богатства, так и возможностью распоряжаться другими» [9]. В этой системе отсчета важно также и то, что, по оценке М. Блока, воинская служба «была совместима с самым придиричивым пониманием свободы»: даже состоя на службе, рыцари были «вольные люди», и «поскольку в пестром окружении сеньора роль вооруженной свиты и советчиков господина была почетной», постольку рыцари-вассалы воспринимались как аристократы: «...их... отличали от остальной толпы, именуя высоким титулом “благородных”» [9].

С одной стороны, источником благородства мог выступать наследственный феодал: «обладание земель известного типа облагораживало человека» [59]. Но, с другой стороны, и «рыцарское звание... приносило честь и славу» [8, с. 28], тем самым делая статус рыцаря необходимым для благородства, – он становится привлекателен для аристократии. Упоминания о церемонии акколады начинают встречаться в источниках именно с интересующего нас периода – с XII в. [62, с. 12], и это важно, поскольку в процедуре посвящения может быть усмотрен принципиально важный аспект: рыцарское достоинство становится фактически почетным титулом.

Таким образом, согласно мнению Е. Н. Щепкина, «во Франции знатными людьми считались собственники знатных земель, т. е. феодалов... вторым

признаком знатности сделалось допущение к посвящению в рыцари» [63].

Фактически «посвящение знатного юноши (сына феодального владельца) в рыцари было как бы признанием его совершеннолетия», в результате чего, по оценке И. М. Гревса, вообще «все владельцы феодалов становились рыцарями [59]²³. М. Блок также отмечает «превращение права на посвящение в рыцари в наследственную привилегию» [9].

В итоге, как пишет П. Зюмтор, «военная функция рыцаря, освященная повсеместно распространенным в ту пору ритуалом посвящения в рыцари, становится почетной, порождающей добродетель – по крайней мере в идеале» [2, с. 482]. В обрисованном контексте акколады фактически выступала, по мнению Л. Женико, своего рода инструментом, фиксирующим то обстоятельство, что аристократ является рыцарем, но и рыцарь – аристократом [64].

Тогда где же грань? И чем больше аристократов посвящаются в рыцари, тем более прозрачной эта грань становится, практически стираясь до неразличимости.

Этот вопрос занимал уже теолога из Пальмаде-Майорки Рамона Льюля, *доктора озареннейшего* (*doctor illuminatissimus*), автора первой попытки концептуализации феномена рыцарства – «Книги о рыцарском ордене» (1276). По его мнению, «между дворянином и рыцарем есть несомненная связь и близость; ибо дворянин прежде всего хранит доставшийся ему по наследству кодекс чести, а рыцарь неукоснительно соблюдает свод правил и установлений. <...> Отсюда следует, что... если посвятить в рыцари человека, дворянином не являющегося, неизбежно возникнет противоречие между дворянином и рыцарем» [65, с. 102]. Однако «устав рыцарского ордена позволяет принимать в рыцари человека и не древнего рода, в том случае, если он по своему нраву и своим поступкам того заслуживает» [65, с. 102–103]. В это контексте прелестно в своей наивности простодушное замечание Рамона Льюля: «Обязанности рыцаря настолько благородны, что все рыцари должны были бы быть владельческими сеньорами; беда лишь, что на всех рыцарей владений не хватит» [65, с. 84]. А потому аристократизм рыцаря опирается на его «душевное благородство» [65, с. 89], и «если простые смертные должны воздавать почести рыцарю, то долг рыцаря перед самим собой и себе подобными неизмеримо выше» [65, с. 131].

²²М. Блок отмечает также то обстоятельство, что этот термин используется чаще всего не в абсолютном, но в относительном смысле: *nobilior* – благороднее, чем сосед [9]. Это любопытно в контексте результатов, полученных парижской школой анализа дискурса в постмодернизме (М. Пёше, Ж.-Ж. Куртин, К. Фукс): такое не прямое употребление существительного свидетельствует о неустоявшейся (или нестабильной) социальной оценке обозначаемого им феномена [60]. П. Серию отмечает в этом контексте тотальное доминирование косвенных падежей над именительным в употреблении слова *коммунизм* в советской прессе [61].

²³Хотя, разумеется, нельзя забывать, что «полноправность давало ему только получение феодала» [59].

Этот долг заставляет рыцаря вести особый образ жизни, к которому обязывала *передача оружия* и который не вполне четко определен, однако включает в себя очень многое: от высоких статусных привилегий («...рыцарство сообразно с привилегированностью, а привилегированность – с достоинствами монарха и короля, отсюда следует, что рыцарь должен пользоваться привилегированным положением» [65, с. 130]) до утонченности («...если благодаря душевному благородству рыцарь превосходит людей, которые отдали себя под его покровительство, то ему должны быть свойственны благородные нравы и учтивые манеры» [65, с. 118]).

И, разумеется, Рамон Льюль не забывает о том, что для ведения этого благородного образа жизни необходимо соответствующее обеспечение: «Быть избранным, иметь коня, доспехи и быть господином еще недостаточно для того, чтобы претендовать на высокую честь принадлежности к рыцарству, ибо рыцарь нуждается также в оруженосце и стремянном, которые заботились бы о нем и о его конях. Необходимо также, чтобы кто-то пахал, перекапывал землю и выпалывал сорняки, дабы давала она плоды, которыми питаются рыцарь и его кони; следует ему также ездить верхом, вести жизнь сеньора и находить усладу в том, что приносит тяготы и заботы его подданным» [65, с. 79–80]. Последнее особенно мило...

Но при этом, конечно, как мы знаем, «рыцари обязаны служить опорой вдовам, сиротам и убогим» [65, с. 90].

Такой вот образ жизни – благородный, утонченный, блестящий, основанный на свободе, богатстве и власти (возможности распоряжаться другими), предполагающий доблесть, честь и славу, веселый, щедрый и не просто эксплуататорский, но еще и эксплуататорский с изюминкой, с блеском и огоньком.

Связь рыцарства и аристократизма, по определению Рамона Льюля, обоюдозначима: с одной стороны, поддержание рыцарского образа жизни гарантируется поручительством «преемственности старинной чести», т. е. собственно наследственным дворянством; с другой – также и «честь монарха или любого иного вельможи должна быть в ладу с честью рыцаря» [65, с. 130].

Рамон Льюль упоминает монарха в этом контексте не случайно: по оценке Ф. де Пюи дю Кленшана,

к XII в. титул рыцаря становится «почетным отличием, обязательным даже для королей» (см. [66]). Классическим образцом такого короля-рыцаря, несомненно, может считаться Ричард Львиное Сердце (1189–1199), – он же, кстати, и один из самых прославленных трубадуров. Фактически аристократия как бы укрепляет свой аристократизм статусом рыцаря.

Таким образом, ни наследование феода, ни посвящение в рыцари – одно без другого – полного букета не являло: каждое необходимо, но лишь оба вместе достаточны. Тем самым оба упомянутых критерия знатности – владение землей и статус рыцаря – фактически соединяются воедино: аристократ должен одновременно и являться владельцем феодалом, и быть посвященным в рыцари. И увязывается это в единый комплекс особым образом жизни (соблюдением неписаного канона): именно для соответствия этому канону необходимы и наследственный аристократизм, и рыцарская доблесть, подтвержденная акколадой.

Фактически именно посредством *благородного образа жизни* аристократ обретает рыцарственность, рыцарь – аристократизм.

Соответственно, с течением времени в самосознании рыцаря не могли не происходить серьезные трансформации относительно собственного статуса. Развитие рыцарской культуры, пропитывание идеей рыцарственности всей аксиосферы Средневековья приводит к новой оценке ситуации: по формулировке Ж. Ле Гоффа, «рыцарство видело, что его блеск сияет все сильнее, притягивая аристократию» [28].

Это с неизбежностью приводит к тому, что происходит, как пишет А. Я. Гуревич, постепенное «превращение раннесредневековых *milites* в рыцарей “классического” Средневековья», что выражалось «в обретении ими высокого социального достоинства и выработке элитарного самосознания» [67, с. 172].

Само слово *рыцарь* понимается уже не как простой солдат, но как *chevalier* (от фр. *cheval* – лошадь) – благородный воин-всадник [59]²⁴. В этой системе отсчета «стать рыцарем означало сравняться с “благородными по рождению”» [9].

Более того, хотя рыцарство никогда не было наследственным, но, по оценке С. И. Луцицкой, с середины XII в. рыцари рекрутируются почти исклю-

²⁴Боевой конь – неотъемлемый атрибут благородного рыцаря, невозможно представить последнего пешим. Как пишет Рамон Льюль, «коль скоро конь – самое благородное из всех животных, способное как нельзя лучше служить человеку, то его и решили предоставить человеку, выбранному среди других людей, и назвали этого человека рыцарем», таким образом, «наиблагороднейший человек был обеспечен наиболее благороднейшим животным» [65, с. 77], и потому в рыцарский орден вступают «наиблагороднейшие люди, обладающие наиболее благороднейшими конями» [65, с. 79], и вообще «рыцарь без коня не может выполнять рыцарские обязанности» [65, с. 100]. Описывая печати сеньоров Южной Франции, выполненные до второй трети XIII в., Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо отмечают, что «практически на всех владельцы их... могущественные сеньоры, изображены верхом» [6]. Рыцарский конь делит все перипетии жизни хозяина: в «Жизнеописаниях трубадуров» говорится, что «Пейре Видаль весьма был огорчен смертью доброго графа Раймона Тулузского и впал в великую печаль, и облачился он в черное платье, а всем своим коням обрезал хвосты и уши» [68, с. 175].

чительно среди сыновей рыцарей [56]. Как пишет М. Пастуро, с середины XII в. «рыцари пополняли свои ряды почти исключительно за счет сыновей рыцарей и, таким образом, образовывали наследственную касту. <...> К 1200 году рыцари – это уже в основном сеньоры или сыновья сеньоров. <...> Так что рыцарское звание уже практически не рассматривается как личностное, а становится наследственным качеством, доступным лишь высшим слоям аристократии. С этого времени и начинается процесс слияния рыцарства и аристократии» [8, с. 28].

Таким образом, если в начале XII в. рыцарь – это еще воин-министериал, то к концу XII в. он уже аристократ, а рыцарство в целом – привилегированная элита, аксиологически почти не отличимая от аристократии; именно с этого времени в источниках на смену всаднику-шевалье появляется термин *ordene de chevalerie* – *рыцарский орден* [59, с. 11], и шевалье понимается как *кавалер* – аристократ²⁵.

Таким образом, история рыцарства постепенно приводит к тому, что оно практически смешивается со знатью [51, р. 204; 69]. К XIII в., по формулировке Ж. Ле Гоффа, «благородное “объединение” элитных воинов... стало элитистской корпорацией знатных рыцарей, после чего, уже к концу Средневековья, трансформировалось в братство особ знатного происхождения с почетными свойствами»²⁶ [28].

И по мере того, как описанный процесс набирает силу, самосознание рыцарства требует все больших подтверждений своего аристократизма. Никто ведь не забыл, что аристократом все-таки нужно родиться, причем на своей (унаследованной, родовой!) земле...

Тем более что с течением времени описанный канал пополнения аристократии был перекрыт, так как «против такого свободного притока извне боролось выработывавшееся корпоративное чувство», и к концу XIII в. пути проникновения во дворянство были «если не окончательно закрыты, то сильно стеснены», – тем самым и «рыцарство сделалось исключительным правом семейств, знатных по происхождению»²⁷ [59]. Более того, попадая

(посредством покупки или получения в дар) в руки небогатого хозяина, сама «феодалная земля теряла свои благородные признаки», а с XIV в. даже подлежала подати [59].

Отсюда – особый, педалированный и слегка напыщенный блеск рыцарской культуры (подчас и мистический, как это всегда бывает при претензии на отсутствующий реально аристократизм): по оценке А. Я. Гуревича, «несмотря на очевидное расхождение между действительностью и поэтическим ее преображением», описанное превращение рыцаря в аристократа «неизбежно сопровождалось процессом героизации и мифологизации рыцарского сословия, нашедшим свое отражение в “королевских зеркалах”, генеалогиях знатных родов, рифмованных хрониках, рыцарских романах, *chansons des gestes*, поэзии труверов, трубадуров и миннезингеров» [67, с. 172].

Пьер Боннасси даже полагает изучение средневекового рыцарства как такового методологически проблемным; его двухтомник пронизывает мысль о том, что мифологические компоненты источников практически невозможно отличить от отражающих реальное положение дел [72].

Разумеется, это не могло не наложить своего отпечатка на лирику трубадуров. Как пишет Ж. Ле Гофф, поэзия трубадуров аксиологически фундирована «аристократическим идеалом “искусства жить”, который включал учтивость, утонченность нравов, изящество, но при этом еще и рыцарскую честь» [28]. И, как мы помним, далеко не только это...

Идеология окситанского рыцарства, воплощенная в культуре южнофранцузских аристократических дворов и объективированная в куртуазной лирике, – абсолютный прецедент описанной аристократизации.

В силу этого нельзя не признать, что столь же абсолютным образцом поэзия трубадуров может служить и при демонстрации отмеченных героизации и мифологизации: большой ошибкой было бы почитать эту традицию дескриптивной в отношении современных ей практикуемых отношений и нра-

²⁵Кавалер // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Кавалер> (дата обращения: 17.12.2019).

²⁶Этот вопрос обрел новое звучание в новоевропейской культуре: в XVIII–XIX вв. происходит своего рода романтизация фигуры рыцаря, что находит свое отражение в искусстве [70]. Посвящение в рыцари становится лишь декоративным ритуалом, а рыцарское достоинство – почетным титулом, приобретаемым в конце карьеры [71]. В системе наград Великобритании рыцарство является почетным званием, дающим своему обладателю, в числе прочего право титуловаться *сэр* (см.: Рыцарство // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рыцарство> (дата обращения: 23.12.2019); Британская система наград // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Британская_система_наград#Современные_рыцарские_ордена (дата обращения: 17.01.2020)). Лица, посвященные королевой в рыцари, но не входящие в организованные рыцарские ордены Соединенного Королевства, носят титул *рыцарь-бакалавр* (см.: Рыцарь-бакалавр // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Рыцарь-бакалавр> (дата обращения: 17.01.2020)). Актуален этот вопрос и для новоевропейской Франции [71].

²⁷Любопытно, что параллельно (к середине XII в.) перекрыт был в Европе и канал перехода в рыцарство новых слоев несвободного (или свободного, но не военного) населения. Так, постановление Фридриха I от 1156 г. вводит понятие о рыцарском происхождении (причем рыцарь имеет право на поединок, только если может доказать такое свое происхождение). Это же постановление запрещало крестьянам носить копье и меч, даже купец «не смеет опоясываться мечом», но должен привязывать его к седлу. Аналогично, согласно Саксонскому зеркалу, у истинного рыцаря не только отец, но и дед должны были быть рыцарями. В Германии рыцарство фактически вообще «замыкается в наследственное сословие» [63, с. 458–462].

вов. Напротив, это идеальная модель (идеальная во всех смыслах этого слова: и в строго философском, и в обыденно-оценочном), но модель, которая сыграла важнейшую роль в процессе приближения себя к жизни, как бы ни парадоксально это звучало; во всяком случае (в строгой формулировке) – в процессе формирования европейских представлений о любви.

5. Трубадур как вольный художник. Нельзя не отметить и то обстоятельство, что сам социальный статус трубадура задавал определенные особенности его менталитета и привносил особые семантические акценты в его творчество.

Это связано с тем, что трубадур мог и не входить в универсальные для Средневековья отношения вассалитета.

Во-первых, как мы знаем, «лица знатного происхождения, даже короли не стеснялись... выступать в роли поэтов и певцов, охотно называя себя трубадурами» [19, с. 454], а потому экономическая сторона вопроса вообще могла быть и неактуальна.

Во-вторых, на интересующих нас территориях отношения земельной зависимости имели существенные особенности. Как отмечает И. М. Гревс, «не во всех полосах Франции феодализация землевладения достигла... одинаковых успехов. В южной части ее (графстве Тулузском, герцогстве Аквитании, королевстве Арелатском), где лучше сохранились римские воспоминания (писанный закон, муниципальный строй), удержались дольше и сильнее формы полной собственности (аллоды)» [59]. По оценке М. Блока, в южных провинциях «сложилась своя достаточно своеобразная структура, влиянию институтов франков они были подчинены весьма слабо, и распространение отношений зависимости встретило здесь немало препятствий. В этих местах по-прежнему находилось больше всего аллодов, как маленьких, крестьянских, так и крупных, господских» [9]. Это значит, что в XII–XIII вв. независимая земельная собственность была распространена на юге и в центре Франции (в то время как на севере она встречалась уже только в виде редких исключений). Потому трубадур вполне мог иметь наследственные земельные владения и не был вынужден в силу этого вступать в отношения вассалитета.

В-третьих, именно в Провансе существовал такой феномен, как безземельное рыцарство, которое К. Льюис называет рыцарством «без собственного места в феодальной иерархии» [21]. Иными словами, рыцарь не входил в отношения вассалитета, устраивая свою судьбу иными способами – по своему усмотрению.

В-четвертых, свою роль играла нормативно требуемая щедрость. Мы помним, что сеньор, ведущий достойный, т. е. благородный, образ жизни, не только «окружает себя музыкантами и поэтами», но и непременно «вознаграждает их щедро и по достоинству» [6]. Однако понимать щедрость следует гораздо шире: это требование и свойство, относимое далеко не только к сеньорам: известно, например, что «знатные трубадуры могли разориться, поддерживая своих неимущих собратьев по искусству. К такому разоренным принадлежал, например, Раймбаут Оранский» [6].

И, наконец, в-пятых, остается возможность зарабатывать на жизнь песнями: многие из трубадуров, как пишет В. М. Фриче, «находили в профессии поэта источник пропитанья» [73, с. 12]. В жизнеописании одного из таких трубадуров читаем: «Раймон де Мираваль родом был бедный рыцарь из Каркассонна. Владел он четвертой частью замка Мираваль, а весь замок вмещал человек не более сорока. Однако ради трубадурского художества, коим он владел превосходно, и словесного дара его... ради всего того был он в чести и почете у графа Тулузского. <...> И граф его жаловал платьями, лошадьми и оружием, по нуждам его» [68, с. 177].

Таким образом, даже если трубадур поступал на службу к тому или иному сеньору (именно в качестве придворного песнопевца), служба эта, что важно, не была оммажем и не предполагала той жесткой связи, которая устанавливалась между вассалом и сеньором.

Это принципиально и фундаментально важно, поскольку имело существенное влияние на менталитет. Давайте сравним. Владение полученным земельным наделом являлось для вассала наследственным²⁸. Однако сказать в данном случае *наследственное* – это ничего не сказать: отношения между сеньором и вассалом были неуничтожимы²⁹, вассалитет передавался из поколения в поколение, и, получая от отца землю, сын автоматически становился вассалом отцовского сеньора (его сына) и так до бесконечности. Это зависимость, причем зависимость серьезная и практически неизбежная... Она не могла не деформировать сознания. Трубадур же имел возможность не включаться в систему вассалитета, и это давало определенную широту мировоззрения и свободу не только мысли, но в определенном смысле и жизненного выбора.

Кроме того, трубадур не обязательно был связан с каким-то одним конкретным двором. Как пишут Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «двора занимает в повседневной жизни трубадуров

²⁸За редким исключением таких владений, как бенефиции (лат. *beneficium* – благодеяние), т. е. земельных наделов, полученных на определенный срок (или даже пожизненно) за выполнение той или иной службы, но не подлежащих передаче по наследству (см.: Бенефиций // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бенефиций> (дата обращения: 30.01.2020).

²⁹Разве что чудовищная провинность вассала перед сеньором вызовет разрыв отношений оммажа и судебное изъятие земельного надела, но это не дай Бог: чем тогда жить?

не менее важное место, чем жилище сеньора» [6]. Например, в жизнеописании трубадура из Гаскони говорится, что «слагал он песни... на старинный лад» и «обошел он весь белый свет, куда только мог пойти, и за то прозвали его “Серкамон”, т. е. *ходок по миру*³⁰, и это единственное имя, под которым он вошел в историю» [68, с. 9].

Это означает, что «странствующий рыцарь, каким мы встречаем его на страницах романов, почитаемый только за свою отвагу, любимый только за свое вежество, которому назначено судьбой быть влюбленным в чужих жен», стал, по оценке К. Льюса, реальностью [21].

Свободный от вассальных обязанностей трубадур мог быть *вольным художником* или состоять при аристократическом дворе – по своему свободному выбору, – естественно, предпочитая дворы наиболее блестящие и, в свою очередь, своим присутствием привнося в них блеск.

Нельзя не отметить, что и сама придворная жизнь отличалась в Окситании большей свободой: отсутствие чопорности опиралось на своеобразную атмосферу если не равенства, то единства благородных рыцарей. По оценке П. Зюмтора, «на юге классовые противоречия менее отчетливы: принадлежность ко двору предполагает не столько знатное происхождение человека, сколько его сопричастность к некоему идеалу» [2, с. 483]. Даже о королевском дворе Р. Перну пишет: «Король, сеньор среди сеньоров, облагораживал свое окружение, причем приближенные сидели за одним столом с государем, а не стояли вокруг него, подобно вельможам у престола императора или древнего монарха. Эта новая концепция царствования, когда правит не богоподобный монарх, а этакий “куртуазный принц”, отличала описываемую эпоху, придавала ей особый шарм» [14]. Что уж говорить о немонархических аристократических дворах! «Без сомнения, “воздух вольности” не мог не сыграть своей роли в жизни трубадуров, этих... первых представителей “коммуникативного” ремесла. Принадлежность к славной когорте куртуазных поэтов ставила на одну доску и аристократа, и простолюдина» [6]. Вспомним разнообразие представительства этой славной когорты: от короля – до подкидыша...

Разумеется, характер придворной службы требовал от такого рыцаря прежде всего чисто светских достоинств: по оценке М. Пастуро, «куртуазный рыцарь значительно отличается от эпического героя, привлекательность которого заключалась в физической силе и презрении к страданиям и смерти»: герои аристократических дворов «притягивают не силой мускулов, а изяществом юности, изысканностью нарядов» [8, с. 72].

Соответственно, трансформируется и содержание рыцарского кодекса чести. Если изначально он включал требования, предъявляемые к отважному солдату, то теперь воинские доблести вытеснены сугубо светскими: в кадастре рыцарских достоинств акцентируются обладание утонченной общительностью (собственно *cortezia*), умение вести галантную придворную беседу, играть в шахматы и т. д.

А главное – петь о любви: умение слагать стихи даме сердце непосредственно вошло в рыцарский кодекс чести, а умение любить *истинной любовью* стало описываться как одна из основных добродетелей рыцаря; к концу XI в. понятия *рыцарский* и *куртуазный* во многих случаях стали восприниматься как синонимичные [74, с. 252].

Светский и штатский характер рыцарства приводит к тому, что к середине XII в. занятие поэзией уже не только является неотъемлемой частью рыцарских занятий, но, по оценке Ю. А. Веселовского, «составляет уже как бы привилегию рыцарей» [19].

Отражение этого мотива обнаруживается в самих текстах окситанской лирики. Например, у Гаусельма Файдита это выражено следующим образом:

Нет! Хватит волн морских,
Докучных берегов,
Подводных скал крутых,
Неверных маяков! <...>
Пускай звучит мой стих,
Нежданным счастьем нов,
Среди бесед живых
При лучшем из дворов,
Где для сердец людских
Священны предписанья
Любви... [75, с. 111–112].

6. Положение женщины. Понятно, что традиция галантного ухаживания, а тем более поклонения Прекрасной Даме требует особого положения этой дамы в обществе: нельзя поклоняться парии, да и в отношении *серой мышки* это тоже как-то затруднительно, – женщина должна занять такое место, которое позволило бы рыцарю, преклоняя перед ней колени, не ронять при этом своего достоинства. А уж где эта ее позиция локализована – в реальной социальной структуре или в стране грез поэтического воображения – это предмет особого разговора, причем отнюдь не простого. И поскольку тема эта очень многопланова и совсем не однозначна, она потребует отдельной статьи, так что – позже, позже...

7. Символизм, платонизм, мистицизм. Куртуазная традиция сформировалась в культурном контексте, который во многом располагал и даже провоцировал ее появление: хотя она и не опира-

³⁰Никаких современных коннотаций: просто ходил, в смысле – перемещался, путешествовал (секс-туры в моду еще не вошли).

лась сознательно на традицию платонизма, растворенные в южнофранцузской культуре платонические реминисценции (именно платонические, а не неоплатонические, что было бы неудивительно для средневекового мировоззрения) во многом обусловили и ее содержание, и его сложный символизм. И здесь есть интрига и загадка: как могло осуществиться это влияние в средневековой Европе, которая знала лишь один из диалогов Платона, причем это был «Тимей», отнюдь не содержащий платоновской концепции любви и красоты. Так откуда?

Также куртуазная концепция любви оформилась и под влиянием мистической традиции, которая отличается высокой концентрацией символизма.

Однако эти моменты не изложить конспективно – данный аспект формирования *cortezia* требует более пристального внимания, а потому будет рассмотрен отдельно.

8. Кросс-культурный контекст и разнообразие влияний. Важнейшим фактором становления южнофранцузской рыцарской традиции явился также тот факт, что духовная жизнь Окситании протекала в поле взаимодействия чрезвычайно разнородных культурных традиций, испытывая многоаспектное содержательное влияние. В силу географических и исторических причин этот регион представлял собой своего рода перекресток торговых путей Франции, Италии, Греции и других европейских стран, как между самими этими землями, так и между нами и Востоком.

Именно «через Окситанию пролегали наиболее важные дороги средневековой Западной Европы. На ее территории оформлялись маршруты паломников, направлявшихся поклониться святому Якову Компостельскому, папе в Рим или ехавших в Святую землю. Корабли с... крестоносцами отплывали из Марселя и порта Сен-Жиль, расположенного между Арлем и Нимом. В средиземноморские порты купцы привозили предметы роскоши, тотчас входившие в моду среди знати и богатых горожан» [6].

В силу этого здесь, по словам К. А. Иванова, «говорили почти на всех языках тогдашнего мира» [76, с. 15], что не могло не сказаться на расширении мировоззрения и на плюрализации аксиологических структур южнофранцузской культуры.

Особое влияние окситанская культура испытала со стороны культуры арабо-испанской: в провансалистике не вызывает сомнений то обстоятельство, что южнофранцузские аристократические дворы издавна были связаны с нею не только историко-культурными, но и прямыми династическими связями [25, с. 4; 27, с. 266].

Вопрос кросс-культурного контекста развития окситанской традиции тоже требует особого рассмотрения и отдельной статьи (а возможно, и не одной), так что не будем портить аппетит, забегая вперед.

9. И – в разном... Существуют и иные, менее значимые по масштабу влияния, но все же имевшие место факторы формирования куртуазной традиции в контексте Средневековья.

Так, например, исследователи называют такие характерные для населения Окситании тонкие феномены, как «врожденный вкус к пышности и общительности», а также «не столько этический, сколько эстетический характер» южнофранцузской культуры [2, с. 482].

Безусловно, важнейшую роль в формировании и бурном развитии любовной лирики трубадуров сыграло отмеченное историками масштабное распространение грамотности среди феодальной знати этого исторического региона [43, с. 6], потому как кансоны, хоть и именуются *песнями* (фр. *canso d'amor e cortezia* – песнь любви и учтивости³¹), но создавались они не в качестве сугубо художественных произведений, а еще и в виде любовных писем, которые отправлялись поэтом возлюбленной.

Наряду с названными социальными факторами расцвета южнофранцузской рыцарской поэзии можно выделить и некоторые отмеченные в провансалистике интралингвистические обстоятельства.

Например, существенную роль сыграло то, что лирика трубадуров впервые в Средневековье пишется не на латинском языке, несшем на себе ощутимый отпечаток обслуживания схоластики, но на уже упоминавшемся окситанском – живом лангедоке. И это важно, поскольку, как отмечал Данте, оценивая *язык ок*, «мастера народного красноречия впервые стали сочинять стихи на нем, как на языке более совершенном и сладостном» [77, с. 382]. Б. Лиетар полагает даже, что во многом сам «первоначальный импульс к появлению куртуазной литературы исходил от *lenga d'oc*», на котором на юге Франции «в то время... говорили все», и эта литература «дала толчок развитию поэзии на всех других зарождающихся языках Европы» [78]. И. Казанский указывает также на грамматико-фонетический строй старопровансальского языка, сыгравший, по его мнению, существенную роль в становлении ритмической формы провансальской лирики [79, с. 820].

Ну и, конечно, «катализатором множества разнообразных новшеств стало присутствие при дворах женщин; благодаря их влиянию все эти новшества были направлены на выработку более

³¹Трубадуры, труверы, миннезингеры // Филолог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/trubadur/index.htm#trbpoets> (дата обращения: 14.02.2020).

утонченной чувствительности и украшение жизни общества» [2, с. 483]. Куда же без нас?!

По романтической формулировке Ж. Брюнель-Лобришон и К. Дюамель-Амадо, «словно утонченная субстанция, полученная неведомым алхимиком, куртуазная любовь, несомненно, явилась продуктом соединения различных материй, произошедшего на основе христианского феодализма, впитанного опаляемой солнцем и овеваемой ветрами земель юга и претерпевшего изменения при дворах тамошних сеньоров. Среди этих материй и мистическая драма любви Бернара Клервосского, утверждавшего в своих проповедях, что “мера любви заключена в любви без меры”, и восточная роскошь, пришедшая из Испании и увиденная во время Крестовых походов, и чувство греховности в христианской культуре, ведущее к восхвалению аскетической жизни; это и продолжительное отсутствие мужей, отправившихся в Крестовый поход, и повышение роли женщины, оставшейся дома и получившей в свое распоряжение огромные владения, и притягательность и одновременно боязнь земель, лежащих за дале-

кими морями, откуда везут дурманящие своими ароматами пряности... и музыкальные изыски лирических монахов, и музыкальные инструменты, привезенные очаровательными пленницами-мусульманками... Разного рода влияния должны были сыграть свою роль, внести свою лепту, чтобы в результате прозвучал гармоничный, неслыханный прежде аккорд» [6].

Каждое из названных обстоятельств сыграло свою роль в становлении куртуазной культуры в южнофранцузской ее версии, а совпадение во времени и пространстве породило такое понимание любви, о котором прежде не могли и помыслить.

Таким образом, наряду с факторами, общими для формирования рыцарской культуры Европы, на духовную жизнь Окситании оказали влияние и специфические обстоятельства, совокупное действие которых привело к серьезной неортодоксальности ее характера. Это и позволило сформироваться в ее контексте столь оригинальной и цельной концепции любви, которая оказала значительное влияние на развитие европейской культуры в целом.

Библиографические ссылки

1. Иванов КА. *Средневековый замок и его обитатели*. Санкт-Петербург: Типолиитография М. П. Фроловой; 1907. 125 с.
2. Зюмтор П. *Опыт построения средневековой поэтики*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2003. 544 с.
3. Можейко МА. «Рука мечу – сердце Даме»: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:131–139.
4. Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–133.
5. Paris V-P-G. *Les cours d'amour. Medieval French literature*. [S. l.]: Palala Press; 2015. 174 p.
6. Брюнель-Лобришон Ж, Дюамель-Амадо К. *Повседневная жизнь во времена трубадуров XII–XIII века* [Интернет]. Москва: Молодая гвардия; 2003 [процитировано 11 марта 2020 г.]. 416 с. Совместно с издательством «Палимпсест». (Живая история: повседневная жизнь человечества). Доступно по: <https://coollib.com/b/228569/read>.
7. Сапонов М. *Менестрели. Книга о музыке средневековой Европы*. Москва: Классика – XXI; 2004. 400 с.
8. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола*. Москва: Молодая гвардия; 2001. 223 с.
9. Блок М. *Феодальное общество* [Интернет]. Москва: Издательство имени М. и С. Сабашниковых; 2003 [процитировано 16 марта 2020 г.]. 504 с. Доступно по: <https://coollib.com/b/329403/read>.
10. Алисова ТБ, Плужникова КН. *Старопровансальский язык и поэзия трубадуров*. Москва: МАКС Пресс; 2011. 176 с.
11. Нарумов БП. Неороманский язык: окситанский. В: Нарумов БП. *Формирование романских литературных языков. Провансальский-окситанский*. Москва: Академия наук СССР, Институт языкознания; 1991. с. 40–52.
12. Перну Р. Алиенора Аквитанская [Интернет]. 2001 [процитировано 12 марта 2020 г.]. Доступно по: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016396>.
13. Грубер РИ. *История музыкальной культуры. Том 1, часть 2*. Москва: Музгиз; 1941. 514 с.
14. Перну Р. *Ричард Львиное Сердце* [Интернет]. Москва: Молодая гвардия; 2009 [процитировано 12 февраля 2020 г.]. 232 с. (Жизнь замечательных людей; выпуск 1183). Доступно по: https://royallib.com/read/pernu_regin/richard_lvinoe_serdtse.html#0.
15. Hasenohr G, Zink M, editors. *Dictionary of French fiction. Middle Ages*. Paris: Fayard; 1992. 1507 p.
16. Шишмарев В. *Лирика и лирики позднего средневековья. Очерки по истории поэзии Франции и Прованса*. Париж: Типография Н. Л. Данцига; 1911. 565 с.
17. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки концептуализации любви в Овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;4:86–97.
18. Можейко МА. Наука страсти нежной: попытки кодификации любви в Овидианской традиции Средневековья. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2020;1:78–92.
19. Веселовский ЮА. Рыцарская поэзия. В: Арсеньев КК, Петрушевский ЕЕ, редакторы. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 27*. Санкт-Петербург: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз – Ефрон»; 1899. с. 454.
20. Lazar M. *L'Amour courtois au fin'amors dans la litterature du XII siecle*. Paris: Librairie C. Klincksieck; 1964 235 p.
21. [Льюис К.] Госпожа и вассал: Клайв Льюис о куртуазной любви и сексологии средневековой церкви [Интернет]. *Theory & Practice*. 2015 [процитировано 11 декабря 2019 г.]. Доступно по: <https://theoryandpractice.ru/posts/10488-clive-staples-lewis>.

22. Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 5.* 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. с. 335–388.
23. Михайлов АД. Молодые герои Кретьена. В: Кретьен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес.* Москва: Наука; 1980. (Литературные памятники). с. 427–476.
24. Можейко МА. «Слышу голос из прекрасного далека»: феномен Овидианского возрождения в западноевропейской культуре. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;2:116–123.
25. Найман АГ. О поэзии трубадуров. В: Найман АГ, переводчик. *Песни трубадуров.* Москва: Главная редакция Восточной литературы издательства «Наука»; 1979. с. 3–25.
26. Pernoud R. *La Femme au Temps des Cathedrales.* Paris: Stock; 1980. 304 p.
27. Найман АГ. О «Фламенке» – старопровансальском романе. В: Найман АГ, редактор, переводчик. *Фламенка.* Москва: Наука; 1983. (Литературные памятники). с. 259–288.
28. Ле Гофф Ж. *Герои и чудеса Средних веков* [Интернет]. Москва: Текст; 2011 [процитировано 10 декабря 2019 г.]. 220 с. Доступно по: https://royallib.com/read/le_goff_gak/geroi_i_chudesasrednih_vekov.html#0.
29. Иванов-Борецкий МВ. Предисловие редактора. В: Обри П. *Трубадуры и труверы.* Москва: Музгиз; 1932. с. 3–7.
30. Филиппов ИС. Церковная вотчина в Провансе начала IX века. *Средние века.* 1980;43:191–206.
31. Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 644–687.
32. Осокин НА. *История альбигойцев и их времени. Том 1.* Казань: Университетская типография; 1869. 595 с.
33. Арсенев Иоаннъ. *От Карла Великого до Реформации. (Историческое исследование важнейших реформационных движений в западной церкви в течение восьми столетий).* Москва: Типолиитография товарищества И. Н. Кушнерев и К°; 1913. 687 с.
34. Théry J. Les Hérésies, du XIIe au début du XIVe s. In: de Cevins MM, Matz JM, editors. *Structures et dynamiques de la vie religieuse en Occident (1179–1449).* Rennes: Presses Universitaires de Rennes; 2010. p. 373–386.
35. Дьяконов ММ. *Очерк истории Древнего Ирана.* Москва: Восточная литература; 1961. 444 с.
36. Николаев ЮН (Данзас ЮН). *В поисках Божества. Очерки по истории гностицизма.* Киев: София; 1995. 541 с.
37. Каратини Р. *Катары. Боевой путь альбигойской ереси.* Москва: Эксмо; 2010. 400 с. (Тайны древних цивилизаций).
38. Ольденбург ЗС. *Костер Монсегиора. История альбигойских крестовых походов.* Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 416 с.
39. Смоули Р. *Гностики, катары, масоны, или Запретная вера.* Москва: АСТ; 2008. 320 с. (Историческая библиотека).
40. Zerner M. Question sur la naissance de l'affaire albigeoise. In: Duby G. *L'écriture de l'Histoire.* Bruxelles: De Boeck Université; 1996. p. 427–444.
41. Griffe E. *Les Débuts de l'aventure cathare en Languedoc (1140–1190).* Paris: Letouzey & Ane; 1969. 218 p.
42. Мадоль Ж. *Альбигойская драма и судьбы Франции.* Санкт-Петербург: Евразия; 2000. 320 с. (Clio).
43. Стам СМ. *Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков).* Саратов: Издательство Саратовского университета; 1969. 429 с.
44. Gies F, Gies J. *Cathedral, forges and waterwheel: technology and invention in the Middle Ages.* New York: Harper Perennial; 1995. 357 p.
45. Егоров ДН, редактор. *Средневековье в его памятниках.* Москва: Типолиитография «Я. Данкин и Я. Хомутов»; 1913. 292 с.
46. Моравский С. Французские города в средние века. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 92–132.
47. Шайтанов ИО. Европа в контексте средневековой культуры. В: Кузнецова ТФ, редактор. *Очерки по истории мировой культуры.* Москва: Языки русской культуры; 1997. с. 141–175.
48. Гуревич АЯ. *Категории средневековой культуры.* Москва: Искусство; 1984. 350 с.
49. Алексинский ДП, Жуков КА, Бутягин АМ, Коровкин ДС. *Всадники войны: кавалерия Европы.* Санкт-Петербург: Полигон; 2005. 488 с. Совместно с издательством АСТ.
50. Поло де Болье М.-А. *Средневековая Франция* [Интернет]. Москва: Вече; 2014 [процитировано 31 марта 2020 г.]. 384 с. (Гиды цивилизаций). Доступно по: <https://history.wikireading.ru/11151>
51. Flori J. Chevalerie. In: Le Goff J, Schmitt JC, editors. *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval.* Paris: Fayard; 1999. p. 199–213.
52. Лучицкая СИ. Рыцарство. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2003. (Summa culturologiae). с. 431–437
53. Малинин ЮП. *Общественно-политическая мысль позднесредневековой Франции XIV–XV вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2000. 231 с.
54. Федоров СЕ, Прокопьев АЮ, редакторы. *Нобилитет в истории Старой Европы.* Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского университета; 2010. 364 с.
55. Сидоров АИ. Каролингские milites и nobiles: к вопросу о предыстории средневекового европейского рыцарства. В: Гуревич АЯ, редактор. *Одиссей. Человек в истории.* Москва: Наука; 2004. с. 36–46.
56. Хачатурян НА. Статус западноевропейского дворянства, его внутренняя стратификация и социальные тенденции. *Бюллетень Всероссийской Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени.* 1997;8:10–14.
57. Смирнова ЕД. Нобилитет как феномен западноевропейского Средневековья (историко-историографический аспект). В: Фядосік ВА, Еўтухоў ІА, рэдактары. *Лістападаўскія сустрэчы – 10. Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава; 14–15 лістапада 2013 г.; Мінск, Беларусь.* Мінск: БДУ; 2013. с. 1–8.
58. Акколада. В: Андреевский АЕ, редактор. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 1.* Санкт-Петербург: Акционерное издательское общество «Брокгауз – Ефрон»; 1890. с. 287.

59. Гревс ИМ. Феодализм. Сущность феодализма и его происхождение. В: Арсеньев КК, Петрушевский ЕЕ, редакторы. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 35а*. Санкт-Петербург: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз – Ефрон»; 1902. с. 494–558.
60. Можейко МА. Проблема дискурса в современной постнеклассической философии В: Rožek L, redactor. *Formacje dyskursywne w kulturze, językach i literaturze europejskiej XX wieku. Prace interdyscyplinarne – IV*. Częstochow: Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie; 2005. s. 77–107.
61. Можейко МА. Концепция «номинализации» П. Сериио. В: Харитончик З, редактор. *Номинация и дискурс. Материалы докладов Международной научной конференции; 8–9 ноября 2006 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2006. с. 39–41.
62. Лучицкая СИ. Рыцарство – уникальный феномен западноевропейского Средневековья. В: Гуревич АЯ, редактор. *Одиссей. Человек в истории*. Москва: Наука; 2004. с. 7–35.
63. Щепкин НН. Рыцарство. В: Арсеньев КК, Петрушевский ЕЕ, редакторы. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том 27*. Санкт-Петербург: Типография акционерного общества «Издательское дело, бывшее Брокгауз – Ефрон»; 1899. с. 458–462.
64. Genicot L. Noblesse. In: *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval*. Paris: Fayard; 1999. p. 821–833.
65. Рамон Льюль. Книга о рыцарском ордене. В: Рамон Льюль (Раймунд Луллий). *Книга о Любящем и Возлюбленном. Книга о рыцарском ордене. Книга о животных. Песнь Рамона*. 2-е издание. Санкт-Петербург: Наука; 2003. (Литературные памятники). с. 71–132.
66. Кленшан Ф де Пюи дю. *Рыцарство*. Санкт-Петербург: Евразия, 2004. (Clio). 190 с.
67. Гуревич АЯ. *Индивид и социум на Средневековом Западе*. Санкт-Петербург: Alexandria; 2009. 481 с.
68. Жизнеописания трубадуров. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. (Литературные памятники). с. 8–259.
69. Руа ЖЖ. *История рыцарства*. Москва: Алетейа; 1996. 248 с. (Vita memoriae).
70. Щеглова ЛВ., Саенко НР. *Образ благородного всадника: культурные модели*. Москва: Издательство Московского государственного областного университета; 2010. 184 с.
71. Десимон Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции Нового времени. *Французский ежегодник*. 2001;2001:14–35.
72. Bonnassie P. *La Catalogne du milieu du X à la fin du XI siècle. Croissance et mutations d'une société. Volume 1*. Toulouse: Presses universitaires du Mirail; 1975. 522 p.
73. Фриче ВМ. *Очерки по истории западно-европейской литературы*. Москва: Directmedia; 2015. 256 с.
74. Смолицкая ОВ. Кургуазная любовь. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 2003. (Summa culturologiae). с. 253–255.
75. Гаусельм Файдит. «Нет! Хватит волн морских...». В: Ваксмахер М, Шлапоберская С, редакторы. *Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вазантов*. Москва: Художественная литература; 1974. (Библиотека Всемирной Литературы. Серия первая). с. 111–112.
76. Иванов КА. *Трубадуры, труверы, миннезингеры*. Петроград: Типолитография М. П. Фроловой; 1915. 348 с.
77. Данте А. О народном красноречии. В: Мейлах МБ, Мелетинский ЕМ, редакторы. *Жизнеописания трубадуров*. Москва: Наука; 1993. (Литературные памятники). с. 382–383.
78. Лиетар Б. *Душа денег* [Интернет]. Москва: Олимп; 2007 [процитировано 31 декабря 2019 г.]. 368 с. Совместно с издательствами АСТ, «Астрель». Доступно по: <http://artifact.org.ru/proshloe-fas-i-profil-2/detalirovka-voprosov-globalnoy-teorii/11-lietar-b-dusha-deneg.html>.
79. Казанский И. Средневековая лирика. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Выпуск 2*. Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 822–841.

References

- Ivanov KA. *Srednevekovyi zamok i ego obitateli* [The medieval castle and its inhabitants]. Saint Petersburg: M. P. Frolova's Tipolithography; 1907. 125 p. Russian.
- Zumthor P. *Opyt postroeniya srednevekovoi poetiki* [An Experience of building a medieval poetics]. Saint Petersburg: Aletheia; 2003. 544 p. Russian.
- Mojeiko MA. «A hand for sword – a heart for Lady»: the interpretation of love in the North French knightly. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:131–139. Russian.
- Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: interpretation of love in the North French chivalric novel. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:126–133. Russian.
- Paris B-P-G. *Les cours d'amour. Medieval French literature*. [S. l.]: Palala Press; 2015. 174 p.
- Brunel-Lobrichon G., Duhamel-Amado C. *Povsednevnyaya zhizn' vo vremena trubadurov XII–XIII veka* [Everyday life during the troubadours' time of the 12th–13th centuries] [Internet]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2003 [cited 2020 March 11]. 416 p. Co-published by the «Palimpsest». (Living history: the daily life of humanity). Available from: <https://coollib.com/b/228569/read> https. Russian.
- Saponov M. *Menestrel'i. Kniga o muzyke srednevekovoi Evropy* [Minstrels. A book about the music of medieval Europe]. Moscow: Klassika – XXI; 2004. 400 p. Russian.
- Pastoureau M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [Everyday life of France and England during the Knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 223 p. Russian.
- Bloch M. *Feodal'noe obshchestvo* [Feudal society] [Internet]. Moscow: Publishing House named after M. & S. Sabashnikov; 2003 [cited March 16, 2020]. 504 p. Available from: <https://coollib.com/b/329403/read>. Russian.
- Alisova TB, Pluzhnikova KN. *Staroprovansal'skii yazyk i poeziya trubadurov* [Old Provençal language and poetry of the troubadours]. Moscow: MAX Press; 2011. 176 p. Russian.

11. Narumov BP. [Neo-Romanian Language: Occitan]. In: Narumov BP. *Formirovanie romanskikh literaturnykh yazykov. Provansal'skii-oksitanskii* [Formation of Romance literary languages. Provençal-Occitan]. Moscow: USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics; 1991. p. 40–52. Russian.
12. Pernoud R. Aliénor d'Aquitaine [Internet]. 2001 [cited 2020 March 12]. Available from: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1016396>. Russian.
13. Gruber RI. *Istoriya muzykal'noi kul'tury. Tom 1, chast' 2* [The history of musical culture. Volume 1, part 2]. Moscow: Muzgiz; 1941. 514 p. Russian.
14. Pernoud R. *Richard L'vinoe Serdtse* [Richard the Lionheart] [Internet]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2009 [cited 2020 February 12]. 232 p. (Life of wonderful people; issue 1183). Available from: https://royallib.com/read/pernu_regin/richard_lvinoe_serdtse.html#0. Russian.
15. Hasenohr G, Zink M, editors. *Dictionary of French fiction. Middle Ages*. Paris: Fayard; 1992. 1507 p.
16. Shishmarev V. *Lirika i liriki pozdnego srednevekov'ya. Ocherki po istorii poezii Frantsii i Provansa* [Lyrics and lyricists of the late Middle Ages. Essays on the history of poetry of France and Provence]. Paris: Printing house of N. L. Danzig; 1911. 565 p. Russian.
17. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to conceptualize love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;4:86–97. Russian.
18. Mojeiko MA. The science of tender passion: attempts to codify love in the Ovidian tradition of the Middle Ages. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;1:78–92. Russian.
19. Veselovsky UA. [Knight's Poetry]. In: Arseniev KK, Petrushevskii EE, editors. *Entsiklopedicheskiy slovar'. Tom 27* [Encyclopedic dictionary. Volume 27]. Saint Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz – Efron»; 1899. p. 454. Russian.
20. Lazar M. *L'Amour courtois au fin'amors dans la litterature du XII siecle*. Paris: Librairie C. Klincksieck; 1964 235 p.
21. [Lewis C.] Mistress and vassal: Clive Lewis on the courteous love and sexology of the medieval church. [Internet]. *Theory & Practice*. 2015 [cited 2019 December 11]. Available from: <https://theoryandpractice.ru/posts/10488-clive-staples-lewis>. Russian.
22. Engels F. [Debate on the Polish question in Frankfurt]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 5* [Works. Volume 5]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. p. 335–388. Russian.
23. Mikhailov AD. [Young heroes of Chretien]. In: Chretien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. (Literary Monuments). p. 427–476. Russian.
24. Mojeiko MA. «I hear a voice from a beauteous far away»: the phenomenon of Ovidian Renaissance in western European culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;2:116–123. Russian.
25. Nyman AG. [On the poetry of troubadours]. In: Nyman AG, translator. *Pesni trubadurov* [Songs of troubadours]. Moscow: Glavnaya redaktsiya Vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka»; 1979. p. 3–25. Russian.
26. Pernoud R. *La Femme au Temps des Cathedrales*. Paris: Stock; 1980. 304 p.
27. Nyman AG. [About «Flamenca», an Old Provençal novel]. In: Nyman AG, editor, translator. *Flamenca*. Moscow: Nauka; 1983. (Literary monuments). p. 259–288. Russian.
28. Le Goff J. *Geroi i chudesa Srednikh vekov* [Heroes and wonders of the Middle Ages] [Internet]. Moscow: Tekst; 2011. [cited December 10, 2019]. 220 p. Available from: https://royallib.com/read/le_goff_gak/geroi_i_chudesa_srednikh_vekov.html#0. Russian.
29. Ivanov-Boretsky MV. [Editor's note]. In: Aubry P. *Trubadury I truvery* [Troubadours and trouters]. Moscow: Muzgiz; 1932. p. 3–7. Russian.
30. Filippov IS. [Church estate in Provence at the beginning of the 9th century]. *Srednie veka*. 1980;43:191–206. Russian.
31. Pokrovsky M. [Medieval heresies and the Inquisition]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Partnership of A. I. Mamontov's Printing House; 1897. p. 644–687. Russian.
32. Osokin NA. *Istoriya al'bigoitsev i ikh vremeni. Tom 1* [The history of the Albigensians and their time. Volume 1]. Kazan: University Printing House; 1869. 595 p. Russian.
33. Arseniev Ioann. *Ot Karla Velikogo do Reformatsii. (Istoricheskoe issledovanie vazhneishikh reformatsionnykh dvizhenii v zapadnoi tserkvi v techenie vos'mi stoletii)* [From Charles the Great to the Reformation. (Historical study of the most important Reformation movements in the Western Church for eight centuries)]. Moscow: Typolithography of the partnership I. N. Kushneryov & Co.; 1913. 687 p. Russian.
34. Théry J. Les Hérésies, du XIIe au début du XIVe s. In: de Cevins MM, Matz JM, editors. *Structures et dynamiques de la vie religieuse en Occident (1179–1449)*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes; 2010. p. 373–386.
35. Dyakonov MM. *Ocherk istorii Drevnego Irana* [Essay on the history of Ancient Iran]. Moscow: Oriental literature; 1961. 444 p. Russian.
36. Nikolaev YuN (Danzas YuN). *V poiskakh Bozhestva. Ocherki po istorii gnostitsizma* [In search of the Deity. Essays on the history of Gnosticism]. Kyiv: Sofiya; 1995. 541 p. Russian.
37. Karatini R. *Katary. Boevoi put' al'bigoisnoi eresi* [Cathars. The battle path of the Albigensian heresy]. Moscow: Eksmo; 2010. (Secrets of ancient civilizations). 400 p. Russian.
38. Oldenburg ZS. *Koster Monsegurya. Istoriya al'bigoiskikh krestovykh pokhodov* [Bonfire of Montsegur. History of the Albiguan Crusades]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 416 p. Russian.
39. Smoley R. *Gnostiki, katary, masonry, ili Zapretnaya vera* [Gnostics, Cathars, Freemasons, or Forbidden Faith]. Moscow: AST; 2008. (Historical library). 320 p. Russian.
40. Zerner M. Question sur la naissance de l'affaire albigeoise. In: Duby G. *L'écriture de l'Histoire*. Bruxelles: De Boeck Université; 1996. p. 427–444.
41. Griffe E. *Les Débuts de l'aventure cathare en Languedoc (1140–1190)*. Paris: Letouzey & Ane; 1969. 218 p.
42. Madol J. *Al'bigoiskaya drama i sud'by Frantsii* [Albigensian drama and the fates of France]. Saint Petersburg: Eurasia; 2000. 320 p. (Clio). Russian.

43. Stam SM. *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie rannego goroda (Tuluza XI–XIII vekov)* [Economic and social development of the early city (Toulouse 11th–13th centuries)]. Saratov: Publishing house of the Saratov University; 1969. 429 p. Russian.
44. Gies F, Gies J. *Cathedral, forges and waterwheel: technology and invention in the Middle Ages*. New York: Harper Perennial; 1995. 357 p.
45. Egorov DN, editor. *Srednevekov'e v ego pamyatnikakh* [The Middle Ages in its monuments]. Moscow: Typolithography «Y. Dankin & Y. Khomutov»; 1913. 292 p. Russian.
46. Moravsky S. [French cities in the Middle Ages]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Partnership of A. I. Mamontov's Printing house; 1897. p. 92–132. Russian.
47. Shaitanov IO. [Europe in the context of medieval culture]. In: Kuznetsova TF, editor. *Ocherki po istorii mirovoi kul'tury* [Essays on the history of world culture]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1997. p. 141–175. Russian.
48. Gurevich AY. *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [Categories of medieval culture]. Moscow: Iskusstvo; 1984. 350 p. Russian.
49. Aleksinsky DP, Zhukov KA, Butyagin AM, Korovkin DS. *Vsadniki voiny: kavaleriya Evropy* [Horsemen of the war: cavalry of Europe]. Saint Petersburg: Poligon; 2005. 488 p. Co-published by the AST. Russian.
50. Polo de Beaulieu M-A. *Srednevekovaya Frantsiya* [Medieval France] [Internet]. Moscow: Veche; 2014 [cited 2020 March 31]. 384 p. Available from: <https://history.wikireading.ru/11151>
51. Flori J. Chevalerie. In: Le Goff J, Schmitt JC, editors. *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval*. Paris: Fayard; 1999. p. 199–213.
52. Luchitskaya SI. [Knighthood]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. (Summa culturologiae). p. 431–437. Russian.
53. Malinin YP. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' pozdnesrednevekovoi Frantsii XIV–XV vv.* [Socio-political thought of late medieval France of the 14th–15th centuries]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University; 2000. 231 p. Russian.
54. Fedorov SE, Prokopyev AYu, editors. *Nobilitet v istorii Staroi Evropy* [Nobility in the history of Old Europe]. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University; 2010. 364 p. Russian.
55. Sidorov AI. [Carolingian milites and nobiles: on the background of medieval European chivalry]. In: Gurevich AY, editor. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. The man in history]. Moscow: Nauka; 2004. p. 36–46. Russian.
56. Khachatryan NA. [The status of the Western European nobility, its internal stratification and social potentials]. *Byulleten' Vserossiiskoi Assotsiatsii medievistov i istorikov rannego Novogo vremeni*. 1997;8:10–14. Russian.
57. Smirnova ED. [Nobility as a phenomenon of the Western European Middle Ages (historical and historiographic aspect)]. In: Fiadosik VA, Eutuhou IA, editors. *Listapadawskija sustrzeczy – 10. Zbornik artykulaw pa matjeryjalah Mizhnarodnaj navukovaj kanferencyi w gonar akadjemikaw M. M. Nikol'skaga i U. M. Percava; 14–15 listapada 2013 g.; Minsk, Belarus'* [October meetings – 10. Collection of articles based on materials from the International scientific conference in honor of academicians N. N. Nikolsky and V. N. Pertsev; 2013 November 14–15]. Minsk: Belarusian State University; 2013. p. 1–8. Russian.
58. [Accolade]. In: Andreevskii AE, editor. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom 1* [Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron. Volume 1]. Saint Petersburg: Aktsionernoe izdatel'skoe obshchestvo «Brokgauz – Efron»; 1890. p. 287. Russian.
59. Grevs IM. [Feudalism. The essence of feudalism and its origin]. In: Arseniev KK, Petrushevskii EE, editors. *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom 35a* [Encyclopedic dictionary. Volume 35a]. Saint Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz – Efron»; 1902. p. 494–558. Russian.
60. Mojeiko MA. [The problem of discourse in modern post-non-classical philosophy]. In: Rożek L, redactor. *Formacje dyskursywne w kulturze, językach i literaturze europejskiej XX wieku. Prace interdyscyplinarne – IV*. Częstochow: Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie; 2005. s. 77–107. Russian.
61. Mojeiko MA. [P. Serio's concept of “nominalization”]. In: Kharitonchik Z, editor. *Nominatsiya i diskurs. Materialy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 8–9 noyabrya 2006 g.; Minsk, Belarus* [Nomination and discourse. Materials of reports of the International Scientific Conference; 2006 November 8–9; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2006. p. 39–41. Russian.
62. Luchitskaya SI. [Chivalry is a unique phenomenon of the Western European Middle Ages]. In: Gurevich AY, editor. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odysseus. The man in history]. Moscow: Nauka; 2004. p. 36–46. Russian.
63. Schepkin NN. [Chivalry]. In: Arseniev KK, Petrushevskii EE, editors. *Entsiklopedicheskii slovar'. Tom 27* [Encyclopedic dictionary. Volume 27]. Saint Petersburg: Tipografiya aktsionernogo obshchestva «Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz – Efron»; 1899. p. 458–462. Russian.
64. Genicot L. Noblesse. In: *Dictionnaire raisonné de l'Occident médiéval*. Paris: Fayard; 1999. p. 821–833.
65. Ramon Lul. [The Book of the Knight's Order]. In: Ramon Lul (Raimund Lullius). *Kniga o Lyubyashchem i Vozlyublennom. Kniga o rytsarskom ordene. Kniga o zhivotnykh. Pesn' Ramona* [The Book about the Lover and the Beloved. The Book of the Knight's Order. The Book about Animals. Song of Ramon]. 2nd edition. Saint Petersburg: Nauka; 2003. (Literary Monuments). p. 71–132. Russian.
66. Klenshan F de Puy du. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Saint Petersburg: Eurasia; 2004. (Clio). 190 p. Russian.
67. Gurevich AY. *Individ i sotsium na Srednevekovom Zapade* [Individual and society in the Medieval West]. Saint Petersburg: Alexandria; 2009. 481 p. Russian.
68. [Biographies of troubadours]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. (Literary Monuments). p. 8–259. Russian.
69. Roy JJ. *Istoriya rytsarstva* [The history of knighthood]. Moscow: Aleteiya; 1996. 248 p. (Vita memoriae). Russian.
70. Scheglova LV, Saenko NR. *Obraz blagorodnogo vsadnika: kul'turnye modeli* [The image of a noble horseman: cultural models]. Moscow: Publishing House of the Moscow State Regional University; 2010. 184 p. Russian.
71. Desimon R. [Nobility, «breed» or social category? The search for new ways to explain the phenomenon of the nobility in France of the New Age]. *Frantsuzskii ezhegodnik*. 2001;2001:14–35. Russian.
72. Bonnassie P. *La Catalogne du milieu du X à la fin du XI siècle. Croissance et mutations d'une société. Volume 1*. Toulouse: Presses universitaires du Mirail; 1975. 522 p.

73. Fritsche VM. *Ocherki po istorii zapadno-evropeiskoi literatury* [Essays on the history of Western European literature]. Moscow: Directmedia; 2015. 256 p. Russian.

74. Smolitskaya OV. [Courteous love]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. (Summa culturologiae). p. 253–255. Russian.

75. Gaucelm Faidit. [“No! Enough of sea waves...”]. In: Vaksmaher M, Shlapoberskaya S, editors. *Poeziya trubadurov. Poeziya minnezingerov. Poeziya vagantov* [The poetry of troubadours. The poetry of minnesingers. The poetry of vagantas]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1974. (Library of World Literature. The first series). p. 111–112. Russian.

76. Ivanov KA. *Trubadury, truvery, minnezingery* [Troubadours, trouvers, minnesingers]. Petrograd: M. P. Frolova's tipolitography; 1915. 348 c. Russian.

77. Dante A. [About folk eloquence]. In: Meilakh MB, Meletinsky EM, editors. *Zhizneopisaniya trubadurov* [Biographies of troubadours]. Moscow: Nauka; 1993. (Literary Monuments). p. 382–383. Russian.

78. Lietaer B. *Dusha deneg* [The soul of money] [Internet]. Moscow: Olympus; 2007 [cited 2019 January 31]. 368 p. Co-published by the AST, «Astrel». Available from: <http://artifact.org.ru/proshloe-fas-i-profil-2/detalirovka-voprosov-globalnoy-teorii/11-lietar-b-dusha-deneg.html>. Russian.

79. Kazansky I. [Medieval Lyrics]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlennaya kruzhkom prepodavatelei. Vypusk 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Issue 2]. Moscow: Partnership of A. I. Mamontov's Printing House; 1897. p. 822–841. Russian.

Статья поступила в редколлегию 19.04.2020.
Received by editorial board 19.04.2020.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 327

КРИЗИС ВЕРЫ ИЛИ ВЕРА КРИЗИСА

Д. К. БЕЗНЮК¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлены некоторые показатели религиозности населения Беларуси по результатам социологических опросов 2017–2019 гг. Выделяются глобальные характеристики, на фоне которых происходит развитие религиозной ситуации, и раскрывается система факторов, характеризующих специфику религиозности в современной Беларуси. Предпринимается попытка прогноза изменения религиозности.

Ключевые слова: религия; религиозность; доверие; культура; современность; кризис; религиозная вера; секуляризация; пострелигия.

CRISIS OF FAITH OR FAITH OF CRISIS

D. K. BEZNIUK^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Some indicators of the religiosity of the population of Belarus according to the results of opinion polls 2017–2019 are presented. Global characteristics are distinguished against which the religious situation is developing, and a system of factors characterizing the specificity of religiosity in modern Belarus. An attempt is made to forecast a change in religiosity.

Keywords: religion; religiosity; confidence; culture modernity; a crisis; religious faith; secularization; post-religion.

Образец цитирования:

Безнюк ДК. Кризис веры или вера кризиса. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:124–128.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128>

For citation:

Bezniuk DK. Crisis of faith or faith of crisis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:124–128. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-124-128>

Автор:

Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социологических наук, профессор; заместитель директора по научной работе.

Author:

Dmitry K. Bezniuk, doctor of science (sociology), full professor; deputy director for research.
mayo-r-r-r@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3546-3748>

Введение

Любые размышления о религии в контексте социальных кризисов (экономических, политических, эпидемических и пр.) всегда в той или иной форме содержат исследовательскую аксиому о теснейшей связи переживания кризисного явления с его религиозным восприятием (трактовкой). Обычно это отражается следующей формулой: в период кризисов наблюдается рост религиозности населения и активизация религиозной жизни. Религиозные деятели говорят о кризисе как о поводе задуматься над смыслом жизни, местом человека в системе мироздания, атеисты – о классическом проявлении иллюзорно-компенсаторной функции религии, которую так удачно подметил и раскрыл К. Маркс.

Ситуация периода второй трети XX – начала XXI в. продемонстрировала достаточно стремительную по историческим меркам картину радикальной религиозной перестройки: постиндустриальный мир настигла волна нетрадиционной религиозности, на смену политическому радикализму красных революционеров пришел религиозно-политический экстремизм, постсоциалистический мир так или иначе пережил «религиозный ренессанс», появились интуиции новой постсекулярной эпохи и рождения пострелигии.

Теперь социологу религии необходимо более тщательно, чем прежде, подходить к понятиям традиционного религиоведения и методам интерпретации данных.

Современная ситуация, в которой находится социолог, пытающийся диагностировать религиозность и зафиксировать кризис веры (секулярный тренд) или особенности веры в период кризисных явлений (постсекулярность, «религиозный ренессанс», новая религиозность и прочие понятия-диагнозы), отличается мультифакторностью и наличием нескольких, как представляется автору, важных фоновых характеристик. К последним следует отнести экономический кризис, трансформацию религиозного поля, цифровизацию (дигитализацию), эпидемиологическую ситуацию.

Разворачивающийся экономический кризис, который, по оценкам экспертов, будет провоцировать политический и социальный кризис, что максимально дестабилизирует привычный мир обывателя и потребует как его переоценки, так и практик приспособления к новым условиям. В 2015 г., после валютно-финансового кризиса 2014–2015 гг. в России, официальные представители многих религий и конфессий Российской Федерации – православной, мусульманской, иудаистской, буддийской – отметили рост числа прихожан и оживление религиозной жизни¹. Бизнес-аналитик Г. Вермишев

(издание «Деловой Петербург») замечает, что «кризис питает веру»: «Религия и биткоин – что между ними общего? А вот что: в кризис оба ресурса оказались востребованы, выяснили аналитики Qrator Labs. Впереди... мощнейший экономический кризис столетия, так что все средства хороши. Правда, информацию о Боге ищут все-таки чаще. Трафик на религиозных сайтах вырос минимум на 30 %, тогда как криптобиржи фиксируют прирост в среднем на 5,5 %» [1].

Наблюдается трансформация самого религиозного поля, что хорошо отражено в дискуссии о пострелигии как той форме, в которую перетекает привычная нам религия и религиозность. Предложенный Ю. Хабермасом концепт «постсекулярное общество» [2] спровоцировал интерес к современному состоянию религии и ее статусу в обществе позднего модерна и постмодерна. Если религия трансформируется, то преобразовывается и ее носитель, его мир и ценности. Каковы тогда драйверы этого процесса, какова их природа относительно религиозного?

Набирающая темпы цифровизация изменяет социальные и культурные практики, в том числе и религиозные. Здесь стоит отдавать себе отчет и в том, что агенты этих практик изменяют под них и свое сознание (логические схемы, ценностные масштабы и пр.). Цифровизация меняет восприятие религии и техники потребления религиозного продукта. Отсюда закономерный вопрос: «А меняется ли в таком случае сама религия и ее презентации в частном и публичном пространстве?»

Инфекционное заболевание COVID-19 запустило классическую для всех эпидемий ситуацию страха, сомнения, озлобленности и других состояний, которые, как показывает практика и что мы отметили выше, будут иметь последствия в религиозной жизни человека и общества. Экономический кризис, усугубленный эпидемией коронавируса, ломает все алгоритмы логики современного общества потребления. Ректор Саратовской православной духовной семинарии митрополит Лонгин (В. Корчагин) в 2016 г. отмечал, что уровень напряжения и тревоги в обществе «очень высок, и тому много причин, в том числе та же психология потребления. Есть старое, но верное изречение: “Революцию делают не голодные, а сытые, которых некоторое время не кормили”. Когда в налаженной пищевой цепочке потребителя появляются бреши, пробоины, возникают злоба и страшная зависть друг к другу. А это очень плохо... Остроты ситуации добавляет кризис, который мы сейчас переживаем. Не совсем понятные перспективы (не только эко-

¹Как религия спасает россиян от экономического кризиса? [Электронный ресурс]. 2020 URL: <https://nsn.fm/society/society-religiya-spaset-rossiyan-ot-krizisa> (дата обращения: 20.04.2020) ; В кризис россияне стали более религиозными [Электронный ресурс]. 2020 URL: <https://iz.ru/news/590400> (дата обращения: 20.04.2020).

номические, но и политические), существующее положение в мире – все это действует на человека... Все беды, проблемы, несчастья, посещающие нас, – результат нашей недолгой жизни» [3].

Указанные характеристики создают своеобразный исторический фон, на котором действует ряд конкретных факторов. Их совокупность (при экспликации и анализе) дает социологу возможность диагностировать наличное состояние религиозности и религиозной жизни как таковой.

Прежде чем перейти к этим факторам, отметим общие характеристики религиозного поля Беларуси, в первую очередь обращаясь к данным по религиозности населения республики и ее особенностям.

По результатам летнего мониторинга 2019 г. на вопрос: «Считаете ли вы себя верующим челове-

ком?» – 65,9 % опрошенных ответили «да» и «скорее да» (эта цифра практически совпадает с данными за 2017 г. – 66,89 %). Наибольший процент верующих зафиксирован в Гродненской и Брестской областях – 48,5 и 41,9 %, наименьший – в Витебской и Могилёвской – 13,9 и 23,4 % соответственно. Эти данные подтверждают исторически сложившуюся схему религиозной географии Беларуси с преобладанием верующего населения в западных областях республики.

На этот же вопрос 22,4 % опрошенных ответили «нет» и «скорее нет» (в 2017 г. – 21,84 %). Наибольший процент неверующих показал г. Минск – 34,2 %.

Конфессиональный спектр населения Республики Беларусь представлен в табл. 1.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос:
«К какой религии (конфессии) вы себя относите?», %**

Table 1

**Distribution of answers to the question:
«Which religion (denomination) do you attribute yourself to?», %**

Религия (конфессия)	Год	
	2017	2019
Православие	74,66	76,6
Католицизм	12,24	10,6
Протестантизм	0,48	0,6
Иудаизм	0,12	0,6
Ислам	0,10	0,1
Другое	–	1,2
Ни к какой	9,84	9,2

В сфере религиозных практик сохраняется уже ставшая стандартной ситуация секулярного верующего: наибольшее число респондентов посещают храм (культовое помещение) «от случая к случаю» и «по религиозным праздникам, значимым датам» – 31,4 и 31,0 % соответственно. Практически каждый день бывают в храме 1,5 % опрошенных, никогда – 17,1 %.

Никогда не участвовали в евхаристии (причастии), коллективных религиозных действиях, не соблюдали постов, не читали религиозных текстов более половины опрошенных: 56,7, 56,3, 57,7 и 61,5 % соответственно.

Если говорить о культовом поведении жителей нашей страны и мировоззренческой базе, которая его как бы легитимирует, то следует отметить два мало сопрягаемых факта.

Первый заключается в достаточно прозрачной и прямо пропорциональной связи между культовой практикой и пониманием ее важности (необходимости) для верующего. Так, 67,8 % опрошенных на вопрос: «Допускаете ли Вы, что можно быть

верующим, но не участвовать в церковных практиках?» – ответили «да» и «скорее да».

Второй факт, уже парадоксальный: столь незначительные показатели культовой активности как в целом, так и по конкретным формам (молитва, пост, чтение литературы и пр.) слабо коррелируют с пониманием того, что является «наиболее важным для верующего»:

- 1) молиться (58,7 %);
- 2) пройти обряд посвящения в религию (37,6 %);
- 3) соблюдать религиозные обряды и праздники (34,2 %);
- 4) исповедоваться и причащаться (31,5 %).

Эти и подобные цифры следует понимать и анализировать относительно того, что мы выше обозначили как факторы религиозности. Базовым из них выступает специфическое восприятие религии ее носителем или характер потребления религии субъектом.

Восприятие религии может разительно отличаться у различных людей, называющих себя верующими и идентифицирующих себя как при-

верженцев определенного вероучения. Речь идет о том, что для одного верующего религия есть вера и культ в традиционном смысле², для другого она выступает в форме культурно-исторической традиции, основой групповой идентичности [4], признаком принадлежности к конкретному сообществу (этническому, культурному и пр.), для третьих – особым видом знания, в рамках которого человек ищет когнитивного комфорта. Можно выделить, как показывают опросы, группу верующих, для которых религия – психотерапевтический комплекс, способствующий утешению и душевному комфорту. К другой группе относятся верующие, обращающиеся к религии как к политической идеологии, силе, мотивирующей и легализирующей комплекс нерелигиозных действий.

Опираясь на результаты зарубежных и отечественных исследований, можно выделить достаточно широкий спектр причин такого разнообразия – от пола, места жительства и образования верующих до экономических и политических деприваций. Однако непреложным остается факт: конкретное восприятие религии верующим продуцирует схемы (рациональные, эмоциональные, практические и др.) ее проживания адептом, соучастия и презентации ее в индивидуальном и коллективном бытии.

Важным фактором проживания религии и показателем ее присутствия в жизни человека и культурном пространстве выступает, например, восприятие религиозного праздника как необходимого и важного события. Так, по результатам опроса, проведенного в мае 2019 г., в десятку наиболее значимых для жителей Беларуси праздников и памятных дней вошли:

- Пасха (64,03 % верующих православной конфессии);
- Рождество Христово (55,37 % верующих православной конфессии);
- Радуница (40,02 %);

- Троица (20,58 %).

Обратим внимание, что из топ-10 праздников и памятных дней религиозными оказались 4 (почти половина).

О важном месте и роли религии в жизни человека свидетельствует и ее положение (результаты представлены на основе ценностного ранжирования). Отвечая на вопрос: «Что для Вас в жизни является наиболее важным?», – каждый пятый опрошенный (20,57 %) отметил: «Вера». В списке из 23 предложенных респондентам ценностей религия оказалась на 10-м месте.

Дополнить «ценностный рейтинг» религии можно анализом ситуации, когда религия становится основой индивидуальной или групповой идентичности. Эта тема достаточно широко дискутируется в рамках обсуждения успешности/неуспешности глобализационных проектов современности. Во время опроса, проведенного в сентябре 2018 г., респондентам был задан вопрос: «С какой социальной общностью Вы в первую очередь себя соотносите?» относительно варианта «С людьми моего вероисповедания» ответы распределились следующим образом:

- в значительной степени – 11,7 %;
- в умеренной степени – 27,0 %;
- в незначительной степени – 24,8 %;
- затрудняюсь ответить – 31,6 %.

Еще одним важным показателем, свидетельствующим о статусе религии (в данном случае в виде формальной организации – церкви) в социальной системе, выступает индекс доверия (от –1 до +1) к ней со стороны населения: в августе 2019 г. из предложенных 20 институтов респонденты наивысшее доверие испытывали к православной церкви (0,360). У католической и протестантской церкви индексы составляют 0,039 и –0,167 соответственно. Процентное соотношение данных показателей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Доверяете ли Вы церкви?», %

Table 2

Distribution of answers to the question: «Do you trust the church?», %

Церковь	Варианты ответа		
	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Православная	53,46	17,75	27,89
Католическая	29,87	26,02	42,23
Протестантская	17,25	33,60	47,28

²Здесь следует обратить внимание на то, что в данном случае сам традиционный смысл веры и культа может варьироваться в восприятии верующего в широких пределах: от канонического понимания до личностного. Автор был свидетелем того, как православный священник отказал молодой женщине в крещении, так как этим актом она хотела избавиться от «сглаза и венца безбрачия», то есть продемонстрировала понимание христианской религии (в форме акта крещения) как акта чисто магического, колдовского.

С аспектом доверия связан, хотя и парадоксально, фактор (назовем его практическим, или прикладным), применения религии в жизненных ситуациях. Уже родоначальники социологии (О. Конт, Г. Спенсер) и классики социологии религии (Э. Дюркгейм и его последователи, К. Маркс, Г. Зиммель), проясняя систему социальных функций религии, обращали внимание не только на сегмент веры и культа (теопраксии), но и на сегмент социально-прикладной, когда религия «работает» в светской, профанной среде.

Из 18 ресурсов решения жизненных проблем, которые предложили респондентам, религия, с индексом 0,515, оказалась в середине (на 10-м месте), опередив такие варианты ответов, как хорошее образование, наличие собственности, престиж профессии и занимаемую должность, однако уступив в популярности семье, жизненному опыту, деньгам

и друзьям, – видимо, как отмечают многие, когда перестают помогать эти ресурсы, тогда человек начинает прибегать к Богу.

На вопрос: «Помогает ли Вам религия справиться с жизненными проблемами?» – ответы в процентном отношении распределились так:

- помогает во всех ситуациях – 20,63 %;
- помогает в большинстве ситуаций – 16,82 %;
- помогает только в некоторых ситуациях – 21,02 %;
- не помогает вообще – 16,31 %;
- затруднились ответить – 21,58 %.

В рамках прикладного фактора следует указать на организационно-деятельностную активность респондентов. В этом случае мы опять сталкиваемся с ситуацией секулярного верующего: только 2,6 % опрошенных участвуют в деятельности каких-либо религиозных организаций.

Заключение

Из указанной в названии данного материала дихотомии *кризис веры или вера кризиса* относительно религиозной ситуации в Беларуси, скорее всего, следует выбрать второй сюжет: достаточно традиционная отечественная культура и ориентация на консервативные (по сути своей христианские) ценности позволяют говорить о специфической стабильности религиозной жизни страны. Наибольшее возмущение (расшатывание) религиозности можно ожидать, как представляется автору, на трех направлениях:

1) молодежь, которая выступает резервом религиозного населения, но по-своему будет понимать религию, культ, личную религиозность. Надо указать и на традиционно низкий уровень религи-

озности молодежи, в связи с чем нет никакой гарантии, что в будущем она обретет веру и сменит уходящее поколение верующих;

2) возможный кризис так называемой институциональной религии (официальных церквей), который может быть как причиной, так и следствием более обширных исторических изменений;

3) «мечта атеиста» (наименее вероятное направление) – появление реальной культурной альтернативы религиозному мировоззрению, если не в перспективе полного вытеснения, то хотя бы в плане его радикальной трансформации до какой-нибудь полуфилософской, полупсихологической экзистенциальной схемы.

Библиографические ссылки

1. Вермишев Г. «С верой в Бога и биткойн»: кризис вернул интерес к религии и криптовалютам [Интернет]. 2020 [процитировано 20 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://www.dp.ru/a/2020/04/15/Na_sudnij_den.
2. Хабермас Ю. Постсекулярное общество – что это? *Российская философская газета*. 2008;4:1.
3. Кязимова Н. Кто управляет миром? О чем стоит задуматься в кризис? [Интернет]. 2020 [процитировано 20 апреля 2020 г.]. Доступно по: https://saratov.aif.ru/society/religion/kto_upravlyaet_mirom_o_chyom_stoit_zadumatsya_v_krizis.
4. Лункин Р. Религия и кризис европейской идентичности: политические подходы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2018;4:205–211. DOI: 10.15211/vestnikieran42018205211.

References

1. Vermishev G. «With faith in God and bitcoin»: the crisis returned interest in religion and cryptocurrencies. [Internet]. 2020 [cited 20 April 20]. Available from: https://www.dp.ru/a/2020/04/15/Na_sudnij_den. Russian.
2. Habermas J. [Postsecular society – what is it?]. *Rossiiskaya filosofskaya gazeta*. 2008;4:1. Russian.
3. Kyzimova N. Who rules the world? What is worth considering in a crisis? [Internet]. 2020 [cited 20 April 20]. Available from: https://saratov.aif.ru/society/religion/kto_upravlyaet_mirom_o_chyom_stoit_zadumatsya_v_krizis. Russian.
4. Lunkin R. Religion and the crisis of European identity: the political approaches. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;4:205–211. Russian. DOI: 10.15211/vestnikieran42018205211.

Статья поступила в редакцию 01.05.2020.
Received by editorial board 01.05.2020.

Р. С. Нашему постоянному автору и члену редакционной коллегии Дмитрию Константиновичу Безнюку 2 июля исполнилось 50 лет. Его талант, человеческая доброта и отзывчивость, искрометное чувство юмора снискали ему заслуженный авторитет и уважение среди коллег и студентов. Совсем недавно Д. К. Безнюк от преподавания социологии управления перешел к практическому освоению этого нелегкого искусства работы с людьми, вступив в должность заместителя директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси. Здоровья Вам, Дмитрий Константинович, и успехов на новом поприще!

Редколлегия

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА: К ВОПРОСУ О СЕКУЛЯРИЗАЦИИ

П. М. ЦУЛЕНЕР¹⁾

¹⁾Венский университет, ул. Крамера-Глэкнера, 36, 1130, г. Вена, Австрия

С опорой на биографический подход анализируется история теории секуляризации. Приводятся примеры личного взаимодействия автора с ее двумя важными теоретиками, Питером Бергером и Томасом Лукманом. Постепенно представляются аргументы в пользу несостоятельности данной теории для интерпретации идеологии и религии в либеральных культурах Западной Европы. Утверждается, что явление, интерпретируемое в качестве секуляризации религии, – это не более чем упразднение навязывавшихся ранее разными государствами идеологических монополий. Результатом этого процесса считается появление мультикультурных и мультирелигиозных плюралистических сообществ. Группы атеистов и глубоко верующих и практикующих христиан находятся в таких обществах на периферии. Они уступают большим группам скептиков, неуверенных и индивидуально-религиозных людей. Поднимается вопрос об индивидуальных стратегиях адаптации современных людей к жизни в условиях регулярной коллизии светских и религиозных реалий современного общества.

Ключевые слова: теория секуляризации; религиозная монополия; религиозный плюрализм; атеизм.

WESTERN EUROPE: SECULARISATION LIGHT

P. M. ZULEHNER^a

^aUniversity of Vienna, 36 Kramer-Glöckner-Strasse, Vienna 1130, Austria

This article presents a biographical approach to the history of the changes in the theoretical appraisal of the secularisation concept, grounding on personal relations of the author with its two major theoreticians: Peter L. Berger and Thomas Luckmann. The theory of secularisation is gradually presented as unsuitable for interpreting the ideological/religious dimension of the liberal cultures of Western Europe. It states, that what is currently interpreted as secularisation is in fact the dissolution of imposed fateful ideological monopolies. The result is the development of not mono-colored/secular, but ideologically multicoloured/pluralistic societies. The group of the atheised and of consistently believing and practicing Christians are typologically on the fringes of the society, while the largest groups are the skeptics, the insecure, but also the privately-religious. The question is raised about coping strategies of contemporary people, living in the inconsistent world of constant collusion of the secular and the religious realities.

Keywords: theory of secularisation; religious monopoly; religious pluralism; atheism.

You asked me to say a few words about the far-reaching issue of secularisation in Western European societies, and this under the title «Secularisation light». I will choose a biographical approach. At the end, backed by my mentor and friend Peter L. Berger, I will defend the position that the theory of secularisation is unsuitable for interpreting the ideological/religious dimension of the liberal cultures

of Western Europe. The theory of secularisation is used rather as an instrument: by church leaders who are tormented by the transformation of their church from the Constantinian era to today's pluralistic era, but also by ideological warriors who do not want to come to terms with the fact that a forcefully implemented end of religion does not seem to be taking hold.

Образец цитирования:

Цуленер ПМ. Западная Европа: к вопросу о секуляризации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:129–132 (на англ.). <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-129-132>

For citation:

Zulehner PM. Western Europe: secularisation light. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2: 129–132. <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-129-132>

Автор:

Пауль Михаэль Цуленер – профессор, доктор философии, доктор теологии; заведующий кафедрой пасторского богословия факультета католического богословия.

Author:

Paul Michael Zulehner, full professor, doctor of philosophy, doctor of theology; head of the department of pastoral theology, faculty of catholic theology. paul.zulehner@univie.ac.at

Habilitation studies in Konstanz with Thomas Luckmann

In 1970, during my postdoctoral studies with Thomas Luckmann in Konstanz, I dealt intensively with the secularisation assumption, which was much discussed in the seventies. The work published under the title «Säkularisierung von Gesellschaft, Person und Religion. Religion und Kirche in Österreich» («Secularization of Society, Person and Religion. Religion and Church in Austria» (Freiburg, 1973)). During my studies in Konstanz I got to know the complexity of the question. I found different approaches in the writings of two great sociologists of knowledge, Thomas Luckmann and Peter L. Berger. Berger was of the opinion that the institutions of a modern society are becoming increasingly secularized. Luckmann contradicted him: Of course, the institutions in modern societies understand each other secularly, but secularisation is not taking place. Religion merely becomes «invisible» (The invisible religion, 1969). Religion cannot disappear entirely. The end of religious transcendence would mean the end of human beings. It has already become clear that the secularisation hypothesis is closely bound to

the concept of religion. Those who as Berger does, understand religion substantively (following Rudolf Otto, for instance) and view religion as community-generating, have diagnosed deep changes in the position of religious communities in modern societies. Luckmann, however, understands religion functionally and – which has often been criticized – ultimately identifies it with being human and with the ability to transcend space and time. The sociologist Günter Dux gave me food for thought at that time in Konstanz. He regarded secularisation (only) as a category for interpreting a transformation process in the ideological dimension of society. However, interests always play a role in the interpretations that shadow generated knowledge. Who benefits from this interpretation? At that time, I discovered for myself that the secularisation hypothesis is used by those responsible in the Orthodox and Catholic Church. At a symposium in Gniezno, I witnessed how the Archimandrite Hilarion publicly asked Cardinal Kasper to fight secularisation together with the Orthodox Church.

Meeting of experts in Berlin

At the end of the seventies I received an invitation from Peter L. Berger to a conference of the world's leading experts in sociology of religion. The following extraordinary experts were present:

- Danièle Hervieu-Léger from France. She later published about the modern forms of religion (*La religion en mouvement: le pèlerin et le converti*, 1999). In her opinion, two types of believers stand out: the pilgrim and the convert.

- Grace Davie from Great Britain was also there. She later advocated the hypothesis of a «vicarious religion». She sees it as very important to treat Europe as a special case on this issue (Europe – the exceptional

case: parameters of faith in the modern world, 2002), because religion is booming worldwide, especially in its evangelical form («Pentecostalism: The world their parish» (2002) by David Martin).

- The meeting was marked by the Israeli sociologist Smuel Eisenstadt. He presented his assumption that there are «multiple modernities» – some are compatible with religion and others not. The old formula «the more modern, the more secular» forces one to ask: Which modernity is meant here?

No one at the Congress showed unreserved sympathy for the secularisation hypothesis which dominated the 1970s.

Empirical research of religion

Early in my life, I came via the Institute for Church Social Research in Vienna to first research the changes in church life, then the development of the ideological dimension in Europe, especially in Austria. Since 1970, in ten-year intervals, I have researched religion in the lives of Austrians (see figure).

In 1980, I was invited by Jan Kerkhofs to join the board of the EVSS. The rich data for Europe and especially for Austria fed my scientific doubts about the durability of the secularisation hypothesis, also

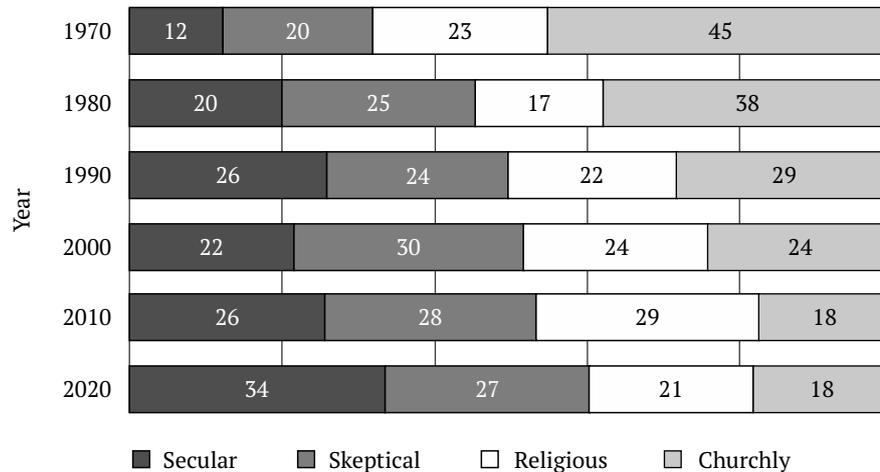
for Europe. I described the long-term development of the ideological dimension in Austrian culture over the course of half a century with the concepts of «Verbuntung» (2011) and «Wandlung» (2020). The example of Austria shows that there is no simple transition from a catholic to secularized culture. Rather, there is a colourisation, a pluralization. In all surveys, there was a colourful typology of the Churchlies, Private-Religious, Skeptics and Atheised.

2013 seminar in Boston

I presented these insights at a seminar in Boston in 2013. An important topic of discussion was why Europe is developing differently from the other continents. A key was seen in the aftermath of the Reformation, near to the dirty Thirty Years War. The connection bet-

ween God and violence made by the hostile denominations and their political backers had fatal consequences.

Through this war, a serious discrediting of the Christian denominations took place. The promised «Landfrieden» did not come. One consequence was pointed

Religion in Austria, %

out by the Enlightenment philosopher Voltaire: He was convinced that there could only be «Landfrieden» without the hostile Christian denominations. The French atheists went a step further and thought that only a society without God could be peaceful. If one looks from this history to contemporary findings in the field of sociology of religion, one sees that manifold

variants of this thesis can be found in Europe today: church-bound peoples, private religious, atheised and, above all, skeptics.

This seminar triggered a far-reaching consequence for Peter Berger. In his last book «The many altars of modernity» (2014) he revoked his earlier secularisation theories.

Conclusion

Finally, let me summarise my biographical experiences in a few points.

1. Ideologically monocolored cultures can only be asserted in authoritarian-totalitarian societies. The power of medieval princes, such as the absolutistic Josephinism (which was similar to tsarism in Russia), was supported, using all social and state means, by a monocoloured Catholicism, or, similarly, communist totalitarianism was enforced by a monocoloured atheism. Authoritarian-totalitarian systems make their respective worldview an inescapable fate for the peoples.

2. (Modern) liberal societies dissolve (often through silent processes) imposed (forced) worldview monopolies: this applies to Catholicism, this will predictably also be the case with the currently imposed atheism. Berger describes a shift «from fate to choice». If people choose, the probability of ideological diversity increases. Modern liberal cultures are therefore always ideologically pluralistic, they have many altars. They are multicolored, a meadow of flowers and not a monotonous sports turf.

3. What is currently interpreted as secularisation is in fact the dissolution of imposed fateful ideological monopolies (e. g. the Catholic monopoly in Austria or Bavaria). The result is the development of not mono-colored/secular, but ideologically multicoloured/pluralistic societies.

4. It may be that for (still to be researched) reasons the group of the atheised is currently growing in some European societies, while the amount of consistently believing and practicing Christians is decreasing. But

these groups are typologically on the fringes; the largest groups are the skeptics, the insecure, but also the privately-religious (Austria, 1970–2020).

5. The decrease in the category of consistently committed Christians probably also has to do with the fact that the Christian churches have for too long relied on a kind of socio-cultural self-evidence. Only with a small number has it been possible to turn culturally supported Christianity into a personal one. Religion and church hostile systems (such as Nazis or Communists) have left a valuable side effect in this respect.

6. Little research has until now been done into how atheists (who also exist in the West) interpret the world and themselves in it and what consequences they draw from it for their personal and social lives. The 2020 analyses in Austria shows that one of the greatest differences between followers and deniers of God is that they live in realities with a different span of the transcendental dimension. While the reality of those who deny God is narrowly limited in time and space, that of those who believe in God appears infinite and eternal, without spatial-temporal limitations. For some, the boundary of death is the definitive, insurmountable and inescapable end; this makes those who deny God mortals. Those who believe in God experience themselves (in the great majority) as immortals. For them death is a transition, not a downfall. The core research question is: which practical consequences follow from these two contrary definitions of reality? How do they live, shape their relationships, which political beliefs do they hold,

how do they want to die, what is their stance on the question of the protection of human life from the cradle to the grave (abortion, euthanasia)?

7. Berger formulated a still largely unexplored question in his last book. By drawing on his sociology of knowledge, developed with Luckmann, he poses the question whether people living in pluralistic societies (which have both secular and religious dimensions) might be expected to also be pluralistic in their inner being, in their consciousness. Their art of living consists of living with the different structures of relevance (Alfred Schutz) belonging to the different worlds. Since the secular realities and the religious realities are in many aspects not consistent, this creates an inner challenge for modern people to cope with both realities. This is a variation of the question how Christians under National Socialism or Communism managed to be Christians. Many people in pluralistic

cultures experience a cognitive dissonance that generates cognitive stress. But how do contemporaries live with this? This is where research begins. We can assume that there are some types of groups. Some people withdraw from the religious realm and break off all communication with a religious community. Others emigrate from the secular world and settle into sect-like groups. Others remain present in the secular world and risk cultural martyrdom. Still others demand from their own religious community to become more modern and to avoid unnecessary cognitive stress. And if religious communities are not prepared to do this, quite a few find a solution for themselves by becoming (as I already published in 1974) «Auswahlchristen», or selective Christians. And not to be forgotten are the balancers who adapt themselves with seismographic precision to the respective structure of relevance that they are currently dealing with.

Received by editorial board 09.04.2020.

УДК 316.74:2

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ В УКРАИНЕ ДО И ПОСЛЕ ЕВРОМАЙДАНОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

С. А. МУДРОВ¹⁾

¹⁾Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 30, 211440, г. Новополоцк, Беларусь

Основное внимание в процессе анализа религиозной жизни Украины до и после «революции достоинства» 2014 г. уделено православным церквям как наиболее многочисленным и влиятельным в Украине. Аргументируется, что начиная с 2014 г. существенно возросло давление на Украинскую православную церковь Московского патриархата со стороны средств массовой информации, а также властей в целях формирования ее имиджа как «радикального иного». Одновременно большая поддержка оказывалась Киевскому патриархату и Украинской автокефальной православной церкви. Тем не менее Украинская православная церковь Московского патриархата смогла удержать положение наиболее многочисленной деноминации, сохраняя уверенное присутствие во всех регионах Украины. Однако попытки маргинализации этой церкви еще более разделили украинское общество, нивелируя перспективы примирения.

Ключевые слова: православные церкви; религия, Московский патриархат; Киевский патриархат; автокефалия; Украина.

ORTHODOX CHURCHES IN UKRAINE BEFORE AND AFTER THE EUROMAIDAN REVOLUTION

S. A. MUDROV^a

^aPolotsk State University, 30 Blochina Street, Navapolack 211440, Belarus

I discuss the religious life in Ukraine before and after the 2014 «revolution of dignity». The main focus of the article is on the Orthodox churches, as the most numerous and influential in Ukraine. I argue that since 2014 the pressure on the Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) has intensified substantially, with a purpose of creating from this church an image of the «radical other». The pressure was going along several lines: mass-media discussions, actions of authorities and the attempts to make changes in the relevant legislation. At the same time, the Church of Kiev Patriarchate and the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church were receiving more support. However, the Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) has kept its status of the most numerous denomination, holding its firm presence in most Ukrainian regions. The attempts to marginalize this church have further divided Ukrainian society, blurring the prospects for reconciliation.

Keywords: Orthodox churches; religion; Moscow Patriarchate; Kiev Patriarchate; autocephaly; Ukraine.

Introduction

The violent events in Ukraine that took place in February 2014 are now becoming the remnants of the past, attracting more academic analysis and, quite often, various political speculations. After the Euro-maidan protests, which resulted in the death of more than one hundred people in Kiev and the ousting of

President Yanukovich, the Ukrainian political, economic and social landscape was changing violently and rapidly. Obviously, these changes could not bypass religion, since Churches continue to be important and influential actors in the life of Ukraine. This is especially true in view of the fact that Maidan was not only

Образец цитирования:

Мудров С.А. Православные церкви в Украине до и после Евромайдановской революции. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2: 133–141 (на англ.).
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-133-141>

For citation:

Mudrov SA. Orthodox churches in Ukraine before and after the Euromaidan revolution. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2020;2:133–141.
<https://doi.org/10.33581/2521-6821-2020-2-133-141>

Автор:

Сергей Александрович Мудров – кандидат социологических наук; доцент кафедры социальных коммуникаций финансово-экономического факультета.

Author:

Sergei A. Mudrov, PhD (sociology); associate professor at the department of social communications, faculty of finance and economics.
s.mudrov@psu.by

a political event, but also the event having some religious connotations. Cyril Hovorun claims that Maidan «explained itself in religious terms and articulated its demands through religious symbols. More importantly and less obviously, it created a new matrix of relationship between the churches and society in Ukraine» [1].

These new relationships between Churches and society in Ukraine have remained the subject of various interpretations, often of the incompatible character. Arguably, many things have changed for Churches in Ukraine after the Euromaidan Revolution, especially for the dominant confessions. These changes will form the main focus of analysis in this article. I shall

consider the following issues: the attitudes of authorities and mass-media towards churches, attempts for the legislative modifications and inter-confessional (inter-jurisdictional) relations. As a starting point, I take the year 2013, as the last one before the «revolution of dignity». My focus is on the Orthodox churches, as the most numerous and influential in Ukraine. In general, assessing the post-Maidan developments for Ukrainian churches, I follow the concept of securitising identities, including securitising of religion, as developed by Matti Jutila [2] and the concepts of the «other» and «radical other», described by Stuart Croft [3].

The starting point: how the religious life looked like in 2013

It would be naive to idealise the religious life and relationships between religions and authorities in Ukraine before the Euromaidan. However, it would be equally wrong to demonise it. In 2013, there was a degree of stability in the church – state relations and inter-confessional relations, although, to an extent, it looked as a frozen conflict, the «defrosting» of which could occur in case of some favourable circumstances arising. Indeed, the fragmentation and schism in Ukrainian Orthodoxy continued, without any realistic prospects for overcoming. Initially, this fragmentation was provoked by the actions of some church hierarchs and priests (where the then Metropolitan Filaret Denisenko played a prominent role) and the authorities (especially President Kravchuk) in the late 1980s and early 1990s, when two Orthodox churches – Autocephalous (UAOC) and of Kiev Patriarchate (UOC KP) – were established in Ukraine. The establishment of these churches was dictated by political rather than religious needs; to an extent, it was a reflection of the growing Ukrainian nationalism and the desire to somehow privatise the Orthodox Church, placing it at the disposal of nationalist leaders. It is therefore not surprising that these churches have mainly attracted people for whom politics and ideology were often more important than the faith itself. Both UAOC and UOC KP¹ have

further proved their links with Ukrainian nationalism, even in spite of the fact that nationalism has often been condemned in the Orthodoxy [4; 5].

Since its foundation in Ukraine the UAOC and UOC KP have strived for the legalisation of their status among other Orthodox churches in the world. However, these attempts have not been successful. The international Orthodox community has recognised the Ukrainian Orthodox Church – the one in communion with the Moscow Patriarchate – as the only canonical Orthodox Church in Ukraine, i. e. the only Ukrainian Church legitimately representing Orthodoxy in Ukraine. The non-canonical Orthodox churches, lacking the recognition of the world Orthodox churches, kept their state recognition in Ukraine and were often supported by authorities, including at least two presidents – Kravchuk and Yuschenko. The Orthodox Church of the Kiev Patriarchate was the largest non-canonical church, the second largest one was the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church². There were also some smaller groups (such as UAOC (renewed)), which separated from the non-canonical churches, but their size and significance were negligible. The statistical information for that period for all three Orthodox churches recorded the following figures (table 1).

Table 1

Religious statistics for Ukraine – Orthodox (as of January 2014)

Churches (jurisdictions)	Number of parishes (religious organisations)	Number of priests	Number of monasteries/monks and nuns
UOC MP	11 465	10 456	224/4118 ³
UOC KP	4661	3132	60/188
UAOC	1185	706	12/13

Note. Developed on the basis of: <https://risu.org.ua/ua/index/resourses/statistics/ukr2014/55893/> (date of access: 01.05.2020); <http://news.church.ua/2014/01/05/zvit-keruyuchogo-spravami-ukrajinskoji-pravoslavnoji-cerkvi-za-2013-rik/> (date of access: 02.05.2020).

¹UAOC renewed its functioning in Ukraine in 1989; UOC KP was established in 1992.

²In December 2018, KP and UAOC merged, establishing a new church structure – Orthodox Church of Ukraine (OCU). However, up to now the status of the OCU has not been settled, since it obtained recognition only from three Orthodox churches out of 15.

³This data is for the late 2015, as indicated in the UOC report.

Overall, in 2013 there was a clear dominance of the Ukrainian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) (UOC MP): more than 66 % of all parishes belonged to this church. This domination was especially visible in the number of priests (73 % of all Orthodox priests belonging to the UOC MP) and the number of monks and nuns (more than 95 % of them were in the UOC MP). However, one needs to note an important sociological dilemma: in 2013 the number of those who claimed (as indicated in the «Razumkov Centre» research) their belonging to the churches of Moscow and Kiev Patriarchate was roughly equal: 27.7 and 25.9 % respectively⁴. These numbers look quite contradictory to the number of parishes and, especially, the number of priests. Indeed, with almost equal number of faithful, as seen in the «Razumkov Centre» sociological polls, it is plausible to expect the same equal number of parishes and priests who have to take care of their faithful. However, the number of parishes in Kiev Patriarchate is substantially smaller than the number of parishes in Moscow Patriarchate; at the same time, the observers have not

noticed that the parishes of Kiev Patriarchate are more crowded than the parishes of the UOC (even the opposite is often true). It is likely that the substantial, more than threefold difference in the number of priests is a testimony to the fact that the polls were recording answers of the people who are not regular parishioners of these churches. These issues will be further discussed in this article.

One more important feature of the pre-Maidan developments was the fact that, after the bitter conflicts in the late 1980s – early 1990s⁵, the inter-confessional relations in Ukraine entered into a more stable phase. They could hardly be called as truly friendly; however, the cases of open conflicts were rare and, as Nikolai Danilevich stated, in the last years of the life of Metropolitan Vladimir (Sabodan), who died in 2014, «we spoke about the dialogue and possible meetings», because «people were calm and the situation in the country was calm» [6]. This calmness and cooperation faded away after Maidan had changed the power in Ukraine and turned its development into a different direction.

The main changes: trends and developments

During the Maidan events, the UOC KP and UAOC, as well as Ukrainian Greek Catholic Church (UGCC), were showing their clear support to protesters, both in declarations and actions. For the UOC, the issue was much more delicate, since the faithful of this jurisdiction were on the both sides of the conflict – both among those who actively supported the protests, and among those who fiercely opposed the change of power in Ukraine and did not approve the growing nationalist

sentiments. However, since the protesters emerged as the winners, it is not surprising that for the UOC MP the post-Maidan authorities in Ukraine were creating less favourable circumstances for the development, compared to what had been before 2014. In my opinion, it makes sense to group our analysis along the following lines: the information campaigns/attitudes from mass-media, legislative trends and inter-jurisdictional relations.

The information campaigns

In principle, the Ukrainian mass-media has never been sympathetic towards the UOC, but this degree of antipathy varied. The first strong negativity against the Ukrainian Orthodox Church was revealed in the early 1990s, when the non-canonical churches as well as the Greek Catholics were actively forming their new structures in Ukraine. Indeed, as Metropolitan Antoniyy (Pakanich), chancellor of the UOC admitted, comparing the present-day situation with the events which occurred more than 25 years ago, «there was something similar in the 1990s: churches were captured, priests were thrown out, believers were persecuted». But the difference was also observed: even in the 1990s, which began the years of the post-Soviet ordeal for the UOC, «there was no such an amount of lies against the church, which we have observed now»⁶. As can be seen from the opi-

nion of Metropolitan Antoniyy, the information attacks against the UOC have climbed to unprecedented levels.

In fact, what has been happening in Ukraine since 2014 in relation to the UOC was the creation of what Croft described as the «other» or even «radical other» [3]. The UOC has always been a part of Ukrainian society, embracing people of different political and ideological views. Two Ukrainian presidents – Kuchma and Yanukovich supported UOC; while Kravchuk and Yushchenko were extending their support to the Kiev Patriarchate. However, the deliberate construction of an image of an enemy, as radicalized as it is portrayed today, has never occurred in the history of independent Ukraine. The accusations, made against the Ukrainian Orthodox Church, have been persistent, strong and radical, involving current relations between

⁴Особливості релігійного і церковно-релігійного самовизначення українських громадян: тенденції 2010–2018 рр. URL: http://razumkov.org.ua/uploads/article/2018_Religiya.pdf (дата звернення: 05.05.2020).

⁵There were conflicts in Western Ukraine between Orthodox and Greek Catholics, when the latter forcibly captured a number of Orthodox Churches, often with the help of local authorities. Also, the establishment of Kiev Patriarchate was marked by a number of conflicting events, involving representatives of UAOC and authorities.

⁶Митрополит Антоній: Агрессия сегодня действительно происходит. И ее очень много. В нас с вами. URL: <http://pravlife.org/content/mitropolit-antoniyy-agressiya-segodnya-deystvitelno-proishodit-i-ee-ochen-mnogo-v-nas-s-vam> (дата обращения: 06.05.2020).

Ukraine and Russia, the military conflict in the Donbas and the developments around Crimea. In fact, these accusations have been extremely political, with the use of language which can often be regarded as hate speech and with speculations which are not only hard to prove but are also hard to believe. The church is accused of being a fifth column in Ukraine, of acting in a manner not compatible with the interests of the state and Ukrainian people. It is depicted as a «Kremlin organization» that initiated (or contributed to the beginning of) the war in Ukraine, which aims to undermine Ukrainian sovereignty and acts against the independent Ukrainian state. The actions of the church are often interpreted in the worst possible manner; sometimes «facts» are simply invented, in order to prove the statements that would have looked implausible otherwise. According to Oleg Denisov, negative information about the UOC has been on the rise: since 2015 there were about 700 negative and intimidating publications in various mass-media⁷. Pavel Rudiakov is convinced that the information campaign against the UOC is a planned attack against the unity of Ukrainian Orthodoxy⁸. According to the «Public Advocacy» NGO, «dissent and disagreement with the pattern, imposed on society by radical and nationalist organizations, are

subject to persecutions»⁹. In this context, the reasoning of Archbishop Kliment Vecheria, head of the UOC information department, is quite understandable: «For the whole period of the existence of the Ukrainian Orthodox Church in the independent Ukraine, I could not remember the time when mass-media (especially those which are supported by the state) were loyal towards the UOC. In general, mass media have been focused on the creation of certain bad rep jackets and intrigues, thus raising their ratings on the confrontation. Therefore the UOC became a convenient victim, the object for manipulations. It happened in the past, but now it has gained a tougher character. I can say for sure that one of the central TV channels, such as “1+1” regularly publishes information about the church life and 99 percent of this information is false»¹⁰

In most cases, the lies remain unpunished; and even the apologies from those who distribute the hate and lies are rare. The constraining mechanisms that somehow worked before 2014, were largely abandoned after the «revolution of dignity», which paved the way for certain ideological clichés in relation to the Ukrainian Orthodox Church. This ideological justification is also conveniently used for more radical actions, such as the intimidation from authorities¹¹ and the spread of violence.

The legislative trends

It is likely that one of the reasons for the increasing information attacks against the UOC was the intention to create appropriate conditions for the changes in legislation, to constrain the activities of the church and to allow non-canonical groups to continue seizing of the church's property. In terms of the legislative trends, the post-Maidan developments were characterised by the attempts to promote three important legislative acts that concerned directly the rights and freedoms of the Ukrainian Orthodox Church. The first one was on the activities of religious organisations the centres of which are located within the «aggressor state» (the bill 4511). The second one (4128) was dealing with the jurisdictional transfers. The third bill (5309) required from religious organisations whose centres are within the «aggressor state» to include in their name the full title of the organisation/centre they belong to.

The bill 4511 was tabled in April 2016, but after several years of debates and discussions, it was eventually recalled in August 2019. The process of consideration of

this bill reflected the political goals of its supporters, directed against the Ukrainian Orthodox Church. It aimed at the constraining of the leadership of religious organisations, the centres of which are located in the Russian Federation, deemed by the Ukrainian Parliament – Verkhovna Rada – as the «aggressor state». The core of the bill was to ensure that the appointment of the leadership of such religious organisations is agreed with the authorities. Thus, the bill was undermining the basic principles of religious freedom, effectively subordinating religious organisations to the substantial control of the state. Certainly, it was directed in the first instance against the Ukrainian Orthodox Church of Moscow Patriarchate. UOC MP was accused of doing work against Ukraine and the interests of Ukraine. Oleg Medunitsa, member of parliament, one of the authors of this bill, expressed the following opinion: «Some church communities whose governing bodies are located in the country that is de-facto at war with Ukraine are engaged in subversive work and the agitation against Ukraine. They

⁷Юрист рассказал об аспектах информационной кампании против УПЦ. URL: <https://golos.ua/i/590663> (дата обращения: 07.05.2020).

⁸Против УПЦ ведется целенаправленная кампания с целью развала, – политолог. URL: <https://spzh.news/ru/news/52672-protiv-upc-s-celyju-razvala-vedetsya-celenapravlennoj-kampanija--politolog> (дата обращения: 07.05.2020).

⁹On violations of the rights of the Union of Orthodox Journalists (Ukraine) in relation to their professional activities. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/024/14/PDF/G1802414.pdf?OpenElement> (date of access: 02.05.2020).

¹⁰This quotation is from the author's interview with archbishop Kliment Vecheria, head of the Information Department of the Ukrainian Orthodox Church. The interview was conducted in Kiev, on 23 May, 2016.

¹¹Some intimidating statements against the UOC came from public officials. For instance, Zorian Shkiriak, an advisor to the Minister of Internal Affairs, called Metropolitan Pavel – a leading figure in the UOC, Abbot of Pecherskaya Lavra in Kiev, the «rat of Putin and Gundiaev» and «Moscow vampire» [7].

call this FSB operation, this Putin's operation against Ukraine as "fratricidal war"» [8].

One can see that the argumentation was in line with the constructing of «radical other»: the church communities that dared to express different viewpoint on what was happening in Ukraine were accused of «subversive work». In fact, in the Security Service of Ukraine (SBU) some accusations against Moscow Patriarchate were also articulated. In a statement, made in February 2018 by Viktor Kononenko, deputy chief of SBU, it was emphasised that the Russian special services act «with the purpose of destabilising our state from within and discrediting our state in the eyes of the world community». Kononenko specified that Russia wanted to create inter-religious conflicts in Ukraine and was planning to use the «available arsenal of religious and church-affiliated organisations»¹². He emphasised that these organisations are linked to the Moscow Patriarchate.

Regarding the second bill (4128) it was drafted mainly with a purpose to make easier interference into the life of the UOC parishes. Indeed, it was stipulated by this bill that people who amorphaously and unilaterally identify themselves with a particular community, would be allowed to vote at the meetings, making decisions for a community. Such a self-identification, had it happened, would have allowed to forcibly transfer a number of UOC parishes into Kiev Patriarchate or other jurisdictions. Indeed, in a number of villa-

ges / small towns of the Ukrainian western regions, local inhabitants (who may not even attend the Church) are hostile towards the Moscow Patriarchate; therefore they can easily vote in favour of the «transfer» of the UOC parish into a different jurisdiction. The very fact that these people are not formal members of the UOC parish and never attend its services will be disregarded, according to the bill's 4128 rulings. Finally, the bill 5309 is aimed at the changing of the UOC's name – the church would be required to drop the word «Ukrainian» and to register under the new name – «Russian Orthodox Church in Ukraine».

After the political necessity arose, bills 5309 and 4128 were passed through the parliament – in December 2018 and January 2019 respectively. However, their practical implementation is under question, especially in view of the fact that, after President Poroshenko lost elections, there is no comparable political power to promote such legislation. As of March 2020, the bill 5309 is disputed in the Constitutional Court of Ukraine. The bill 4128 is in force, but in a milder form, allowing only for the church (not the territorial) community to make a decision about the church jurisdictional belonging. However, there are reports mainly from the western regions of Ukraine that the decisions are taken not by the church, but by territorial communities, often involving people who are not regular church-goers and who at times belong to other, non-Orthodox denominations.

Inter-jurisdictional conflicts

The post-Maidan developments were characterised by the increasing numbers of inter-church tensions, somewhat returning the situation to what had been in Ukraine in the late 1980s – early 1990s. From 2014 to 2018 there were around 50 cases of illegal and violent seizures of the Ukrainian Orthodox Church's buildings [9]. In most cases, this occurred in western regions of Ukraine, where the local authorities have for long supported the non-canonical churches and the UGCC.

The conflict situations have often been inspired by the actions of non-canonical churches (or their followers and supporters), by the unwillingness of local authorities to take a fair stance and, at times, by the unwillingness to follow the court decisions. In some cases, representatives of non-canonical jurisdictions created obstacles for the services of the priests from the UOC. For example, some inhabitants of the village Kamenitsa (Duben district of Rovno region) did not allow the priest of the UOC to conduct memorial service at the local cemetery. His car was stopped on the road, with the threats that it would be pushed into the river. Somewhat paradoxically, the representatives of the Kiev Patriarchate, instead of providing adequate

explanation, simply called it a «planned provocation for the new picture in the Russian media». Most probably, these events resulted from the growing intolerance towards the canonical Orthodox Church, inspired by the media campaigns. The actions of non-canonical churches have been reinforced by the actions of Greek Catholics who also tried to capture buildings of the Ukrainian Orthodox Church. Such cases were recorded in the Ivano-Frankovsk region in western Ukraine¹³.

It is notable that in most cases the attempts to seize churches have been explained by political motives, by the attempts to manifest that everyone or everything somehow associated with the Moscow Patriarchate is alien to Ukraine and Ukrainian people. For instance, the refusal to call the events in Donbas a «Russian aggression» and the use of more neutral terms (such as civil war) can be used as a pre-text for accusing in «anti-Ukrainian behaviour». The political accusations have been articulated not only by the representatives of some nationalist organisations; even high-level representatives of non-canonical churches were at times making harsh political assessments. For example, Metropolitan Mikhail (Zinkevich) of Kiev Patriarchate¹⁴

¹²BBC Monitoring (23 February 2018). Moscow-controlled church said used to «destabilize Ukraine». Access from University of Warsaw Library Electronic Database.

¹³Доклад митрополита Киевского и всея Украины Онуфрия на Архиерейском соборе Русской православной церкви (29 ноября – 2 декабря 2017 года). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5074040.html> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁴Zinkevich is currently Metropolitan in OCU.

claimed that every candle bought in the Orthodox parish of Moscow Patriarchate is a «bullet into Ukrainian soldier»¹⁵. Certainly, such accusations as well as the attempts to make churches the tool for certain political actions have only escalated tensions, leaving the greater feeling of alienation and enmity. Unfortu-

nately, the attempts for reconciliation were few, if any; moreover, an active involvement of UOC KP and UAOC into the Poroshenko-led project of getting autocephaly for the Ukrainian Orthodoxy has further distanced the hierarchs and clergy (as well as the faithful) of canonical and non-canonical churches.

The autocephalic attempt

The year 2018 was also marked by the fierce attempts of Ukrainian authorities, led by the then President Petro Poroshenko, to get autocephaly for the Orthodox Church in Ukraine. In April 2018 Poroshenko sent his formal request to Istanbul, asking for the assistance of the Constantinople Patriarch Bartholomeos in this issue. Although Ukraine was widely regarded as a canonical territory of the Moscow Patriarchate, Constantinople decided to intervene, in spite of the protests from the UOC, which raised its voice against the Presidential-backed push towards autocephaly and unilateral interference from Istanbul in Ukrainian religious life [10].

Though, as a result of merger of the Kiev Patriarchate and UAOC, a new church structure – the Orthodox Church of Ukraine – was established in Kiev in December 2018 and was officially recognized as an independent (autocephalous) Orthodox Church by the Patriarchate of Constantinople in January 2019, its current status has remained unclear. Indeed, the OCU failed to get recognition from 12 (out of 15) Orthodox churches, that is absolutely necessary to enter into formal communion with the Orthodox world. Following the establishment of OCU, some radical nationalist groups threatened the UOC and attempted to seize some churches; and at times the local authorities were

involved in actions against UOC parishes¹⁶. According to the report, issued by the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, after the founding of the OCU some religious communities decided to join this new church; however, «in a few cases the transfers were not voluntary and were initiated by state or local authorities or even representatives of extreme right-wing groups, who were not members of those religious communities». It was emphasized in the report, that the Office of the High Commissioner for Human Rights «documented incidents that could be perceived as acts of intimidation against members of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate», including SBU's initiating of criminal investigation in several regions of Ukraine (against the UOC) and «searches in the premises of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate and places of residence of clergymen»¹⁷. In fact, even the representatives of four Orthodox Patriarchates, who assembled in Cyprus in April 2019, admitted, in the words of the OCU's Metropolitan Alexander (Drabinko) that the process of granting autocephaly was «a little bit conflicting». Arguably, this process brought neither reconciliation, nor unification for the Orthodox Ukrainians, deeply divided by conflicts and misunderstanding [11].

Impact for the churches

Although the Ukrainian Orthodox Church has often been the subject for various criticism and attacks, and was at times depicted as an «enemy» of Ukraine and Ukrainian statehood, the real outcome for the UOC after these five

years of intimidation was not as bad as one might expect. The latest available statistics (before the merger of KP and UAOC) demonstrate that the UOC continues to keep the leading role in the Ukrainian religious life (table 2).

Table 2

Religious statistics for Ukraine – Orthodox (as of January 2018)

Churches (jurisdictions)	Number of parishes (religious organizations)	Number of priests	Number of monasteries/monks and nuns
UOC ¹⁸ MP	12 069	12 283	251/4412
UOC KP	5167	3640	62/216
UAOC	1167	693	12/15

Note. Developed on the basis of: https://risu.org.ua/ua/index/resources/statistics/ukr_2018/70440/ (date of access: 04.05.2020); <http://news.church.ua/2017/12/27/zvit-keruyuchogo-spravami-ukrajinskoji-pravoslavnoji-cerkvi-za-2017-rik/> (date of access: 04.05.2020).

¹⁵Купленные свечи у Московского патриархата становятся патронами для убийства, – митрополит УПЦ КП. URL: https://24tv.ua/ru/kazhdaja_kuplennaja_svecha_u_moskovskogo_patriarhata_stanovitsja_patronami_dlja_ubijstva_n635143 (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁶Выгоняют священников, опечатывают храмы. Как после Томоса начали «отжимать» церкви УПЦ МП. URL: <https://strana.ua/news/181016-kak-otbirajut-khramy-upts-posle-tomosa-ob-avtokefalii.html> (дата обращения: 03.05.2020).

¹⁷Report on the human rights situation in Ukraine. 16 November 2018 to 15 February 2019. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16Nov2018-15Feb2019.pdf> (date of access: 04.05.2020).

¹⁸The data for the UOC MP is for the end of 2017.

Thus, the share of the parishes of the Ukrainian Orthodox Church continues to keep the substantial majority: slightly more than 66 % of all Orthodox parishes are in this church. As for the priests, the share of the priests in the canonical church is slightly more than 70 %. Monks and nuns maintain their undisputable loyalty to the UOC: only around 5 % of them chose to be in the Kiev Patriarchate or the UAOC, therefore it is pertinent to claim that the most devout Christians, the spiritual and intellectual elites of Orthodoxy have remained in the canonical church and refused to change sides. The statistics are very clear and reflect an overwhelming domination of the Ukrainian Orthodox Church¹⁹.

However, someone might be interested in the contradictory (on the surface) outcomes of some sociological polls, reflecting loyalties to different jurisdictions. Indeed, in 2018, according to the «Razumkov Centre» only 12.8 % of the respondents stated that they belong to the UOC; while 28.7 % of the respondents claimed their affiliation with the Kiev Patriarchate. Among those who regard themselves Orthodox, more than 42 % (42.6) belong to the Kiev Patriarchate, while the number of the faithful of the UOC is equal to 19.1 %. The data, derived from the sociological polls, is in sharp contradiction with the church statistics and, in fact, shows some substantial domination of the Kiev Patriarchate. However, it seems to me that this data cannot be taken as a representative one, for the following reasons.

First, those who participated in the polls included all Orthodox, irrespective of their degree of religiosity. Indeed, the number of Orthodox who attend church not that often – only for the religious feasts or even once a year – is more than 50 %. For these people, the jurisdictional differences are of no importance and, in fact, they often do not properly understand these differences. Therefore, their belonging to any Patriar-

chate might be a reflection of their cultural, political or ideological preferences, but not of their well-defined religious choice.

Second, if the followers of the Kiev Patriarchate have really dominated in such a substantial proportion, it would inevitably affect the number of parishes and priests. However, these numbers for the UOC, UOC KP and UOAC have remained relatively stable in the last few years, with only minor fluctuations. The very fact that the number of priests in the UOC is almost three times greater than in the Kiev Patriarchate is reflective of the fact that more people need priests from the UOC than from the Kiev Patriarchate. Otherwise, it would be senseless to ordain such number of priests, including for the reasons of financial constraints. Archimandrite Alipiy Svetlichny from Kiev has offered the following explanation of the above-mentioned contradictions: «We have to see if the people attend Church and what they understand under Kiev Patriarchate. I have encountered cases when people told me that their children were baptized in the Kiev Patriarchate. When I try to get more detailed information, it turns out that in fact they were baptized in the UOC. People are just not interested in this theme: they assume that if they live in Kiev then they are from the Kiev Patriarchate»²⁰.

Finally, one needs to note that some sociological services provide substantially different figures. For instance, «Ukrainian Sociology Service» in a poll, conducted in September 2016, identified that 39.4 % of the respondents belong to the UOC, while the belonging to the Kiev Patriarchate was declared by the 25.3 % of the respondents. It is worth noting that this poll included Crimea and the territories in Lugansk and Donetsk regions, not currently controlled by the Ukrainian government²¹.

Concluding remarks

The following observations can be made, regarding the role and position of Orthodox Churches in Ukraine after the Euromaidan Revolution. First, there are clear legislative trends to constrain the activities of the Orthodox Church of Moscow Patriarchate. One cannot claim that these were fully successful, but the Church was just one step from being put under the strict control of the state authorities, similar to the one that existed in the Communist regime. For a pluralistic democracy, to which Ukraine claims to belong to, this is out of normality, since an influential religious group is under the serious threat to be constrained in its rights.

Although some justify these actions by the «state of the war» with Russia, this justification appears to be thin. Indeed, Ukraine has never officially admitted that it is at war with Russian Federation – both countries keep diplomatic, economic and political ties. Second, one needs to realize that the equalizing of the Ukrainian Orthodox Church with the Russian state is misleading: the church is autonomous, governed by the Synod in Kiev and is in no way part of the Russian political or state system, nor the promulgator of the Russian foreign policy. Different attitudes towards Russia, its political system and its policies do co-exist among the faithful of the UOC²²,

¹⁹As of March 2020 there is no reliable statistics for the Orthodox Church of Ukraine. Metropolitan Epiphaniy (Dumenko), head of OCU, said that the Church has «around 7000 parishes».

²⁰This quotation is from the author's interview with archimandrite Alipiy Svetlichny, rector of the Sts. Peter and Paul Church in Kiev. The interview was conducted in Kiev, on 21 May 2016.

²¹Вопрос веры. Украинцы и религия – соцопрос. URL: <https://rian.com.ua/analytics/20161124/1018999887.html> (дата обращения: 05.05.2020).

²²For instance, metropolitan Augustin, chief chaplain of the UOC, said that he «blesses our army to defend our homeland». Archbishop Kliment (Vechera) stated that the UOC «has nothing to do with the “Russian World” concept» [12; 13].

but this is acceptable in a democratic society and should not be used as a pre-text for sanctions or punishment.

Third, the intimidation campaign, carried out against the Ukrainian Orthodox Church, further divides Ukrainian society, creating tensions and the emotional hatred towards the «radical other». As a result, some militant groups have attempted to capture the most important monastery of the church – Pecherskaya Lavra in Kiev. Since the UOC remains (and will remain) the most numerous church in Ukraine, it is clear that the continuation of the negative information campaigns will further destabilise Ukrainian society. It is very easy (and a bit naive) to attribute all possible divisions and destabilisations in Ukraine to the «interference of Russian agents» or «the hand of Moscow»; however, there is no evidence that Moscow backs the anti-UOC campaign in Ukraine. Therefore, the divisions remain the responsibility of the Ukrainian nationalists and those who follow their path either on the official or non-official levels.

In spite of all pressure and intimidation campaigns after 2014, the UOC is on the rise, with the increasing numbers of parishes and priests. The role of the newly-established Orthodox Church of Ukraine (which has largely replaced UAOC and Kiev Patriarchate²³), even in the circumstances of its support from the Ukrainian authorities, continues to be more political than religious, with the articulation of political and ideological criticism against the Russian and Ukrainian Orthodox churches. The Ukrainian Greek Catholic Church, despite its efforts, did not manage to infiltrate substantially in the central, southern and eastern regions of Ukraine, remaining the denomination of Western Ukrainians. In fact, the only church which unites Ukrainians from both the East and the West, the South and the North is the UOC; therefore, the attempts to make this church a part of the «radical other» might be catastrophic for the Ukrainian state and its further development.

Библиографические ссылки

1. Hovorun C. Churches in the Ukrainian public sphere. *Toronto Journal of Theology*. 2015;31(1):3–14. DOI: 10.3138/tjt.3110.
2. Jutila M. Securitization, history and identity: some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history. *Nationalities Papers*. 2015;43(6):927–943. DOI: 10.1080/00905992.2015.1065402.
3. Croft S. *Securitizing Islam: identity and the search for security*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 278 p.
4. Shekhovtsov A. By cross and sword: ‘clerical fascism’ in interwar Western Ukraine. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007;8(2):271–285. DOI: 10.1080/14690760701321171.
5. Buciora J. Ecclesiology and national identity in Orthodox Christianity. *Exchange*. 2001;30(4):328–343. DOI: 10.1163/157254301X00219.
6. Трегубова Я. Митрополит Онуфрій на Соборі РПЦ говорив, що ми проти сепаратизму в Україні – речник УПЦ (МП) [Интернет]. 2016 [прочитовано 2 травня 2020 р.]. Доступно по: <http://www.radiosvoboda.org/articleprintview/27733568.html>.
7. Коледа М. Шкиряк обозвал настоятеля Лавры «упырем» и «крысой», УПЦ требует объяснений [Интернет]. 2018 [процитировано 15 мая 2020 г.]. Доступно по: <http://anna-news.info/shkiyak-obozval-nastoyatelya-lavry-upyrem-i-krysoj-upts-trebuat-obyasnenij/>.
8. Святненко Д. В Украине со скандалом могут ограничить права УПЦ Московского патриархата [Интернет]. 2016 [процитировано 2 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-so-skandalom-mogut-ogranichit-prava-upc-moskovskogo-patriarhata-632714.html>.
9. Заквасин А, Лушникова А. «Насилие не пресечено властями»: к каким последствиям могут привести захваты православных храмов на Украине [Интернет]. 2018 [процитировано 3 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://russian.rt.com/ussr/article/559260-zahvat-hramov-upc-avtokefaliya>.
10. Mudrov S. The confrontation, intimidation and new divisions? A controversial path to the creation of the autocephalous Orthodox Church in Ukraine. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2019;18(54):62–78.
11. Mudrov S. The autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church: a new dividing line for Ukraine? *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2019;27(2–3):271–277. DOI: 10.1080/25739638.2019.1690752.
12. Ткачук С. Митрополит Августин (Маркевич): «Благословляю наше військо на захист Батьківщини» [Интернет]. 2014 [процитировано 15 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://bilatserkva.church.ua/2014/03/03/mitropolit-avgustin-markevich-blagoslovlyayu-nashe-vijsko-na-zaxist-batkivshhini/>.
13. Хоменко С, Шрамович В. Украинская православная церковь никакого отношения к «русскому миру» не имеет – архиепископ УПЦ [Интернет]. 2018 [процитировано 15 мая 2020 г.]. Доступно по: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-44067206>.

References

1. Hovorun C. Churches in the Ukrainian Public Sphere. *Toronto Journal of Theology*. 2015;31(1):3–14. DOI: 10.3138/tjt.3110.
2. Jutila M. Securitization, history and identity: some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history. *Nationalities Papers*. 2015;43(6):927–943. DOI: 10.1080/00905992.2015.1065402.
3. Croft S. *Securitizing Islam: identity and the search for security*. Cambridge: Cambridge University Press; 2012. 278 p.

²³Kiev Patriarchate continues to exist as a separate denomination, although majority of its clergy joined the OCU.

4. Shekhovtsov A. By cross and sword: 'clerical fascism' in interwar Western Ukraine. *Totalitarian Movements and Political Religions*. 2007;8(2):271–285. DOI: 10.1080/14690760701321171.
5. Buciora J. Ecclesiology and national identity in Orthodox Christianity. *Exchange*. 2001;30(4):328–343. DOI: 10.1163/157254301X00219.
6. Tregubova J. Metropolitan Onufriy at the ROC Council said that we are against separatism in Ukraine – the UOC (MP) press-secretary [Internet]. 2016 [cited 2020 May 5]. Available from: <http://www.radiosvoboda.org/articleprintview/27733568.html>.
7. Koleda M. Shkiryak called the Abbot of the Lavra «a ghoul» and «a rat», the UOC demands an explanation [Internet]. 2018 [cited 2020 May 15]. Available from: <http://anna-news.info/shkiryak-obozval-nastoyatelya-lavry-upyrem-i-krysoj-upts-tre-buet-obyasnenij/>.
8. Sviatnenko D. In Ukraine with a scandal the rights of the UOC of Moscow Patriarchate may be constrained [Internet]. 2016 [cited 2020 May 2]. Available from: <https://ru.tsn.ua/ukrayina/v-ukraine-so-skandalom-mogut-ogranichit-prava-upc-moskovskogo-patriarhata-632714.html>.
9. Zakvasin A, Lushnikova A. «Violence has not been prevented by authorities»: what can be the consequences of the capturing of Orthodox Churches in Ukraine [Internet]. 2018 [cited 2020 May 3]. Available from: <https://russian.rt.com/ussr/article/559260-zahvat-hramov-upc-avtokefaliya>.
10. Mudrov S. The confrontation, intimidation and new divisions? A controversial path to the creation of the autocephalous Orthodox Church in Ukraine. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. 2019;18(54):62–78.
11. Mudrov S. The autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church: a new dividing line for Ukraine? *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. 2019;27(2–3):271–277. DOI: 10.1080/25739638.2019.1690752.
12. Tkachuk S. Metropolitan Augustine (Markevich): «I Bless our army for the defense of the Motherland» [Internet]. 2014 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://bilatserkva.church.ua/2014/03/03/mitropolit-avgustin-markevich-blagoslovlyayu-nashe-vijsko-na-zaxist-batkivshhini/>.
13. Khomenko S, Shramovich V. The Ukrainian Orthodox Church has nothing to do with the «Russian world» – Archbishop of the UOC [Internet]. 2018 [cited 2020 May 15]. Available from: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-44067206>.

Received by editorial board 25.03.2020.

Тощенко Ж. Т. **Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)**. Москва : Весь мир, 2020. 352 с.

Toshchenko Zh. T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis). Moscow : Ves' mir, 2020. 352 p.

Книги известного российского ученого-социолога, члена-корреспондента Российской академии наук Жана Терентьевича Тощенко всегда вызывают повышенный интерес у читателей. Ему свойственен особый взгляд на мир, у него свое видение процессов, происходящих в современном обществе. Может быть, поэтому Жану Терентьевичу всегда удается найти неожиданный ракурс в жизни со-

временного социума, который позволяет, казалось бы, в хорошо изученной проблеме высветить новые, совершенно неожиданные грани. Его книги вызывают оживленную дискуссию у читателей, и, похоже, автор этому только рад. В своей монографии вместо заключения Жан Терентьевич включает материалы дискуссии круглого стола научного совета Отделения общественных наук РАН. Еще до выхода монографии в свет автор предоставил один из разделов для публикации в нашем журнале (2020, № 1, с. 4–12).

Сразу следует отметить, что Ж. Т. Тощенко в своей новой работе затрагивает самые острые проблемы современного общества, анализирует возникающие в процессе системной трансформации вызовы и риски, обобщает материалы многих исследований, профессионально диагности-

рует новые явления, делает серьезные выводы, высказывает рекомендации по выходу из состояния травмированности. Ж. Т. Тощенко рассматривает малоизученный феномен современной цивилизации – травму общества.

В книге показано, что понятие «травма» уже приобрело социальное звучание, оно осмысливается в научной литературе (Дж. Александер, П. Штомпка и др.) и находит отражение в политической лексике. Монография раскрывает сущностные характеристики общества травмы, причины его появления и следствия функционирования. Особое внимание уделяется России и постсоветским странам, отказавшимся от социалистического прошлого, но в большей части не достигших рубежей, с которых начинали свои реформы. В мозаике трансформаций почти невозможно различить как эволюционные, так и революционные тенденции. Автор дает анализ препятствий, стоящих на пути осуществления подлинно демократического, эффективно функционирующего общества, что, в свою очередь, позволяет ему определить пути выхода из состояния травмированного общества.

В книге Ж. Т. Тощенко рассматривает важную теоретико-методологическую проблему – возможности третьего модального развития. При анализе состояния и тенденций развития мира, государства, общества, как отмечает автор, обычно оперируют понятиями «эволюция» и «революция». Однако существует и специфический феномен «общество травмы», относящийся к странам, длительное время стагнирующим или деградирующим, находящимся в состоянии рецессии. Их существование объясняется тем, что в мире происходят события, которые невозможно определять и интерпретировать в понятиях «эволюция» и «революция», описывающих происходящие изменения существующих форм развития. По данным Всемирного банка, существуют более чем 50 стран нестабильного, неустойчивого и даже неопределенного вектора развития.

Как утверждает автор, все эти страны объединяет одно: кардинальные политические потрясения,

стагнация, упадок экономики, неопределенность будущего, что никак не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии. Анализ показывает, что имеется реальная опасность увеличения количества этих стран, так как успех в развитии не гарантируют ни так называемые демократические государства (среди них успешны только 52 %), ни страны с авторитарным режимом (среди них успешны 48 %).

Конечно, вызывает дискуссию авторская триада *эволюция – общество травмы – революция*. Ж. Т. Тощенко называет общие черты общества травмы: отсутствие ясной стратегии развития, экономическая неустойчивость, пассивное поведение общественных сил, переходы властных ресурсов в капитал и капитала во властные ресурсы, отстранение (добровольное или насильственное) большинства населения от участия в политической жизни, отсутствие государственной идеологии или национальной идеи, игнорирование национальных интересов или чрезмерная их абсолютизация, резкое увеличение социального неравенства, социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету, неуважение традиций и прошлого страны или, наоборот, архаизация этноконфессиональных установок и патриотических ориентаций. Все эти составляющие в каждой стране и в каждой конкретной ситуации проявляются своеобразно, неоднозначно, специфично.

В своей монографии Ж. Т. Тощенко подчеркивает, что сложившаяся ситуация требует научного поиска, создания новых концепций, выработки идей с последующей проверкой на практике, в экономической и социальной политике. Понимая всю сложность и многообразие процессов и событий в трансформирующемся социуме, автор использует понятие «травма» как специфический вариант пути между ранее осмысленными формами развития – эволюцией и революцией. Обоснование теории «общества травмы» предстает в монографии как рефлексия Ж. Т. Тощенко на становление новых сложных реалий XXI в., и эта метафора смотрится более емко по сравнению с метафорой «культурная травма». Следует отметить, что Ж. Т. Тощенко и ранее в своих фундаментальных работах как-то особенно критически относился к перипетиям современного общества, раскрывал такие понятия, как «социология жизни», «парадоксальный человек», «кентавр-проблема», «фантомы общества». Термин «травма» содержательно близок к понятию «социальная аномия».

В каком-то смысле каждое общество проходит свой путь преодоления травматического состояния в той или иной сфере жизнедеятельности. Предстоит еще серьезно осмыслить, является ли травма, наравне с эволюцией и революцией, рядоположенным процессом развития, т. е. переходом от одного состояния к другому (от старого к ново-

му). В рамках общества это можно рассматривать как необходимость переоценки ценностей и целей общественного развития, что не может происходить быстро.

Книга Ж. Т. Тощенко логически выстроена, состоит из введения, 4 разделов (в которые включены 13 глав), заключения, библиографии и именного указателя. В первом разделе «Теоретические основания исследования общества травмы» рассмотрено общество травмы как третья модальность развития, представлена эволюция идей (от представлений о прогрессе к обществу травмы), страны нестабильного развития и их характеристика. Автором предложена классификация обществ травмы, исследованы социально-экономические причины его возникновения, внутри- и внешнеполитические факторы их возникновения. Интересен авторский подход к определению и описанию родовых черт и признаков общества травмы, механизма его функционирования, специфических черт нестабильности и роли либеральной политики в формировании общества травмы в России.

Во втором разделе «Основные проявления травмы в российском обществе» автор подробно рассматривает зигзаги либеральной экономической политики и их роль в создании общества травмы, процесс трансформации форм отчуждения как деформации социальной жизни, социальные страхи, проблемы реформатизации политического пространства, ситуацию политической аномии, наступление идеологического безвременья, деформации духовно-нравственной жизни общества.

В третьем разделе «Социальный и человеческий капитал в обществе травмы» Ж. Тощенко анализирует ситуацию, складывающуюся в различных сферах общества травмы. Смело и объективно автор высказывает свою позицию об образовании и воспитании. Некоторым параграфам автор дает говорящие названия: «Общество не может быть более развитым, чем его образование», «Забыли о воспитании?» (глава 9). Далее – разговор о состоянии науки (глава 10). Здесь также наименования параграфов звучат емко и четко: «Наука: основа созидательных сил общества или неопределенность участия в решении стратегических проблем», «Что стоит на пути превращения науки в производительную силу?». Глава 11 «Здравоохранение: оптимизация или деформация» повествует о системе здравоохранения. «Процессы, происходящие в сфере здравоохранения, характеризуются преимущественно как деструктивные. К основным негативным последствиям реформирования российского здравоохранения следует отнести проблемы доступности и качества медицинской помощи, которые в первую очередь связывают с сокращением количества лечебных учреждений и обеспечением квалифицированными медицинскими кадрами.

<...> Но самое главное, на наш взгляд, требуется коренное изменение государственной политики в улучшении здоровья населения, в усилении медицинской помощи, ибо так называемая оптимизация здравоохранения только усилила травматическое состояние российского общества» (с. 268–269). С возникновением и распространением пандемии пришли и испытания, к которым не готова система здравоохранения. Следовательно, автор книги прав в своих оценках.

В четвертом разделе «Возможно ли будущее у нестабильных стран?» Ж. Т. Тощенко рассматривает социальные последствия в травмированном обществе, неопределенность как характеристику развития общества травмы, угрозу длительной деформации социально-экономических отношений, новые качества социального неравенства, рост конфликтогенности, потерю управляемости, отстраненность народа. И все же автор отвечает на поставленный в названии последней главы своей монографии вопрос: «Общество травмы вечно?». Ж. Тощенко предлагает изучить и учитывать опыт анализа политических действий в условиях нестабильного развития, научные и экспертные идеи в преодолении стагнации и рецессии.

Современная история знает примеры благополучного и эффективного выхода из травмированного состояния. Ж. Т. Тощенко отмечает, что успешно и, главное, в течение нескольких лет преодолели травму кризиса развития «капиталистические Сингапур, Малайзия, Южная Корея, и социалистические страны – Китай, Вьетнам. В сравнении с ними в обществах травмы эти задачи не решаются десятилетиями» (с. 331).

Выход автор видит в том, что общество травмы не может продолжаться бесконечно. Думается, во-первых, эта ситуация обязательно прервется или очередным революционным взрывом, или эволюционными переменами. Преодоление травмированности общества предполагает четкое и однозначное определение стратегической цели развития и средств ее достижения. Социологические исследования показывают, что народ желает «установления социальной справедливости, стабильного социального положения и устойчивого гарантированного будущего, а также понять, какое общество строится в России» (с. 303). Во-вторых, успешное развитие может быть достигнуто, если в этих преобразованиях активно участвует наука.

В-третьих, необходимо решение социальных вопросов (занятость, доступность социальных благ, социальная защищенность, бедность), которые могут благотворно влиять на решение как макроэкономических, так и общенациональных политических проблем. В-четвертых, травма общества только усугубляется, если (в нем) нет объективно влиятельных оппонирующих сил или они существенно ограничены в выражении своей позиции и не находятся в пределах жестких административных ограничений. В-пятых, победа над травмой общества заключается в преодолении несовершенства государственного управления. Итак, Ж. Т. Тощенко пишет, что «в определении выхода из травмированного состояния предстоит преодолеть отставание в сфере науки и технологий, системы управления, роли общества в решении актуальных проблем и повышении значимости и влияния образования...» (с. 312).

В заключении, формулируя основную мысль работы, Ж. Т. Тощенко приводит очень точные слова Питирима Сорокина: выход общества возможен из травмированного состояния, когда «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» (с. 312). Значительную, порой решающую роль в этих условиях должна сыграть политическая воля, поворот стратегии развития в русло реального создания социального государства...

Труды профессора Ж. Т. Тощенко всегда отличает использование в них большого количества источников. Этой традиции он остается верен и в новой своей монографии. Библиографический список, который размещен в конце книги, наполнен новыми изданиями.

Монография Ж. Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)», которая вышла в издательстве «Весь мир» при финансовом содействии Национального фонда развития банковской системы Российской Федерации, представляет большой интерес для ученых-обществоведов, преподавателей, аспирантов, студентов и магистрантов. Книга будет полезна всем, кто интересуется актуальными проблемами развития современного общества.

*А. Н. Данилов*¹

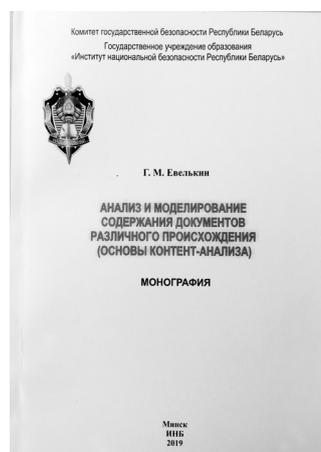
¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

Евелькин Г. М. Анализ и моделирование содержания документов различного происхождения (основы контент-анализа). Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2019. 299 с.

Evelkin G. M. Analysis and modeling of content of the various origins documents (basics of content analysis). Minsk : Inst. of National Secur. of the Repub. of Belarus, 2019. 299 p.

В рецензируемой монографии известного белорусского социолога доктора социологических наук, профессора Г. М. Евелькина рассматриваются теоретико-методологические и прикладные основы содержательного анализа документальных материалов различного происхождения. Таких работ в последнее время

издается не много, так как для их написания требуется, помимо серьезной теоретической подготовки, большой опыт практической работы. По существу, Георгий Михайлович открывает перед читателем свою научную лабораторию, делится опытом многолетней исследовательской и аналитической работы.

Профессор Г. М. Евелькин в своем исследовании решает следующие задачи: определяет истоки зарождения «анализа содержания» как инструмента познания; рассматривает наиболее важные проблемы, стадии, этапы и конкретные операции процессов анализа и моделирования содержания документальных материалов.

В монографии подробно характеризуются разновидности контент-аналитических исследований, возможности их применения в информационно-аналитической деятельности, психологических и социально-психологических исследованиях, изучении политических ситуаций и конфликтных противоборствах, а также в правоохранительной деятельности. Здесь очень важно подчеркнуть тот положительный эффект, который дает квалифицированное истолкование специфики развития, теоретического осмысления и трактовки компьютерной обработки информации с использованием информационных технологий контент-анализа как в отечественных, так и в зарубежных источниках, что, безусловно, актуализирует данный ракурс практико-ориентированных исследований в связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и активным выстраиванием в Республике Беларусь ИТ-общества.

Все это многообразие рассматриваемых в монографии тем разворачивается в контексте квалифицированного применения теоретико-методологических основ контент-анализа в его органической сопряженности с практикой прикладных исследований с использованием разнообразных процедур изучения и совершенствованием техники, его качественного улучшения с применением выстраивания и проверки гипотез, методов моделирования и операционализации употребляемых понятий.

Вполне обоснованно профессор Г. М. Евелькин в своей монографии рассматривает контент-анализ как многогранный исследовательский процесс, включая подготовку инструментальных материалов для проведения соответствующих процедурных действий, разработку программы изучения, определения эмпирических объектов исследований, моделирования содержательной наполненности и обстоятельного планирования, систематизацию и интерпретацию полученных данных, их типологизацию и представление заинтересованным лицам и учреждениям итоговых результатов исследований.

При этом автор останавливает свое внимание на раскрытии сущности и классификации текстовых материалов, а также на этапах и механизмах работы с неструктурированными и структурированными вторичными данными.

Большое внимание Георгий Михайлович уделяет процессу подготовки исследования: процедуре сбора, хранения и использования информации для ее последующего анализа. Полученный материал должен быть достоверным, своевременным, надежным и непротиворечивым.

Книга Г. М. Евелькина логически выстроена, ее содержание разворачивается последовательно, с выделением основополагающих компонентов содержания контент-аналитических методов и приемов, текст написан с соблюдением норм и правил научного стиля речи. Такое тщательно продуманное в интересах читателя учебное пособие будет легче усваиваться и запоминаться.

Монография разбита на три части.

Первая часть содержит как исторический экскурс в зарождение и становление контент-анализа, так и данные о направлениях применения анализа содержания в современной исследовательской практике, а также отражает новейшие тенденции использования компьютерных технологий в процессе анализа документальных материалов.

Вторая часть раскрывает теоретико-методологические основы контент-анализа и состоит из 3 разделов: «Рассмотрение документа как компонента социального действия и объекта познания»; «Анализ содержания как проблема познания и пути ее решения»; «Моделирование в процессе подготовки контент-анализа».

В *третьей части* контент-анализ представлен как исследовательский процесс, включающий в себя три стадии: подготовительную, эмпирическую и синтетическую.

Важным компонентом монографии является скрупулезно и содержательно выстроенный визуальный ряд, представленный рисунками, диаграммами, таблицами, схемами, что делает работу более понятной, превращая авторский текст в качественно выполненное пособие, предназначенное для научных сотрудников, преподавателей аналитических служб, студентов и магистрантов учреждений высшего образования.

Рецензируемая монография профессора Г. М. Евелькина представляет собой серьезный исследовательский труд, в котором взаимосвязаны анализ

и моделирование использования основных особенностей контент-анализа в социологической и социально-психологической деятельности как важного конструктивного и действенного метода, каковым он и является.

По своему содержанию, оформлению и качеству изложенного материала книга профессора Г. М. Евелькина может быть рекомендована для активного использования в исследовательской практике, а также для обучения специалистов – социологов и аналитиков – в системе подготовки кадров и при повышении квалификации сотрудников исследовательских и аналитических структур.

*Д. Г. Ротман*¹

¹Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Center for Sociological and Political Studies, Belarusian State University.

E-mail: dgrotman@rambler.ru

БЕЛАРУСЬ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ СОЦИОЛОГОВ
(размышления о книге Сергея Борисова и Юлии Юшковой-Борисовой
«Понять Беларусь: записки странствующих социологов»)¹

BELARUS THROUGH THE RUSSIAN SOCIOLOGISTS' VIEWS
(thinking over the book by Sergey Borisov and Julia Yushkova-Borisova
«To understand Belarus: the notices of wandering sociologists»)

Книга «Понять Беларусь: записки странствующих социологов» вполне оправданно и справедливо адресована прежде всего российским читателям. Дело в том, что еще во времена правления Б. Н. Ельцина и под его патронажем суверенная Беларусь получила возможность устанавливать торгово-экономические и культурные связи напрямую с субъектами Российской Федерации. Сегодня такие связи налажены почти со всеми регионами России – от Сахалина и Владивостока до Смоленска и Брянска. Процесс взаимного сотрудничества начинается с посещения Беларуси российским губернатором (или соответствующим руководителем), стоящим во главе солидной группы специалистов. Их принимает Президент Республики Беларусь во Дворце Независимости, где с участием представителей белорусской стороны проходит знакомство и обсуждение перспектив делового сотрудничества, которое обязательно должно быть взаимовыгодным, а не похожим на *zero-sum game* (игру с нулевой суммой). Далее гости по своему усмотрению посещают заводы и фабрики, сельхозпредприятия, научные и образовательные учреждения, строительные и транспортные организации, подыскивая то, что им нужно. В итоге эти «выборы» закрепляются соответствующими договорами, которые пролонгируются.

Существенным является и то, что по этим тропинкам со всех концов необъятной России двинулись в Беларусь простые люди: одни – за покупками, другие – ради отдыха и оздоровления, третьи – познакомиться с культурными достопримечательностями Несвижа, Мира и других мест, почтить памятники Великой Отечественной войны: Брестскую крепость, Тростенец, Хатынь и др. Всем таким путешественникам информация авторов рассматриваемой книги, их исторические экскурсии, рефлексии и ментальные зарисовки, оценки и рассуждения респондентов будут интересны и полезны.

Несомненно, авторское исследование привлечет внимание и литовских историков, будет полезно для более адекватных оценок роли белорус-

ского и литовского этносов в истории ВКЛ, ведь не случайно его называли Великим княжеством Литовским, Русским и Жемойтским. Прочитают книгу и в Польше (которую Ватикан *ab ovo* назначил на роль клина для дробления византийского православного христианства) с тягостной мыслью о том, почему же не удалось ни окатоличить, ни ополячить население «восточных кресов», ни насадить здесь, прежде всего на территории современной Беларуси, подчиненное Римской церкви униатство. Слишком стойкими в вере, укорененными в свою землю, в «кормящий ландшафт» (по Гумилеву), оказались живущие здесь люди. Очень хотелось бы, чтобы книга С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой помогла украинцам последовать примеру Беларуси, найти выход из мировоззренческого тупика, связанного с попыткой создания моноэтнуса и «лихорадкой этнократии», преодолеть экзистенциальный хаос и обрести единственно правильное, перспективное решение – путь восточнославянской интеграции.

Профессионалов в области социогуманитарных наук особенно привлекает методология и практика нового научного направления, названного авторами «социология странствия». Термин «странствие» известен издавна, он связан с историей мифического героя Троянской войны Одиссея, возвращавшегося на родину в Итаку со множеством приключений, или отцов-пилигримов, пуритан, сбежавших от преследования англиканской церкви в Голландию, а позже, в 1620 г., в Америку и заложивших основы нового государства – США, а также с именами многих путешественников, первопроходцев, открывателей новых земель, фанатичных миссионеров и многих других. Гуманитарное начало странствиям придали антропологи и этнографы Н. Н. Миклухо-Маклай, Б. Малиновский, Маргарет Мид и иные путешественники, которые изучали примитивные (архаичные) народы путем включенного наблюдения (вживания) и систематического анализа полученных данных. Социологов в их числе не было, за исключением, пожалуй, только Уильяма Уорнера, изучавшего жизненный уклад

¹Борисов С., Юшкова-Борисова Ю. Понять Беларусь: записки странствующих социологов. [Б. м.] : Изд. Решения, 2019. 214 с.

австралийских аборигенов. Итогом его трудов стала книга «Черная цивилизация», готовившаяся как докторская диссертация, которую, однако, он не защитил, поскольку был увлечен текущей работой. У. Уорнер являлся бакалавром, а с 1955 г. – магистром. Его исследование выполнено в духе социальной антропологии, которую он, правда, считал подразделом социологии.

Безусловно, многим белорусским социологам приходилось странствовать с научными целями, проводить исследования в других государствах, но задачи изучить историю, культуру, менталитет или национальные отношения в стране пребывания перед нами никто не ставил: ни заказчик, ни наш институт, ни мы сами. Вспоминаются, например, наши исследования еще советского времени (1988) в Туркменистане, в г. Кировабаде, на рыбоперерабатывающем комбинате, расположенном на берегу Каспийского моря (мы, как сейчас сказали бы, выиграли тендер). Впечатлений множество: от города среди песков (как мираж), от базара с горами арбузов и дынь, множеством других фруктов и ягод, от разнообразия морской продукции и т. д. Для белоруса очень непривычно видеть город почти без газонов, скверов, парков, зеленой травы и насаждений, а за городом – бескрайнюю пустыню; здесь нет леса, темнеющего на горизонте. Местный гид улыбается: «Вам надо было приехать ранней весной, когда пустыня – это сплошной цветной ковер, когда к нам приезжает множество гостей, особенно из Риги, которые любят цветы и заготавливают их здесь для своего бальзама». Я проводил интервью с капитанами всех 12 рыболовных судов, принадлежащих комбинату. Врезались в память слова капитана плавбазы по производству рыбной муки, туркмена по национальности. Он рассказывал о технологии лова: «Выходим ночью в море, опускаем на глубину шланги-трубы, включаем свет у их отверстий для приманки рыбы и начинаем насосами закачивать воду вместе с рыбой на палубу – вода стекает, рыба остается. Беда в том, что не придумана защита от попадания мальков. И если так ловить, то море может остаться со временем без рыбы». Но парадокс в том, что все наши внеученные наблюдения и впечатления не могли найти место в отчете.

Социология странствия позволяет исследователю избежать подобных парадоксов. Приведем слова Сергея Борисова, характеризующие данную ситуацию: «Наша социология странствия – это органичное сочетание различных способов научно-исследовательского познания с внеучеными формами постижения действительности. Это – активная разведка новых пространств, новой реальности путем вживания в нее, путем тестирования ее не только интеллектом и логикой, но и всеми органами чувств, эмоциями, непосредственным контактом, своими, образно говоря, боками. Это

полноценное и ненарочитое включение познаваемой реальности в собственный жизненный опыт. Иначе говоря, социология странствия – это то, что вырастает из твоей работы в часть твоей жизни» (с. 14). Автор выделяет следующие пять признаков социологии странствия:

1) единство субъекта исследования. Имеется в виду, что традиционное разделение труда (использование опросной сети и т. п.) здесь недопустимо. Все процедуры – от наблюдения, интервью до анализа и создания итогового продукта – должен выполнить сам исследователь. Помощники могут привлекаться только для вспомогательных технических работ. Видимо, то, что одна из глав книги написана Юлией Юшковой-Борисовой, не противоречит принципу моносубъектности. Субъект, как известно, может быть не только атомарным или сингулярным (единичным), но и сложным, составным, при условии сохранения его целостности и общей субъективности. Кстати, этот момент следовало бы отметить специально;

2) личное присутствие на исследовательском поле, минимизация заочного и дистанционного познания;

3) использование субъектом всех своих познавательных возможностей: опыта, навыков, эрудиции, интуиции, чувственного восприятия;

4) гибкое планирование, готовность скорректировать намеченные задания, оперативно реагировать на неожиданные изменения ситуации исследования;

5) снятие запрета на личное отношение к объекту исследования. Предполагается, что возможные субъективизм и предвзятость компенсируются дополнительным (углубленным) знанием.

Все это представляет несомненный интерес для практикующих социологов, позволяет задуматься о возможности и допустимости адаптации этих пяти признаков к прикладным эмпирико-социологическим (особенно маркетинговым) исследованиям, в немногих из которых излишен дух позитивизма.

В первой главе книги авторы коротко представляют себя. Оба они работают в экспертном центре «Мера» – негосударственном научно-исследовательском учреждении. Такая позиция может смутить некоторых белорусских читателей, учитывая, что отечественные негосударственные организации работают в большинстве своем на зарубежных (западных) заказчиков и финансируются ими. Соответственно, в такой ситуации возникает zaangażованность, вольное или невольное стремление понравиться тому, кто платит, независимо даже от мировоззрения или личных убеждений, просто ради заработка. Отсюда появляются и преимущественные установки на поиск и обыгрывание негатива, инфернальный отказ признавать и хотя бы упоминать современные достижения белорусского

суверенного государства и общества. Особенно это характерно для негосударственных СМИ и телеграм-каналов, которые и сегодня, во время пика респираторных заболеваний, твердят, что правительство скрывает информацию о распространении коронавируса, о числе заразившихся и погибших.

Однако внимательное прочтение текстов рецензируемой книги убедительно показывает, что сомнения и опасения такого рода относительно российских авторов совершенно неуместны. Во-первых, в России негосударственные организации и учреждения отличаются тем, что у них преобладает доля внутренних заказчиков. Так, С. Борисов отмечает: «Со второй половины 2000-х годов Экспертный центр “Мера” активно работал по социокультурной тематике в рамках исследовательско-консалтинговых проектов в регионах и городах России: Нижнем Новгороде, Перми, Ульяновске. Там, в частности, серьезно разрабатывалась тема комбинации субкультур в рамках региональных и муниципальных культурно-ментальных матриц (“регионалитетов”, по нашей терминологии)» (с. 13).

Во-вторых, в книге специально подчеркивается: «По мере роста тематической компетенции и человеческой включенности в исследуемую среду зреет желание спланировать и реализовать свой, *авторский проект*, не стесненный рамками целевого задания, сформулированного заказчиком. Применительно к страноведческой тематике это желание тем сильнее, чем больше открывается оснований убедиться: постсоветская реальность новообразованных государств различается больше, чем это можно было бы ожидать, принимая априори точку зрения, согласно которой “мы все вышли из одного состояния”» (с. 6). В исследовании Беларуси они полностью освободились от влияния заказчика (правда, не объясняется, каким образом удалось этого добиться).

В-третьих, исследователи строго соблюдают правила, изложенные в «Кодексе социолога», касающиеся историко-культурных экскурсов, живых ментальных наблюдений, отношений с респондентами, в частности запрет на оценивание или корректировку суждений, высказанных в интервью, и т. д.

Общее восприятие изучаемой страны и, соответственно, миссии социологии странствия содержится в следующих словах: «Беларусь любит держать паузу, умеет это делать виртуозно. В этом умении – одновременно – главная сила людей этой страны, но, возможно, и главное их уязвимое место. Белорусские паузы иногда утомляют своей затянутостью, но, может быть, дело в недостатке терпения у наблюдателя? Беларусь – страна-стайер, страна с “длинным дыханием”» (с. 4). Эта генерализованная установка многократно воспроизводится, кон-

кретизируется и усиливается. Например, замечая, что исследователю опасно останавливаться на сложившихся стереотипах об объекте изучения, авторы утверждают: «Продуктивней и перспективней исходить из того, что *в лице современной Беларуси мы имеем дело с оригинальным историческим феноменом*. Беларусь уже состоялась как суверенное государство: со своей особой исторической сценарностью, с самобытным общественным укладом, со сложившейся властно-политической моделью. Нужно уважать этот факт, и тогда появится шанс по-настоящему понять Беларусь» (с. 9). Характерен также комментарий авторов относительно предупреждений некоторых коллег (видимо, из оппозиционного лагеря) о возможном противодействии местных органов власти. Эти слухи оказались преувеличены, и авторы констатируют: «Нам в процессе работы ни разу не пришлось столкнуться с какими-либо искусственными препятствиями. Никакого противодействия – явного или скрытого – мы не ощущали. Все люди, которые могли чем-то нам помочь, помогали: советом, рекомендацией, участием» (с. 17).

Вторая глава, в которой Беларусь представлена «широкими мазками», начинается с краткой географической справки. Она вполне уместна, но, к сожалению, здесь допущена досадная ошибка, скорее описка: «При средней европейской плотности населения 31,9 км² на одного жителя, показатель Республики Беларусь – 46,1 км²» (с. 21). Плотность населения, как известно, определяется делением его численности на площадь, т. е. рассчитывается, сколько людей проживает в среднем на единице площади, в данном случае на 1 км². В Беларуси эта цифра составляет 46,1 человек на 1 км². Для сравнения: в Бельгии на 1 км² проживает примерно 340 человек, в Великобритании – 248, в Германии – 230, в России – 8,6, в Канаде – 3,2. Важно также учитывать, какая доля территории (суши) приходится на одного жителя: в Беларуси – 2,2 га, в Бельгии – около 0,30, в Великобритании – 0,38, в Германии – 0,41, в России – 12 га, в Канаде – более 30 га. Беларусь, по сравнению с многими западноевропейскими странами, является малонаселенной. Учитывая, что здесь нет труднодоступных или непригодных по природным условиям мест для жизни людей (даже болотистые местности на Полесье более-менее обжиты), становится ясным, что страна может и должна со временем увеличить численность своего населения в два раза и более.

Российские социологи действительно заметили в белорусской экзистенции (бытии) ряд чувствительных для нашего социума точек, аспектов, которые воспринимаются массовым сознанием и общественным мнением как актуальные вопросы, требующие обсуждения и поиска адекватных решений.

Первым из таких аспектов авторы называют историческую субъектность Беларуси. Они справедливо подчеркивают, что «история чаще пишется как история государств и гораздо реже как история стран» (с. 27), т. е. этносов, народов. Об этом также подробно, с примерами было написано нами в статье «Gens una sumus – мы все одна семья: социологический анализ этногенеза белорусов» (Журнал Белорусского государственного университета. Социология, 2019, № 4, с. 48–62). Понятно, что историческая субъектность смещает исследовательскую оптику, делает ее неблагоприятной для Беларуси. Нельзя не согласиться с авторами книги в том, что обоснование исторической субъектности Беларуси «представляется серьезной проблемой для белорусских интеллектуалов (и для всего социума. – С. Ш.). Их системные усилия сосредоточены сейчас главным образом на решении проблемы исторической легитимации нынешней государственности. На первый план помещена задача обосновать право населения современной Беларуси на суверенное государство и – шире – на историческую субъектность» (с. 27).

Если обозреть историю Беларуси, говоря метафорически, «от Всеслава Чародея до Александра Лукашенко», то выявится чрезвычайно сложный, тернистый путь, полный барьеров, извилин и чудовищных, мало кому выпадающих катаклизмов. Она то как будто пропадает, то вдруг восстает, как феникс, из пепла и, преодолевая все препятствия и невзгоды, устремляется вперед. Жизнь показывает, что сбывается пророчество великого поэта Максима Богдановича:

Беларусь, твой народ дачакаецца
Залацістага, яснага дня.
Паглядзі, як усход разгараецца,
Сколькі ў хмарках залётных агня.

Авторы справедливо отмечают: «Собственно, отчет самостоятельной белорусской государственности принято вести от Полоцкого княжества – государственного образования раннего Средневековья, располагавшегося на значительной части современной Беларуси в IX–XIII веках. При всех известных отличиях государственных образований того периода от современных образцов это – признанный исторический опыт самоорганизации местного населения» (с. 29). Сюда уместно добавить и характеристику Всеслава Чародея, данную М. В. Довнар-Запольским: «Он был умен, хитер, изворотлив, но в то же время жизнь его сложилась так, что он многое должен был перенести, перетерпеть. Своим умом, своим беспокойным предприимчивым характером этот князь остался надолго в памяти народа, рассказы эти, передававшиеся

в народе, попали в письменные памятники-летописи и “Слово о полку Игореве”².

Почему же тогда Полоцку не удалось сохранить княжество и превратить его в мощное централизованное белорусское (кривичское) православное государство? Этого не произошло по двум основным причинам. Первая – это длительные распри с Киевом по поводу новгородо-псковских земель. Киевские князья считали, что они, как Рюриковичи, имеют право владения ими по династическому наследованию. Полочане выдвигали свое этническое обоснование: эти земли были впервые освоены полоцкими кривичами. Этот аргумент и сегодня признается приоритетным в территориальных спорах, но киевские князья решили использовать силу. Дело дошло до грандиозной по тем временам битвы на Немиге (1067), так картинно описанной автором «Слова о полку Игореве», где Всеслав потерпел поражение. Но главная причина того, что Полоцкое княжество не стало централизованным государством, заключается во внутренних междоусобицах, связанных с обязательным делением земли между наследниками: братьями, сыновьями, внуками и т. д. Это порождало их автономизацию, провоцировало нескончаемые раздоры, враждебность. В отличие от многих западных государств, где уже существовал узаконенный механизм майората, т. е. наследования только одним – старшим родственником, восточные славяне долго еще придерживались древнего обычая «делить на всех». Междоусобицы помешали укрепиться не только Полоцкому государству – они же разрушили Киевскую Русь, не позволили великому князю Владимирскому объединить все силы, чтобы дать отпор татаро-монгольскому нашествию. Опасность междоусобных войн была вполне реальной в Московском государстве и спровоцировала борьбу с боярством и опричнину Ивана Грозного, жестокие меры Петра I против дворянских недорослей, отказывающихся учиться, старообрядцев, диссидентов и «посягающих на престол».

Существуют до сих пор не разрешенные серьезные противоречия относительно Великого княжества Литовского. «Главный соперник Беларуси в борьбе за наследие ВКЛ – это, безусловно, Литва», – справедливо утверждают авторы (с. 31). Воспользовавшись этимологической путаницей в самом названии и другими побочными обстоятельствами, литовцы просто присвоили себе право считаться прямыми и единственными преемниками ВКЛ, вытеснив белорусов из исторических вопросов не столько о первородстве (бог с ним!), сколько о реальном участии и роли белорусского этноса в истории этого государства. Обращаясь ко времени зарождения ВКЛ, полезно учесть ней-

² Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. С. 36.

тральное мнение английских историков: «К XIII в. н. э., под угрозой нападения тевтонских рыцарей и ливонских меченосцев Литва объединилась со своими соседями: частью Украины и Белоруссии, образовав Великое княжество Литовское»³.

На территории Литвы в те времена проживали разные племена: пруссы, литы, жмудь, литголлы, корась, ятвяги. Связывала их, видимо, некоторая близость, похожесть религиозных верований (язычество). Жили они родовым строем, и властное (организующее) начало существовало в форме потестаризма, т. е. по закону общего мнения и авторитета старейшин. Этих старейшин в немецких хрониках стали называть князьями. М. В. Довнар-Запольский, опираясь на летописи, пишет: «Ни торговлей, ни ремеслами литовцы не занимались и даже не имели поселений городского типа. Они жили в лесах, в бедных хижинах, занимались земледелием или бортничеством»⁴.

Понятно, что объединение с христианскими, далеко продвинувшимися народами, как бы оно ни произошло – вполне осознанно или полустихийно, – стало для литовских племен спасительным вариантом как от угрозы со стороны двух католических орденов, имевших поставленные Римской церковью миссионерские задачи (крестить язычников и осваивать их земли), так и для последующего цивилизационного движения. Целесообразно также признать, что летописное название государства звучит так: Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское. Жемойтское – для того, чтобы отметить вклад в создание и деятельность этого государства не только племени литов, но и жемойтов. Присутствие в названии прилагательного русское – это влияние западнорусизма, в рамках которого белорусский этнос рассматривается не как автономный, а как подвид единого русского народа. С точки зрения социологии стоит обратить внимание на любопытный парадокс, случившийся в жизни и научной биографии известного этнографа Е. Ф. Карского (1861–1931). Еще в царское время (1916) ему присвоили звание академика Петербургской академии наук, позже – звание действительного члена Инбелкульта (1922). Ефима Федоровича назначили председателем комиссии по организации Белорусского государственного университета, в обоснование потребности которого для Беларуси он внес значительный вклад. Родился Е. Ф. Карский в Гродно, в белорусской семье, и долгие годы был твердым приверженцем западнорусизма. Возможно, такая позиция была связана с опасениями доминирующего польского влияния – окатоличивания и ополячивания, что наблюдалось в то время в Гродно. Но однажды он решил подтвердить умозрительные положения западнорусизма эмпириче-

скими данными и приступил к глубоким полевым исследованиям белорусского этноса. Многолетняя работа завершилась изданием трехтомной монографии «Белорусы». В ней Е. Ф. Карский не только убедился сам (и признал свою ошибку), но научно доказал то, что было прямо противоположно исходной теории, точнее гипотезе. Он продемонстрировал, многократно проиллюстрировав примерами, что белорусы – ничья не ветвь или подвид, а самостоятельный, уникальный народ, близкий к русскому и украинскому, родственный им по общим генетическим корням, но отличающийся по всем трем этническим признакам, установленным русским этнологом С. М. Широкогоровым (1887–1939): 1) обладающий собственным культурным комплексом – обычаями, укладом жизни, ментальными диспозициями, хранимыми и освященными традициями как основой высших его ценностей, передаваемых новым поколениям; 2) признающий единство происхождения (смешение трех первоначальных племен – дреговичей, радимичей и кривичей – в единый этнос (народ)); 3) имеющий исходную общность языка.

Эти признаки у всех народов неизбежно трансформируются со временем, вслед за изменениями бытия, но в исторической памяти народов сохраняются (если не вербально, то в подсознании) в форме следов, архетипов. Это сущностно значимые переживания предков, способные реактуализироваться в экстремальных ситуациях.

Авторы рецензируемой книги очень четко подметили, а главное, на наш взгляд, правильно разъяснили те затруднения, которые возникают при экспликации белорусского этногенеза даже у самих белорусов, не говоря о сторонних наблюдателях. Приведем их суждение полностью: «Некоторое непонимание и разногласия на почве темы этногенеза местного населения и его идентификации происходят периодически из-за позднего появления этнонима “белорусы”. Мы исходим из того, что даже самое важное слово – это всего лишь слово. Специалисты-этнологи прекрасно знают, что многие современные нации обрели свои нынешние контуры, а часто – и свои нынешние имена – сравнительно недавно: сто, двести, триста лет назад. Так что отсутствие у этноса этнонима с глубокой историей, не менявшегося на протяжении веков, не компрометирует его, уж точно не ставит под сомнение его существование» (с. 24–25).

Наши этнонимы (этнические имена) – Беларусь, белорусскость, белорус – и их производные образованы от названия края – Белая Русь. Это сегодня сомнений не вызывает. Правда, существуют разные мнения относительно дешифровки обоих терминов: почему *Русь* и почему именно *Белая*? Наиболее

³Всемирная история: люди, события, даты / гл. ред. Н. Ярошенко. М. : Ридерз Дайджест, 2001. С. 352.

⁴Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2003. С. 14.

обоснованной исторически и логически представляется следующая позиция. Термин «Русь» этимологически связан с периодом освоения славянами земель, на которых (по Гумилеву) уже обитали племена россов (или руссов). С россами славяне сошлись мирно (места всем хватало) и постепенно их ассимилировали, но увековечили их имя в великом слове «Русь». После того как усилиями нескольких поколений Рюриковичей было создано новое государство, этот термин широко распространился, появились названия Киевская, Галицкая, Червонная, Великая, Малая, Черная и Белая Русь.

В Московском государстве Белой Русью стали называть земли, которые остались не покоренными татаро-монголами, – в основном северная и северо-восточная часть современной Беларуси. Эпитет *Белая* точнее других объяснил Довнар-Запольский, понимая его как «вольная», «свободная» (от принудительного обложения данью, податями). Некоторые видели в этом эпитете признак цвета – белизну. Т. С. Георгиева пишет: «Белой Русью тогда назывались места, где выпадало много снега»⁵. Очевидно, это не субстанциональная оценка, она напоминает «мягкую мочку уха», которая свойственна только человеку, но не может использоваться для дефиниции понятия «человек» в силу своей несущественности.

Термин «Белая Русь» нельзя отнести к автонимам (самоназваниям), он заимствован из зарубежных источников. На территории Беларуси каких-либо следов языка россов, кажется, не обнаружено. Но, возможно, был прав А. Дударев, включивший легенду о белых россах в свой одноименный фильм. Согласно ей такие люди были, а белыми их назвали за их личностные качества, достойные восхищения потомков. Термин «Белая Русь» закрепился в титуле московских государей: «Князь Великой, Белой и Малой Руси»; латинизированная его форма – *Russia Alba* – вошла во все европейские языки. С возникновением ВКЛ этот термин стал широко употребляться великими князьями для отличия титульного этноса от литовских племен, а также от поляков, ставших католиками. Загадкой остается вопрос о том, что помешало уже тогда конституировать эти термины, назвать страну Беларусь, а народ – белорусами, ведь в XIV в. население ВКЛ на 80 % состояло из этнических белорусов⁶. Было это обыденным равнодушием (*абыякавасць*) к тому, что кажется мелочами или лингвистическим ригоризмом, примитивным консерватизмом, нежеланием выделяться – об этом информации нет. Ясно только одно, что политических препятствий к такому творчеству не существовало, поскольку возникли названия «полешуки», «тутэйшыя», новый этноним «литвины». Это имя получило широкое распространение, вошло в книжный оборот и су-

ществовало даже после того, как Беларусь, белорусы были легитимированы.

Что касается собственно социологической деятельности, т. е. самой исследовательской работы, то, по словам авторов рассматриваемой книги, они использовали метод экспертного интервью. Данный метод широко применяется в социологической науке с разными целями: для зондажа, сравнения, проверки возможных альтернатив анкеты и т. п. Как проводился поиск и отбор экспертов, т. е. высокопрофессиональных компетентов по изучаемой проблематике, не объясняется. «Корпус респондентов нашего исследования составил из представителей основных гуманитарных сфер белорусского общества: науки, образования, литературы, искусства, медиа, религиозных конфессий. Всего было проинтервьюировано 44 респондента в Минске, Витебске, Полоцке, Бресте, Гродно, Несвиже» (с. 16).

Выбранные анонимные эксперты (некоторых из них можно узнать по «ключевым цитатам» из их интервью, опубликованным в книге) являются квалифицированными профессионалами и достойными людьми. Может показаться странным, почему в их составе не оказалось ни одного из известных белорусских социологов, почему не использовались материалы хотя бы публикаций в «Журнале Белорусского государственного университета. Социология» (до 2017 г. – «Социология»). В работе упомянута лишь Елена Гапова – белорусский филолог и социолог, отметившая «красноречивую трансформацию местного политического протеста: даже акции оппозиции стали время от времени проходить на русском языке, что было невозможно представить в 1990-е годы» (с. 58).

К сожалению, ссылки нет, и вообще какие-либо публикации в белорусских изданиях этого автора нам неизвестны. Это может быть связано со стереотипом о том, что белорусская социология есть один из административных ресурсов власти, т. е. она якобы всецело ангажированная. Эту inferнальную мысль упорно пропагандируют некоторые оппозиционные СМИ и интернет, полагая, что именно они независимы от государства и, следовательно, объективны. Однако это двойная нелепость: во-первых, негосударственные организации, исследовательские службы живут за счет средств зарубежных спонсоров и вынуждены выполнять все их установки и даже капризы. Во-вторых, современной белорусской власти не требуется ни лесть, ни социологическая апологетика, так как она по большому счету нуждается в подлинной картине социальной реальности, с выявлением настроений и ожиданий людей, степени их удовлетворенности жизнью, легитимированных населением тенденций развития и, конечно, «узких мест», мешающих

⁵Георгиева Т. С. Русская культура. История и современность. Москва : Юрайт М, 2000. С. 43.

⁶Ковкель И. И., Ярмусик Э. С. История Беларуси с древнейших времен до настоящего времени. Минск : Аверсев, 2000. С. 21.

общественному порядку, безопасности и стабильности. Социология в Беларуси, как и в любой стране, служит обществу, сохранению его целостности, своему народу и суверенному государству. В этом смысле она действительно положительно ангажированная, т. е. непродажная, наука. Думается, что невольный учет указанного стереотипа помешал российским «странствующим социологам» начать свое знакомство со страной с общения с коллегами – белорусскими социологами, что непременно сделал бы наш исследователь, окажись он с аналогичным заданием в любой точке России.

Один из экспертов произнес, на наш взгляд, сомнительные слова: «Самая большая определенность белорусов – это их неопределенность» (с. 88). Поясняется, что это высказывание принадлежит мужчине среднего возраста, который работает в сфере культуры, образования. Фраза выделена в тексте, что говорит о внимании к ней и согласии авторов с этими словами. Эксперт, видимо, не заметил, что создал новый оксюморон, соединив исключаящие друг друга противоположности – «определенная неопределенность», типа жареный лед, прямая кривизна и т. п.

В науке это недопустимо, но как поэтическая метафора широко используется – вспомним «Горячий снег» Ю. Бондарева. Неопределенность – это слово, заимствованное из повседневного разговорного языка и вошедшее в научный оборот. Такие слова Л. С. Выготский называл житейскими понятиями, поскольку это не собственно научные термины, а лишь вспомогательные конструкции как общие представления, понятные всем. В науке это слово часто используется как коррелят индетерминизма. Имеется в виду отрицание детерминизма, признающего каузальную обусловленность явлений и событий в природе и обществе. Индетерминизм утверждает их зависимость от случая, а следовательно, неопределенность. Применительно к человеку это течение абсолютизирует свободу воли, превращая ее в своеволие и произвол. Называя главной чертой белорусов неопределенность, эксперт, скорее всего, имеет в виду нерешительность, податливость влияниям, колебания в выборе, балансировку, амбивалентность (неоднозначность), избегание риска, консерватизм, сервиллизм, смирение, трусость и подобные качества, приписываемые народу некоторыми оппозиционными авторами, уязвленными тем, что народ не следует либеральным установкам, не поддерживает акции протеста, не борется с властью, не стремится разрушить государственный строй, дружит с Россией и не рвется в Европу. Ни о каком объективном анализе подобных атрибуций говорить не приходится. Для более глубокого понимания неопределенности

полезно обратиться к мыслям Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831). Рассматривая проблематику влечений, он отмечал, что у животных они предзаданы инстинктами: одни из них травоядные, другие – плотоядные, и замена пищи невозможна. «Человек же как нечто совершенно неопределенное стоит над влечениями и может определять и полагать их в качестве своих»⁷.

Чтобы преодолеть неопределенность, нужно усилием воли принять решение. «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля; бесхарактерный человек никогда не приходит к решению»⁸, т. е. остается в фазе неопределенности. Можно ли белорусов назвать бесхарактерными? Правда, смешной вопрос. В начале 1990-х гг. один из российских генералов в сердцах обронил: «Наша армия заметно ослабла после того, как ушли белорусы». Заметим, что он не пожалел ни о прибалтах, ни об украинцах, ни о солдатах из кавказских или среднеазиатских республик, а именно о белорусах. Это показательно. Василь Быков в одном из интервью говорил о солдатах-белорусах на войне: «Они не геройствовали, но, если белоруса посадили в окоп с приказом держаться до конца, он не покидал окоп, даже если на него шли танки». Эта дисциплинированность и ответственная исполнительность, видимо, в крови у белорусов.

В третьей главе, написанной Ю. Юшковой-Борисовой, выделен специальный подраздел «Национальный характер». Опрашивались те же 44 респондента, которым предлагалось назвать три самых характерных качества белорусов и оценить по шкале *присуще вполне – не присуще вовсе* парные оппозиции качеств. Было названо более 20 качеств, в их числе стойкость – основное белорусское качество. Его выделил и эксперт, отметивший «неопределенность» белорусов, что подтверждает метафоричность его высказывания. Многими было названо такое слово, как «помярковность» (так это слово пишется авторами), причем в позитивном и негативном ключе. Более того, чем выше статус респондентов, тем меньше оно им нравится. Здесь возможна лингвистическая аберрация (отклонение от смысла). На наш взгляд, помяркоўнасць – это общечеловеческая ценность, как и справедливость, альтруизм, совесть, эмпатия и др. Она свойственна всем народам, хотя у каждого имеет свое обозначение.

Гегель считал, что абсолютной свободой воли, т. е. полной неопределенностью, обладает только «мировой дух», у человека она должна быть ограничена разумом. «Обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы»⁹. Имен-

⁷ Гегель Г. В. Ф. Философия права. Москва : Мысль, 1990. С. 77.

⁸ Там же. С. 78–79.

⁹ Там же. С. 84.

но из таких любителей неограниченной свободы, детей из богатых семей, и вырастают чаще всего кадры «золотой молодежи»: мажоры, нонконформисты, диссиденты, декаденты или просто тунядцы. Е. Кончаловский недавно снял фильм «Луна» о мажоре, которого отец – большой чиновник – отправил на перевоспитание на северный остров под названием Луна. Режиссер, выросший в знаменитой семье Михалковых – Кончаловских, отмечает в интервью: «Они на совершеннолетие получают Range Rover. Это данность для них, поэтому смысл жизни потерян. Сначала родители дают блага, а потом удивляются: откуда такие дети»¹⁰.

Выделяются такие качества белорусов, как умение балансировать между различными факторами, скромность, способность манипулировать ситуацией, собой и собеседником (но, думается, не для обмана, а для «пристройки», согласованности), неконтактность (дистанционность), миролюбие (не пацифизм, а сдерживание своей воинственности, агрессии). Нельзя не согласиться со следующим наблюдением: «Порой нам требовался час и даже больше, чтобы наш собеседник оставил попытки понять, что мы хотим услышать, и начал говорить то, что он хочет сказать» (с. 155). Ситуация достаточно типичная, и чем острее тема, тем дольше осуществляется эта настройка на откровенность.

В связи с приписыванием белорусам неопределенности, хотелось бы отметить следующий момент. В многовековой истории народа крайне мало белорусов можно причислить к фанатикам, даже в религиозной жизни. В повседневности они, можно сказать, следовали примеру Галилео Галилея (1564–1642), чаще и не зная об этом. Как известно, великий ученый был в 1633 г. привлечен к суду инквизицией, которая приговорила его к отречению от гелиоцентризма, т. е. от признания того, что Земля вращается вокруг Солнца, с угрозой (при отказе) подвергнуть аутодафе (сожжению), как 33 года до этого «еретика» Дж. Бруно. Не терзаясь особыми сомнениями, Галилей зачитал подготовленный судом текст отречения и был отпущен с запретом заниматься астрономией. Он прожил еще 9 лет, и за это время создал основы динамики и учение о сопротивлении материалов (знаменитый сопромат). При этом ученый твердо и уверенно повторял про себя: «А все-таки она вертится». Так и белорусы в случаях крайней необходимости становились униатами, записывались в католики, говорили по-польски, но в душе свято хранили свои этнические корни, свою православную веру. Если это неопределенность, то только для стороннего наблюдателя. Для народа она, скорее, мимикрия – витальная адаптация к угрожающим обстоятельствам (как аутодафе для Галилея).

Прекрасный раздел в работе посвящен отношению белорусов к своей земле, кристаллизованному в таком качестве, как вера в землю. Сакральное отношение к земле, некоторое почти языческое почтение и возвеличивание ее, иррациональная вера в землю – все это трудно объяснить чисто прагматически. Оно более похоже на архетипы К. Юнга – коллективное бессознательное как следы от переживаний наших далеких предков, сохраняющиеся в исторической памяти народа в латентной, глубоко закодированной форме и актуализирующиеся в экстремальных ситуациях, таких, например, как чернобыльская катастрофа. Инстинктивная тяга к земле ярко проявилась на рубеже 1980–90-х гг., когда были сняты прежние надуманные опасения относительно того, что разрешение всем желающим иметь дачу усилит частнособственнические установки населения. Дачный бум привел к тому, что сегодня все города – от столицы и областных центров до небольших поселков – окружены дачными кооперативами. Многие горожане приобрели участки в неперспективных деревнях. Стандартный участок дачи равен 8–10 соткам, и застроены они вполне комфортными домами, вплоть до коттеджей в 2–3 этажа, многие с банями и гаражами. Будь такое во время Великой Отечественной войны, это могло бы использоваться как партизанская база, уничтожить которую очень непросто.

И никакой деформации общественного сознания, вредной для государства, нет и в помине. Наоборот, дачное строительство серьезно стимулировало производство материалов, окультуривание заброшенных земель – рассадников сорняков, способствовало улучшению экологии пригородной окружающей среды, а главное – позволило реализовать вечную мечту о единении с природой, связи с землей. Кто-то, возможно, вспомнит одну из пьес Андрея Макаенка, в которой крестьянин проклинает землю за то, что она прикрепила его к месту, поработила, заставила проливать пот в каждодневном тяжелом труде. Думается, что это только художественный прием, своего рода *argumentum ad hominem* – не объективное доказательство, а лишь представление, рассчитанное на чувства человека, который завидует крестьянину, ведь он и собственник, и хозяин, живет на природе, дышит чистым свежим воздухом, и ему не надо ходить в магазин за продуктами, потому что есть все свое и т. д. На самом деле для любого крестьянина земля – высшая ценность. Он глубоко радуется, наблюдая, как растет все, посеянное и посаженное им на земле, гордится и чувствует себя счастливым при сборе урожая... Говоря об отношении белорусов к своей земле, российский исследователь с оправданным

¹⁰ Кончаловский Е. А. Я тоже был мажором // Союз Беларусь – Россия. 2020. 27 февр. С. 4.

пафосом и силой справедливо подчеркивает: «Речь идет о территории, о пространстве, об их энергетике, о месте на планете, о части биосферы, говоря языком русских философов-космистов. И душа белоруса – часть ноосферы, которую он носит в себе, является производным этого пространства. Это сильная и неразрывная связь. Это дает белорусам особую растворенность в пространстве. Это дает им особую ментальную радость, которая, преодолевая барьер обыденного разума, становится сильной радостью тела, стоит только опустить руки в землю. Это сильная, энергетическая и непрерываемая связь. Особая связь. Она выше государственных границ. Она больше любви» (с. 137–138).

К сказанному о национальном характере белорусов следовало бы добавить терпение (терпеливость). Это качество является стержневым, центрирующим белорусский характер. Именно оно в большей степени, чем другие качества, выделенные В. В. Кириенко в портрете народа (гостеприимство, трудолюбие, доброжелательность, толерантность и др.), отличает белорусов. В нашей статье «Номо Ратиенс – человек терпеливый: социологический анализ», опубликованной в журнале «Социология» (2012, № 2, с. 108–122), раскрыто содержание данного феномена, показано его зарождение и приобретение им доминантного статуса в белорусском этносе. Отмечено, что к настоящему времени он фактически вытеснен из политического оборота и понятийного аппарата социогуманитарной науки. А между тем в истории мировой мысли – от Конфуция, Зенона (основателя стоицизма), Сенеки, Г. В. Ф. Гегеля, М. Шелера (родоначальника философской антропологии), В. Франкла (основателя логотерапии), С. Аверинцева и др. – терпению придавалось первостепенное значение. Так, М. Шелер (1874–1928) писал: «Человек должен научиться терпеть самого себя, в том числе и те склонности, которые он считает дурными и пагубными»¹¹. А. В. Михайлов утверждал: «А терпение настоящее – это когда удары бьющей по нам судьбы не

достигают цели и падают как в пустоту. Надо иметь крепкий запас знаний и мудрости, чтобы было так. Тот, кто всегда сам с собою, кто владеет собою и всем своим, того никуда не поволочишь, тот останется всегда сам собою. С тем ничего не поделает и сама судьба»¹². Вот такое терпение действительно свойственно белорусам, оно вырабатывалось многотрудной историей и непростыми природно-климатическими условиями.

Своей противоречивостью и перманентной острой дискусионностью среди модусов терпения как феномена особенно выделяется самоограничение. Приведем слова Нобелевского лауреата А. И. Солженицына, адресованные западному обществу, но приобретающие все большую актуальность и для наших стран, поскольку и у нас есть субъекты, демонстрирующие свое сверхпотребление и нежелание хоть как-то соблюдать нормы ограничения. «Нелегко будет такой поворот (к самоограничению. – С. III.) западной свободной экономики, это революционная ломка, полная перестройка всех представлений и целей... Стимул к самоограничению еще никогда не существовал в буржуазной экономике, но как легко и как давно он мог быть сформулирован из нравственных соображений. Исходные понятия частной собственности, частной экономической инициативы природны человеку и нужны для личной свободы и его нормально-го самочувствия, и благодетельны были бы для общества, если бы только носители их самоограничились, а не довели бы размером и напором своей собственности и корысти до социального зла, не пытались бы покупать власть, подчинять прессу. Именно в ответ на бесстыдство неограниченной наживы развился и весь социализм»¹³.

Книга С. Борисова и Ю. Юшковой-Борисовой достойна того, чтобы каждый человек, размышляющий о себе, своей семье и белорусском обществе, внимательно прочитал ее.

С. А. Шавель¹⁴

¹¹ Шелер М. Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии / сост. и посл. П. С. Гуревича ; под общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 75.

¹² Михайлов А. В. Итоги // Наш современник. 1990. № 12. С. 36.

¹³ Солженицын А. И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Новый мир. 1991. №5.

¹⁴ Сергей Александрович Шавель – доктор социологических наук, профессор; заведующий отделом социальной теории и методологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси.

Sergey A. Shavel, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of social theory and methodology, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Виктор Павлович
ШЕЙНОВ

Viktor Pavlovich
SHEINOV

3 мая 2020 г. исполнилось 80 лет известному ученому, социологу и психологу, кандидату физико-математических наук (1968), доктору социологических наук (2000), профессору (2003), академику Международной академии информационных технологий (2004) профессору кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы Виктору Павловичу Шейнову. Это не просто научные титулы и звания – за ними судьба человека, добившегося успеха вопреки всем трудностям. Он рано поверил в свою звезду и шел к победе уверенно и достойно.

Виктор Павлович родился в г. Ярославле (Россия). Окончил с отличием математическое отделение Московского государственного областного университета. Работал старшим преподавателем, затем заведующим кафедрой высшей математики Шуйского государственного педагогического института; доцентом, затем заведующим кафедрой теории функций, деканом математического факультета Красноярского государственного университета; доцентом кафедры высшей математики Белорусского политехнического институ-

та; профессором кафедры гуманитарных дисциплин Минского института управления. С 1999 г. по настоящее время В. П. Шейнов – профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы (РИВШ).

Виктору Павловичу есть чем гордиться. Профессор В. П. Шейнов является автором 350 научных работ, в том числе 21 монографии (6 из них изданы за рубежом на английском языке) и 40 книг научно-практической направленности. Его работы нарасхват, по ним учатся и учат, усваивают образцы поведения, выстраивают свою жизнь.

В своей докторской диссертации «Управление конфликтами в социальных группах и организациях» (2000) В. П. Шейнов обосновал разработанную им теорию перманентного системного управления конфликтами и реализующую ее технологию. Ввел в научный оборот конструкты «конфликтоген», «случайный конфликт», «неслучайный конфликт», формулы случайных и неслучайных конфликтов. Диссертацию Виктор Павлович защитил с оценкой «отлично». В серии «Мастера психологии» вышло

3-е издание его монографии «Управление конфликтами».

В монографии «Психологическое влияние» профессор теоретически обосновал и верифицировал общую модель психологического влияния (воздействия), раскрывающую сущность любого воздействия и его психологические механизмы, показал, что каждое из всех известных 14 видов влияний являются реализациями этой модели, и все важнейшие результаты, полученные для них, объясняются данной моделью. Монография «Психологическое влияние» выдержала 6 изданий в России и Беларуси, переведена на английский язык и вышла в 2 томах на английском языке в немецком академическом издательстве.

Профессор В. П. Шейнов показал распространенность и социальную опасность манипуляций, раскрыл их психологический механизм, предложил универсальную систему защиты от манипуляций и показал ее эффективность. Монография «Психология манипулирования» выдержала 4 издания. Виктор Шейнов разработал и ввел в научный оборот конструкт «скрытое управление», этот эффективный вид психологического воздействия он описал в книге «Скрытое управление человеком», которая выдержала 27 изданий.

Юбиляр разработал, доказал надежность и валидность и внедрил в исследования новые тестовые методики, такие как «Оценка степени незащищенности от манипуляций», тест ассертивности, «Методика оценки виктимизации взрослых». Они активно используются исследователями в России, Беларуси, Украине, Литве, Армении.

Общий тираж книг В. П. Шейнова насчитывает более 850 тыс. экземпляров. Издательства представляют юбиляра как одного из самых читаемых отечественных ученых.

В аудитории профессор В. П. Шейнов может все: его не устаешь слушать, он захватывает внимание с первой фразы и не отпускает слушателей до последней минуты. К сожалению, Виктор Павлович не так часто публикуется в нашем журнале, но все его работы вызывают повышенный интерес у читателей. Его отличает профессионализм и очень высокая требовательность к каждой своей публикации. В. П. Шейнов обладает авторской «изюминкой», невероятно притягивающей к себе слушателя, читателя. Энциклопедичность и междисциплинарность образования, необыкновенная любознательность, трудолюбие и, конечно же, талант исследователя заслуженно помогают привлечь к нему сторонников.

Свой юбилей Виктор Павлович встречает в хорошей физической и творческой форме. Даже не верится, что уже столько прожито. Он не говорит о здоровье – он ведет активный образ жизни. Сейчас В. П. Шейнов завершает свой труд «Методика оценки незащищенности индивида от интернета», на выходе новые статьи и книги, приглашения выступить на научных конференциях с пленарными докладами, провести мастер-классы...

Поздравляем Вас, дорогой Виктор Павлович, с юбилеем! Здоровья Вам, новых открытий и творческих свершений!

А. Н. Данилов

**Светлана Никифоровна
БУРОВА**

**Svetlana Nikiforovna
BUROVA**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Светлана Никифоровна Бурова 7 июня отметила свой юбилей. С. Н. Бурова – ведущий специалист в области социологии брака и семьи, лидер этого научного направления в нашей стране.

Светлана Никифоровна – ученый с мировым именем. По специальности она юрист, а по призванию – социолог. Судьбой для нее стал Белорусский государственный университет, где С. Н. Бурова работает уже более чем столетия. Сегодня она продолжает лучшие традиции белорусской научной школы социологии семьи, у истоков которой стояли такие известные ученые, как профессор С. З. Каценбоген, академик С. Я. Вольфсон, профессора Н. Г. Юркевич и С. Д. Лаптенюк.

Родилась Светлана Никифоровна в г. п. Россоны Витебской области. После окончания в 1971 г. юридического факультета БГУ работала в Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ в должности младшего научного, затем – старшего научного сотрудника, заведовала отделом проблем советской семьи. В 1979 г. вышла монография С. Н. Буровой «Социология и право о разводе». С 1991 г. по настоящее время является доцентом кафедры социологии БГУ. В 2008 г. ей было присвоено ученое звание доцента по специальности «социология».

В круг основных научных интересов Светланы Никифоровны входят социология брака и семьи, гендерная социология, методология прикладных социологических исследований. В 1991–1996 гг. С. Н. Бурова выступила одним из учредителей, исполнительным директором и научным руководителем некоторых исследовательских проектов социологической службы «Общественное мнение» (Минск). С 2000 г. – член Национального совета по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь. В 2010 г. была награждена знаком «Отличник образования Республики Беларусь».

С. Н. Бурова является автором более 200 научных работ: монографий, научных статей, учебных пособий, энциклопедических изданий, которые публикуются в Англии, Голландии, Китае, России, Турции и других странах.

Светлана Никифоровна пользуется большим и заслуженным авторитетом в кругу научной общественности страны, среди сотрудников университета, ее искренне любят и уважают коллеги и студенты. С. Н. Бурова – руководитель международных и национальных проектов, последовательный защитник прав женщин, семьи и детства.

Искренне поздравляем Вас, дорогая Светлана Никифоровна, с юбилеем. Желаем Вам здоровья, счастья, благополучия и радости творчества на долгие годы!

А. Н. Данилов

Александр Борисович МИСКЕВИЧ

Alexander Borisovich MISKEVICH

Известному белорусскому ученому-социологу, доктору социологических наук, профессору Александру Борисовичу Мискевичу 15 марта исполнилось 70 лет.

Родился А. Б. Мискевич в д. Логовище Дзержинского района Минской области. Спорт, образование и наука сыграли решающую роль в становлении характера Александра Борисовича – человека целеустремленного, настойчивого, требовательного к себе и своим коллегам.

Окончив Белорусский государственный институт физической культуры, Александр Борисович стал одним из первых в Беларуси социологов спорта, активно участвовал в исследованиях социологических центров при Минском ГК КПБ, ЦК КПБ, ЦК ЛКСМБ. Трудовая деятельность будущего ученого началась в 1972 г. с должности инструктора Белсовпрофа. Около 10 лет А. Б. Мискевич работал ведущим специалистом Министерства жилищно-коммунального хозяйства БССР. Эта практика и уникальный жизненный опыт очень пригодились Александру Борисовичу в его последующей научной работе. Легкий на подъем, общительный, нацеленный на результат, имеющий за плечами большой опыт работы с людьми в самых сложных ситуациях, он начал свою научную карьеру в Институте философии и права АН БССР, затем продолжил в Институте социологии АН БССР. После успешного окончания аспирантуры при кафедре философии БГУ в 1976 г. А. Б. Мискевич досрочно защитил кандидатскую диссертацию по философии, а в 1991 г. – докторскую диссертацию «Общественно-политическая активность различных социальных групп населения Беларуси».

В 1992 г. Александр Мискевич переходит работать в педагогическую сферу – заведует кафедрой

философии, социологии и экономики Международного государственного экологического университета имени А. Д. Сахарова, а с 2006 г. возглавляет кафедру гуманитарных наук Минского филиала Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ).

Профессор А. Б. Мискевич – признанный специалист в области социологии спорта, социологии управления, социальной экологии, социально-психологической реабилитации населения, пострадавшего от аварии на Чернобыльской АЭС. Он автор более 200 научных статей, 4 монографий. Александр Борисович неоднократно признавался лучшим преподавателем года в Международном государственном экологическом университете имени А. Д. Сахарова. Много времени профессор А. Б. Мискевич посвятил подготовке научных кадров высшей квалификации: успешно работал заместителем председателя экспертного совета ВАК Республики Беларусь по социологическим и политическим наукам, входил в состав ученого совета по защите диссертаций Института социологии НАН Беларуси.

Александр Борисович и сегодня находится в прекрасной спортивной форме. Как и прежде, он много и напряженно работает: не расстается с научной и преподавательской деятельностью, много времени уделяет работе с молодыми учеными.

Белорусские социологи, друзья, коллеги, ученики от всей души поздравляют Вас, дорогой Александр Борисович, с юбилеем и желают Вам здоровья, счастья, благополучия и новых творческих успехов!

А. Н. Данилов

Валентина Александровна
СИМХОВИЧ

Valentina Aleksandrovna
SIMKHOVICH

Известный белорусский социолог и лингвист, заслуженный работник образования Республики Беларусь (2018), доктор социологических наук, профессор Валентина Александровна Симхович 22 марта отметила свой юбилей.

Родилась В. А. Симхович в г. п. Глуске Могилёвской области. После окончания Минского государственного педагогического института иностранных языков (1977) начала свою трудовую деятельность как учитель английского и немецкого языков в Дубровской средней школе Крупского района Минской области. С 1978 г. работает в Белорусском государственном экономическом университете (БГЭУ). В 1986 г. Валентина Александровна защитила кандидатскую диссертацию по филологическим наукам. С 2001 по 2003 г. обучалась в докторантуре при кафедре социологии БГУ. В 2003 г. защитила докторскую диссертацию «Феномен корпоративного человека в японской системе управления: социологический анализ», в 2005 г. ей было присвоено ученое звание профессора по специальности «социология». С 2003 по 2016 г. В. А. Симхович занимала должность декана факультета менеджмента БГЭУ. В настоящее время – профессор кафедры экономической социологии Института социально-гуманитарного образования БГЭУ.

Профессор В. А. Симхович является автором учебников по грамматике английского языка, изданных под грифом Министерства образования Республики Беларусь, а также учебных пособий по социологии и прикладной социологии. Многопрофильная квалификация позволяет Валентине Александровне преподавать учебные дисциплины социологического профиля на русском и английском языках. Также В. А. Симхович представляла

Республику Беларусь в Консультативной группе AG4 по ревизии приложения к диплому, входящей в состав Наблюдательной группы Болонского процесса (2016–2017), возглавляла рабочую группу БГЭУ проекта Международной технической помощи программы ERASMUS+ «Содействие продвижению компетентностного подхода в белорусском высшем образовании» (2016–2020).

Профессор В. А. Симхович ведет большую научно-исследовательскую работу. Список научных трудов включает свыше 200 публикаций, в том числе 5 монографий, изданных в Беларуси, Польше и Японии. Валентина Александровна активно участвовала в системе аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации в составе экспертного совета ВАК Республики Беларусь по социологии и политологии (2004–2016), сейчас продолжает эту работу в составе совета по защите докторских диссертаций при БГУ. Является членом редакционных коллегий трех научно-теоретических журналов. Избиралась делегатом I и II съездов ученых Беларуси.

Профессор В. А. Симхович всегда на острие проблем образования, ее отличает взвешенный и ответственный подход к изменениям, которые проходят в этой важнейшей сфере нашего общества. Редколлегия «Журнала Белорусского государственного университета. Социология» благодарна Валентине Александровне за помощь в подготовке нашего издания.

Научная общественность, социологи, друзья, коллеги, ученики поздравляют Вас, дорогая Валентина Александровна, с прекрасным юбилеем и желают Вам здоровья, счастья и благополучия!

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 316.48(075.8)

Теоретическая и прикладная конфликтология [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 80 03 «Психология», 1-23 81 04 «Социальная психология». Степень «Магистр психологии» / БГУ ; сост. К. В. Стволыгин. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2019. 81 с. : табл. Библиогр.: с. 78–79. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241475>. Загл. с экрана. Деп. 19.03.2020. № 002519032020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальностей 1-23 80 03 «Психология», 1-23 81 04 «Социальная психология». Степень «Магистр психологии». Содержание ЭУМК предполагает изучение следующих вопросов: введение в проблематику конфликтологии, методологические основы и методы исследования конфликтов, внутриличностные конфликты, конфликт как социальный феномен, основы предупреждения конфликтов, практика разрешения конфликтов. ЭУМК включает тематику семинарских занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 316.334.23(075.8)

Филинская Л. В. Социология предпринимательства [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 05 «Социология» / Л. В. Филинская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2020. 106 с. Библиогр.: с. 103–105. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/241971>. Загл. с экрана. Деп. 21.04.2020, №004221042020.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) подготовлен в соответствии с требованиями образовательного стандарта специальности «Социология», учебной программой по дисциплине «Социология предпринимательства» в целях учебно-методического обеспечения студентов специальности 1-23 01 05 «Социология». ЭУМК предназначен для студентов учреждений высшего образования, обучающихся по социологическим специальностям очной и заочной формы получения первого высшего образования.

ЭУМК содержит текст лекций, контрольные вопросы по темам, темы семинарских занятий, примерную тематику выступлений и рефератов, перечень контрольных мероприятий, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Витязь П. А., Щербин В. К.</i> Институциональное развитие Международной ассоциации академий наук: от научных советов к международным научно-технологическим консорциумам	4
<i>Данилов А. Н.</i> Потенциал культуры и механизм формирования нового идеала прогресса	20
<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> От понятия к концепту креативного общества.....	25
<i>Левко А. И.</i> Теоретическая и практико-ориентированная социология: ее виртуальные и реальные основания	38

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Актуально ли сегодня наследие Макса Вебера? (К 100-летию со дня его смерти) ..	54
<i>Смирнов В. Э.</i> Бюрократия и бюрократизация как социальное явление	61
<i>Шамякина Т. И.</i> Судьба и творчество писателей военного призыва	72
<i>Мысливец Н. Л.</i> О некоторых особенностях формирования исторической памяти новых поколений	82

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

<i>Коршунов Г. П.</i> Пандемия и цифровизация: опыт социологического анамнеза	88
<i>Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В.</i> Институты на перепутье: созидательное разрушение или разрушительное созидание?	92

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> Меж тем к югу от Луары: южнофранцузский рыцарский идеал и формирование <i>cortezia</i>	100
---	-----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Безнюк Д. К.</i> Кризис веры или вера кризиса	124
<i>Цулелер П. М.</i> Западная Европа: к вопросу о секуляризации	129
<i>Мудров С. А.</i> Православные церкви в Украине до и после Евромайдановской революции	133

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Данилов А. Н.</i> Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)	142
<i>Ротман Д. Г.</i> Евелькин Г. М. Анализ и моделирование содержания документов различного происхождения (основы контент-анализа)	145
<i>Шавель С. А.</i> Беларусь глазами российских социологов (размышления о книге Сергея Борисова и Юлии Юшковой-Борисовой «Понять Беларусь: записки странствующих социологов»)	147

ЮБИЛЕИ

Виктор Павлович Шейнов	156
Светлана Никифоровна Бурова	158
Александр Борисович Мискевич	159
Валентина Александровна Симхович	160
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	161

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Vityaz P. A., Shcherbin V. K.</i> The institutional development of International Association of Academies of Sciences: from scientific councils to international scientific-technological consortia.....	4
<i>Danilov A. N.</i> Culture potential and mechanism for forming a new progress ideal.....	20
<i>Matsevich-Dukhan I. Ja.</i> From the notion to the concept of creative society.....	25
<i>Levko A. I.</i> Theoretical and practice-oriented sociology, its virtual and real grounds.....	38

ARTICLES AND REPORTS

<i>Titarenko L. G.</i> Is the legacy of Max Weber relevant today? (On the centenary of his death)	54
<i>Smirnov V. E.</i> Bureaucracy and bureaucratization as a social phenomenon.....	61
<i>Shamyakina T. I.</i> Destiny and creativity of military draft writers	72
<i>Myslivets N. L.</i> On some formation features of the historical memory of the new generations	82

REFLECTIONS ON A GIVEN THEME

<i>Korshunov G. P.</i> Pandemic and digitalization: experience of a sociological anamnesis.....	88
<i>Birzhenyuk G. M., Efimova T. V.</i> Institutions at a crossroad: creative destruction or destructive creation?	92

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> Meanwhile, to South of the Loire: Southern French chivalrous ideal and the formation of courtesy	100
---	-----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Bezniuk D. K.</i> Crisis of faith or faith of crisis	124
<i>Zulehner P. M.</i> Western Europe: secularisation light.....	129
<i>Mudrov S. A.</i> Orthodox churches in Ukraine before and after the Euromaidan revolution	133

CRITICS, BIBLIOGRAPHY

<i>Danilov A. N.</i> Toshchenko Zh. T. Society of trauma: between evolution and revolution (experience of theoretical and applied analysis).....	142
<i>Rotman D. G.</i> Evelkin G. M. Analysis and modeling of content of the various origins documents (basics of content analysis).....	145
<i>Shavel S. A.</i> Belarus through the russian sociologists' views (thinking over the book by Sergey Borisov and Julia Yushkova-Borisova «To understand Belarus: the notices of wandering sociologists»)	147

JUBILEES

Viktor Pavlovich Sheinov	156
Svetlana Nikiforovna Burova	158
Alexander Borisovich Miskevich.....	159
Valentina Aleksandrovna Simkhovich	160
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	161

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 2. 2020**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы *А. В. Агеева, С. Е. Богуш,*
А. С. Люкевич, И. Л. Шевлякова-Барзенко
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *К. Б. Скакун*

Подписано в печать 29.06.2020.
Тираж 135 экз. Заказ 222.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2020

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 2. 2020**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors *A. V. Aheyeva, S. J. Bohush,*
A. S. Lyukevich, I. L. Shauliakova-Barzenka
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreader *K. B. Skakun*

Signed print 29.06.2020.
Edition 135 copies. Order number 222.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2020